Родная Ладога

№ 2(28)' 2014

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

**Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом**
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

**Руководитель
редакционно-издательского отдела**
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

**Издается ежеквартально
при участии:**

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

**Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России**

**Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга**

ЗАО «Утро»

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Попов Г. А.*** (Орел); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — советник заместителя председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — помощник председателя постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (Иркутск) – сопредседатель СП России, лауреат премии Президента РФ в области литературы и искусства.

Княгиня *ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна* (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕХИ

Обращение Президента Российской Федерации. 18 марта 2014 года Москва, Кремль. *Владимир Путин выступил в Кремле перед депутатами Государственной Думы, членами Совета Федерации, руководителями регионов России и представителями гражданского общества*..... 5

ЛЕСТВИЦА

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). ...И «тогда воздвигается Сергий». *К 700-летию великого святого земли Русской Сергия Радонежского*..... 16
Юрий Лощиц. На полях жития. *К 700-летию преподобного Сергия Радонежского*..... 35

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Валерий Ганичев. Пророк и вождь. *К 700-летию преподобного Сергия Радонежского*..... 32

Царский ПУТЬ

Ольга Куликовская-Романова. «Чудный Саров». *Доклад на XXII Международных Образовательных Рождественских чтениях*..... 45

Родная РЕЧЬ

Алла Новикова-Строганова. «Святись, святись, Великий день». *Праздник Пасхи как духовно-эстетическое начало русской пасхальной словесности*..... 49

ПОЭЗИЯ

Михаил Ножкин..... 56
Николай Зиновьев..... 59
Борис Бурмистров..... 82
Нина Ягодинцева..... 85
Юрий Баранов..... 119
Светлана Супрунова..... 122
Сергей Бударин..... 197
Борис Лукин..... 200
Татьяна Маругова..... 221
Константин Воронов..... 224

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Александр Казин. Идеология для России..... 62
Николай Бурляев. Высокая культура — будущее России..... 78

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

Всеволод Троицкий. Воспитание молодежи в условиях тоталитарного воздействия неконтролируемой информационной среды..... 66

Дороги войны

Павел Назаров. Акимовка 89
Альберт Измайлов. Большая земля 115

Национальная безопасность

Алексей Есипов. Высшая степень отличия или Особый фронт Виктора Лягина .. 93
Леонид Ивашов. Арктика — новые вызовы России 125
Виктор Пархимович. Образование и гражданская авиация 137

Моя Смоленка

Алексей Подцероб. Воспоминания легионера. *Рассказ* 132

На рубеже цивилизаций

Борис Ключников. Континентальный проект Большой Европы 154

История и современность

Иржи Опршал. Событие, устремленное в будущее. *70 лет со дня подписания советско-чехословацкого Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве* 177

Точка зрения

Вардан Багдасарян. Методология школьного учебника истории: опыт экспериментального подхода Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования 180

Проза

Александр Корольков. Чистый четверг. *Рассказ* 208
Дмитрий Рогозин. Борис Николаевич 227
Сергей Куняев. «Ты Рассея, Рассея-теща...». *Глава из новой книги* 267
Иван Чуркин. Война. *Рассказы* 293

Наследие

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы 203

Русские судьбы

Никита Шевцов. Елена Наумова. Загадка писем Анны Вырубовой 235

Пути познания

Григорий Калюжный. Завещание Ломоносова 240

Критика, литературоведение

Алексей Кондратенко. Павел Россиев — очарованный странник 249

Петербургский писатель

Валентина Ефимовская. Закон сохранения любви. *К 25-летию вывода советских войск из Афганистана* 259

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

18 марта 2014 года
Москва, Кремль

*Владимир Путин выступил в Кремле перед депутатами Государственной Думы, членами Совета Федерации, руководителями регионов России и представителями гражданского общества**

* Информация с сайта www.kremlin.ru

Добрый день, уважаемые члены Совета Федерации, уважаемые депутаты Государственной Думы! Уважаемые представители Республики Крым и Севастополя — они здесь, среди нас, граждане России, жители Крыма и Севастополя!

Уважаемые друзья, сегодня мы собрались по вопросу, который имеет жизненно важное значение, историческое значение для всех нас. 16 марта в Крыму состоялся референдум, он прошел в полном соответствии с демократическими процедурами и международно-правовыми нормами.

В голосовании приняло участие более 82 процентов избирателей. Более 96 процентов высказалось за воссоединение с Россией. Цифры предельно убедительные.

Чтобы понять, почему был сделан именно такой выбор, достаточно знать историю Крыма, знать, что значила и значит Россия для Крыма и Крым для России.

В Крыму буквально все пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг — обращение к Православию — предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии. В Крыму — могилы русских солдат, мужеством которых Крым в 1783 году был взят под Российскую Державу. Крым — это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и Родина русского черноморского военного флота. Крым — это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. Каждое из этих мест

свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести.

Крым — это и уникальный сплав культур и традиций разных народов. И этим он так похож на большую Россию, где в течение веков не исчез, не растворился ни один этнос. Русские и украинцы, крымские татары и представители других народов жили и трудились рядом на крымской земле, сохраняя свою самобытность, традиции, язык и веру.

Кстати, сегодня из 2 миллионов 200 тысяч жителей Крымского полуострова — почти полтора миллиона русских, 350 тысяч украинцев, которые преимущественно считают русский язык своим родным языком, и порядка 290–300 тысяч крымских татар, значительная часть которых, как показал референдум, также ориентируются на Россию.

Да, был период, когда к крымским татарам, так же как и к некоторым другим народам СССР, была проявлена жестокая несправедливость. Скажу одно: от репрессий тогда пострадали многие миллионы людей разных национальностей, и прежде всего, конечно, русских людей. Крымские татары вернулись на свою землю. Считаю, что должны быть приняты все необходимые политические, законодательные решения, которые завершат процесс реабилитации крымско-татарского народа, решения, которые восстановят их права, доброе имя в полном объеме.

Мы с уважением относимся к представителям всех национальностей, проживающих в Крыму. Это их общий дом, их малая Родина, и будет правильно, если в Крыму — я знаю, что крымчане это поддерживают, — будет три равноправных государственных языка: русский, украинский и крымско-татарский.

Уважаемые коллеги! В сердце, в сознании людей Крым всегда был и остается неотъемлемой частью России. Эта убежденность, основанная на правде и справедливости, была непоколебимой, передавалась из поколения в поколение, перед ней были бессильны и время, и обстоятельства, бессильны все драматические перемены, которые мы переживали, переживала наша страна в течение всего XX века.

После революции большевики по разным соображениям, пусть Бог им будет судья, включили в состав Украинской союзной республики значительные территории исторического юга России. Это было сделано без учета национального состава жителей, и сегодня это современный юго-восток Украины. А в 1954 году последовало решение о передаче в ее состав и Крымской области, заодно передали и Севастополь, хотя он был тогда союзного подчинения. Инициатором был лично глава Коммунистической партии Советского Союза Хрущев. Что им двигало — стремление заручиться поддержкой украинской номенклатуры или загладить свою вину за организацию массовых репрессий на Украине в 30-е годы — пусть с этим разбираются историки.

Для нас важно другое: это решение было принято с очевидными нарушениями действовавших даже тогда конституционных норм. Вопрос решили кулуарно, междусобойчиком. Естественно, что в условиях тоталитарного государства у жителей Крыма и Севастополя ни о чем не спрашивали. Просто поставили перед фактом. У людей, конечно же, и тогда возникали вопросы, с чего это вдруг Крым оказался в составе Украины.

Но по большому счету — нужно прямо об этом сказать, мы все это понимаем, — по большому счету это решение воспринималось как некая формальность, ведь территории передавались в рамках одной большой страны. Тогда просто невозможно было представить, что Украина и Россия могут быть не вместе, могут быть разными государствами. Но это произошло.

То, что казалось невероятным, к сожалению, стало реальностью. СССР распался. События развивались столь стремительно, что мало кто из граждан понимал весь драматизм происходивших тогда событий и их последствий. Многие люди и в России, и на Украине, да и в других республиках надеялись, что возникшее тогда Содружество Независимых Государств станет новой формой общей государственности. Ведь им обещали и общую валюту, и единое экономическое пространство, и общие вооруженные силы, но все это осталось только обещаниями, а большой страны не стало. И когда Крым вдруг оказался уже в другом государстве, вот тогда уже Россия почувствовала, что ее даже не просто обокрали, а ограбили.

Вместе с тем надо тоже откровенно признать, что и сама Россия, запустив парад суверенитетов, способствовала развалу Советского Союза, а при оформлении распада СССР забыли и про Крым, и про главную базу Черноморского флота — Севастополь. Миллионы русских легли спать в одной стране, а проснулись за границей, в одночасье оказались национальными меньшинствами в бывших союзных республиках, а русский народ стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделенным народом в мире.

Сегодня, спустя уже много лет, я слышал, как крымчане, совсем недавно, говорят, что тогда, в 1991 году, их передали из рук в руки просто как мешок картошки. Трудно с этим не согласиться. Российское государство, что же оно? Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду. Наша страна находилась тогда в таком тяжелом состоянии, что просто не могла реально защитить свои интересы. Но люди не могли смириться с вопиющей исторической несправедливостью. Все эти годы и граждане, и многие общественные деятели неоднократно поднимали эту тему, говорили, что Крым — это исконно русская земля, а Севастополь — русский город. Да, все это мы хорошо понимали, чувствовали и сердцем, и душой, но надо было исходить из сложившихся реалий и уже на новой базе строить добрососедские отношения с независимой Украиной. А отношения с Украиной, с братским украинским народом были и остаются и всегда будут для нас важнейшими, ключевыми, без всякого преувеличения.

Сегодня можно открыто говорить, я хочу с вами поделиться деталями переговоров, проходившими в начале 2000-х годов. Тогда Президент Украины Кучма попросил меня ускорить процесс делимитации российско-украинской границы. До тех пор этот процесс практически не двигался. Россия вроде признала Крым частью Украины, но переговоров о делимитации границы не проводилось. Понимая все сложности этого процесса, тем не менее я сразу дал указание российским ведомствам активизировать эту работу — работу по оформлению границы, чтобы было

понятно всем: соглашаясь на делимитацию, мы фактически и юридически признавали Крым украинской территорией, тем самым окончательно закрывали этот вопрос.

Мы шли навстречу Украине не только по Крыму, но и по такой сложнейшей теме, как разграничение акватории Азовского моря и Керченского пролива. Из чего мы тогда исходили? Исходили из того, что хорошие отношения с Украиной для нас главное, и они не должны быть заложником тупиковых территориальных споров. Но при этом, конечно, рассчитывали, что Украина будет нашим добрым соседом, что русские и русскоязычные граждане на Украине, особенно на ее юго-востоке и в Крыму, будут жить в условиях дружественного, демократического, цивилизованного государства, что их законные интересы будут обеспечены в соответствии с нормами международного права.

Однако ситуация стала развиваться по-другому. Раз за разом предпринимались попытки лишить русских исторической памяти, а подчас и родного языка, сделать объектом принудительной ассимиляции. И конечно, русские, как и другие граждане Украины, страдали от постоянного политического и государственного перманентного кризиса, который сотрясает Украину уже более 20 лет.

Понимаю, почему люди на Украине хотели перемен. За годы «самостийности», независимости, власть, что называется, их «достала», опостылела просто. Менялись президенты, премьеры, депутаты Рады, но не менялось их отношение к своей стране и к своему народу. Они «доили» Украину, дрались между собой за полномочия, активы и финансовые потоки. При этом властей предержащих мало интересовало, чем и как живут простые люди, в том числе почему миллионы граждан Украины не видят для себя перспектив на родине и вынуждены уезжать за границу на поденные заработки в другие страны. Хочу отметить, ни в какую-то Силиконовую долину, а именно на поденные заработки. Только в России в прошлом году их работало почти 3 миллиона человек. По некоторым оценкам, объем их заработка в 2013 году в России составил более 20 миллиардов долларов, это порядка 12 процентов ВВП Украины.

Повторю, хорошо понимаю тех, кто с мирными лозунгами вышел на майдан, выступая против коррупции, неэффективного госуправления, бедности. Права на мирный протест, демократические процедуры, выборы для того и существуют, чтобы менять власть, которая не устраивает людей. Но те, кто стоял за последними событиями на Украине, преследовали другие цели: они готовили государственный переворот очередной, планировали захватить власть, не останавливаясь ни перед чем. В ход были пущены и террор, и убийства, и погромы. Главными исполнителями переворота стали националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты. Именно они во многом определяют и сегодня еще до сих пор жизнь на Украине.

Первым делом новые так называемые «власти» внесли скандальный законопроект о пересмотре языковой политики, который прямо ущемлял права национальных меньшинств. Правда, зарубежные спонсоры этих сегодняшних «политиков», кураторы сегодняшних «властей» сразу одернули инициаторов этой затеи. Они-то люди умные, надо отдать им

должное, и понимают, к чему приведут попытки построить этнически чисто украинское государство. Законопроект был отложен, отложен в сторону, но явно про запас. О самом факте его существования сейчас умалчивается, видимо, расчет на короткую человеческую память. Но уже всем стало предельно ясно, что именно намерены в дальнейшем делать украинские идейные наследники Бандеры — приспешника Гитлера во время Второй мировой войны.

Ясно и то, что легитимной исполнительной власти на Украине до сих пор нет, разговаривать не с кем. Многие госорганы узурпированы самозванцами, при этом они ничего в стране не контролируют, а сами — хочу это подчеркнуть, — часто сами находятся под контролем радикалов. Даже попасть на прием к некоторым министрам нынешнего правительства можно только с разрешения боевиков майдана. Это не шутка, это реалия сегодняшней жизни.

Тем, кто сопротивлялся путчу, сразу начали грозить репрессиями и карательными операциями. И первым на очереди был, конечно, Крым, русскоязычный Крым. В связи с этим жители Крыма и Севастополя обратились к России с призывом защитить их права и саму жизнь, не допустить того, что происходило, да и сейчас еще происходит и в Киеве, и в Донецке, в Харькове, в некоторых других городах Украины.

Разумеется, мы не могли не откликнуться на эту просьбу, не могли оставить Крым и его жителей в беде, иначе это было бы просто предательством.

Прежде всего нужно было помочь создать условия для мирного, свободного волеизъявления, чтобы крымчане могли сами определить свою судьбу первый раз в истории. Однако что же мы слышим сегодня от наших коллег из Западной Европы, из Северной Америки? Нам говорят, что мы нарушаем нормы международного права. Во-первых, хорошо, что они хоть вспомнили о том, что существует международное право, и на том спасибо, лучше поздно, чем никогда.

И, во-вторых, самое главное: что же мы якобы нарушаем? Да, Президент Российской Федерации получил от верхней палаты парламента право использовать Вооруженные Силы на Украине. Но этим правом, строго говоря, пока даже не воспользовался. Вооруженные Силы России не входили в Крым, они там уже и так находились в соответствии с международным договором. Да, мы усилили нашу группировку, но при этом — хочу это подчеркнуть, чтобы все знали и слышали, — мы даже не превысили предельной штатной численности наших Вооруженных Сил в Крыму, а она предусмотрена в объеме 25 тысяч человек, в этом просто не было необходимости.

Далее. Объявляя о своей независимости, назначая референдум, Верховный Совет Крыма сослался на Устав Организации Объединенных Наций, в котором говорится о праве нации на самоопределение. Кстати, и сама Украина, я хочу это напомнить, объявляя о выходе из СССР, сделала то же самое, почти текстуально то же самое. На Украине воспользовались этим правом, а крымчанам в нем отказывают. Почему?

Кроме того, крымские власти опирались и на известный косовский прецедент, прецедент, который наши западные партнеры создали сами,

что называется, своими собственными руками, в ситуации, абсолютно аналогичной крымской, признали отделение Косово от Сербии легитимным, доказывая всем, что никакого разрешения центральных властей страны для одностороннего объявления независимости не требуется. Международный Суд ООН на основе пункта 2 статьи 1 Устава Организации Объединенных Наций согласился с этим и в своем решении от 22 июля 2010 года отметил следующее. Привожу дословную цитату: «Никакого общего запрета на одностороннее провозглашение независимости не вытекает из практики Совета Безопасности», — и далее: «Общее международное право не содержит какого-либо применимого запрета на провозглашение независимости». Все, как говорится, предельно ясно.

Я не люблю обращаться к цитатам, но все-таки не могу удержаться, еще одна выдержка из еще одного официального документа, на этот раз это Письменный меморандум США от 17 апреля 2009 года, представленный в этот самый Международный Суд в связи со слушаниями по Косово. Опять процитирую: «Декларации о независимости могут, и часто так и происходит, нарушать внутреннее законодательство. Однако это не означает, что происходит нарушение международного права». Конец цитаты. Сами написали, раструбили на весь мир, нагнули всех, а теперь возмущаются. Чему? Ведь действия крымчан четко вписываются в эту, собственно говоря, инструкцию. Почему-то то, что можно албанцам в Косово (а мы относимся к ним с уважением), запрещается русским, украинцам и крымским татарам в Крыму. Опять возникает вопрос: почему?

От тех же Соединенных Штатов и Европы мы слышим, что Косово — это, мол, опять какой-то особый случай. В чем же, по мнению наших коллег, заключается его исключительность? Оказывается, в том, что в ходе конфликта в Косово было много человеческих жертв. Это что — юридически правовой аргумент, что ли? В решении Международного Суда по этому поводу вообще ничего не сказано. И потом, знаете, это даже уже не двойные стандарты. Это какой-то удивительный примитивный и прямолинейный цинизм. Нельзя же все так грубо подверстывать под свои интересы, один и тот же предмет сегодня называть белым, а завтра — черным. Получается, нужно доводить любой конфликт до человеческих жертв, что ли?

Скажу прямо: если бы местные силы самообороны Крыма вовремя не взяли ситуацию под контроль, там тоже могли бы быть жертвы. И слава Богу, что этого не случилось! В Крыму не произошло ни одного вооруженного столкновения и не было человеческих жертв. Как вы думаете, почему? Ответ простой: потому что против народа и его воли воевать трудно или практически невозможно. И в этой связи я хочу поблагодарить украинских военнослужащих, а это немалый контингент — 22 тысяч человек с полным вооружением. Я хочу поблагодарить тех военнослужащих Украины, которые не пошли на кровопролитие и не запятнали себя кровью.

В этой связи, конечно, возникают и другие мысли. Нам говорят о какой-то российской интервенции в Крыму, об агрессии. Странно это слышать. Что-то не припомню из истории ни одного случая, чтобы интервенция проходила без одного-единственного выстрела и без человеческих жертв.

Уважаемые коллеги! В ситуации вокруг Украины как в зеркале отразилось то, что происходит сейчас, да и происходило на протяжении последних десятилетий, в мире. После исчезновения биполярной системы на планете не стало больше стабильности. Ключевые и международные институты не укрепляются, а часто, к сожалению, деградируют. Наши западные партнеры во главе с Соединенными Штатами Америки предпочитают в своей практической политике руководствоваться не международным правом, а правом сильного. Они уверовали в свою избранность и исключительность, в то, что им позволено решать судьбы мира, что правы могут быть всегда только они. Они действуют так, как им заблагорассудится: то тут, то там применяют силу против суверенных государств, выстраивают коалиции по принципу «кто не с нами, тот против нас». Чтобы придать агрессии видимость законности, выбивают нужные резолюции из международных организаций, а если по каким-то причинам этого не получается, вовсе игнорируют и Совет Безопасности ООН, и ООН в целом.

Так было в Югославии, мы же хорошо об этом помним, в 1999 году. Трудно было в это поверить, глазам своим не верил, но в конце XX века по одной из европейских столиц — по Белграду в течение нескольких недель наносились ракетно-бомбовые удары, а затем последовала настоящая интервенция. Что, разве была резолюция Совбеза ООН по этому вопросу, разрешающая такие действия? Ничего подобного. А потом были и Афганистан, и Ирак, и откровенные нарушения резолюции СБ ООН по Ливии, когда вместо обеспечения так называемой бесполетной зоны тоже начались бомбежки.

Была и целая череда управляемых «цветных» революций. Понятно, что люди в тех странах, где были эти события, устали от тирании, от нищеты, от отсутствия перспектив, но эти чувства просто цинично использовались. Этим странам навязывались стандарты, которые никак не соответствовали ни образу их жизни, ни традициям, ни культуре этих народов. В результате вместо демократии и свободы — хаос, вспышки насилия, череда переворотов. «Арабская весна» сменилась «арабской зимой».

Подобный сценарий был реализован и на Украине. В 2004 году, чтобы продавить нужного кандидата на президентских выборах, придумали какой-то третий тур, который не был предусмотрен законом. Просто абсурд и издевательство над конституцией. А сейчас бросили в дело заранее подготовленную, хорошо оснащенную армию боевиков.

Мы понимаем, что происходит, понимаем, что эти действия были направлены и против Украины, и России, и против интеграции на евразийском пространстве. И это в то время, когда Россия искренне стремилась к диалогу с нашими коллегами на Западе. Мы постоянно предлагаем сотрудничество по всем ключевым вопросам, хотим укреплять уровень доверия, хотим, чтобы наши отношения были равными, открытыми и честными. Но мы не видели встречных шагов.

Напротив, нас раз за разом обманывали, принимали решения за нашей спиной, ставили перед свершившимся фактом. Так было и с расширением НАТО на восток, с размещением военной инфраструктуры у наших границ. Нам все время одно и то же твердили: «Ну, вас это не касается». Легко сказать, не касается.

Так было и с развертыванием систем противоракетной обороны. Несмотря на все наши опасения, машина идет, двигается. Так было с бесконечным затягиванием переговоров по визовым проблемам, с обещаниями честной конкуренции и свободного доступа на глобальные рынки.

Нам сегодня угрожают санкциями, но мы и так живем в условиях ряда ограничений, и весьма существенных для нас, для нашей экономики, для нашей страны. Например, еще в период «холодной войны» США, а затем и другие страны запретили продавать в СССР большой перечень технологий и оборудования, составив так называемые КОКОМовские списки. Сегодня они формально отменены, но только формально, на деле многие запреты по-прежнему действуют.

Словом, у нас есть все основания полагать, что пресловутая политика сдерживания России, которая проводилась и в XVIII, и в XIX, и в XX веке, продолжается и сегодня. Нас постоянно пытаются загнать в какой-то угол за то, что мы имеем независимую позицию, за то, что ее отстаиваем, за то, что называем вещи своими именами и не лицемерим. Но все имеет свои пределы. И в случае с Украиной наши западные партнеры перешли черту, вели себя грубо, безответственно и непрофессионально.

Они же прекрасно знали, что и на Украине, и в Крыму живут миллионы русских людей. Насколько нужно потерять политическое чутье и чувство меры, чтобы не предвидеть всех последствий своих действий. Россия оказалась на рубеже, от которого не могла уже отступить. Если до упора сжимать пружину, она когда-нибудь с силой разожмется. Надо помнить об этом всегда.

Сегодня необходимо прекратить истерику, отказаться от риторики «холодной войны» и признать очевидную вещь: Россия — самостоятельный, активный участник международной жизни, у нее, как и у других стран, есть национальные интересы, которые нужно учитывать и уважать.

При этом мы с благодарностью относимся ко всем, кто с пониманием подошел к нашим шагам в Крыму, признательны народу Китая, руководство которого рассматривало и рассматривает ситуацию вокруг Украины и Крыма во всей ее исторической и политической полноте, высоко ценим сдержанность и объективность Индии.

Сегодня я хочу обратиться и к народу Соединенных Штатов Америки, к людям, которые со времен основания этого государства, принятия Декларации независимости гордятся тем, что свобода для них превыше всего. Разве стремление жителей Крыма к свободному выбору своей судьбы не является такой же ценностью? Поймите нас.

Верю, что меня поймут и европейцы, и прежде всего немцы. Напомню, что в ходе политических консультаций по объединению ФРГ и ГДР на, мягко говоря, экспертном, но очень высоком уровне представители далеко не всех стран, которые являются и являлись тогда союзниками Германии, поддержали саму идею объединения. А наша страна, напротив, однозначно поддержала искреннее, неудержимое стремление немцев к национальному единству. Уверен, что вы этого не забыли, и рассчитываю, что граждане Германии также поддержат стремление русского мира, исторической России к восстановлению единства.

Я обращаюсь и к народу Украины. Искренне хочу, чтобы вы нас поняли: мы ни в коем случае не хотим нанести вам вред, оскорбить ваши национальные чувства. Мы всегда уважали территориальную целостность украинской державы, в отличие, кстати, от тех, кто принес единство Украины в жертву своим политическим амбициям. Они щеголяют лозунгами о великой Украине, но именно они сделали все, чтобы расколоть страну. Сегодняшнее гражданское противостояние целиком на их совести. Хочу, чтобы вы меня услышали, дорогие друзья. Не верьте тем, кто пугает вас Россией, кричит о том, что за Крымом последуют другие регионы. Мы не хотим раздела Украины, нам этого не нужно. Что касается Крыма, то он был и останется и русским, и украинским, и крымско-татарским.

Повторю, он будет, как и было веками, родным домом для представителей всех живущих там народов. Но он никогда не будет бандеровским!

Крым — это наше общее достояние и важнейший фактор стабильности в регионе. И эта стратегическая территория должна находиться под сильным, устойчивым суверенитетом, который по факту может быть только российским сегодня. Иначе, дорогие друзья (обращаюсь и к Украине, и к России), мы с вами — и русские, и украинцы — можем вообще потерять Крым, причем в недалекой исторической перспективе. Задумайтесь, пожалуйста, над этими словами.

Напомню также, что в Киеве уже прозвучали заявления о скорейшем вступлении Украины в НАТО. Что означала бы эта перспектива для Крыма и Севастополя? То, что в городе русской воинской славы появился бы натовский флот, что возникла бы угроза для всего юга России — не какая-то эфемерная, совершенно конкретная. Все, что реально могло бы произойти, это все то, что реально могло бы произойти, если бы не выбор крымчан. Спасибо им за это.

Кстати говоря, мы не против сотрудничества с НАТО, совсем нет. Мы против того, чтобы военный альянс, а НАТО остается при всех внутренних процессах военной организацией, мы против того, чтобы военная организация хозяйничала возле нашего забора, рядом с нашим домом или на наших исторических территориях. Вы знаете, я просто не могу себе представить, что мы будем ездить в Севастополь в гости к натовским морякам. Они, кстати говоря, в большинстве своем отличные парни, но лучше пускай они к нам приезжают в гости в Севастополь, чем мы к ним.

Скажу прямо, у нас болит душа за все, что происходит сейчас на Украине, что страдают люди, что они не знают, как жить сегодня и что будет завтра. И наша обеспокоенность понятна, ведь мы не просто близкие соседи, мы фактически, как я уже много раз говорил, один народ. Киев — мать городов русских. Древняя Русь — это наш общий исток, мы все равно не сможем друг без друга.

И скажу еще об одном. На Украине живут и будут жить миллионы русских людей, русскоязычных граждан, и Россия всегда будет защищать их интересы политическими, дипломатическими, правовыми средствами. Однако прежде всего сама Украина должна быть заинтересована в том, чтобы права и интересы этих людей были гарантированы. В этом — залог стабильности украинской государственности и территориальной целостности страны.

Мы хотим дружбы с Украиной, хотим, чтобы она была сильным, суверенным, самодостаточным государством. Ведь для нас Украина — это один из ведущих партнеров, у нас множество совместных проектов, и, несмотря ни на что, я верю в их успех. И главное: мы хотим, чтобы на землю Украины пришли мир и согласие, и вместе с другими странами готовы оказывать этому всемерное содействие и поддержку. Но повторю: только сами граждане Украины в состоянии навести порядок в собственном доме.

Уважаемые жители Крыма и города Севастополя! Вся Россия восхищалась вашим мужеством, достоинством и смелостью, это именно вы решили судьбу Крыма. В эти дни мы были близки как никогда, поддерживали друг друга. Это были искренние чувства солидарности. Именно в такие переломные исторические моменты проверяется зрелость и сила духа нации. И народ России показал такую зрелость и такую силу, своей сплоченностью поддержал соотечественников.

Твердость внешнеполитической позиции России основывалась на воле миллионов людей, на общенациональном единении, на поддержке ведущих политических и общественных сил. Я хочу поблагодарить всех за этот патриотический настрой. Всех без исключения. Но нам важно и впредь сохранять такую же консолидацию, чтобы решать задачи, которые стоят перед Россией.

Мы явно столкнемся и с внешним противодействием, но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступать неизвестно куда. Некоторые западные политики уже стращают нас не только санкциями, но и перспективой обострения внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некоей пятой колонны — разного рода «национал-предателей» — или рассчитывают, что смогут ухудшить социально-экономическое положение России и тем самым спровоцировать недовольство людей? Рассматриваем подобные заявления как безответственные и явно агрессивные и будем соответствующим образом на это реагировать. При этом мы сами никогда не будем стремиться к конфронтации с нашими партнерами ни на Востоке, ни на Западе, наоборот, будем делать все необходимое, чтобы строить цивилизованные добрососедские отношения, как это и положено в современном мире.

Уважаемые коллеги!

Понимаю крымчан, которые поставили вопрос на референдуме предельно прямо и четко: быть Крыму либо с Украиной, либо с Россией. И можно с уверенностью сказать, что руководство Крыма и Севастополя, депутаты законодательных органов власти, формулируя вопрос референдума, поднялись над групповыми и политическими интересами и руководствовались, во главу угла поставили исключительно коренные интересы людей. Любой другой вариант плебисцита, каким бы привлекательным он ни казался на первый взгляд, в силу исторических, демографических, политических и экономических особенностей этой территории был бы промежуточным, временным и зыбким, неизбежно привел бы к дальнейшему обострению ситуации вокруг Крыма и самым пагубным образом отразился бы на жизни людей. Крымчане поставили вопрос жестко, бес-

компромиссно, без всяких полутонов. Референдум был проведен открыто и честно, и люди в Крыму ясно, убедительно выразили свою волю: они хотят быть с Россией.

России также предстоит принять сложное решение, учитывая всю совокупность и внутренних, и внешних факторов. Каково же сейчас мнение людей в России? Здесь, как и в любом демократическом обществе, есть разные точки зрения, но позиция абсолютного — я хочу это подчеркнуть, — абсолютного большинства граждан также очевидна.

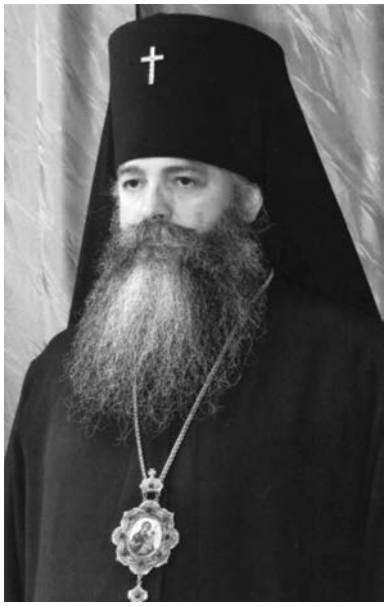
Вы знаете последние социологические опросы, которые были проведены в России буквально на днях: порядка 95 процентов граждан считают, что Россия должна защищать интересы русских и представителей других национальностей, проживающих в Крыму. 95 процентов. А более 83 процентов полагают, что Россия должна это делать, даже если такая позиция осложнит наши отношения с некоторыми государствами. 86 процентов граждан нашей страны убеждены, что Крым до сих пор является российской территорией, российской землей. А почти — вот очень важная цифра, она абсолютно коррелируется с тем, что было в Крыму на референдуме, — почти 92 процента выступают за присоединение Крыма к России.

Таким образом, и подавляющее большинство жителей Крыма, и абсолютное большинство граждан Российской Федерации поддерживают воссоединение Республики Крым и города Севастополя с Российской Федерацией.

Дело — за политическим решением самой России. А оно может быть основано только на воле народа, потому что только народ является источником любой власти.

Уважаемые члены Совета Федерации! Уважаемые депутаты Государственной Думы! Граждане России, жители Крыма и Севастополя! Сегодня, основываясь на результатах референдума, который прошел в Крыму, опираясь на волю народа, вношу в Федеральное Собрание и прошу рассмотреть Конституционный закон о принятии в состав России двух новых субъектов Федерации: Республики Крым и города Севастополь, а также ратифицировать подготовленный для подписания Договор о вхождении Республики Крым и города Севастополь в Российскую Федерацию. Не сомневаюсь в вашей поддержке!

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов)

…И «ТОГДА ВОЗДВИГАЕТСЯ СЕРГИЙ»

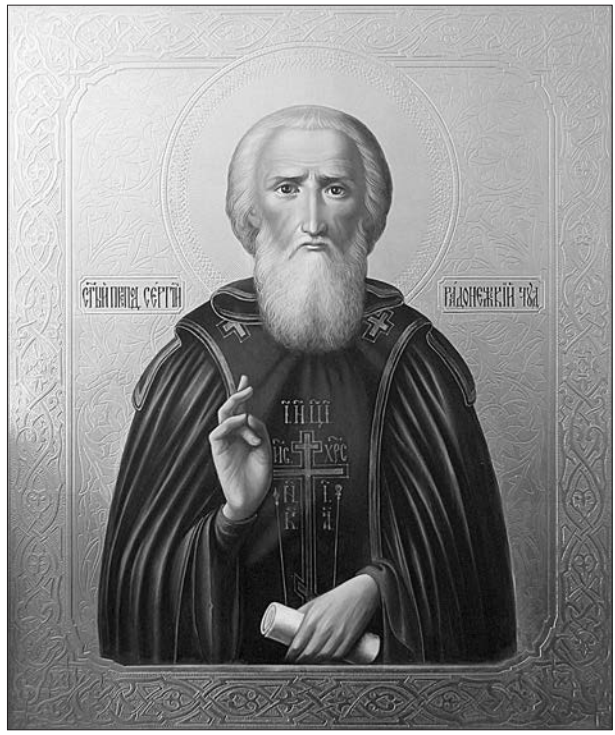
К 700-летию великого святого земли Русской Сергия Радонежского

Время общественных бедствий есть его время: когда все уже кажется гибнущим, тогда воздвигается Сергий!
Историк церкви А. Н. Муравьев

Никакие философские рассуждения, никакой «здравый смысл» или «феноменологическая очевидность» не смогут помочь в осмыслении и обосновании чуда непреходящей благодатной славы преподобного Сергия Радонежского, молитвенника и защитника земли Русской, 700-летие которого в 2014 году отмечает вся Россия, весь Православный мир. Не только по меркам одной человеческой жизни, но и по срокам существования нашего государства, время, прошедшее со времен жития и подвигов монаха Сергия, огромно. И век от века не утихает к нему народная любовь, не оскудевает тропа, по которой паломники идут к мощам преподобного. С уверенностью можно и сегодня повторить слова историка В. О. Ключевского, сказанные более 100 лет назад: «Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Член СП России. Лауреат ряда премий. Правящий архиерей Курганской епархии с 2008 г.

сюда издалека: когда жил преподобный Сергий и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени, и редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос, что он есть для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно»[1].

Преподобный Сергий Радонежский

Наши современники знают о прижизненном служении и подвигах Сергия Радонежского, думается, больше. Многие сегодня вспомнят величайшие свершения святого, имеющие историческое значение. Перед нами зримо предстает победоносная Куликовская битва, мы можем представить, как происходило собирание земли Русской в единое государство. Цветет поныне небесной духовной красотой Троице-Сергиева Лавра, возросшая из росточка Сергиевой Пустыни, давшего жизнь еще и многочисленному цветнику монастырей русских. Хотя у всех этих свершений преподобного есть зрительные образы, сохранившиеся до наших дней стены и бастионы, иначе как непостижимым для человеческого ума чудом все это назвать нельзя.

По современным, иногда излишне натуралистическим фильмам, романам, историческим исследованиям мы сегодня хорошо можем представить все ужасы татаро-монгольского нашествия, знаем о его мощи и жестокости. И разве не чудо, что ослабленной, находившейся к тому времени более чем полтораста лет под беспощадным чужеземным игом, России не только вздумалось, но и удалось это иго свергнуть. Ничего не предвещало громкой победы русичей на поле Куликовом. Не они затеяли эту битву, сам Мамай, надеясь на силу своих войск, на помощь русских князей-предателей и силы Запада, вновь двинулся на русские земли с новой, более жестокой и амбициозной целью. Князь Димитрий Иоаннович готов был оказать сопротивление врагу, но не знал, что после благословления преподобным Сергием станет вождем русского ополчения и светочем победы над игом.

Чудесным явлением можно назвать метаморфозы, происходящие в это время одновременно в русских и татарских войсках. В стане врага заметна деградация организации некогда непобедимого войска: утрачиваются тра-

[1] *Ключевский В. О.* Слово к 500-летию со времени преставления Сергия Радонежского.

диции инженерного искусства, происходит нарушение единоначалия в командовании, что было характерно для армии Батыя. В Сарае начинается длительная междоусобная война за власть. В то же время в войсках московского князя, наоборот, усиливается централизация, вводится нехарактерное для феодальной эпохи единоначалие. Решения принимаются не военным советом, а непосредственно самим князем. Организационной единицей в структуре московского войска является уже не княжеская дружина, а полк, действующий в соответствии с задачами боя. Командуют полками не заносчивые князья, а наиболее опытные воеводы. Появляется новая техника, пушки.

Важное значение в русской победе имеет и переориентировка ордынских задач. В подготовке похода против Москвы Мамай заключил союз с литовским князем Ягайло. Таким образом, против России, против православной славянской государственности объединились силы Востока и Запада. Следует отметить, что хан поставил нехарактерную для его предшественников задачу: впервые Орда провозгласила своей целью разгром Русской Православной Церкви. «Христианство погубим, а церкви Божии сожжем, а законы их изничтожим… Я не хочу так поступить, как Батый… Приду на Русь и убью князя их… тут и осядем, и Русью завладеем, тихо и беззаботно заживем», — так сформулировал свои задачи, наверное, не без подстрекательства католиков, Мамай[1]. Наряду с Литвой Мамая поддерживали и обосновавшиеся в Крыму генуэзские купцы, игравшие в прошлом значительную роль в подготовке крестовых походов на Восток. За ними стояла римская церковь, имевшая в то время свое епископство в Крыму. Таким образом, конфликт, разрешившийся в первой своей фазе на Куликовом поле, выходил за рамки взаимоотношений Руси и Орды, он касался судеб всей Восточной Европы, бытия самого́ русского государства, за которое через святого Сергия вступилась Святая Троица и Божия Матерь. Почему через Сергия проистекала Божия помощь? Наверное, потому, что он был средоточием той человеческой любви, основанной на вере, которая, являясь фундаментом взаимности, сообщности и единосущия, несет в себе образ Троицы.

Символично, что князь Димитрий пришел к старцу в обитель Живоначальной Троицы. Пришел скромным просителем молитвенной помощи в неотвратимой битве, а вышел от него уверенным в победе предводителем русского воинства. Бесценно одарил Сергий полководца: совершил благословение деревянным осьмиконечным в серебряном окладе крестом, подарил икону Господа Вседержителя с изображениями святителя Николая Чудотворца и святого Кирилла Иерусалимского, на дверцах киота которой изображены Богоматерь и Иоанн Предтеча. До нас дошло и свидетельство о своеручной Сергия грамотке с текстом, который оканчивался словами «Чтобы ты, господине, таки пошел, а поможет ти Бог и Троица»[2].

Символичны и помощники, которых в помощь князю подготовил своим благословением Сергий. Пересвет и Ослябя, два инока-боярина, не вымышленные персонажи, но истинные воины, которые в числе братии обители

---

[1] Цит. по: Самые знаменитые войны и битвы России. М., 2002. С. 55.

[2] Житие преподобного Сергия Радонежского. Составитель архиепископ Никон (Рождественский). Сретенский монастырь, 2005. С. 159.

Сергий Радонежский благословляет Дмитрия Донского на ратный подвиг.
А. Немеровский

подвизались под руководством Сергия против врагов невидимых. Александр Пересвет — бывший боярин брянский, Андрей Ослябя — бывший боярин любецкий. Их мужество, храбрость и искусство воинское были известны: до принятия монашества оба они славились как доблестные воины, храбрые богатыри. В их лице преподобный Сергий с молитвенным благожеланием передавал благословение всему православному воинству на «дело ратное».

Много раз еще пришлось побывать русским воинам в этом «деле». Не успела земля Русская оправиться от опустошения мамаевыми войсками, как после падения на Куликовом поле Мамая властью завладел хан Тохтамыш, потребовавший опять от русских князей покорности. И ему удалось завладеть Москвой, разорить новые монастыри — Чудов, Симонов, Андроников, опустошить Можайск, Звенигород, Боровск. Но вражья рука не коснулась Пустыни, основанной Сергием. Тохтамыш ушел так же быстро, как и пришел. Великий князь заходил ему с тыла.

Много невероятных, не поддающихся разумному объяснению событий в русской государственной, военной и церковной истории происходило при жизни Сергия. Но не только исследование политических предпосылок победы в Куликовской битве, после которой святой Сергий чудесным образом назвал поименно всех павших воинов, не летопись пустынножительства старца, не история умиротворения монахом князей или чудо спасении Пустыни являются темой статьи, но осмысление духовных истоков и причин негромкого, сверхъестественного подвижничества преподобного Сергия, которое простирается в наши времена.

Сергия Радонежского считают самым отзывчивым из русских святых, ему можно молиться обо всем, и нет материально-временны*х* границ его чу-

дотворениям. Будучи человеком, стремящимся к уединению, бегущим славы мирской, он не отказывал никакому боголюбивому просителю. Недаром при его жизни он считался чудотворцем, близким по своим возможностям к Иисусу Христу. И называли преподобного — русским Апостолом, который «как чадолюбивый отец, постигая духовные и житейские нужды детей своих, подает свойственные им утешения, привыкший еще при жизни рассуждать, что на потребу князей земли и что ее убогим оратаям… На небесах довершил он сей подвиг послушания, приняв горé предложенное ему дóлу, и с тех пор не переставал радеть о пастве, дивно обличая свое святительство. Время общественных бедствий есть его время: *когда все уже кажется гибнущим, тогда воздвигается Сергий!*»[1].

Да, великий избранник Божий Сергий был дарован Богом земле Русской в самые тяжелые для нее времена, когда стонала она от татарских полчищ, когда страдала от кровавых княжеских междоусобиц, когда грубость тогдашних народных нравов грозила русскому народу гибелью. И когда, казалось, исправить было ничего нельзя и отступать некуда, призрел Господь мольбы Руси православной и приблизил час спасения ее, и Сергий Радонежский стал истинным печальником родной земли. «Примером своей святой жизни, высотой своего духа он поднял упавший дух своего родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в помощь Божию… Своей жизнью, самой возможностью такой жизни преподобный Сергий дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло, помог ему заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел сам он»[2].

Сергию посвящено житийной литературы больше, чем другим русским святым, в ней он предстает духовным воителем, могучим авторитетным монахом, благословение которого считалось, как в случае с князем Димитрием, ручательством победы. Но, несмотря на то, что он являлся другом святителей и советником князей, Радонежский игумен был скромнейшим и смиреннейшим человеком, влачившим «пустынную нищету», был безмолвным созерцателем нетварного света Преображения. Собственным преображением, стремлением к истинной свободе, дарованной человеку Господом в возможности приближения к Нему, путем раскрытия в себе богочеловеческих дарований, предопределенных Господом каждому человеку от рождения, стала и вся земная жизнь святого. Конечно, от рождения Сергий, вернее Варфоломей, был отмечен особой печатью избранника Божиего. И то, что заявило о себе благословенное дитя, будучи еще в утробе матери, и то, что родился мальчик-постник, вымоливший в отрочестве научение свыше, и то, что в порыве юной души со святой решимостью и горячим сердцем выбрал подвиг послушания — все это свидетельствует о Божественной помощи и изначальном предопределении пути святого, осилить который в соответствии с замыслом Божиим о нем должен был Сергий, постепенно ставший святым старцем, сам, в системе смыслов истинной свободы и любви.

---

[1] *Муравьев А. Н.* Путешествие по святым местам русским. М., 1990.

[2] Житие преподобного Сергия Радонежского. Составитель архиепископ Никон (Рождественский). Сретенский монастырь, 2005. С. 152.

Святой преподобный Сергий Радонежский (Троице-Сергиева Лавра). Васнецов Аполлинарий Михайлович

Старчество, как определял его Г. П. Федотов, «есть особый институт преемственности духовных даров и служения миру»[1]. Старец — духоносен, он источник спасительного и преображающего воздействия. Он часть Тела Христова и Его Церкви. Василий Великий видел в монашеской киновии Малую Церковь, которая, как и должно, созидается и сохраняется энергиями Любви, энергиями истинной христианской свободы. Задолго до того, как оптинским старцем Макарием был сформулирован краткий тезис христианской свободы «От нас ищется свобода», Сергий своей жизнью доказал возможность обретения в результате «высокого жития» «*внутренней духовной свободы как высшей степени свободы вообще*», следуя заповеди Христа: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). По этой заповеди истина может сделать человека свободным не только в максимальном приближении к образу и подобию Божиему, но и в стремлении к единомыслию. Вот как в светских терминах кратко формулирует эту цель и возможность современный православный историк Сергей Перевезенцев: «Еще одним из условий "высокого жития" — и для отдельного человека, и для монастырской обители, и для общества в целом, — преподобный Сергий видел в единомыслии. Единомыслие для отдельного человека — это единство души, полностью посвященной служению Господу. Для обители — это единство помыслов и действий всех иноков, которые своим подвигом умножают Христову Любовь на земле и подают пример остальным людям. Для общества — это идея единства Руси, благодаря которому Русь только

[1] *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1991. С. 235.

и может спастись»[1]. Отцы Церкви считали, что, приближаясь к Богу, приближаешься и к творению Его. А Авва Дорофей изобразил это схематически: мир — круг, в центре — Бог, а радиусы — пути наши к Нему. Чем ближе к Богу, тем ближе друг к другу («Добротолюбие»). Но можно добавить, что и в обратном порядке закон верен — чем ближе люди друг к другу, тем ближе к Богу. Поэтому любовь к ближнему — главное духовно-творческое оружие любого старца, который, по слову Исаака Сирина, должен уходить от мира *сквозь мир*, преображая по пути любовью все, что может быть преображено ею. В этом преображении, как комментирует преп. Максим Исповедник сочинения Дионисия Ареопагита, «единство умопостигаемых сущностей друг с другом надо понимать как богоприличную любовь их друг к другу, каковая, будучи божественной и единотворящей, собирает их, не нагромождая кучей, но любовно связывая. Сущее же включает и умственное; хотя как умственное, так и чувственное омонимически называется сущим, но одно существует объединенно и взаимосвязанно, другое же разделено и соседствует как бы в нагромождении»[2]. Проще говоря, условием этого сущностного объединения не в нагромождении, а в соседстве является благая Любовь. Она, предсуществующая в Добре, не бесплодна, но рождает новую благую Любовь. Великий подвижник Сергий Радонежский, идя *сквозь мир*, вызвал к жизни не только чисто религиозный энтузиазм, но и эту благую Любовь, которая способствовала тому, что впервые в русской истории на основе морально-гражданской активности из государственного небытия возникает национально-державная целостность православной Руси.

Таким образом, Святая Русь была основана на Господней Любви, воплощенной в жизнь преподобным Сергием. Это ему удалось потому, что сам монах находился под постоянным попечительством Божиим, поддерживающим во Своем святом избраннике неугасаемый святой огонек этой Любви. И много было зримых примеров того попечительства Сергию Радонежскому, избранному Господом не только для спасения Руси, но и для укрепления веры в ее народе. Святому монаху суждено было обновить дух подвижничества на Русской земле, зажечь благодатный огонек в лампадках многих новых обителей, соделаться духовным родоначальником бесчисленного лика монашествующих. Так что справедливо считается, что для северной, Московской Руси он был тем же, чем были для южной, Киевской Руси преподобные Антоний и Феодосий. Хотя сам Сергий не отделял свое служение от древних подвижников, считая себя продолжателем их молитвенного подвига, следуя традиции полного отказа от мирских благ, в соответствии с нравственными представлениями своих древних предшественников высоко ценил человеческое достоинство, унаследованное человеком от Бога.

Видя усердие Радонежского игумена, Господь не раз утешал его в его аскетическом подвиге пророческими откровениями о его будущем многочисленном духовном потомстве. Чудесных птиц и Глас Божий, разъяснявший это видение, видел и слышал не один Сергий. Небесную радость с трепетом вместе с ним разделили и засвидетельствовали чудо его ученики. Однажды ему сослужил ангел, ведь, как говорится, «ангелы любят себе подобных». Высшей прижизненной наградой святому монаху на склоне его дней стало

---

[1] *Перевезенцев С. В.* Тайны русской веры. Вече., 2001. С. 187.

[2] *Дионисий Ареопагит.* Корпус сочинений. СПб., 2008. С. 168.

Троице-Сергиева Лавра

явление Самой Знатной Небесной Гостьи. Почему именно тогда произошло явление Богоматери?

Святые Отцы различают в духовной жизни две ее степени, два состояния: крест деятельный и крест созерцательный. Первый путь — путь страдания и подвига борьбы самим с собой и с врагами спасения. Второе состояние — успокоение сердца в Боге, погружение в мир души, время просветленного общения с Господом. Преподобный Сергий изначально шел путем скорбей и подвига крестного. На этом пути им одержана победа. Мир больше не смеет подойти к нему со своими соблазнами, потому что дух его преисполнен обилием благодати в виде даров чудотворения, пророчества, дара утешения, совета и разума. Для духовного взора святого больше не существует ни преград вещественных, ни расстояния, ни самóго времени. Поэтому он мог духовными очами наблюдать то, что происходило вдали от него, на поле Куликовом, и называть поименно погибающих русских воинов. Много кроме того было примеров прозорливости старца сквозь время и расстояние. Есть свидетельства, как во время свершения преподобным Божественной литургии небесный огонь сошел на Святые Тайны в момент их освящения, и угодник Божий неопально причастился сего огня.

По летописному свидетельству в Рождественский пост 1379 года, когда сам великий заступник земли Русской имел духовную нужду накануне нашествия Мамая, к нему явилась Богоматерь, сопровождаемая апостолами Петром и Иоанном Богословом. Она павшего ниц Сергия ободрила словами благодати, пообещав Божие покровительство Сергиевой обители и после смерти святого игумена. Таким образом, Троицкая обитель становилась не только местом, откуда пошло объединение русских земель, но и символом духовного единения народа. И не случайно Сергиева обитель была посвящена Святой Троице, это был завет любви святого. Именно в догмате и об-

Куликовская битва. Адольф Ивон

разе Пресвятой Троицы Сергий Радонежский видел символ высшей христианской Любви, образ Единства. Промыслительно особое почитание Сергием Святой Троицы и в том смысле, что с него на Руси, можно сказать, оно и началось, и укоренилось в противовес затормозившей в страхе перед исламской экспансией богословской мысли православного Востока. Несмотря на то, что и храмы, и иконы, посвященные Троице, на Руси существовали с древних времен, широкое распространение они получили только после XIV века, когда вследствие жизненного подвига Радонежского игумена стало яснее осознаваться нравственное значение этого образа в жизни христиан. Образ Святой Троицы стал зрительным выражением стремления народа к святому укладу жизни. Вслед за первым Троицким храмом, построенным Сергием собственными руками в 1340 году, на Руси появилось множество одноименных храмов, были даже Троицкие города и села. А в Троицких храмах — обязательно приделы в честь преподобного Сергия.

Почитание Сергием Святой Троицы стало «залогом единства земли и независимости Московского государства от материального подчинения Востоку, а в будущем — и от умственного подчинения Западу. В Троице им было указано не только святейшее совершенство вечной жизни, но и образец для жизни человеческой, знамя, под которым должно стоять все человечество, потому что в Троице, как Нераздельной, осуждаются усобицы и требуется собирание, а в Троице Неслиянной осуждается иго и требуется освобождение»[1].

Здесь, где столько говорится о святой Любви, наверное, следует прояснить вопрос, почему Сергий Радонежский, смиренник и молитвенник,

[1] *Георгий Георгиевский.* Завет преподобного Сергия. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1892. № 11.

знающий шестую заповедь «не убий», благословил на бой с врагом русских воинов? Руководствуясь мирскими соображениями, в этом вопросе можно дойти до сектантской проповеди «непротивления злу насилием»; тому же, кто доверяет своему духовному зрению, вспомнятся слова Христа: «Не мир пришел Я принести, но меч…» (Мф. 10:34). Иисус не призывал воинов бросить оружие, не называл войну небогоугодным делом. И Сам, увидев богачей, оскверняющих святыню, свил бич из веревок и выгнал их из храма. Нет, мы не должны отвечать на злобствования, относящиеся к нам лично, но и не должны попускать посягательства врага на высшие наши ценности. Христос также сказал, что взявшие меч, от него же и погибнут. Сергий Радонежский благословил своих воинов на войну справедливую, за святыню Отечества с теми, кто первыми взяли меч. От него они и погибли. А для многих защитников Руси — сподвижников Христа — кровавая Куликовская битва стала их Евхаристией.

Говоря о Сергии Радонежском, нельзя забывать, что при своем огромном социальном служении он был служителем Церкви, смыслом жизни которой является Евхаристия. Церковь как собрание верующих именно в таинстве Евхаристии приобретает полноту духовного и телесного единства. Природа само́й Церкви — евхаристична, ибо она есть Тело Христово, а значит без Евхаристии нет Церковности, а сама Евхаристия немыслима вне Церкви[1]. Как предстоятели церковной общины, так и простые миряне, несмотря на различие своих служений, прав и обязанностей, должны составлять Единое Тело Христа, что и происходит во святой Евхаристии, когда по слову святителя Иоанна Златоуста приобщающиеся делаются «не многими телами, а одним Телом. Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым, так что хотя в нем и есть зерна, но их не видно и различие их незаметно по причине их соединения, так и мы соединяемся друг с другом и со Христом»[2].

Нигде не достигается такое единство, как только в Церкви Христовой, и ни в каком Таинстве мы не видим и не чувствуем такого совершенного единства, как только в Божественной Евхаристии. Не случайно именно на Тайной Вечере Господь говорит об установлении Нового Завета между Богом и Его людьми. «Сия есть кровь Моя Нового Завета яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26:28; Мк. 14:24; Лк. 22:30).

Взятое в целом евхаристическое служение раскрывает троическую тайну Церкви. Это служение начинается со слушания Слова Божия, завершаемого Евангелием — апостольской вестью о Слове, ставшем плотью. Затем следует благодарение Отцу, воспоминание о Жертве Христа и, наконец, приобщение к этой Жертве после молитвенного призывания Святого Духа (эпиклесис)[3].

Эта тайна Церкви с Божией помощью и собственными трудами старца стала доступна Сергию Радонежскому в той полноте, с которой возможно постижение и воплощение в художественном образе «таинства божественного бытия», осмысленного по благословению Сергия Андреем Рублевым в

---

[1] *Киприан (Керн), архимандрит.* Евхаристия. М., 1999. С. 7.

[2] Творения святителя Иоанна Златоустого. СПб., 2-е изд., 1904. Т. 10. С. 237.

[3] Тайна Церкви и Евхаристии в свете Тайны Св. Троицы / Международная смешанная комиссия. Мюнхен. 1982. С. 27.

Поединок Пересвета с Челубеем на Куликовом поле. М. Авилов

его гениальной иконе Троицы. Святой иконописец настолько проникся неким, незримым для самого Сергия замыслом, объективно существующим в духовной реальности, что считал не себя автором иконы, но святого старца, утверждая, что при работе над образом его рукой водил сам преподобный Сергий. Так же чувствовал рублевский образ Святой Троицы и Павел Флоренский: «В иконе Троицы Андрей Рублев был не самостоятельным творцом, а лишь гениальным осуществителем творческого замысла и основной композиции, данных преподобным Сергием»[1]. Символичным казалось, что это творение, которое невозможно понять до конца и невозможно не полюбить безгранично, это свидетельство общего, совместного с Богом, делания двух великих людей России, эта икона Троицы располагалась долгие годы вблизи мощей преподобного Сергия.

Размышляя о Сергии Радонежском, трудно обойтись без понятия «чудо». И равнодушие с ранних лет отрока Варфоломея к миру, где величие достигается лишь титулами и богатством, и отказ от собственной воли, и тяга к первобытию, и осознанное стремление к состоянию святости, и сама святость, и почитание преподобного после смерти — все это в нашем мире представляется из области чудесного. Не вдаваясь в сложные философские споры о природе чуда, основанные на двух антиномичных типах миропонимания — «когнитивном» (от лат. *cognition* — знание, познание) и «мистическом», представляющим все как вышедшее из рук Творца чудом, — признаем чудо как истину, как Промысел Божий, осуществляющийся акаузально, то есть вне какой-либо причинности, как тайну. Эту тайну невозможно постичь опытом, так же как и высокое состояние святости. Хотя есть видимые характеристики этого состояния, связанного с сознательным отречением от мира, со стремлением человека в безмолвие природы, в тишину собственной

[1] *Флоренский П. А.* Троице-Сергиева Лавра и Россия. У водоразделов мысли. Новосибирск, 1991.

души. Обретение святости человеком обычно связано не только с преображением души, но и с изменением тела, в результате продолжительного аскетизма («укрощения плоти»), подчинения духу. Вот как образно об этом чудесном преображении говорил известный русский церковный историк и публицист Михаил Меньшиков: «Святому нужно, действительно, особое, укрепленное тело. Укрепленное не гимнастикой, которая сводится к потере органического равновесия, к нарастанию грубых тканей за счет более нежных, а способом более естественным — воздержанием. Это тоже, если хотите, гимнастика, только через дух. Разросшиеся органы упражняются в неделании и непитании, пока не атрофируются до своей естественной формы. Как задача скульптора — отнять у мраморной глыбы все лишнее, чтобы обнаружить прекрасное изваяние, так и у подвижника: он постепенно снимает со своей плоти лишние жир, мясо, пока не превращается даже физически в идеальную фигуру — идеальную в том смысле, что в ней сохранено только необходимое»[1].

Почитание мощей тоже духовный процесс, коренящийся в отношении плоти и духа. Облагороженная плоть святого достойна быть объектом поклонения, как материальный корень духа, как все совершенное в своей первородной невинности и чистоте, накопившее и источающее Любовь. В поклонении мощам возможно стяжание излучаемой ими Любви, Любви спасительной, животворящей, врачующей. Обо всем сказанном, конечно, не знали убоявшиеся великой силы мощей святого Сергия кощунники-комиссары, в богоборческие времена начала прошлого века, а именно, в «Лазареву пятницу», 29 марта (11 апреля) 1919 года, надругавшиеся над святыми останками Радонежского игумена в основанной им обители. На вскрытии мощей присутствовали все члены Сергиевского исполкома, делегаты Наркома юстиции, Наркома здравоохранения, представители организации коммунистов района, врачи, военные, согнали и всех монахов, которых на то время в Лавре насчитывалось около 180 человек. На имя Патриарха Тихона в это же время поступил от населения против этого страшного злодеяния письменный протест на 35 листах за 5000 подписями, что не остановило богоборцев, и мощи были вынуты из раки и подготовлены к уничтожению. Но чудесным образом в 2 часа того же дня от комиссара Лавры поступило постановление Исполнительного комитета Сергиевского Совета о принятии мер к тому, чтобы останки преподобного Сергия оставались в должной сохранности, для чего было предложено, не изменяя расположения и вида останков, сделать над ними покрышку из зеркального стекла[2]. Так ничего и не доказали большевистские варвары, не пресекли почти тысячелетнее народное почитание святого. Не смогли они осилить его духовную мощь, противостоять Господу. Божиим промыслом святые мощи сохранены и чудодействуют, ведь и при своей жизни, и после смерти святой Сергий действовал для Родной Земли, для Церкви Божией, для русского народа.

Никто, как Сергий, не принимал столь живого участия в делах России непрестанным своим покровительством: и самолично, и через своих последователей и учеников содействовал он духовному возрождению и укрепле-

---

[1] *Меньшиков М. О.* Вечное воскресение. Русский вестник. М., 2003. С. 54.

[2] По материалам: *Олсуфьев Ю. А. граф.* Икона в музейном фонде // М. Горев. Троицкая Лавра и Сергий Радонежский // Паломник. М. 2006. С. 323.

нию в единстве земли Русской. Нескончаем перечень деяний святого Сергия во благо России. Он не только благословил на подвиг князя Димитрия, но помог окончательно побороть мусульманское иго. Не разрешил сжечь врагам Троицкую Лавру. Дал положительные начала внутренней русской жизни. Сам помирил мятежных князей и поставил их на службу единому государству. Инициировал порядок престолонаследия, тем укрепил самодержавную власть. Почитанием Троицы им были даны не только духовные ориентиры, но и социально-политические. С Именем Троицы происходило собирание русских земель вокруг Москвы, вокруг единого Московского государя, который почувствовал свое кафолическое, вселенское Православие, собирающее всех к единому пастырю вне зависимости от языков и национальностей. Восхищенный величием дел святого Сергия во славу России, мудро воскликнул однажды святитель Филарет над ракой преподобного: «Братие! Ведь это все здесь!..»

Нет основания не доверять житиям, рассказывающим о невероятных для одного человека по вселенской и исторической их значимости подвижнических деяниях. Понятно, что не без Божией помощи, не без замысла Господнего о России все это было возможно. Но в житиях не сказано, какие благодатные утешения от Бога ниспосылаются трудникам спасения и преображения. Мир видит только тяжелейший иноческий «узкий путь», причем смотрит на него сначала с сомнением в его полезности. «О, вы, — взывал некогда московский святитель Платон, — о, вы, коих мысль помрачнена и сердце расслаблено! Придите и посмотрите на угодника Божия преподобного Сергия! Что ж? Разве напрасно он столько в подвиге добродетели трудов употреблял? Разве тщетны были те слезы, тот пот, которые он проливал и ими напоевал насажденное в душе своей Божественное семя? О, нет! Вот сколько веков прошло, а имя его любезно в устах наших»[1]. Почему же такое возможно? Потому что при содействии благодати Божией подвиги святого старца преобразили всю нравственную природу его и возвратили ему первобытную чистоту и невинность, вечное блаженство и высокое богоподобное достоинство — все то, что было утеряно первым Адамом и было искуплено для нас бесценной кровью второго Адама — Господа Иисуса Христа.

И потому в своих подвигах святой Сергий Радонежский всегда с нами. Его незримого присутствия мы не замечаем, как воздух, которым дышим, как шелест ветра, как луч солнца. Но, как известно, в трудные времена *воздвигается* он в зримых своей силе и величии. Всенародное празднование 700-летия Радонежского Чудотворца свидетельствует о том, что сегодня, когда памятны кровавые богоборческие времена, когда усилиями исконных врагов России против нее ведется жесточайшая духовно-идеологическая война, приводящая к массовой нравственной деградации нашего народа, проводится массированное террористическое запугивание страны, для нашей всенародной политической и нравственной жизни нам опять нужен преподобный Сергий. Нужен — с его решительными помыслами, с его святыми чувствами. Он нам нужен в своем спасительном богоподобии. Нам нужны его заповеди, достойные превратиться в народную идею, которая поможет России вырваться из надвигающейся на мир смертной тьмы тотального гре-

[1] Житие преподобного Сергия Радонежского. Составитель архиепископ Никон (Рождественский). Сретенский монастырь, 2005. С. 54.

ха и следовать предначертанным путем к вечному Воскресению.

Явление Пресвятой Богородицы преподобному Сергию Радонежскому

И нет сомнения, что святой Сергий слышит нас, знает, что он нам нужен. Ведь сколько в последние годы чудес творится по нашим к нему молитвам. Множество свидетельств помощи святого старца среди военных, покровителем которых он является со времен Куликовской битвы. О помощи Сергия свидетельствуют бойцы группы «Альфа», штурмовавшие больницу в Буденовске, захваченную боевиками. Им удалось с минимальными потерями одолеть вражью группировку, превосходящую числом, вооружением, расположением. Как говорят бойцы нашего спецподразделения, чеченцам как будто кто глаза застилал, они не могли попасть в русских солдат с близкого расстояния. Похожие свидетельства поступали и от участников контртеррористической операции в Беслане. А сколько чудес творится в интернате для слепоглухонемых детей, расположенном на территории Троице-Сергиевой Лавры. Многие из них, инвалиды от рождения, конечно, не без самоотверженного труда педагогов, становятся полноценными людьми, получают образование, специальности.

Великое чудо святого — возрождение самой Троице-Сергиевой Лавры, поток верующих в которую не только не пресекается, но становится шире, полноводнее. Современно, как будто и не было страшного разрушения Русской Православной Церкви в XX столетии, жестокой гражданской войны, будто не было тягот войны Отечественной, звучат слова, сказанные В. О. Ключевским на 500-летие кончины преподобного: «Когда вместе с разнообразной, набожно крестящейся народной массой вступаешь в ворота Сергиевой Лавры, иногда думаешь: почему в этой обители нет и не было особого наблюдателя, подобного древнерусскому летописцу, который спокойным неизменным взглядом наблюдал и ровной бесстрастной рукой записывал, «еже содеяся в Русской земле», и делал это одинаково из года в год, из века в век, как будто это был один и тот же человек, не умиравший целые столетия».

Но, кажется, есть такой «человек, не умирающий целые столетия», — это сам Сергий. Он, «собиратель русских душ», выступив за границы времени, за черту собственного века, внимательно смотрит на нас, ожидая нашей ему помощи в нынешних и грядущих его подвигах и благодеяниях. И свидетели его милостивого и требовательного взгляда есть. Невозможно не поверить Валентину Распутину, рассказавшему так о своей встрече с преподобным на Куликовом поле в канун 600-летия битвы. «В ту ночь я впервые близко ощутил присутствие Сергия. До того близко, будто, оты-

скав меня, чужака, он и ко мне прикоснулся умиротворяющей дланью. Сыграли тут роль рассказ товарища, душевные поиски перед великой датой, когда, как археологу перед раскопом, который завтра закрывать, так хочется отыскать самое важное… И я, кажется, нашел. Оно было со мной, но правильно ли рассмотрел я его, это уже другое дело. Только, бывая не раз в Сергиевой Лавре, я и возле мощей преподобного не мог протиснуться ближе. Что-то мешало. Или многолюдье, густота и сбивчивость чувств от преклоненных. Или то как раз, что мне уже была явлена милость в развер-стости той полекуликовой ночи. “Чего же смущаешися, чадо?” — я и голос потом отыскал под эти слова, сказанные под вопрошающе-твердый взгляд поднятых глаз»[1].

Промыслительно, что, связанное с его 700-летием, новое воздвижение преподобного Сергия, при жизни объединившего русский народ и русское воинство в едином национальном порыве в борьбе за независимость, выпало опять на тревожные для России времена. Нам, бесконечно далеким от той трагической и победоносной эпохи, кажется, предстоит столкнуться с новыми смыслами, с новыми врагами, выработать новые стратегии. Но так ли это?

Действительно, вновь обострилась моральная болезнь человечества, называемая войной. Вновь алчут богатств России и с Запада, и с Востока. Никакими словесными убеждениями, никакими бумажными договорами невозможно отгородиться от врага и предотвратить злостную болезнь войны. Но можно ее предупредить закаливанием, увеличением сопротивляемости всего «организма» государства, состоящего из множества человеческих личностей, должных понимать духовную суть происходящего, быть убежденными в превосходстве духа над материей. «Русское воинство, светлое, бесстрашное, есть, прежде всего, духовная сила, и сталь орудий, и щетина штыков лишь внешняя, наружная оболочка этой силы, материализация духа народа, вызванная моментом и необходимостью, материализация, нисколько не противоречащая духу и в то же время отнюдь его не исчерпывающая. Повторяется старая, славная наша быль. Преподобный Сергий на битву с врагами России выслал двух схимников-богатырей; сам же Подвижник и величайший светильник духа остался в пустыне, ибо в жизни духа битва или война есть всего лишь событие, некоторая экстериоризация духовных энергий, сущность же духа безмерно больше, обширнее, глубже»[2]. Нет, ничего не изменилось в смыслах и стратегиях, хоть и прошло от великой битвы шесть с лишним веков. И главным русским оружием поныне остается духовная сила. Для помощи нам в осознании этого основного закона жизни, для спасения России сегодня вновь «воздвигается Сергий»!

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Дионисий Ареопагит*. Корпус сочинений. СПб., 2008. С. 168.
2. Творения святителя Иоанна Златоустого. СПб., 2-е изд., 1904. Т. 10.

[1] Сергий Радонежский / /*В. Г. Распутин*. Ближний свет издалека // М.: Патриот, 1991. С. 526.

[2] Русские философы о войне / *В. Ф. Эрн*. Меч и крест. М.: Кучково поле, 2005. С. 443.

3. *Епифаний Премудрый*. Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия Чудотворца.

4. Житие преподобного Сергия Радонежского. Составитель архиепископ Никон (Рождественский). Сретенский монастырь, 2005.

5. *Георгий Георгиевский*. Завет преподобного Сергия / Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1892. № 11.

6. *Киприан (Керн), архимандрит*. Евхаристия. М., 1999.

7. *Ключевский В. О.* Слово к 500-летию со времени преставления Сергия Радонежского.

8. *Константин (Горянов), архиепископ*. И познаете истину. СПб.: Издательский дом «Родная Ладога», 2011.

9. *Котельников В. А*. Православные подвижники. М.: Прогресс-Плеяда, 2002.

10. *Меньшиков М. О*. Вечное воскресение. М.: Русский вестник, 2003.

11. *Муравьев А. Н*. Путешествие по святым местам русским. М., 1990.

12. *Перевезенцев С. В.* Тайны русской веры. Вече, 2001.

13. Сергий Радонежский. М.: Патриот, 1991.

14. Тайна Церкви и Евхаристии в свете Тайны Святой Троицы / Международная смешанная комиссия. Мюнхен. 1982.

15. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1991.

16. *Флоренский П. А*. Троице-Сергиева Лавра и Россия. У водоразделов мысли. Новосибирск, 1991.

ВЫШЛА КНИГА

Ивашов Л. Г.

Как на кресте, я временем распят. Сборник стихов. — М.: Книжный мир, 2013. — 160 с.

Леонид Григорьевич Ивашов — профессор Академии военных наук, действительный член Академии национальной безопасности, действительный член Международной академии «Природа и общество», член Союза писателей России. Награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» II и III степени, «За заслуги перед Отечеством» III степени, многими медалями СССР и РФ, орденами и медалями иностранных государств.

Леонид Ивашов — автор таких книг, как: «Россия и мир в новом тысячелетии. Геополитические проблемы», «Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России», «Хоронить не спешите Россию», «Я горд, что русский генерал».

Валерий ГАНИЧЕВ

ПРОРОК И ВОЖДЬ

К 700-летию преподобного Сергия Радонежского

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

Свершение истинно спасительного державного шага в истории всегда опиралось на духовный фундамент, начиналось с идейного первотолчка, с возрожденного национального самосознания и Высокого Слова, обращенного к народу и его вождям. Горе сказавшим Слово не вовремя, оно толкает подвижников к поражению и катастрофе. Забвение ждет тех, кто в темноте своей или в страхе душевном пропустил миг истории, не нашел мужества, силы и нужных слов, чтобы обратиться к народу своему в переломный момент.

Лжепророки — называем мы тех, кто взывает к ложным ценностям, к химерическим идеям, к миражам.

Великую духовную ношу берет на себя тот, кто ощущает поворотное время, кто обращается к глубинам народного чувства, кто предвидит за страданиями победу, вызывая Действие. Точно и вовремя могут свершить это только Провидцы и Пророки.

Духовный Пророк не может быть случайным предсказателем, факиром. В нем накапливается ощущение времен, проявляется народное чувство, он завоевывает свое званье долготерпением, разделенными с людьми горестями и радостями, он подготовлен судьбой народа, предопределением свыше.

Провидец, не нашедший ответного отклика, чахнет, его имя уходит в редко востребуемые записи, иногда в специальные труды богословов, ученых, мемуаристов. Но если замкнется дуга Слова-призыва и Действия самопожертвования, то мир озарит вспышка, громыхнет гром истины, пронесется очищающая гроза, жизненной силой наполнится окружающая земля, явится чудо. Так и случилось в то далекое время, когда

духоподъемное Слово пророка Сергия из Радонежа вызвало чудо победы Дмитрия Донского.

Велик подвиг, свершенный Дмитрием Ивановичем Донским и его воинами на поле Куликовом.

Там спас он Отечество от многолетнего иноземного ига. Там спас он людей русских от ига оцепенения. Ныне эта победа воспринимается как никогда обостренно у нас на Родине, ибо пришла она через сверхнапряжение, через всеобщее единение, через возрождение, через непреклонность и мужество князя Дмитрия, через высокую любовь к Отечеству воинов русских, через Слово вдохновенное кроткого, добронравного и неуступчивого в Вере Сергия Радонежского.

Думаешь о России, и кажется порой: еще одно последнее дуновение — и погаснет свеча. Но всегда находятся силы, личности, возгорает под пеплом, казалось бы, истлевшей жертвенности жар души русского человека, и утверждается снова Русская Держава вопреки посягающей на всевластие корысти, снова возрождается народ.

Так было во времена Сергия Радонежского и Дмитрия Донского. Так будет и в наше тяжелое время.

Провидческий дар отца Сергия помог постичь Дмитрию Ивановичу то, что не раз повторяли наши герои-подвижники: дальше отступать некуда!

Князь Дмитрий не был бестелесным и безгрешным пустынником. Нет, он совершил и ошибки. Допустил Тохтамышево разорение Москвы, не успев собрать войско и продлив рабство. Не присоединил Рязань и Тверь к Москве: «желая изъявить великодушие». Печально и мудро замечает об этом Карамзин: «Добродетели Государя, противные силе безопасности, спокойствию государства, не суть добродетели».

Но Сергий разгадал в Великом князе и его воинах великую энергию и разбудил ее, направил на освобождение Отечества, отбросив все суетное и мелочное. И поэтому никогда не скорбела еще так после кончины Великого князя Русь, как в дни смерти Дмитрия Донского. Ибо он был любим, как писал тот же муж отечественной истории: «…за его великодушие, любовь по славе Отечества, справедливость, добросердечие. Воспитанный среди опасностей и шума воинского, он не имел знаний, почерпаемых в книгах, но знал Россию и науку правления; силой одного разума и характера заслужил от современников имя Орла высокопарного в делах государственных; словами и примером вливал мужество в сердца воинов и, будучи младенец незлобивым, умел с твердостью казнить злодеев! Современники особенно удивлялись его смирению в счастии. Какая победа в древние и новые времена была славнее Донской, где каждый россиянин сражался за Отечество и ближних?»

Многие из деяний Сергия Радонежского и Дмитрия Донского нам, потомкам, — и память, и укор.

Великое бескорыстие, вдохновенное служение Родине, духовная высота, преданность Вере отца Сергия — как необходимо все это сегодня, как не достает этого нам!

Уверен, что в России еще не раз прозвучит слово Сергия Радонежского, который призывает нас к объединению, зовет к возрождению Отечества.

Великий предок наш — Дмитрий Донской совершил подвиг ратный, одержав блестящую военную победу, но еще более велик его подвиг победы

над ужасом перед врагом, сковавшим русских людей. «И хлеб не шел в рот от страха», — писал тогда летописец. Сергий Радонежский и Дмитрий Донской разрушили этот страх. Поэтому столь велик и вневремен их подвиг! Поэтому свят он и для нашей Православной Церкви, для Отечества, для каждого патриота!

Низкий поклон шлем мы через века подвижникам, вечная им слава!

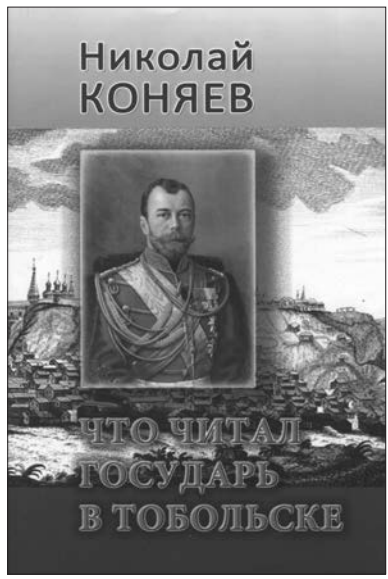
Вышла книга

Коняев Н. М.

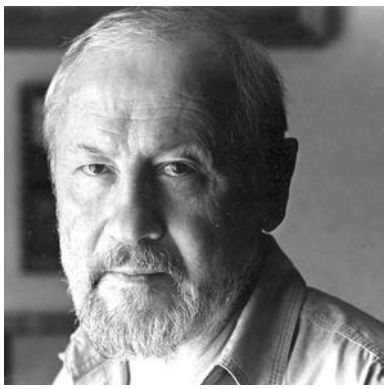
Что читал государь в Тобольске: Художественно-публицистические очерки. СПб.: Издательство «Русь» 2013. — 560 с.

Издатель: *Санкт-Петербургское отделение Общероссийской общественной организации «Союза писателей России».*

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга.

В новую книгу Николая Коняева, посвященную четырехсотлетней годовщине воцарения династии Романовых, вошли художественно-публицистические очерки писателя, рассказывающие о духовной наполненности русской истории, о том, как тесно переплетаются пути отечественной словесности и государственной власти.

Юрий ЛОЩИЦ

НА ПОЛЯХ ЖИТИЯ

К 700-летию преподобного Сергия Радонежского

Юрий Михайлович Лощиц — родился в 1938 в селе Валегоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 году окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

В предисловии к «Житию преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца» древнерусский писатель Епифаний Премудрый говорит, что на первые записи о жизни «старца свята» он, Епифаний, «дерзнул» — не помнит точно — через год или два по кончине Сергия, но что с тех пор минуло уже двадцать шесть лет. Только теперь, по прошествии четверти века, писатель, наконец, решается, испросив совета и благословения у премудрых наставников, приняться за работу над житием.

Удивителен этот столь долгий срок приготовления старинного автора к заветному труду. В наши дни так не бывает. В наши дни борзописцы-биографы норовят вручить издателю пухлые жизнеописания чуть не на другой день после смерти своих «героев». А иные, вдохновленные «свыше» — видел, знаю, — не стесняются тащить в издательство биографию верховного лица еще при жизни оного. Стремительность отчасти объяснима: надо, надо крепко поспешать, не ровен час, глядишь, книга еще не сброшюрована, а «героя» уже выносят вон из пантеона.

Зато Епифания читают русские люди уже шесть веков почти и будут читать до скончания света, а эти наши хитроухие епифашки линяют тем же самым часом, что и их незадавшиеся кумиры.

Итак, четверть века подспудной подготовительной работы, и лишь потом приходит решение. Епифаний говорит, что делал записи «в свитцех» и «в тетратех», делал их «запаса ради, и памяти ради, и пользы ради». Делал, не придерживаясь временно́й последовательности, «не по ряду, но предняя назади, а заднюю напереди».

Очень бы хотелось теперь хоть краем глаза глянуть на эти его свит-

ки и тетрадки. Впрочем, можно догадываться, о каких предметах идет речь. Свитки мастерились из полос обработанной скотьей кожи — пергамена, но в бедном монастырском обиходе пергамен сберегался для книг богослужебного круга, и Епифаний для своих личных записей, скорей всего, пользовался какими-то отходами писчей кожи, лоскутами обветшалых книг. Что до бумаги, то она в конце XIV — начале XV веков была на Руси привозной заморской диковиной и такой же редкостью, как для нас теперь пергамен. Можно догадываться, тетрадки в Троицкой обители, где монашествовал Епифаний при жизни игумена Сергия и по его кончине, ладились из пластов бересты. Про Сергия точно известно, что он пользовался берестяными книжками-самоделками.

Епифаньевы свитки и тетрадки исчезли бесследно, да и само его «Житие Сергия» в первоначальном виде не сохранилось. После смерти Премудрого оно было отредактировано другим писателем-агиографом — Пахомием Логофетом. В предисловии к житию Епифаний замечает, что он из своих заготовок включил в книгу «от многа мало», то есть произвел строгий, жесткий отбор сведений, пригодных для рассказа о Сергии. Вот это отверженное им многое — вот что мне то и дело мерещится за пределами дошедшего до нас текста. И не только этот Епифаниев излишек, исчезнувший без следа, но и то, видимо, тоже не малое, что по своему усмотрению позже изъял из книги Премудрого Пахомий.

«Житие Сергия» и само по себе, в сохранившихся его записях, — труд объемный, необыкновенно насыщенный бытовыми подробностями, образец житийного реализма, одна из вершин древнерусской литературы. И все же, все же… Слаб человек, мне жалко многого. Можно понять монаха Епифания, его авторскую суровость по отношению к этому многому. Литература, да и не только монашеская, всегда есть отбор, строгий, даже жестокий отбор, такой же неумолимый, как естественный отбор в природе. Но об одном из величайших людей Древней Руси, о самом почитаемом в народе русском святом, так бы хотелось знать больше, чем нам оставлено знать.

Епифаний, к примеру, почти не касается участия Сергия в делах государственных. Хорошо еще, что следы этих дел остались в летописях, в духовных и договорных великокняжеских грамотах, в воинских повестях о Куликовской битве.

Можно говорить об изъянах нашего читательского воображения, воспитанного прежде всего на образцах «светской», «мирской» биографии. Но его вряд ли быстро исправишь, оно то и дело ропщет при встрече со старинным житием. Мы хотели бы услышать от Епифания: как выглядел Сергий Радонежский, какого он был роста, какой имел голос, какие приметы, каким обладал характером… Может быть, имелись у него какие-то привычки, любимые какие-то словечки, кто из духовных писателей был им особо почитаем. Или вот еще: как отзывался он о своих именитых современниках — о князьях, митрополитах, епископах, тысяцких, воеводах. А если он, допустим, не имел обыкновения высказываться вслух об этих личностях и их поступках, то и эту особенность поведения Сергия важно бы нам знать. Возможно, такого рода любопытство — штука праздная, если не вредная. Но ничего не могу поделать, оно томит, беспокоит, и не один уже год. И одного ли меня? Не каждого ли человека, приезжающего в Лавру, чтобы поклониться мощам преподобного? Впрочем, у нас не зря чаще

говорят: «приложиться к мощам». Этот более чувственный глагол и более точен. Потому что человек, значит, хочет не просто поклониться, но именно приложиться, прикоснуться к мощам, прильнуть хоть на миг ко всей жизни святого, ко всей полноте его существа.

В такой вот чувственности нет ничего, думаю, стыдного или варварского, внешне обрядового. Мы идем к Сергию, чтобы испросить у него совета, помощи, заступничества. Идем, потому что нам хочется постичь смысл русской святости, смысл всей нашей исторической судьбы. Но, прикладываясь к мощам, мы жаждем и почувствовать Сергия — через землю, по которой он ступал, через лесные и полевые дали, которые озирал, через ствол старой сосны, чья прабабка шумела над крышей его кельи, через вкус воды в источнике, им когда-то отворенном.

Пусть мы никогда уже не узнаем о нем того многого, что не было допущено на страницы жития строгим Епифанием. Но при большом желании хоть немногую долю изъятого или отмеченного им лишь вскользь мы в состоянии разглядеть, собрать по крупицам и восстановить на полях Епифаниева труда.

СЕРГИЙ-ОГОРОДНИК

Однажды в монастырь, повествует Епифаний, пришел некий человек, крестьянин родом, много наслышанный о духовных подвигах троицкого игумена и пожелавший лицезреть великого мужа.

На вопрос, где можно видеть Сергия, монахи ответили, что тот работает в огороде. Пришелец посчитал, что над ним шутят, но на всякий случай прошел к огороду и в заборную щель, «скважню», разглядел: на грядках ковыряется какой-то захудалый, в старой, латаной ризе монашек. Гость обиделся: вон как братия разыграла его! И дураку ведь ясно — столь великий человек не станет заниматься работой подлой, сподручной темному смерду.

Когда Сергий вернулся с огорода и монахи указали на него гостю, крестьянин теперь уж наотрез отказался признать в землекопе знаменитого игумена.

У этой истории есть красноречивое завершение, но я не стану и дальше пересказывать Епифания. Мне хочется, в отличие от крестьянина, подольше и повнимательней посмотреть сквозь заборную «скважню» на монаха, работающего в огороде. Я хотел бы разглядеть, что там у него растет на грядах: лук, редька, чеснок, репа, капуста, петрушка с укропом, морковь? И какой ширины и длины эти гряды, высоко ли взбиты, удобрены ли. И что в руках у огородника — лопата, деревянные ли грабельки, тяпка? И как велика монастырская овощная подсобка? И каков сам по себе этот забор, если на огородника нужно глядеть в «скважню»?

Пытаясь представить себе облик Сергия-овощника, очень важно не упускать из виду, что родился он и детские годы провел под Ростовом Великим. Ростов же Великий в веках, помимо всего прочего, был знаменит как земля искуснейших огородников, и эта его слава дожила почти до наших дней.

Приезжайте летом в Ростов, пройдитесь вдоль городских усадеб, гляньте за тыны и заборы — на пышно курчавящуюся, прыщущую во все стороны ботву, на высоченные перья, стрелы голубого лука, густого, как камыш,

чеснока, на золотистые огуречные лианы, на валуны белокочанной. Или на местный рынок сходите, где почти бесплатными грудами ростовской овощи завалены лотки, прилавки и всякие подручные ящики. Да и в самом центре города, возле гостиных рядов, где нет уже места, чтоб расположиться на лотках и ящиках, и где зелень лежит вразвал прямо на асфальте, — и тут вам ясно, что Ростов — это не только колокола, история, но это еще и исторический огород России.

Ростовский огород простирается далеко за пределы города — по всему бывшему уезду, на десятки верст. Искусство ростовских овощников процветает в сотнях сел и деревень, пусть земля там и не такая пышно-пуховая, как в самом городе, чьи обыватели удобряют гряды чудодейственным илом из озера Неро.

Говорят, огородническая слава Ростова падает. Но все равно за семенами и рассадами окрестный народ по весне устремляется из деревень в город. А глядя в августовский полдень, как на крестьянских задворках где-нибудь в Караше или Борисо-Глебе золотятся, подсыхая на солнце, груды только что выкопанных, с кулак величиной луковиц или не уступающих им в размерах фиолетовых головок чеснока, только позавидуешь такому вот «оскудению». Но если местные жители в своих многолетних наблюдениях правы и огородная сила все же убывает, то кто же виноват, как не они сами. Тут нет нужды и в щель заборную глядеть за подтверждением: троицкий игумен, трудясь в монастырском огороде, конечно же, перво-наперво молитвой окроплял, удобрял и взрыхлял свои гряды, многократно просил у Господа «об изобилии плодов земных», «о благорастворении воздухов», «о временах мирных».

Думаю, что в прежние века и ростовские крестьяне твердо знали, детям и внукам передавали молитвенное Сергиево правило и всякий раз, выходя в огород с лопатой или вилами, просили помощи у своего святого земляка, чтобы вдохнул он силу и мощь в каждое мелкое семечко, кинутое в теплую, распаренную земную плоть.

СЕРГИЙ-ПЛОТНИК

Лесник приехал утром из Итлари на велосипеде. Взяли пилу, топоры, и за рекой, в сосновом бору, он наклеймил нам дюжины полторы не старых еще, но усохших стволов.

Пилили, стоя на коленях, с отвычки быстро задыхаясь. День серый, теплый, влажный, самая радость для комара. Звук несущейся по жилам крови мешается со звоном крапивно жалящей мошкары. Смола налипает на ладони и пальцы. Наскоро ошкуриваем стволы, стараясь заодно смахивать лезвием неглубокие черные лазы древоточца. Обломившиеся при падении стволов и обрубленные сучья подтаскиваем в кучи, громоздим кострища подальше от живых сосен, чтобы огонь не потревожил корни и кроны. Пламя подсушивает воздух, тяжелый дым нехотя скручивается в клубы, голубые, с седым отливом; вздыбливаясь, они опрокидывают комариную кучу. Дышится легче, лес за прозрачным жидким стеклом костра слоится синими извивами. Бор становится близок, как родное жилище, и мы как будто всегда жили в нем, не отлучаясь. Дым на излете копошится в иглах крон. Где-то недалеко кувырчет над лесом чета воронов, потревоженная чадом, и я вдруг припоминаю строки незаконченного стихотворения:

Встречу ворона, с тысячелетьем поздравлю.
«Как там Сергий, — спрошу, — и Кирилл?»

Да, это Сергиевы леса, Сергиева природа, его сосны, его птицы и комары, его речка внизу под обрывом. Мы будто не отлучались из его века, та же смола на руках, тот же пот на мокрых загривках. Даже велосипед, прислоненный к стволу, не мешает забыться. Попискивает на жару хвоя, потрескивают сучья, остро саднят свежие мозоли, жилы вздуваются на руках.

Укладываем трех- и пятиметровые бревна в штабеля, чтобы леснику было потом проще подсчитать на глазок кубатуру. Мы решили из этого дешевого леса срубить баньку. Первая проба, род забавы, для этого и лес сойдет малоценный. Но все равно ведь, говорят, лет двадцать простоит. Чтобы не загнивала снизу, мы загодя приволочили на место стройки шесть приречных валунов. Катили их вперекат, и на тачках, и даже на листе железа волокли.

…Жаркое июльское утро. Начало собственно плотницких занятий. В живой, налитый соком ствол топор входил бы, как в масло, а вот с пересохшим, зачерствелым деревом возни куда больше. Зло звенит лезвие, вгрызаясь в щепастую жесткую ткань, сильно отдает топорище в ноющих ладонях. Невесть откуда, будто жгут ржавой колючей проволокой, сваливается на нас свора слепней. Осатанело гудят рыжие, серые, одинаково толстые, норовя залететь сзади, ударить в шею, в лоснящиеся потом лопатки. Но свирепей всех хлещет неслышная крапчатая, с черно-желтыми точками тварь, чуть крупней обычной мухи. После ее укуса хочется содрать кожу с мгновенно вздувшегося твердого желвака… И опять поневоле вспоминаю Сергия. Его ведь тоже тиранили эти бешеные исчадья. Они тут же летят на запах и жар работающего человека. Им не хочется, наверное, чтобы мы что-то тут строили. Их вполне бы устраивало, если б мы сидели день напролет где-нибудь в тени, потягивали квас и дулись в зернь.

И вот мне хочется узнать: а как Сергий относился к этой злобной, словно из бесовского стана, мушне? Отбивался от них или терпел, будто не видит и не слышит? Или так он и понимал их необходимость, их назидательный смысл: если человек что-то делает, работает хорошее, тут-то и объявляется помеха в виде тучи кровососов, чтобы показать тем самым, что он, точно, занят хорошим делом…

Мне хочется больше и больше думать о плотницком ремесле троицкого игумена, которым он навеки приблизил себя к каждому русскому крестьянину. Первые кельи и первую церковь на горе Маковец он рубил с братом Стефаном. А потом, когда Стефан в Москву подался, но зато пришли к пустынножителю первые добровольцы из будущей монастырской братии, он и для них рубил келейки.

Как выглядели те домишки? Думаю, лес был, конечно, покрупней, чем в нашей баньке, но размерами обычная, на одну душу, келья вряд ли должна была превосходить то, что ладим теперь мы: сруб три на три да полуторараметровые в длину сени. В срубе разместятся столик, лежанка, печка, а что еще для одного-то нужно? Чем теснее, тем теплее зимой. Сколько таких келеек срубил он за свой век? Пожалуй, не один десяток, если учесть, что строил сам жилье, по свидетельству Епифания, не только на Маковце, но и в Киржаче. И во всех других новых монастырьках, которые затевались

вокруг Москвы по его благословению и при его участии, звякал наверняка Сергиев топорик. Когда я вижу мужика, медленно, важно вышагивающего в лес с топором, заткнутым за пояс, мнится мне, повадку эту он блюдет от самого Сергия-плотника.

В сонме русских святых Сергий чуть ли не единственный святой плотник. Дарование, наследуемое им от самого Христа, который ведь тоже вырос в семье плотника и с малых лет слышал, как щепки пахнут, как опилки струятся золотистым песком.

СЕРГИЙ-КЛАДЕЗНИК

Целую главку «Жития» посвящает Епифаний рассказу о том, как троицкие монахи возроптали однажды на своего игумена: неудачное-де избрал он место для монастыря, очень уж далеко за водой ходить. После этого Сергий, сопровождаемый одним из послушников, спускается «в дебрь», под гору, в место, где никогда не было проточной воды, и на краю канавки, заполненной дождевою водой, начинает молиться. И — внезапно «источник велий явися». Чудесно явленный кладезь не только облегчил монахам жизнь. К источнику стали стекаться люди из ближних и дальних сел. Пошла молва о чудесной силе этой воды, врачующей недуги. Источник стали называть Сергеевым. Игумен, услышав об этом от монахов, возмутился и запретил звать его своим именем: «Не бо аз дах воду сию, но Господь дарова нам недостойным».

Видимо, запрет Сергия держался лишь до его смерти. Почитание, разрастаясь, пересилило волю святого кладезника, окрепло в новых веках. Но, увы, из множества «Сергеевых источников», по преданию, открытых им самим, в наши дни не насчитать и двух.

Неизвестно местонахождение самого первого, упомянутого в «Житии». Варварски обошлись наши современники с колодцем, который Сергий срубил в Киржаче, когда ставил здесь Благовещенский монастырь. Исчезли следы источника в Старо-Голутвином монастыре (коломенские старожилы еще помнят о его существовании). Был когда-то Сергиев кладезь и в городке Петровске — на полпути из Переславля-Залесского в Ростов Великий. Дорогою этой преподобный не раз ходил, останавливался тут на ночлег и, видно, по просьбе местных жителей вывел для них из-под земли водную жилу. О его даре отворять воду знали, конечно, и в Радонеже, где прошло отрочество Варфоломея, будущего Сергия. Вот и сегодня, когда вы приедете в подмосковное село Радонеж, недавно возвратившее себе древнее имя, местные покажут вам, как отыскать Сергиев колодец. Надо пройти за огороды, спуститься в долину, к овражинке, заросшей кустами и деревьями. «Не знаем только, держится ли вода. Кажись, пересыхает…»

Он точно пересыхает. То ли распаханные наклонные поля подобрались слишком близко к овражку, то ли от безлюдья черствеет-застаивается вода. Вот она — еле точится из-под щели сруба, тут же пропадая в зарослях жирной осоки. Слышно, есть где-то в Мытищах или Пушкине человек беспокойный, пенсионного уже звания, он-то и приезжает каждое лето — подправить сруб, почистить дно от листвы. Но, похоже, и он давно не наведывался. Всего в полукилометре от колодца — радонежский холм заповедный, живописнейшее из русских городищ. Там на валах насыпных

за деревянным оплотом стояла и усадьба боярина Кирилла — отца Сергия. Теперь там — кучки туристов, автобусный затор у церковной ограды, памятник преподобному. Здесь же — безлюдье, запустение, шорох некошеных трав, монотонная возня ветра в ольшанике…

Но, помню, лет уже двенадцать назад посчастливилось набрести еще на один колодец, и вот про него-то можно было без преувеличения говорить: живая вода. Веселое, словно от века иного, место, чистейшая, зуболомно-ледяная под июльским припеком влага. И было впечатление от ухоженной, светлым песком присыпанной дорожки, от могучих деревьев, отеняющих ключ, такое: тут только что и стоял он сам — молитвенно-незримый сотворитель источника, но взял и отлучился, чтоб не стеснять наши блаженные ахи и охи. Это было на берегу малой Дубенки, за околицами старинного села Стромынь, на виду у кладбищенской рощи, обозначающей границы давно упраздненного монастыря, про который в Рогожской летописи так сказано: «Того же лета (1370) игумен Сергий, преподобный отец, постави церковь в имя святыя Богородице, честнаго ея Успения, и укрепи ю иконами и книгами и монастырь устрой, и кельи возгради на реце на Дубенке на Стромыне…»

Мы с другом черпали пригоршнями воду, жадно, хотя и осторожными глотками, пили, громко восхищались ее вкусом, ополаскивали лица, уже было собирались скинуть одежды да наскоро окропить друг друга с головы до ног — ведь живоносная! — но тут пожилой человек показался с бидончиком в руке. Поздоровались, и он запричитал: — Ах ты, незадача… Ковшик тут был, ковшик. — Нет, отец, не видали мы ковшика. — Знать, кто-то побаловал, унес ковшик. А как без ковшика?.. Ах, незадача. Пойду в село за ковшиком. — Да зачем же, отец? Зачерпывай прямо бидончиком, близко. — Нет, милые, нельзя бидончиком. Сергиев колодец-то, чу-до-творный. Нехорошо всякий бидон в него опущать. Пойду уж за ковшиком.

И побрел мелкими шажками — на лавы, за речку. Мы же глядели долго вслед, молчали. Вот это порода людская! Вот это Стромынь! Она нам сразу глянулась, как вышли из автобуса, с первого взгляда: крепкое, ухоженное, справное село, совсем, казалось, не задетое тайной антикрестьянской войной. Даже церковь хоть и не действует, а в хорошем виде, прямо сейчас освящай ее заново. Но такой вот крепости обычая, какую показал нам только что стромынский старичок, мы, однако, не ждали уже встретить — ни здесь, ни где еще.

И часто с тех пор вспоминается это его сокрушение: «А как без ковшика?» Будто и не минуло шестьсот лет от первого, самим Сергием вырезанного деревянного черпачка.

СЕРГИЙ-ХУДОЖНИК

Да, он сам вырезал, думаю, и питьевые ковши, сам ладил бадейки-водоносы, коромысла, всякую иную обиходную утварь. Среди его умений Епифаний называет сапожное и портняжное ремесла, навык печь просфоры и хлебы, скатывать свечи, кутью варить.

Но когда вижу в церковно-археологическом музее Лавры вырезанную из липового поленца причастную чашу, которую Сергий держал когда-то в руке в час обедни, чудится: он сам эту чашу и смастерил. И дискос-тарель

сам выточил из дерева. И когда в той же Лавре стою перед так называемой «моленной» иконой с ликом святителя Николая Мирликийского, когда вглядываюсь с волнением в неровную поверхность красочных мазков, наложенных на левкас вприплеск, быстрой, пусть не очень наторелой рукой, хочется вдруг поверить: это сам Сергий писал образ для своего келейного красного угла.

«Нигде не говорится, что он переписывал книги, занимался иконописью», — отмечает Борис Зайцев в своем прекрасном очерке «Преподобный Сергий Радонежский», наконец-то опубликованном у нас в стране. Да, если бы троицкий игумен писал иконы, об этом первым не умолчал бы автор «свитков» и «тетрадок».

И все же Сергий — душа художественная. На мир, на родину свою, на природное творение Игумен Русской земли глядел оком вдохновенного живописца. Какой поразительной красоты места избирал для закладки новых монастырей! Как глубоко понимал композиционную соразмерность рукотворных строений и окружающей их дикой природы! Гора Маковец, обрыв над речкой Киржач, Голутвинский плес-полуостров, гора Высокая в Серпухове… Сколько тут неба, простора, чистых воздушных токов, водных зеркал и зеркалец, синих лесных далей, вольной земли, дышащей подъемами и спадами! Даже наша сегодняшняя суетливо-бездарная цивилизованная застройка бессильна до конца исказить эти избранные места из творчества Сергия-художника, эти эпические окоемы, им облюбованные для зодчества. И сколько уже раз, сколько лет подряд, ранним ли утром, на закате ли, проезжая в вагоне электрички мимо лаврского холма, смотрю на него безотрывно, вместе со всем народом, будто впервые вижу неземную радость. Это сам Сергий держит в руках красоту Русской земли.

СЕРГИЙ-ДЕРЖАВНИК

Многих смущает, даже коробит, когда троицкого игумена называют в иных современных текстах «политиком», «идеологом», а то и «дипломатом». Ясно, что не устраивает нас в этих определениях применительно к преподобному Сергию. Воля монаха, благословившего русское воинство на противостояние орде Мамая, есть все же нечто иное, чем поступок политика, идеолога или дипломата. Как бы ни впечатлял современников и потомков сам факт церковного благословения на жестокую кровавую брань, в нем нет по сути ничего чрезвычайного. Русская Церковь неоднократно, и до, и после Сергия, укрепляла своим словом воинское стояние за Отечество и не покушалась при этом на политику.

И все-таки Сергий, оставаясь монахом-пустынником, был одновременно мужем государственным. Это гражданское служение он нес не потому, что стремился к нему всем естеством, а потому, что неумолимая необходимость требовала: отложить на время монастырские заботы для дел державных. Может, он и роптал про себя, когда злоба дня грубо вмешивалась в его иноческий распорядок. Может, и сокрушался сердцем, когда то и дело просили его мирить князей и княжества. Следы такого ропота и сокрушения заметны в «Житии». Но выразились не в словах самого Сергия, а в том намеренном, упорном невнимании, которое Епифаний позволяет себе по отношению к мірским сюжетам из жизни Радонежского чудотворца.

Об этом его сознательном невнимании красноречиво свидетельствуют летописи. Потому что лишь благодаря им дошло до нас описание одной из самых выдающихся державных служб Сергия. Имеется в виду его посольское хождение по просьбе московского великокняжеского двора в Нижний Новгород, где Сергий, проявив исключительную твердость и выдержку, едва ли не с риском для своей жизни мирит двух родных братьев-князей, Дмитрия и Бориса Константиновичей, вчерашних противников Москвы.

Молчит Епифаний и о другом, не менее важном для судеб тогдашней Руси, державном деянии старца, — о его встрече в Рязани с Великим князем Олегом Ивановичем. Последний в итоге беседы был пристыжен, покаялся и дал твердое слово никогда более не затевать распрей с Москвой. Каковое слово и держал до самой своей смерти.

Наконец, не упомянул Епифаний и о самом выдающемся миротворческом, державоустроительном поступке Сергия. Незадолго до смерти Дмитрия Донского троицкому игумену пришлось мирить Великого князя Московского и всея Руси с его двоюродным братом Владимиром Храбрым, князем Серпуховским. Ссора двух прославленных героев Куликовской битвы, судя по ее смутным отголоскам, оставшимся в договорных документах, возникла в связи с вопросом о наследовании московского престола. Похоже, что, предвидя близкую кончину Дмитрия, боярское окружение Владимира принялось небезкорыстно «обрабатывать» последнего в том смысле, что он, и только он — законный наследник Москвы и земли. Ведь такой порядок передачи власти — от брата к брату — искони существовал на Руси. А в окружении Дмитрия сложился иной, непривычный еще для большинства взгляд на вещи; порядок наследования власти по боковой — братней — линии обветшал; он приводил в веках к бесконечным распрям, и пора, наконец, заменить его на прямое наследование — по восходящей линии, от отца к сыну, в данном случае от Дмитрия к старшему из его детей Василию.

Сергий, которому пришлось разрешать спор, стал на сторону Великого князя и тем самым благословил, подкрепил своим авторитетом престолонаследное новшество — устав преемства Державы по прямой, по сыновней линии. Устав, который, собственно, и есть основной принцип Самодержавия. «И вот, — поясняет позднейший церковный автор, — охранение этого столь важного постановления, которому не только Москва, но и вся Россия на века обязана укреплением единой самодержавной власти, было вверено Промыслом Божиим не кому иному, как великому печальнику земли Русской преподобному Сергию!.. Его драгоценная для нас подпись украшает и скрепляет это великое по своему значению государственное законоположение».

Возможно, Епифаний не обмолвился об этом событии лишь потому, что не в силах был с близкого расстояния оценить его по достоинству. Не станем гадать. На нет и суда нет. Все вышесказанное — вовсе не упрек Епифанию за то, что пренебрег многим. Монах рассказывал о жизни монаха. Летописцы сообщали о поступках державного мужа. В итоге одно дополнилось, к счастью, другим. В умолчаниях Премудрого важно уловить отношение самого Сергия к тому, что приходилось ему делать и решать вне монастырских стен, так сказать, на мірской стезе. Гражданское служение для него — не страсть, не цель, не призвание, а скорее государев оброк, общественная повинность. Но мог ли «печальник земли Русской» уподобляться ленивому

рабу, избегающему такого оброка и такой необходимости? Сквозь стены его кельи проходили все плачи и стоны земли. Земля просила помощи и ослабы — запустелые поля, сожженные села, князья, сироты, калеки, вдовицы, бояре, бедные и богатые, грешные и невинные, стар и млад. Великодушное, отзывное сердце печальника порывалось ко всем и каждому. Так рождалась его единственная в своем роде власть над людьми — власть, которой он не добивался, на которой не настаивал, которой даже томился, но которую не имел права с себя снять.

Так — через подвижничество преподобного Сергия — забрезжило в тот труднейший для Руси век почти никогда не виданное у нас ни до, ни после согласие, лад двух властей — мірской и духовной, церковной и государственной. Было время (в XVII веке при Патриархе Никоне), когда Церковь, подражая Ватикану, неловко попыталась стать превыше царской власти. Но куда чаще были времена, когда государи старались покруче пригнуть церковную выю. Сергий же своим подвигом доказал: согласие божеского и земного вполне возможно на земле, даже в самые неблагоприятные, казалось бы, времена. И потому его великий молитвенный державный труд — укор всем тем временам нашей истории, вплоть до нынешних, когда гражданская власть, в слепом обожествлении своих элементарных, заурядно-плоских материальных целей, забывала, что ей одной, без равновесия и лада с властью духовной, не выжить. Ненасытимые рты пожрут друг друга, и уже пожирают, пока не восстановится забота об окормлении духовном. Из дурной бесконечности материальной вражды власть, эту вражду благословившая, никогда сама не выпутается, пока не будет у земли небесных поводырей. Таких как этот великий святорусский старец, завещавший нам одолеть «ненавистную рознь міра сего».

Царский ПУТЬ

Ольга КУЛИКОВСКАЯ-РОМАНОВА

«ЧУДНЫЙ САРОВ»

Доклад на XXII Международных Образовательных Рождественских чтениях

В истории России и Дома Романовых имена святых преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского неразрывны и стоят рядом. Не ошибусь, если скажу, что нет ни одного православного храма, где не было бы икон этих великих угодников Божиих. Господь призвал их на общественное служение в трудное, переломное для нашего Отечества время. Чудный Сергий вымолил у Бога освобождение Святой Руси от татарского ига. А служка Богородицы «огненный» Серафим не допустил впадения России в новую смуту после декабрьского бунта 1825 года.

В нынешний год 700-летия со дня рождения преподобного Сергия Радонежского особенно многолюдна будет знаменитая Троицкая дорога в обитель святого. В прежнее время вся Русь во главе с Царями и Императорами прошла по ней, чтобы поклониться мощам Игумена Земли Русской. В некоторых селениях на дороге были воздвигнуты путевые царские дворцы. Один из них стоял

Ольга Николаевна Куликовская-Романова — родилась в Югославии. Вдова Тихона Николаевича Куликовского-Романова. Окончила Мариинский Донской институт благородных девиц (филиал Смольного), эвакуированный из Новочеркасска во время Гражданской войны в г. Белая Церковь, Югославия. Получила медицинское, коммерческое, архитектурное образование, владеет семью языками. В 1991 году вместе со своим супругом Тихоном Николаевичем организовала благотворительный Фонд «Программа помощи России» имени Ея Императорского Высочества Великой княгини Ольги Александровны, своей свекрови. После смерти мужа в 1993 году возглавила деятельность Фонда. Почетный академик Российской Академии Художеств (2005), автор множества публикаций, а также нескольких книг. Член СП России. **Живет в Москве.**

в селе Тайнинском. Ныне здесь возведен памятник святому Царю-страстотерпцу Николаю Второму работы скульптора Вячеслава Михайловича Клыкова. Наш фонд имени Е. И. В. Великой княгини Ольги Александровны заботится о содержании памятника и окружающего ландшафта.

По сложившейся традиции Государь Император Николай Александрович неоднократно посещал Троице-Сергиеву Лавру вместе с членами Августейшей Семьи. Общеизвестен его решающий вклад в дело канонизации преподобного Серафима Саровского. В сам праздник прославления святого Императорская Фамилия прибыла в Саров. Воспоминания о тех незабываемых днях оставила младшая сестра Царя-страстотерпца Великая княгиня Ольга Александровна, моя дорогая свекровь. Эти воспоминания хранятся в нашем семейном архиве. Часть из них вошла в редчайшую книгу об Угоднике Божием, написанную Анатолием Тимофиевичем. Книга была издана к 50-летию прославления святого попечением сестер основанного в 1949 году в США Ново-Дивеевского Успенского женского монастыря. В пасхальном письме 1955 года Великая княгиня Ольга Александровна пишет своей датской знакомой Александре Михайловне Искре: «Читаю чудную книгу о преподобном Серафиме Д-ра Анатолия Тимофеевича, он живет US в монастыре Ново-Дивеевском. Говорят, там такая благодать, чувствуется любовь отца Серафима…». В том же письме автор сообщает, что с сыном Тихоном, членом церковного совета русской церкви в Торонто, ездят «часто в город — к каждой Преждеосвященной обедне». Вообще должна отметить, что все члены великокняжеской семьи были глубоко верующими и церковными людьми, воспитанными на почитании святых Сергия Радонежского и Серафима Саровского.

В августе 2003 года два экземпляра этой неизвестной в России книги о святом я привезла из Канады на торжества, посвященные 100-летию прославления преподобного Серафима Саровского. Один экземпляр книги передала для Святейшего Патриарха Алексия, а другой — во дни торжеств преподнесла настоятельнице Серафимо-Дивеевского монастыря игуменье Сергии (Конковой).

Багрянородная сестра святого Царя-страстотерпца вспоминает:

«Царский поезд остановился где-то в поле, не доезжая до города Арзамаса, виднеющегося слева вдали. Рассевшись по коляскам по два человека, тронулись в путь по пыльной черноземной дороге. Пыль стояла густая всю дорогу почти до леса, там же началась песчаная дорога. Чудный лес и тень показалась нам после зноя раем. Приближалась цель нашей поездки и с ней росло нетерпение увидеть Саров. Вдруг на повороте перед глазами раскрылся чудный вид монастыря, блиставшего своими золотыми крестами над церквами, стенами вокруг него и воротами. Толпы богомольцев, тянувшиеся как и мы, туда же.

Торжество перенесения мощей и положения в новую раку не стану описывать, так как много уже было написано и рассказано тогда об этом.

Помню, какое великое на меня впечатление произвела толпа богомольцев…

Наш русский народ со всех краев России стекался в эти дни в Саров, как и при жизни батюшки отца Серафима, когда он сам всех принимал, к кому всегда был доступ, слова утешения, добрый прием. Никто от него не уходил, не получив доброго совета и духовной помощи.

Тысячная толпа спала на лугу под открытым небом внизу под горой у реки. Ночью горели костры, по прозрачному ночному воздуху доносилось пение молитв, на темном небе горели звезды и светила луна. Мирно и чудесно.

Днем и ночью беспрерывно двигалась густая толпа богомольцев к собору с умилительной верой. Каких только калек они с собой не вели, несли и тащили в самодельных тележках. Какая великая вера двигала всех этих людей. Один крестьянин из Архангельска, на руках, влача свои парализованные ноги за собой, шел один, без посторонней помощи.

…Шли сухие, слепые, хромые, все шли тихо и чинно, и между ними попадались кликуши. Чем ближе к храму, тем труднее было справиться с ними. С усилием их втаскивали по ступенькам наверх; четыре человека не справлялось с одной, начинались дикие крики. Наконец, попавши в собор и там приложившись, крики стихали, и мучавший их дух отходил по молитвам сопровождающих их родных.

Ходили мы и пешком в ближнюю и дальнюю Пустыньки, прикладывались к небольшому плоскому камню, на котором молился некогда Батюшка 1000 дней. В Пустыньке висели еще его рубаха, топор и другие предметы, принадлежавшие преподобному. Везде чувствовалась его близость.

Утром по пути туда встретились богомольцы вдоль реки. Помню, что один молодой парень, поддерживаемый своею матерью, висел как-то на руках, поджав ноги под себя на ветке, и глядел оттуда над головами толпы на Государя. Возвращались мимо того же места. Теперь мать и сын были центром взволнованной толпы богомольцев. Кто-то говорил: “Чудо, чудо случилось!” Крестьянка в радостных слезах рассказывала, как она пошла на источник, зачерпнула воды в свой маленький чайник и стала поливать у сына колени и ноги, и вот его изогнутые ноги стали выпрямляться, он стал на ноги и теперь может хорошо стоять и ходить. Мы все вместе с этой матерью порадовались ее великой радости и счастью быть свидетелями Божественной помощи.

Перед отъездом удалось приобщиться, а накануне вечером и исповедаться в самой келье Батюшки у старца схимонаха (не помню имени). У меня было чувство, что он видит мою душу насквозь, и страх меня разбирал, а он так ласково и трогательно со мной говорил, что стало легко и радостно.

В один из последних вечеров Императрица Александра Феодоровна, Ея сестра В. К. Елисавета Феодоровна захотели выкупаться в источнике, позвали и меня с собой. Был такой теплый вечер и было почти светло, так как луна освещала тропу. С левой ее стороны темнела опушка леса, а с правой стороны речка, вдоль которой мы шли, журчала и кое-где блистала в лучах луны. Вода источника была до такой степени холодная, что как бы обжигала тело, будто кипяток, зато потом оставалось приятное чувство бодрости.

Уезжать не хотелось, и мы с грустью покинули после пятидневного пребывания чудный Саров. Это святое место унесло с собой незабываемые воспоминания».

Спустя сто лет и мне посчастливилось побывать у преподобного Серафима в «чудном Сарове». Особенно запомнилось, как подошли к открытой раке преподобного. Душевные переживания и эмоции были настолько сильны, что слезы удерживала с трудом. Я со страхом Божиим трепетно приложилась к мощам преподобного Серафима Саровского и приложила иконку,

которая была у меня на шее. Иконка двухсторонняя, на одной стороне изображен преподобный Серафим Саровский, на другой — образ Божией Матери «Умиление».

В пятницу, 1 августа 2003 года, был главный день торжеств. Именно 100 лет назад, первого августа 1903 года, в присутствии Царской Семьи был торжественно причислен к лику святых преподобный Серафим Саровский. Тогда тысячи верующих со всей России съехались в Дивеево. Ранним утром 1 августа 2003 года тысячи людей занимали лучшие места для того, чтобы увидеть ретрансляцию праздничного Богослужения, которое должен был провести Патриарх Алексий прямо на соборной площади Дивеевского монастыря. Пройдя за ограду монастыря, мы вновь приложились к мощам преподобного, которые теперь были помещены на улице под золоченой резной походной сенью неподалеку от входа в Дивеевский Преображенский собор. Рядом был сооружен импровизированный алтарь, прямо на площади под открытым небом, где вскоре началось праздничное Богослужение. Огромное количество иерархов со всех уголков земли принимали участие в этой службе. Гости произносили некоторые возгласы на литургии на родном языке, отчего служба оказалась особенно торжественной.

После причащения тысячи верующих устремились на главную площадь Серафимо-Дивеевского монастыря. Люди прикладывались к мощам преподобного Серафима Саровского, находившимся прямо на улице, под походной сенью у входа в Преображенский собор. Затем святые мощи перенесли обратно в Троицкий собор. Очередь к раке не прекращалась и утром следующего дня. До обеда оставался приблизительно час, и на площади ко мне стали подходить знакомые и незнакомые люди из Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Петербурга, Пскова, из Верхотурья и самых разных уголков страны и ближнего зарубежья. Любовь и поклонение святыням неистребима в русском народе.

Много раз молилась у мощей святого угодника Сергия Радонежского. Об этих встречах с великими русскими святыми у меня, как и моей свекрови, остались «незабываемые воспоминания». Главное, что ныне Россия, как и в царское время, вся от мала до велика, притекает в обители Сергия и Серафима. У их святых мощей молимся о мире и благоденствии, о единстве народа, о спасении и благополучии детей и внуков наших. Святая Царская Семья и семья Великой княгини Ольги Александровны — молитвенники и почитатели преподобных Сергия и Серафима — это образец для подражания молодым семьям. Полюбим всем сердцем, как Цари наши, святых Сергия и Серафима — спасем Россию. И передадим ее в крепкие руки молодых русских людей.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

«СВЯТИСЬ, СВЯТИСЬ, ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ»

Праздник Пасхи как духовно-эстетическое начало русской пасхальной словесности

Алла Анатольевна Новикова-Строганова, доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХ и ГС), юрист, консультант Орловского областного Совета народных депутатов, советник государственной гражданской службы 1-го класса. Автор трех монографий и более 300 опубликованных в России и за рубежом научных работ о творчестве Лескова, Достоевского, Тургенева, Бунина и других классиков мировой литературы. **Живет в Орле.**

День православного Востока
Святись, святись, Великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!

Ф. И. Тютчев

История отечественной литературы впитала в себя христианскую образность, особый язык символов, «вечные» темы, мотивы и сюжеты, притчевое начало, уходящее своими корнями в Священное Писание. Светлое Христово Воскресение явилось духовной сердцевиной русской пасхальной словесности.

Пасхальный рассказ как особый жанр был некогда незаслуженно забыт, а вернее — злонамеренно сокрыт от читателя. Пасхальная словесность третировалась с вульгарно-идеологических позиций как «массовое чтиво» — якобы малозначительная, бесследно прошедшая частность «беллетристического быта» нашей литературы. Теперь этот уникальный пласт национальной культуры обретает путь к своему (поистине — пасхальному!) возрождению.

Глубоко прав был в своем пророчестве Н. В. Гоголь: «Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — праздник Светлого Воскресения воспразднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов!»[1]

Ведущие идеи праздничного мироощущения — освобождение, спасение человечества, преодоление смерти, пафос утверждения и обновления жизни. В этот свод включаются также идеи единения и сплочения, братства людей как детей обще-

[1] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: АН СССР, 1937–1952. Т. VIII. С. 409–418.

го Отца Небесного. Как писал Гоголь о Пасхе, «день этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него человека».

В Евангельском послании святого Апостола Павла сказано, что Иисус послан был в мир, *«дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех»* (Евр. 2 : 9), *«И избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству»* (Евр. 2 : 15); *«Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий чрез (Иисуса) Христа»* (Гал. 4 : 7).

Таким образом, событием Христова Воскресения утверждается ценность и достоинство человека, который уже не является узником и рабом собственного тела, но наоборот — вмещает в себя все мироздание. В Богочеловечестве Христа сквозь телесное естество сияет неизреченный Божественный Свет: *«Одеялся светом, яко ризою, наг на суде стояще и в ланиту ударения принят от рук, их же созда».*

В Пасхе заложена также идея равенства, когда словно сравнялись, сделались соизмеримыми Божественное и человеческое, небесное и земное; утверждается полнота величественной гармонии между миром духовным и миром физическим.

Праздничный эмоциональный комплекс радостной приподнятости, просветления разума, умиления и «размягчения» сердца составляет ту одухотворенную атмосферу, которая в пасхальном рассказе становится нередко важнее внешнего сюжетного действия. Внутренним же сюжетом является пасхальное «попрание смерти», возрождение торжествующей жизни, воскрешение «мертвых душ». Лейтмотивом в русской пасхальной словесности звучит торжественно-ликующий православный тропарь: *«Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!»*

В отечественной литературе Гоголь наиболее точно выразил не только общечеловеческий, но и национально-русский смысл православной Пасхи: «Отчего же одному русскому еще кажется, что праздник этот празднуется как следует <…> в одной его земле? <…> раздаются слова: “Христос воскрес!” — и поцелуй, и всякий раз также торжественно выступает святая полночь, и гулы всезвонных колоколов гудят и гудут по всей земле, точно как бы будят нас! <…> где будят, там и разбудят. Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе, <…> есть уже начало братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратание людей было у нас родней даже и кровного братства»[1].

В духовной сущности великого христианского «праздника праздников» открылась Гоголю внутренняя связь славной героической истории русского народа с его нынешним состоянием: «От души было произнесено это обращение к России: “В тебе ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться ему?..” В России теперь на каждом шагу можно сделаться богатырем. Всякое звание и место требуют богатырства»[2].

Отсюда родилась и уверенность в грядущем пасхальном возрождении России и русского человека: «есть, наконец, у нас отвага, никому не сход-

---

[1] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: АН СССР, 1937–1952. Т. VIII. С. 409–418.

[2] Там же. С. 291–292.

ная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли домы свои и земные достатки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды — все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия — один человек».

Пасха Христова внушает писателю упования на русское духовное единение: «И твердо говорит мне это душа моя; и это не мысль, выдуманная в голове. Такие мысли не выдумываются. Внушеньем Божьим порождаются они разом в сердцах многих людей, друг друга не видавших, живущих на разных концах земли, и в одно время, как бы из одних уст, изглашаются. Знаю я твердо, что не один человек в России, хотя я его и не знаю, твердо верит тому и говорит: “У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспразднуется Светлое Воскресение Христово!”»[1].

Глава «Светлое Воскресение» явилась мощным в идейно-эстетическом плане финальным аккордом, выразила «святое святых» **«Выбранных мест из переписки с друзьями»** (1847). «Идея воскрешения русского человека и России» стала пасхальным сюжетом гоголевской «книги сердца». Рассмотрев идеи пасхальных рассказов: «духовное проникновение», «нравственное перерождение», прощение во имя спасения души, воскрешение «мертвых душ», «восстановление человека», — В. Н. Захаров пришел к справедливой мысли о том, что «если не все, то многое в русской литературе окажется пасхальным»[2].

По своему смысловому наполнению, содержательной структуре, поэтике чрезвычайно схожи святочные и пасхальные рассказы. Не случайно в XIX столетии они нередко публиковались в единых сборниках под одной обложкой[3]. «Однонриродность» пасхальной и святочной словесности проявилась в их взаимопроникновении и взаимопереплетении: в святочном рассказе проступает *«пасхальное»* начало, в пасхальном рассказе — *«святочное».* Так, например, главное событие святочного рассказа Н. С. Лескова **«Фигура»** (1889) происходит под Пасху; лесковский «рождественский рассказ» **«Под Рождество обидели»** (1890) содержит пасхальный эпизод. В пасхальном рассказе А. П. Чехова **«Студент»** (1894) воспоминания о событиях Страстной Седмицы (отречение Апостола Петра) представлены на фоне почти святочном, по-зимнему морозном: «Дул жестокий ветер, в самом деле возвращалась зима, и не было похоже, что послезавтра Пасха»[4]. В то же время в чеховском рассказе **«На святках»** (1900) явственно проступает возрождающее пасхальное начало. Очевидно нравственно-эстетическое

---

[1] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: АН СССР, 1937–1952. Т. VIII. С. 409–418.

[2] *Захаров В. Н.* Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. С. 252, 256.

[3] См., например: *Баранцевич К. С.* Чудные ночи. Рождественские и пасхальные рассказы и очерки. М., 1899.

[4] *Чехов А. П.* Избранное: В 3-х т. М.: Векта, 1994. Т. 2. С. 510.

воздействие «рождественского рассказа» **«Запечатленный Ангел»** (1873) Н. С. Лескова на русский литературный процесс в целом, и в частности — на пасхальный рассказ А. П. Чехова **«Святою ночью»** (1886).

Лесковский **«Запечатленный Ангел»**, которому в нынешнем году исполнилось 140 лет, имел громадный успех у читателей, стал общепризнанным шедевром еще при жизни автора. По словам Лескова, рассказ «нравился и Царю, и пономарю»[1]. **«Запечатленного Ангела»** узнали «на самом верху»: Императрица Мария Александровна выразила желание послушать это произведение в чтении автора.

«Проста, изящна, чиста <…> прекрасная маленькая повесть г. Лескова “Запечатленный Ангел”, — отмечал православный мыслитель и публицист К. Н. Леонтьев. — Она не только вполне нравственна, но и несколько более церковна, чем рассказы графа Толстого»[2].

Ключевое слово-образ в **«Запечатленном Ангеле»** — «чудо». Оно играет и переливается разными красками, смыслами и даже сверхсмыслами, насыщено сакральными знаками Сил Небесных. Весь свод «чудес», «дивес», «преудивительных штук» неуклонно подводит к основному чуду в кульминационной точке сюжета — общечеловеческому единению, осуществлению желания с Божьей помощью «воедино одушевиться со всею Русью»[3]. В этом смысле знаменательно, что герои-артельные строят *мост*, символизирующий прорыв раскольничьей обособленности в Православный мир. Лесков устами отшельника Памвы выражает свою горячую веру в то, что все — «уды единого тела Христова! Он всех соберет!» (I, 436).

Образ жизни в лесном скиту «беззавистного и безгневного» (I, 436) смиренного «анахорита»: «согруби ему — он благословит, прибей его — он в землю поклонится, неодолим сей человек с таким смирением!» (I, 438) — напоминает житие аскета-пустынника преподобного Серафима Саровского с его благодатным путем подвигов молитвы и самоотречения. Эту параллель подтверждает авторитетный источник: «изрядный, по основному образованию, знаток церковности, А. А. Измайлов без колебаний признал в беззавистном и безгневном лесковском праведнике Памве Серафима Саровского»[4], — затворника Саровской пустыни, чудотворца. Образ преподобного связан с многочисленными знамениями, чудесами, окутан легендами, свидетельствующими о его почитании в народе.

Так и старец Памва возникает в **«Запечатленном Ангеле»** среди лесной глуши внезапно, точно сказочный добрый помощник, Божий посланник, стоило только заблудившимся героям попросить высшие силы о помощи: «Ангеле Христов, соблюди нас в сей страшный час!» (I, 434). Появление отшельника воспринимается вначале как явление «духа»: «из лесу выходит что-то поначалу совсем безвидное, — не разобрать» (I, 434). Но, приглядевшись, герой-рассказчик не может про себя не воскликнуть: «Ах, сколь

---

[1] *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М.: Гослитиздат, 1958. С. 406. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением номера тома римской цифрой, страницы арабской.

[2] *Леонтьев К. Н.* Анализ, стиль, веяние // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 210.

[3] *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 455.

[4] *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2-х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1984. С. 400.

хорош! ах, сколь духовен! Точно Ангел предо мною сидит и лапотки плетет для простого себя миру явления» (I, 437).

«Раскол XVII века поселил тревогу и сомнения в русскую душу, — писал исследователь русской святости Г. П. Федотов. — Вера в полноту реализующейся Церковью на земле святости была подорвана»[1]. Однако в **«Запечатленном Ангеле»** старовер, встретившись со святым отшельником Памвой, справедливо «дерзает рассуждать» о раскольничьем движении: «Господи! <…> если только в Церкви два такие человека есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевлен» (I, 439).

Духовная жизнь теплится, не угасает. Как замечал Г. П. Федотов: «найдется иногда лесной скиток или келья затворника, где не угасает молитва. <…> В пустынь к старцу, в хибарку к блаженному течет народное горе в жажде чуда, преображающего убогую жизнь. В век просвещенного неверия творится легенда древних веков. Не только легенда: творится живое чудо. Поразительно богатство духовных даров, излучаемых св. Серафимом. К нему уже находит путь не одна темная, сермяжная Русь. Преп. Серафим распечатал синодальную печать, положенную на русскую святость, и один взошел на икону, среди святителей, из числа новейших подвижников. <…> Оптина Пустынь и Саров делаются двумя центрами духовной жизни: два костра, у которых отогревается замерзшая Россия»[2].

Так же и старец Памва в повести Лескова толкует о грядущем «распечатлении» Ангела: «Он в душе человеческой живет, суемудрием запечатлен, но любовь сокрушит печать…» (I, 439).

В разъединении друг с другом и с Богом люди ощущают себя не просто осиротевшими, они становятся «братогрызцами» (I, 431). Для установления истинно братских отношений необходимо обрести общий корень, общую опору — в христианском единении **«едиными усты и единым сердцем»** (выделено мной. — *А. Н.-С.*) (I, 431).

Это высказывание отрока Левонтия проецируется на кульминацию и финал рассказа — переход героев-старообрядцев в новое духовное состояние через соединение с Православной Церковью. В то время как один из артельных — Лука Кириллов, — спасая святыню, совершает свой самоотверженный переход по обледенелым цепям над бушующим Днепром, в храме совершается всенощная в память Василия Великого. Литургия содержит слова об общем духовном устремлении православных христиан **«едиными усты и единым сердцем»**, имеющие «мотив обретения “веры истинной” через церковное причастие»[3].

Старообрядцы чудесным образом узрели «славу Ангела господствующей Церкви и все Божественное о ней смотрение в добротолюбии ее иерарха и сами к оной освященным елеем примазались и Тела и Крови Спаса сегодня за обеднею приобщились» (I, 455). Имевшие «влечение воедино одушевиться со всею Русью» артельные «так все в одно стадо, под одного Пастыря, как ягнятки, и подобрались, и едва лишь тут только поняли, к чему и куда всех нас наш запечатленный Ангел вел» (I, 455).

---

[1] *Федотов Г. П.* Святые древней Руси. Paris: YMCA-PRESS, 1989. С. 234.

[2] Там же. С. 235.

[3] *Горелов А. А.* Патриотическая легенда Н. С. Лескова (Поэтика преобразований и стилизация в повести «Запечатленный Ангел») // Русская литература. 1986. № 4. С. 163.

Чудесный финал идеально соответствует жанровой природе «рождественского рассказа»: героев-раскольников к Православной Церкви «перенес Бог» (I, 454), Ангелы вели, спасая светоносностью икон от гибели над ревущей бездной.

Сквозь святочные события явственно просвечивают мотивы пасхальные, возрождающие и воскрешающие. В глубинных эмоционально-смысловых пластах повести Ангел-спаситель уподобляется Самому Христу-Спасителю. В повествовательном пространстве текста различимы знаки сакральных начал. Так, петух («петелок»), возгласивший «Аминь!» человеческим голосом, и агнец — символ кротости и жертвенности, прообраз и одно из метафорических именований Спасителя — обращают внимательного читателя к новозаветной пасхальной образности.

Пасхальный смысл лесковского «рождественского рассказа» и в том, что путь к Церкви староверов, ведомых Ангелом, лежит через поругание святыни и страдание. Ангел-хранитель, говорит рассказчик, «Сам <…> возжелал себе оскорбления, дабы дать нам свято постичь скорбь и тою указать нам истинный путь». Здесь различимы слова Всенощного бдения: «крест бо претерпев, погребению предадеся, яко Сам восхоте; и воскрес из мертвых, спасе мя, заблуждающегося человека». Погребению уподоблено «запечатление» Ангела (наложение печати на иконописный лик). «Дело пропащее и в гроб погребенное», — говорит Марк о поруганной иконе. Возможна следующая расшифровка заглавия лесковского рассказа: «Как Христос воскрес из “запечатленного гроба”, “без истления”, так и Ангел оказался невредим под сургучной печатью. <…> Вся история распечатления Ангела звучит как метафора Воскресения»[1].

Несмотря на критическое замечание Ф. М. Достоевского в его статье **«Смятенный вид»** о том, что Лесков в финале поспешил разъяснить чудо, все же и рассказчика, и героев, и читателей не оставляет впечатление, что они стали «сопричастниками», «дивозрителями» (I, 410) утверждения Высшего Промысла, победы провиденциального начала. Объективную, непредвзятую точку зрения на святочное чудо сформулировал Лесков устами героя **«Запечатленного Ангела»**: «всяк как верит, так и да судит, а для нас все равно, какими путями Господь человека взыщет и из какого сосуда напоит, лишь бы взыскал и жажду единодушия его с Отечеством утолил» (I, 456).

Уместно вспомнить рассуждение святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, о двух путях и двух путеводителях: «На пути гладком и покатом путеводитель обманчив; <…>, а на пути негладком и крутом путеводителем добрый Ангел, и он через многотрудность добродетели ведет следующих за ним к блаженному концу…»[2] По собственному предсказанию, «не преполовя дня» (I, 456), принял «блаженный конец» старик Марой, увидевший свечение и славу «церковного Ангела» (I, 454); еще ранее почил с миром отрок Левонтий, перед смертью по благослове-

---

[1] *Майорова О.* «Проста, изящна, чиста…» (О «маленькой повести» Н. С. Лескова «Запечатленный Ангел») // 1-е сентября: Литература. М., 1994. № 2. С. 2–3.

[2] Цит. по: Православный календарь. Праздники. Жития святых. Молитвы. Апостольские и Евангельские чтения. Толкования святых Отцов Церкви. М.: Онега, 1998. С. 14.

нию старца Памвы узнавший, «какова господствующей Церкви благодать» (I, 431).

«Этот Левонтий годами был сущий отрок <…>, но великотелесен, добр сердцем, богочтитель с детства своего и послушлив и благонравен <…> Лучшего сомудренника и содеятеля и желать нельзя было» (I, 418–419). Образ героя проецируется на оглашаемые главы Евангелия на литургии в память Василия Великого, предшествующей приобщению героев к Церкви. Речь идет об отроческих годах Иисуса: «Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости; и благодать Божия была на Нем» (Лк. 2 : 40).

В связи с образом отрока также по-новому осмысливается привычный в святочном рассказе мотив ребенка-сироты. С рыданиями поет Левонтий духовную песнь — плач библейского Иосифа, проданного братьями в рабство: «Кому повем печаль мою, Кого призову ко рыданию <…> Продаша мя мои братия! « (I, 430). Этот духовный стих, по слову отрока, «таинственно надо понимать» и «с преобразованием» (I, 431).

Таким образом, Лесков выводит святочную идею сплочения из узких рамок семейно-бытового круга на уровень вневременной, общечеловеческий. Это тем более важно, что писатель с болью наблюдал распад человеческих связей, национальных устоев: «с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленнее, как будто и весь род русский только вчера наседка под крапивой вывела» (I, 424).

Не дать порваться связи времен и поколений русских людей, восстановить «тип высокого вдохновения», «чистоту разума», который пока «суете повинуется» (I, 425), поддержать «свое природное художество» (I, 424) — главные цели создателя **«Запечатленного Ангела»**.

Особая тема рассказа — отношение к русской иконе и иконописанию. **«Запечатленный Ангел»** — уникальное литературное творение, в котором икона стала главным «действующим лицом».

В «иконописной фантазии» **«Благоразумный разбойник»** Лесков признавался, что его «заняла и даже увлекла церковная история и сама церковность»: «я, между прочим, предался изучению церковной археологии вообще и особенно иконографии, которая мне нравилась»[1]. В год создания **«Запечатленного Ангела»** Лесков написал статью **«О русской иконописи»** (1873), в которой указал на огромное значение иконы в жизни народа: «тот, кто не может читать книг, с иконы, которой поклоняется, втверживает в свое сознание исторические события искупительной жертвы и деяния лиц, чтимых Церковью за их христианские заслуги» (X, 180).

Писатель ратует за возрождение русского иконописного искусства. Лесков уверен, что «икона непременно должна быть писанная рукою, а не печатная. <…> наши набожные люди <…> откидывают печатные иконы <…> «То, — говорят, — пряник с конем, а это пряник с Николою, а все равно пряник печатный, а не икона, с верою писанная *для моего поклонения*»… Иконы надо *писать* руками иконописцев, а не литографировать» (X, 182).

---

[1] *Лесков Н. С.* Благоразумный разбойник // О литературе и искусстве. Л.: ЛенГУ, 1984. С. 191.

ПОЭЗИЯ

Михаил НОЖКИН

«ЕСЛИ ЗА ОТЧИЗНУ ВСТАНЕШЬ ГРУДЬЮ...»

Михаил Иванович Ножкин — Народный артист России, лауреат Государственной премии России, лауреат премий А. Твардовского, С. Есенина и др. Михаила Ножкина знают и любят как популярного артиста кино и эстрады. Его песни и стихи вот уже более сорока лет звучат с экрана и со сцены. Заслуженный деятель культуры ПНР. Награжден орденами: «Знак почета», Преподобного Сергия Радонежского и Преподобного Серафима Саровского. Поэт, композитор, член Союза кинематографистов, член Правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

СИБИРЬ

Россия зреет за Уралом,
В Сибири крепнет русский дух,
Здесь каждый встречный стоит двух,
Здесь что ни сделаешь, все мало!

Здесь, средь лесов, и рек, и гор,
Среди раздолий синеоких,
Какой простор для дум высоких,
Какой для творчества простор!

Здесь, от Урала до Байкала,
Среди запасов мировых,
Среди планетных кладовых
России завтрашней начало!

Всегда крепка, сильна, вольна,
Неупиваемая чаша,
Сибирь — земля родная наша,
Ты для России создана!

Тебя стараются подмять,
Тебя стремятся обезглавить,
Высокий дух твой обесславить,
В служанки к недругам отдать!..

Но не надейтесь, господа,
Нет, вам Сибирью не разжиться,
Вам ею можно подавиться,
Сибирь не сдастся никогда!

И в наши дни, в наш век суровый,
Сибирь, Державу удержи, —
Скажи свое златое слово,
Во всеуслышанье скажи!

Скажи, скажи на всю планету, —
Мощнее в мире гласа нету,
Скажи, России помоги,
И пусть заткнутся все враги!..

И ПЕСНИ ИХ ПОЕМ

Мы живем и песни распеваем,
Радуемся, любим мы с тобой,
Только никогда не забываем
Тех, кому обязаны судьбой.

Нам они ровесниками были,
И у них в душе цвела весна.
Не допели и недолюбили,
Не успели — началась война.

И пошли они навстречу пулям,
И смотрели все смертям в глаза,
Навсегда в бессмертие шагнули!..
Было это много лет назад.

Не забудем их, простых и скромных,
И великих в подвиге своем.
Помним их, бесстрашных, неуемных,
Любим их и песни им поем.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ!

Отгремела война, свой кровавый собрав урожай,
Сколько лет пронеслось, сколько новых забот пережито,
Время мчится вперед, время к новым спешит рубежам, —
Но никто не забыт, и навеки ничто не забыто!

Наша жизнь, наша светлая радость в жестоких боях
Вашим подвигом, доблестью, жертвою вашей добыты,
В вашу честь на земле обелиски до неба стоят, —
Нет, никто не забыт, и навеки ничто не забыто!

В каждом доме вы живы и в каждом свершившемся дне,
В каждой детской улыбке звучите победной сюитой,
В каждом сердце стучите, приходите в каждой весне, —
Нет, никто не забыт, и навеки ничто не забыто!

Мы по вашим заветам живем и шагаем вперед,
Нам в грядущее вашей рукою дорога открыта,
Перед памятью вашей встает на колени народ, —
Нет, никто не забыт, и навеки ничто не забыто!

ГОСПОДА НЕХОРОШИЕ…

Обманули вы нас, облапошили,
Нет в вас совести, чести, стыда,
Вы — жулье, господа нехорошие,
Нехорошие вы господа…

Мы вас вовремя не уничтожили,
Вот в чем главная наша беда,
Только хватит вам злобствовать, пожили,
Нехорошие вы господа.

Ваше время вот-вот уж закончится,
Оживает российский народ,
Потому-то от злобы и корчится
Ваш бесстыжий, бессовестный сброд.

И уйдете вы с наглыми рожами
В пустоту, навсегда, в никуда,
В никуда, господа нехорошие,
Нехорошие вы господа!..

А Россия на совести держится,
Добрым делом победы верша,
Да все верит, все ждет да надеется
И шагает в века не спеша…

НЕ ДО ЖИРУ

Не до жиру, не до жиру, —
Быть бы живу, быть бы живу,
На усталой нашей матушке-земле,
Позабудем о ранжирах,
Все мы только пассажиры
На малюсеньком Вселенском корабле!..

ТОГДА ТЫ НАШ

Отечеству насильно мил не будешь,
В какую ни труби о нем трубу…
Но если за Отчизну встанешь грудью,
Разделишь с ней суровую судьбу,

И шкуру, как последнюю рубаху,
За свой народ по лоскутку отдашь,
И жизнь свою за Родину на плаху
Не думая метнешь — тогда ты НАШ!

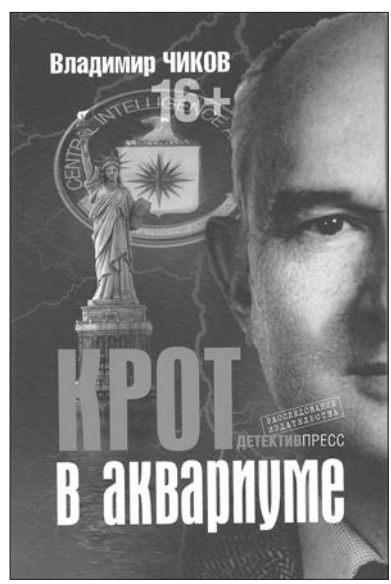
Тогда твои деянья для народа
Не растворятся в суете мирской,
И не сотрут ни годы и ни моды
Твой светлый образ в памяти людской.

МОЯ МОЛИТВА

Помоги мне, Господь, не болеть!
Помоги мне врагов одолеть!
Помоги мне подольше пожить,
Чтоб России подольше служить!

ВЫШЛА КНИГА

Чиков В. М.
«Крот» в «аквариуме». — М.: Детектив-Пресс, 2013. — 432 с., ил.

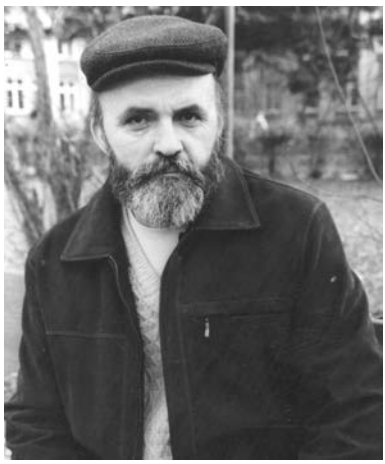

Книга Владимира Чикова повествует о беспрецедентном факте в истории отечественных спецслужб, когда один человек решал не то что судьбы сотен советских разведчиков и их агентов, но и судьбу огромной ядерной державы. Это был шпион, поставивший своеобразный рекорд как по длительности работы с американскими спецслужбами — двадцать пять лет, так и по объему выданной США секретной информации, для обработки и анализа которой в ЦРУ было создано специальное подразделение. А наша страна от его шпионской деятельности понесла ущерб в десятки миллионов долларов, не говоря уже о загубленных жизнях и сотнях сломленных судеб советских и иностранных граждан.

Во время встречи в верхах Рейган попросил Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о помиловании агента ЦРУ. Горбачев ответил ему: «Господин президент, мне придется Вас огорчить. Человек, которого Вы просите помиловать, уже мертв: приговор приведен в исполнение…» Этот разговор лидеров двух сверхдержав поставил точку в судьбе одного из самых мерзких и подлых предателей в истории отечественных спецслужб.

О том, как все же удалось разоблачить матерого шпиона, впервые подробно и объективно рассказывается в этой книге.

ПОЭЗИЯ

Николай ЗИНОВЬЕВ

«Я С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ ЖИВУ…»

Николай Александрович Зиновьев — родился на Кубани в станице Кореновской в 1960 году. Учился в ПТУ, техникуме, на филологическом факультете Кубанского гос. университета. Автор девяти поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России. Член СП России. **Живет в Краснодаре**.

В СТЕПИ

Птицы здесь поют без фальши,
По утрам роса чиста,
И такая даль, что дальше
Можно видеть лишь с Креста.

РЕБЕНОК

Нет еще в нем взрослой стати,
Но ведь как ему к лицу
Эта в желтых зайцах скатерть
И пылинки навесу
В золотом луче рассвета!
Нет в нем лжи и злобных сил.
Ангел он добра и света…
Помнишь? Ты таким же был.

* * *

Никакого праздномыслия,
Никакого пустословия —
В этом русской Музы миссия,
Таковы ее условия.

* * *

Ни электричества, ни газа.
Хозяйке скоро сотня лет.
Но как ребенок, ясноглазо
Глядит она на белый свет.

Кривая ветхая хатенка,
В сенях старинный ларь с мукой.
Такую хату, как котенка,
Погладить хочется рукой.

Над крышей хаты с кроной вяза
Сплелась могучая ветла…
Ни электричества, ни газа,
Но сколько света и тепла!

* * *

Что делать нам? Кто виноват?
Объявлен траур по России.
И жизнью, пестрой от заплат,
Доволен с толку сбитый брат.
Опять мы что-то упустили.

И я, пока не раскусили,
Как в сад, в грядущее залез.
И что ж я там увидел? Лес
На месте том, где хлеб косили…

СОН ВО СНЕ

Мне снится огромное синее озеро,
Плыву я на лодке по озеру к детству…
И вдруг просыпаюсь от рева бульдозера,
Что роет могилу с моей по соседству.

* * *

Рассвет июльский просто дивен,
Играет солнце на волне,
Но что ж я сам себе противен?
И скучно мне, и грустно мне.

«Скорбящий дух угоден Богу» —
Известно это мне давно.
Но эту боль, тоску, тревогу
Я ненавижу все равно.

* * *

По округе взор мой бродит:
Не крадется ли где тать?
И врагов не видно, вроде,
И России не видать.

Что? Больше не о чем писать?
И почему наш дядя Леша,
В канаве грязной пьяный лежа,
Кричит: «Не надо нас спасать!»

А почему спасать не надо?
Спроси его, не знает сам…

То пустошь вторит небесам,
Иль крики слышатся из ада?

И чья там вдаль бежит душа —
В фате пылающей невеста?
Куда бежит она, спеша?
Как называется то место?

А жизнь не стала ли воровкой
Христом дарованных нам благ?
Зачем народ так сир и наг?
Куда мужик идет с веревкой?

* * *

Меня родили, не спросили:
А будет ли мне жизнь по силе?
Но вот во сне и наяву
Я с Божьей помощью живу.
Шумит широко жизни море

И шепчет мне: «Momento more».
И крикнуть хочется, поверьте:
«Заткнись хотя б на полчаса!
Я с детства думаю о смерти
И слышу мертвых голоса».

* * *

Что делать, коль не спится
человеку?
Пойди найди ближайшую аптеку
И там себе снотворного купи,
Бессоннице на горло наступи.

Но если вдруг и это не поможет,
Тогда вставай в полуночной тиши,
«Я вас любил,
любовь еще, быть может…»
Иль что-то в этом роде напиши.

* * *

Вот угораздило в поэты!
Милей мне участь мещанина:
С утра чтоб жарила котлеты
Жена, и звали ее Нина.

Пусть был бы я в машине винтик,
Зато душа была б в покое,
Пришел с работы: ужин, видик,
Диван, жена и все такое.

Все, что написано, не шутка
Я смею вас уверить в этом.
Ведь вы не знаете, как жутко,
Как одиноко быть поэтом.

* * *

Бродить по свалке — лучше нет
Занятья, если ты — поэт.
По черепкам разбитых чувств
В прошедшем времени влачусь.
Вот мишка плюшевый большой —
Распоротое брюхо.
И он когда-то был живой…
Душа рыдает глухо.
Уж близок вечер. Ветер стих.
Увозят день на катафалке.
С горою выброшенных книг
Пускай останется мой стих
На свалке.

МОИ СТИХИ

(*Диптих*)

1

Мои стихи не совершенные,
Они открыто, не тайком
Уходят вдаль, как встарь блаженные —
С крестом, по снегу, босиком…

Не проходные, проходящие,
Как все на этом свете, но
Они живые, настоящие,
Хоть это им не мной дано.

2

Мои стихи не трудно
Понять, но только тем,
Кто просыпался утром
С вопросом: «А зачем?»

Кто страшные сомнения
В себе преодолел,
Кто роздал бы имение,
Когда б его имел.

* * *

Я из страны, где радость умерла,
Где кровью вся забрызгана рябина,
Где снова Божьей волей подвела
Нас к роковой черте судьбина.

Что мне сказать немедленно, сейчас.
Чтоб вы не унывали, мои други?
Такое с нами было. И не раз,
Но снова возвращалось все на круги
Земные ли, небесные — не суть.
Земля, она по-прежнему вращалась.
И тайно изменившись, возвращалось
К нам прошлое. И снова длился Путь.

Александр КАЗИН

ИДЕОЛОГИЯ ДЛЯ РОССИИ

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 году в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, старший научный сотрудник Российского института истории искусств. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 году Всероссийской литературной премии «Александр Невский». **Живет в Санкт-Петербурге**.

Современная Конституция РФ официально запрещает какую-либо идеологию. Однако стран без идеологии не бывает. Значит, определенная идеология есть.

Прежде всего, следует признать, что в нашей стране на рубеже 1980—1990-х годов произошла буржуазная революция. Правда, в отличие от классических буржуазных революций, она отняла собственность и власть не у феодалов, а у народа и государства. При этом революционная операция 90-х отнюдь не была стихийной, но явилась результатом тщательного планирования в высоких кабинетах тогдашней власти. В доказательство приведу слова доктора философии, советника президента Ельцина А. Ракитова: «Не исключено, что в течение ближайшего времени спад производства может достичь 40 %, а то и более. Россия будет сотрясаться взрывами анархии, мятежами и конфликтами, голодом, эпидемиями, социально-культурным распадом, национально-территориальными конфликтами, общим упадком интеллектуального потенциала и другими негативными, разрушительными по своим последствиям процессами. И все же другого выхода, кроме либерализации цен, финансовой диктатуры, жесткой стабилизационной политики, у нас нет» (Вопросы философии, 1992, № 5). Широкая публика этих слов, разумеется, не читала. Зато в каждом государственном ведомстве при Гайдаре сидело по американскому советнику, да не по одному. В результате главный геополитический противник США был повержен.

С тех пор прошло более 20-ти лет, однако мы до сих пор спорим о том, кому принадлежит реальная власть в России. У нас существует жесткая президентская вертикаль, что пока спасает нашу страну от тех

вихрей, которые бушуют в соседней Украине. Но значит ли это, что Президент может все? У него, несомненно, есть политическая воля, вот кто ее будет осуществлять?

Фактическую власть в России сегодня осуществляет капитал. Не либералы, не националисты и не христиане, а именно деньги, точнее, люди денег. Капитализм — это власть денег на всех уровнях. Это непрерывно расширяющееся производство меновых стоимостей (товаров) ради достижения прибыли. Неважно, работает человек за станком или за компьютером — он (рабочий, крестьянин, писатель) все равно отдаст свою долю. Так уж устроен капитализм — деньги идут к деньгам. Рынок «съест» все и принесет маржу. Если свободному рынку нечто мешает, это нечто будет устранено — мораль, границы, национальные интересы, государства, церкви рынку не нужны. Да и контроль над рынком сегодня практически невозможен — капитал ушел в знаки, в бренды, в электронные спекуляции. Стоимость доллара как мировой валюты обеспечена, во-первых, нефтью (ею торгуют только за доллары), во-вторых, свободной эмиссией «зеленых» (ФРС — частная компания), в-третьих, военной мощью Соединенных Штатов. Запад во главе с США выступает сегодня как коллективный капиталист («золотой миллиард»), в то время как «третий мир» и примкнувший к нему «второй» (бывший СССР, его республики и союзники) оказываются в роли мирового пролетариата, подтверждая тем самым относительную правоту концепций Маркса. Человек ныне действительно «экономический персонаж», а потом уже христианин или иудей, русский или японец, мужчина или женщина, гений или бездарь. Каждый из них имеет свой денежный эквивалент и скоро будет иметь свой наружный или внутренний номер (чип). Большой Брат сегодня почти абсолютен, а завтра будет абсолютен полностью. Куда там до него диктаторам прошлого! Демон капитализма хитрее: «И он сделал то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя» (Откр. 13,17). Однако это не избавляет мировой капитал от кризиса. Мы уже живем в сплошном кризисе. Знаки в принципе разошлись с вещами. Собственно, это и есть конец истории.

Особенно трудно переживает навязанную ей капитализацию Россия. Любят у нас ссылаться на слова Карамзина, сказанные в сердцах о России: «Воруют!». Наверное, это не все, что думал о своем Отечестве автор знаменитой «Истории государства Российского». Вот у первого губернатора Санкт-Петербурга Александра Даниловича Меншикова обнаружились, по слухам, счета в европейских банках, превышающие государственную казну Российской Империи. Но ведь Империя-то строилась. Да еще какая! Так что не все у нас крали. Кое-что оставляли.

Говоря серьезно, капитализм на Руси порождает главную опасность для страны — всеобщую продажность. Взяточничество и воровство в России связано с ее историей. В отличие от Европы, у нас не было протестантской Реформации, которая религиозно узаконила богатство. Именно на идеях этой Реформации возрос западный капитализм, в сущности, отменивший заповедь о том, что легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в царство небесное. Протестанты в лице своих вождей Лютера и особенно Кальвина решили наоборот: если ты богат, значит, тебя

Бог любит. Собственность, таким образом, оказывалась священной, ее надо хранить и умножать. Уважаемый, солидный бюргер — вот на чем возрос голландский и англо-американский капитал.

У нас иначе. У нас собственность не священна. Более того, если ты богат, то тем самым ты на подозрении. У нас миллиардер Прохоров на последних выборах в президенты метил, и набрал, кажется, 8 % голосов. Это большая цифра для России. Между тем в Америке все президенты — миллионеры. Там это нормально. У русских, слава Богу, другой менталитет, или, лучше сказать, подсознание. У нас богатство не награда, а испытание. А если ты уж такие деньги отхватил, то ясно, что душу (во всяком случае, ее часть) потерял. Так что долго еще — вопреки всем усилиям либеральных СМИ и передачам «Кто хочет стать миллионером?» — олигархи не наберут у нас большинства голосов. Не те мы люди.

Воровство и взятка — это парадоксальная реакция русского национального характера на власть денег. Капитал, почти по Прудону, есть кража, вот и воруют. Воруют, оказывается, в Минобороны и в космосе, и женщины, и мужчины. Хорошо, что стали их сажать. Но уголовными мерами тут не справиться. Нужна единая национальная цель, Общее Дело, как выражался русский мыслитель Николай Федоров. Цель, внутренне разделяемая всем народом. Тогда появится не только административный, но именно народный контроль. Идейная честность или безыдейное воровство — иного не дано. И Президенту это придется понять, приняв крутые кадровые решения — иначе его самого, да и России не будет. Пример Украины перед глазами.

Бог поругаем не бывает. Все, что имело начало, будет иметь конец. Капитализм — тем более в качестве империализма и глобализма — не вечен. До сих пор «концы и начала» истории отмечались в основном войнами и революциями (передел земли, власти и собственности). Ныне большая война почти неизбежно станет Третьей мировой — это будет внутриисторический апокалипсис. Одна надежда на Творца: история слишком серьезное дело, чтобы доверять ее исключительно человеку.

Советская форма социализма исчерпала себя. Однако это не означает конца социализма вообще.

Социализм для России — не понятие, а судьба. И не только потому, что 70 лет XX века она прожила при социализме, принеся за него жертву — от красно-белого террора и гражданской войны до «ленинградского дела». Дело в том, что русский социализм — не заговор «иудомасонов» или «банды Ленина—Сталина» — а извращенная форма русской национальной идеи. Именно он спас страну от предательства Февраля и «демократии» керенщины, и господствовал в России почти на всем протяжении XX века. В СССР было много хорошего, однако человек оказывался в первую очередь элементом государственной машины, а культура — классовой идеологией. Исторический материализм — это именно материально-производственно-распределительная концепция, из которой коммунисты-догматики сделали универсальную философию — и ошиблись. Грубо говоря, эта концепция отлично работает на уровне живота, но не выше. Кто спорит — против живота не пойдешь (хотя многие идут, например, гении и монахи). Кто не работает, тот не ест — это сказал не Маркс, а апостол Павел.

Современный номенклатурный капитализм в России, совокупно с утонченным виртуальным капитализмом/империализмом на Западе, как нельзя

лучше подтверждает экономическую правоту и мировоззренческую ущербность марксизма. Нынешний российский нувориш, не задумываясь, продаст Родину, если он сорвет на этом свой барыш. Родина для него там, где меньше налоги. Однако освобождение от власти компрадорской псевдоэлиты власти возможно только с опорой на более глубокие религиозно-национальные и имперские концепции. Основные черты этой концепции новой России сформулированы В. В. Путиным на Валдайском форуме в сентябре прошлого года: «Россия — как образно говорил философ Константин Леонтьев, — всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской Православной Церковью и другими традиционными религиями России».

Вот отсюда и может вырасти русский социализм, способный сопротивляться той цивилизации, где однополый союз называют семьей, а веру в Бога приравнивают к вере в сатану. Идейной основой российского социализма — то есть общенациональной собственности на стратегические ресурсы и средства страны — вполне может быть православное христианство в государственной форме конституционной или соборной монархии. У нас и сейчас по конституции у Президента больше прав, чем у последнего Императора. Трудность здесь в том, что многие христиане не любят социализма, а многие социалисты не знают Православия. Но все остальное еще хуже.

Православный социализм — это разумное сочетание всех видов собственности (частной, групповой, общенародной) под эгидой государства. Нечто вроде НЭПа, с радикальным отличием в плане религиозно-национальной, а не классовой сущности этого государства. И без использования насилия в экономике. Разумеется, с национализацией нефти и газа.

Абсолютное равенство — такая же низость, как и всеобщее (в том числе виртуальное) неравенство. У нас был социализм, где торжествовало первое, теперь у нас капитализм, где господствует второе. Нужна Православная Российская Империя, которая не будет унижаться ни до первого, ни до второго.

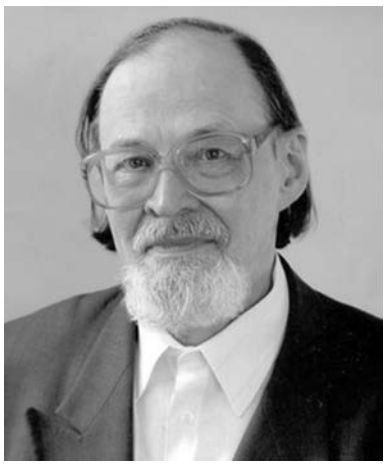
В идеале нам нужна Православная Российская Империя во главе с законным Царем. Пока этого нет, нам необходимо формировать и поддерживать промежуточные ступени на пути к этому единственно органичному для русского народа типу государственности — в виде жесткой президентской вертикали, опирающейся на нелиберальную национальную демократию. Альтернативой такому подходу является кровавый хаос, что мы и наблюдали на Украине. Или прямое назначение правительства из Вашингтона, что мы наблюдаем там теперь.

Шанс сохранить православно-русскую цивилизацию (русский мир) еще на некоторое историческое время пока есть. Но завтра может быть поздно. Русский народ уже подключен к мировым демоническим электронным сетям. В случае неисполнимости русского православного социализма христианам останется только одно — катакомбная Церковь и личное спасение.

Истинное просвещение должно быть основано на совместном развитии разума и нравственного чувства, на согласовании европейского образования с национальной самобытностью.

В. О. Ключевский

Всеволод ТРОИЦКИЙ

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НЕКОНТРОЛИРУЕМОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

Всеволод Юрьевич Троицкий — родился в 1936 г., российский ученый-литературовед, специалист по истории русской литературы XIX века и вопросам преподавания словесности, публицист. Доктор филологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Председатель комиссии по преподаванию русского языка и литературы в школе Отделения литературы и языка РАН, член Комиссии РАН по образованию. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Член Российской народной академии наук. Член СП России. **Живет в Москве.**

Государство и образование в России

У государства, провозгласившего своей целью создание достойного гражданского общества в России, есть единственный возможный путь к успешному достижению этой цели: строить общество на условиях высокой образованности, несомненной нравственности и подлинной культуры. Это требует от центральной власти и от власти на местах — постоянных, активных и самоотверженных усилий на ниве всеобщего народного образования. Требует постоянного содействия его плодотворному развитию, первостепенных затрат и непосредственного вмешательства в дело обучения и духовно-нравственного воспитания молодежи. Вмешательства — посредством привлечения честных, ответственных и высоко квалифицированных специалистов, вполне владеющих подлинными знаниями и опытом практического освоения богатейшего отечественного наследия и плодотворных традиций в сфере образования и культуры.

Понижение образовательного уровня средней школы (это в XXI веке уже в сущности достигнуто проведенными реформами! — *В. Т.*)... повлечет за собой, прежде всего, понижение уровня нашей культуры и приведет нас к полной культурной зависимости от других народов, потому что именно средняя школа есть основа культуры народа. Понижение образовательного уровня средней школы повлечет за собой гибель демократии, ибо самоуправляться

может только тот народ, у которого есть достаточное число действительно образованных государственных и общественных деятелей, а для этого нужна средняя школа с высоким учебным уровнем»[1].

После роспуска Государственного комитета по народному образованию в 1918 году школу в России стали «реформировать» на основе не лучших западных методологий и методик. Одна из причин этого в том, что Комиссариат народного просвещения возглавляли по преимуществу люди, представления которых были несоприродны традиционным духовным и культурным ценностям России (Золотницкий, Лурье, Штернберг, Эйхенгольц, Розенфельд, Зац). Поэтому до середины 20-х годов XX века оставалась актуальной задача, поставленная Г. И. Челпановым: «Русским педагогам следует бороться за истинно образовательную школу, достойную великой культуры России…»[2]

Ответственность за состояние образования в России лежит на государстве. Уклонение государства, и прежде всего самых главных его руководителей, от ответственности за дело достойного образования в России не может быть оценено иначе как крупная оплошность и государственное преступление. Здесь руководителям не обойтись «хорошими словами». Нужны решительные меры по возрождению школы в России, доведенной современными псевдореформами до уровня учебного заведения колониального типа.

Необходимо возродить полноценное среднее образование в России до уровня, какой оно имело в период расцвета в XX веке, и превзойти этот уровень. Достойное всеобщее бесплатное образование в России должно быть восстановлено.

Речь идет именно о полноценном образовании. Полноценное школьное образование — это формирование, возрастание и утверждение личности через усвоение основ фундаментальных научных знаний, жизнеобеспечивающих начатков духовного опыта и основ культуры.

Полноценное (нормальное) школьное образование обеспечивает предпосылки верного взгляда на жизнь, то есть возможность неискаженно представлять целостную картину единого вещественно-духовного мира. Поэтому для него необходим запас информации, подготавливающий умственно-духовную зрелость учащегося, его мировоззренческий потенциал. Это и дает возможность обрести свободу и широту воззрений, без которых на деле невозможно полноценное бытие человека и осуществление его подлинных прав. Такое образование выходит за пределы обыденного сознания и «практически необходимых» знаний.

Необходимо ясно сознавать и помнить: любые нововведения, противоречащие или противостоящие базовым традиционным духовно-нравственным ценностям, разрушительны для народа и государства.

Целостность и единство образования и воспитания — непременное условие устроения базовой школы в России

Школа — инструмент формирования первичного научного опыта и культуры. Она предназначена обеспечить приобретение учащимися знаний,

---

[1] *Челпанов Г., профессор.* Демократизация школы (По поводу проекта Государственного комитета по народному образованию) // Русский книжник. М., 1918. С. 1.

[2] Там же. С. 27.

умений, навыков по фундаментальным и сопутствующим школьным дисциплинам. Школа призвана также подготовить прочную духовно-нравственную основу достойного поведения, созидательного мировоззрения и трудолюбивого характера окончившего ее молодого человека. Это должен быть человек, утвердившийся в родном слове, имеющий ответственное сознание, обладающий честью-совестью, духовно и нравственно устойчивый, исторически верно ориентированный, эстетически воспитанный, патриотически убежденный, физически здоровый, приобретший знания, обеспечивающие возможность самостоятельно мыслить и совершенствоваться, отличая главное от второстепенного, существенное от несущественного.

Массовая средняя образовательная школа, лишенная органических основ воспитания, не может быть полноценной и неизбежно работает на саморазрушение.

Духовно-нравственное воспитание плодотворно, если оно:

1) правильно ориентировано;

2) подкреплено содержанием школьных дисциплин;

3) находит поддержку в формируемом мировоззрении личности школьника;

4) имеет гарантированную помощь в защите от растлевающего влияния части информационной среды;

5) находит соответствие и положительные примеры в поведении и духовно-нравственном облике практикующих педагогов;

6) поддерживается должными положительными установками семьи;

7) утверждается на безусловном противостоянии злу и абсолютном и искреннем тяготении к традиционным духовно-нравственным ценностям, идеалам и подлинной культуре.

Всякое полноценное (истинное) воспитание утверждается на духовно-нравственном становлении личности. Личность — нормальный, полноценный субъект; человек, «имеющий свое лицо», обладающий целостностью и соответствующей историческому времени жизнеобеспечивающей степенью развития основных и непременных человеческих свойств (признаков), а также определенностью национально-исторической и патриотической ориентации, устойчивостью в существенных отношениях к человеку и миру и духовно-нравственной зрелостью[1].

Личности свойственны целеустремленность и воля в принятой жизненной позиции, в движении к намеченной цели.

Положительная (светлая) личность (о «темной» мы не говорим!) — это человек, ориентированный на созидание и благо. Это человек, одухотворенный идеалами добра, сознательно и активно не принимающий разрушительных идей и способный им противостоять; это человек духовно богатый, совестливый, образованный, сопричастный истинной культуре, человеколюбивый, обладающий сознанием гражданского и патриотического долга, способный к самообразованию и творчеству.

Правильная ориентация воспитания зиждется на воспитании в человеке собственно человеческих свойств, именно: словомыслия, духовности, чувства любви к родной истории, вере и культуре.

---

[1] Реформаторы «перестройки» не случайно заменили название документа, выдаваемого завершившим школьное образование: ранее он назывался «Аттестат зрелости», стал же называться «Свидетельством об окончании…».

Первостепенным здесь является органическое восприятие и развитие способностей владения родной речью. «Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, — писал великий русский педагог К. Д. Ушинский, — но пьет духовную жизнь из родимой груди родного слова. Оно объясняет природу, как не мог бы объяснить ни один естествоиспытатель; оно знакомит с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которые, конечно, не мог сообщить ребенку ни один философ»[1].

Должное владение родным языком при созданном ныне «реформаторами» состоянии школы — недостижимо. Только в этом учебном году (при неблагоприятной языковой среде и плохом учебном обеспечении изучения родного слова и словесности) в начальной школе сократили с пяти до трех часов в неделю уроки по чтению. Для любого специалиста ясно: это административное вредительство…

Второе условие правильного направления воспитания — подкрепление его реальным содержанием школьных программ и соответствующим важности предмета — временем для их освоения.

Известно, что в нынешней школе вследствие последних «реформ» программы по родной словесности, истории, математике и ряду других дисциплин неудовлетворительны и не соответствуют задачам, стоящим перед школой.

Третье условие для правильной ориентации воспитания не соблюдается; ему постоянно разным образом ставятся препоны. Например, изучение православной культуры (именно основ культуры русского народа, сформировавшейся в лоне Православия, а не Закона Божия!) махинациями чиновников заменено нелепым и во многом вредным изучением в младших классах «истории религий».

Четвертое условие — здоровой государственной ориентации в деле воспитания — информационная защита. Обеспечение информационной защиты на государственном и на ведомственном уровнях отсутствует, а информационные диверсии против сознания молодого поколения, способствующие повреждению основ нормального мышления, лавинообразно растут.

Пятое условие связано с культурным уровнем и общим состоянием практикующих педагогов. Для поддержания такого уровня и состояния нужны предпосылки и минимально благоприятствующие обстоятельства. Современные начальствующие бюрократы-«образованцы» (возможно, по указаниям «свыше») нагрузили педагогов таким количеством обязательных письменных отчетов, планов, опросов и проч., что у них не остается времени не то что на повышение своего профессионального и культурного уровня, но даже на достойную подготовку к урокам. Работа и «бюрократические нагрузки», весьма затрудняющие практическую деятельность педагогов по непосредственной специальности, выступают как хорошо продуманная, но внешне «невинная» акция информационной войны против образования. Культурный уровень пе-

[1] *Ушинский К. Д.* Родное слово // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: Педагогические статьи 1857–1861. М., 1952. Т. 2. С. 558.

дагогов при созданных для них ныне условиях сохранять и поднимать невозможно. Затруднительно также поддерживать авторитет учителя, лишенного многих естественных предпосылок для успешной работы.

Шестое условие — необходимо неизменно и твердо поддерживать плодотворные традиции русской семьи и вообще — основы традиционной семейной жизни в России. Должно считать безусловно и категорически вне закона любые посягательства на базовые духовные ценности национальных семейных традиций и на государственном уровне решительно противостоять пагубным извращениям в семейном укладе российских граждан. Информационная защита России в этом отношении пока что не обеспечена и постоянно нарушается «либералами»-разрушителями.

Большинство современных семей в России находятся ныне за пределами условий, необходимых для нормальной жизнедеятельности, и вынуждены «существовать», «выживать», а не плодотворно развиваться. Кроме того, они не получают никакой государственной защиты от разрушительной информационной среды и подвергаются часто даже несанкционированным Законом ущемлениям в своих суверенных традиционных правах на сохранение плодотворных семейных ценностей и традиционного семейного уклада.

Таким образом, положительное воздействие на молодое поколение со стороны семейной — по преимуществу, не обеспечено достаточной поддержкой. В нынешнем его состоянии (в целом) и по преимуществу оно не может служить опорой в массовом достойном воспитании молодого поколения.

Одна из существенных причин этого — незащищенность от воздействия извращенческих и шизофренических правовых и законодательных идей, «невинно» подбрасываемых нам закулисой (ювенальная юстиция, свобода бесстыдной информации и проч.).

Седьмое условие — четкость ориентации в основных духовно-нравственных понятиях — отсутствует. До сих пор еще распространен злокачественный и растлевающий школу осмоловский плюрализм в вопросах безусловных и абсолютно точно установленных. Пагубные методы информационной войны — споры о бесспорном и абсолютизация навязанных школе вредных нововведений — нередко внедряются ныне в наше образование и воспитание под видом «непродуманных», двусмысленных и неопределенных нововведений, «странно» сформулированных рекомендаций и проч.

Из сказанного нетрудно сделать выводы:

1) без принципиальных изменений в области устроения образования в России решить должным образом вопросы воспитания невозможно;

2) абсолютное несоблюдение на государственном уровне необходимых условий, благоприятных для позитивного воспитания в современной школе, свидетельствует о «заказном» характере организационно-административных действий, способствующих этим условиям;

3) условия, благоприятствующие должному воспитанию, в настоящее время могут быть действенно установлены только решительным, квалифицированным вмешательством тех, кто по своему статусу может распоряжаться делами на государственном уровне, действуя в направлении защиты государственного и национального суверенитета и защиты прав национальной независимости в деле образования.

В связи с этим целесообразно вспомнить основные минусы современной школы.

Основные пороки российской школы XXI века

Школа в России ныне утратила многие достоинства, свойственные ей в период наивысшего развития в XX веке. При этом информационная нагрузка школьных программ с каждым годом увеличивается, а количество знаний — уменьшается.

В свою бытность министром, А. Фурсенко подтвердил, что снижение уровня обучения в отечественной школе успешно осуществляется. 22 августа 2011 года глава Министерства образования заявил, что «основная школа у нас провалена»[1]. В другом интервью министр дал ясный ответ на вопрос, в каком направлении реформируют школу. Он заявил, что основной состав выпускников (цитирую!) «не должен рассуждать, он должен делать то, чему его научили для получения конкретного результата»[2]. Таково откровение государственного троглодита.

При этом устроение образования и школьные программы зачастую противостоят условиям, необходимым для плодотворного духовно-нравственного становления школьника. Образование здесь не ориентировано на формирование личности (это возможно на основе получения системных знаний по фундаментальным дисциплинам, при наличии соответствующих полноценных программ по гуманитарным предметам, служащих основой воспитания личности, наконец — при создании условий для выработки предпосылок правильного мировоззрения).

Современная школа по преимуществу отличается узкопрагматической направленностью: ее фактическая цель — достижение компетентности по ряду школьных предметов, то есть формирование квалифицированного робота, зомби, но не личности, гражданина, активного деятеля-созидателя.

Слово «компетентность», практически заменившее в современной школьной документации научно определенные понятия — знание, содержание образования, придает на практике деструктивный смысл пониманию основополагающих задач школы.

Знание — целостная, научно осмысленная система теоретически обоснованных, творчески ориентированных понятий (и представлений) — указывает на необходимую полноту восприятия и понимания сущности предмета. Смысл «синонима» «компетенция» лишен важных значений ранее принятого в педагогической документации русского слова и означает прежде всего наличие сведений, «приспособленных» к решению обыденно полезных, практических, прагматических, «стандартных» решений и задач.

Полноценное воспитание в школе требует изменения политической направленности и корректировки содержания современного обучения, образовательно-воспитательный уровень которого катастрофически снижен.

Катастрофическое снижение владения родной речью в школе, фактическое удаление мировоззренческой составляющей из школьного дела (пресловутая деидеологизация, то есть по-русски: обессмысливание: идея — это мысль), внедрение в школьный оборот пустопорожних «обманных» понятий, не поддержанных точным и ясным реальным и достоверным смыслом («мировое сообщество», «мировой опыт», «права человека», свобода, «пра-

[1] Комсомольская правда. 22 августа 2011 г. С. 2.

[2] Итоги. Еженедельный журнал. 20 октября 2008 г. С. 80.

вовое государство» и проч.), практическая десоциологизация (опора не на личность, а на человеческую особь[1]), дефундаментализация, дегуманитаризация, денационализация значительной части образования, наконец, всесторонняя незащищенность школы от разрушительной, нередко откровенно враждебной информационной агрессии — поставили сторонников созидательной, здоровой школы в крайне тяжелые условия.

Широкое и непродуктивное внедрение тестирования (в частности ЕГЭ), ранний переход на компьютерные технологии, перестройка программ по преимуществу вредному принципу «опережающего обучения» — привели к ослаблению аналитических способностей, снижению интереса и любви к знаниям, к фактическому отупению заметной части школьников и к постепенной деградации творческого потенциала значительной части учащихся.

Следует также учесть, что всевозможные «новации» хороши лишь тогда, когда опираются на четко обозначенные плодотворные традиции. Нынешние же призывы строить «новую школу», идущие сверху, как можно видеть, не опираются на знание и понимание истории государствообразующего русского народа и его культуры. Это значит, что положительные результаты такой инициативы весьма сомнительны, если не сказать более.

Напомню кстати, что Президент России за год до оставления им своего президентского поста вспомнил о русском народе и даже заявил, что «особое внимание должно уделяться русской культуре». Но указывая на лучшие черты русского характера, он не назвал основных из них. Значит, бывший глава страны либо не представляет отчетливо важнейших черт возглавлявшегося им народа, либо — сознательно о том умалчивает по каким-то психолого-политическим соображениям. Но такое умолчание — политически пагубно не только для русского народа, о котором он наконец-то вспомнил. Без указания главных черт государствообразующего народа — неизбежны ложные политические выводы (оглашенные и неоглашенные) о том, «как обустроить Россию».

Что же сказал и о чем «забыл» сказать Президент? Среди лучших черт русского народа он упомянул «терпимость, отзывчивость, умение уживаться вместе с соседями, строить совместное государство, уверенность в себе». И все.

Президент забыл сказать, что главные черты русского народа и русской культуры — это: органическое стремление к правде, то есть глубинная совестливость, сострадание, милосердие, целомудрие и вера в неизбежную победу добра и справедливости.

Упомянутые «упущения» приводят к ложным выводам: к «подстановкам» понятий, к политике диверсий и непротивления в ведущейся необъявленной войне против России и русского народа. Так, всякое разумное и справедливое действие в защиту начал, присущих русскому духу, нарочито истолковывают как нечто противоречащее… свободе. На попытки защитить правду и справедливость — говорят: вы же умеете терпеть — так потерпите.

---

[1] Человеческая особь (индивидуальность, индивид) — человек, не обладающий многими качествами личности, также является «субъектом социальной деятельности», «продуктом общественной среды», но он неполноценно утвержден в основных, непременных человеческих свойствах и социальной ориентации и часто обладает в основном обыденным сознанием.

Ах, вам не нравится, что на вашей земле наплыв инородцев — но вы же умеете уживаться с соседями. Уживайтесь! Ах, вас со всех сторон обирают, да еще и облыгают — терпите: ведь вы же все равно уверены в себе. Ах, вы хотите защищать свою традиционную культуру и нравственность, целомудрие и настаиваете в утверждении своих традиционных нравов, православного семейного уклада! Но будьте же уживчивы: смотрите и радуйтесь, как все рядом с вами расцветают за ваш счет! Терпите! Это же ваша замечательная национальная черта! Да еще прибавят: значит, вы против свободы? А что скажет Запад?

Вот как в сущности зловредно «истолковывают» недосказанность главного на практике. Увы! Забвение главного небезобидно и чревато тяжкими последствиями. Неплохо бы помнить об этом.

Для исправления недостатков, заблуждений в административных нововведениях по устроению школы конца XX — начала XXI века предлагается:

а) постепенно, но основательно пересмотреть проведенные в XXI веке административные нововведения в устроении общеобразовательной школы России, а также законы в области образования, науки и культуры, достойным образом учитывая и привлекая при этом «отодвинутое» во время реформ богатейшее наследие русской культуры и образования для определения соответствия названных нововведений и их последствий государственным и национальным интересам;

б) начать созидательную законодательную и педагогическую работу по возвращению в среднюю школу несомненных достоинств, утраченных ею вследствие буржуазно-либеральных «реформ» XXI века;

в) перейти к действенной и целенаправленной политике защиты государственных интересов, определяемой «Концепцией информационной безопасности России» (подписана Президентом России В. В. Путиным 9 сентября 2000 года);

г) разработать систему законов России, безусловно препятствующих разрушительной политике в области культуры и образования;

д) провести разумную кадровую политику, препятствующую практически антигосударственной деятельности облеченных властью людей, явно или скрыто проводящих разрушительную для государства политику недооценки и ущемления не соприродной им русской культуры; здесь не следует избегать постановки вопроса о соответствии области руководства менталитету руководящего этой областью. Так, люди, практически проявившие органическую несоприродность задачам руководства образованием в России, где скрепляющим стержнем является традиционная русская культура, должны быть отстранены от должности. Для тех, кто попытается исказить мою мысль, объясню: речь идет не об этническом признаке руководителя, а о его готовности и способности, не поддаваясь скрытым национальным предрассудкам и эмоциям этно-шовинистического толка, — отдавать должное русской культуре и помогать сосуществованию «на базе» коренного и позитивного того свободного многоцветья национальных культур, которым всегда отличалась Россия;

е) создавать условия наибольшего благоприятствования для количественно пропорциональной поддержки культур и образования народов России.

Школа и информационно-психологическая агрессия

Успех школьного дела непосредственно связан с правильной выстроенностью сознания школьников. Основные свойства и ориентация нравственно здоровой личности должны быть отражены в программных документах по образованию и воспитанию в средней школе. И здесь не может быть никакого плюрализма.

В этих документах необходимо, наконец, дать четкие определения минимума исходных научно достоверных понятий, непосредственно связанных с областью образования и воспитания (с указанием существенных признаков, положенных в их основу).

Этим будет положено начало выработки основ мировоззрения школьника как в отношении мироустроения, так и (что весьма непросто и требует серьезной работы) в социально-политической сфере.

Однако в настоящее время образовательно-воспитательные усилия семьи и школы, направленные на формирование образованного и благовоспитанного молодого человека, находят серьезное противодействие в значительной части неконтролируемой информационной среды (ряд печатных изданий, телевидение, Интернет).

Невмешательство в деятельность СМИ, распространяющих безнравственность, стимулирующих бесстыдство, неприличие, махровую пошлость и бескультурье при отсутствии сколько-нибудь действенной государственной и ведомственной информационной защиты интересов России в этой сфере, — свидетельствует либо о полном невежестве представителей власти, либо о ее недопустимой, даже преступной ангажированности. Ведь после появления Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (подписана Президентом России В. В. Путиным 9 сентября 2000 года) не было издано ни одного сколько-нибудь действенного постановления или закона, защищающего информационное пространство России и ее базовые духовные ценности от разрушительных вмешательств со стороны представителей антикультуры или от вредной для государства политики насаждения и распространения бесстыдства, пошлости и других способов целенаправленного растления народа.

Трудность состоит в том, что цинизм и пошлость в СМИ разрастается, условия для противодействия этому в школе — сокращаются (я имею в виду не только сокращение содержания гуманитарных предметов и в особенности — по словесности, но и содержание программ, которые, как верно заметила психолог Т. Л. Шишова в своей опубликованной статье, «направлены на разрыв поколений, на понижение интеллектуального и нравственного уровня наших детей, на формирование абсурдности и беспредметности и даже на национальное самоунижение. Это проводится через множество текстов, рисунков и тому подобное»[1].

Основной объект поражения в информационной войне — человек как таковой, то, что является собственно человеческими свойствами людей. Только эти человеческие свойства: духовность, словомыслие, историческое бытие, вера и культура, — обеспечивают возможность существования ду-

[1] *Шишова Т.* Какую личность программирует «Программа “2100”» // Наш современник, 2010. № 8. С. 182.

ховно здоровой личности и нормальной (здоровой) жизнедеятельности общества. Эти свойства прежде всего и повреждаются, ослабляются, деформируются, извращаются деструктивной информацией.

Необходима организованная на государственном уровне информационная защита населения. Это, безусловно, важнейшая задача государственной власти, не изменяющей своим прямым обязанностям. К сожалению, многое говорит здесь против власти.

Между тем неслучайно «совпадение» содержания и смысла «реформ», проведенных в нашем образовании, с разрушающей программой «Преображение человека» Уиллиса Хармона, которая представляет собой по существу фашизм в духовной сфере. Та же ориентация на «изменение менталитета», те же методы «шоковой терапии» в образовательной политике (последний наглядный пример — предложенный в 2011 году позорный Закон об образовании «для кухаркиных детей»), то же последовательное снижение качества и содержательного уровня интеллектуального потенциала страны.

Эта программа была принята правительством США. Ее цель — незаметно добиться изменения образа мыслей и представлений широких народных масс, общества в нужном направлении сдерживания развития свободной мысли и сознания в целом. Названная программа использует метод «шокового воздействия» на сознание масс методом «потрясений». Она использует прием неожиданной демонстрации в СМИ какой-либо шокирующей, потрясающей, наглой безнравственности, которая вводит нравственное сознание в состояние столбняка, возможно затем — бурного протеста «пользователей» СМИ.

После чего определенная часть «купленной» прессы и СМИ незаметно культивирует снижение уровня стыдливости спорами о бесспорном. Это воздействие «поддерживается» купленной рекламой. И вот уже естественная одежда вследствие «организованной» моды заменена на уродливую, но модную. И вот уже «опупелые» девицы бродят, выставляя почти все, что ранее скрывалось, ибо направляло внимание на плотское, животное, а не на человеческое, духовное. И вот уже уродливая или нарочито изорванная одежда, нелепые формы обуви, дикарские привычки уродовать свое лицо всевозможными «привесками» и «приколками», манера, заимствованная от доисторических дикарей, «дикие» надписи на майках и рубашках и прочее и прочее, наглядно свидетельствующее лишь о явной поверхностной или глубокой поврежденности духовно-нравственной или умственной сферы сознания, — появляются тут и там в толпе людей, сознательно дезинформируемой многочисленными СМИ, болтунами-невеждами, болтунами-извращенцами и болтунами, нанятыми для растления обывателей…

При этом преступное утверждается всего лишь как аномальное, но возможное, гадкое и омерзительное как вариант обыденного, безобразное как то, что привычно и заурядно. Провоцируется привыкание к ненормальному!

Поражение сознания человека и целого народа посредством планомерного снижения культуры, «стандартизации» сознания, внедрения недостоверных представлений и понятий, иногда имеющих видимость правильности, но не соответствующих знаниям науки и подлинной культуре, — одно из основных направлений информационной войны. НЕУЖЕЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВО МОЖЕТ ОСТАВАТЬСЯ В СТОРОНЕ И НЕ ПРОТИВОСТОЯТЬ ЭТОЙ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

Последствия такого воздействия объясняются теми же СМИ как стихийное изменение взглядов, новая мода и прочее.

В указании на «стихийность» этих процессов заключается великая ложь: происходящее не возникает само собой, а планируется и осуществляется закулисой и ее «политическими подручными» вопреки естеству и здоровым традициям жизнеустроения народа.

Все, что происходит в большинстве СМИ и части рекламы, — нацелено на резкое снижение духовных начал и здоровых традиционных базовых ценностей, прежде всего в области нравственности масс. «Понижение порога стыдливости» путем демонстрации уродства и бесстыдства, также примеры жестокости — внедряются небессознательно, — их делают «привычным элементом» массовых зрелищ, телевидения и прессы и рекламы.

Касаясь этого явления, разведчик Дж. Колеман указывает на неслучайные, «заданные» изменения в обществе, происходящие в соответствии с замыслом тайных организаторов. Например, — пишет он, — «о женщине, прошедшей целую серию замужеств и разводов (или что-либо подобное — *В. Т.*), средства массовой информации трубят на всю страну. Целые часы эфирного времени отпускаются то одним, то другим немытым наркоманским и декадентским рок-группам, их безумным звукам, сумасшедшим кривляниям, чудовищной одежде и языковым извращениям. Мыльные оперы (представления — *В. Т.*), где некоторые сцены приближаются к порнографическим, уже не вызывают комментариев…». Музыкальное непотребство в виде рока и части попсы — делает свое дело…

Навязываемый слушателям массовый беспредел нелепых, абсурдных и противоестественных мод, мнений, «представлений», тем для «обсуждения», «новаций», усердное возбуждение среди недостаточно образованной и неквалифицированной публики «активности мнений» по вопросам, для решения которых нужны знания, культура и проч., — все это имеет скрытой целью ослабить существующие в народе устои, природный здравый смысл, заставить забыть прежний жизненный опыт и привести общество в состояние умственной и эмоциональной нестабильности и раздора. И в этой атмосфере подготовить условия для выведения масс из состояния нормальной жизнедеятельности.

Одновременно «манипуляторы сознанием» добиваются снижения уровня интеллектуального состояния масс, шизофренизации мышления людей, обладающих обыденным сознанием, и т. д.

Подобная политика соответствует и «программе уничтожения классической европейской системы воспитания и образования», суть которой в том, что она «прямо или косвенно уничтожает во всем мире классическую, дифференцированную и “вертикальную” систему образования, навязывая вместо нее единообразную “горизонтальную”. В соответствии с программой формирования одноликого человечества, “серой расы”»[1].

Процесс дегуманитаризации, уже вполне осуществляемый на Западе, сегодня проводится разрушителями отечественной системы образования. И небесполезно вспомнить, что «по всей Америке, от Принстона до Стенфорда, осуществляется последовательное изгнание величайших произведений мировой мысли из учебных программ. Гении европейской культуры

[1] *Калаич Д.* Третья мировая война. М., 2006. С. 65–66.

Платон и Аристотель, Данте и Шекспир, Ницше и Достоевский — объявлены «политически некорректными» авторами, столпами «европоцентризма», «белого расизма», «сексизма» и «элитарности»[1].

В России такая политика дегуманитаризации и осуществляется под видом «реформ», «модернизации» образования, совершенствования и «приспособления» системы образования к условиям, устраивающим глобалистов, особенно с 1992 года и т. д.

Возникает вполне естественный вопрос: неужели Президент России, обладая громадной властью, в том числе — законодательной, не защитит народ возглавляемой им страны от страшных последствий многочисленных и продолжающихся информационных диверсий?

Ведь с этого, по логике вещей, и необходимо начать решение воспитания молодежи и защиту культуры в России.

СМИ, НАХОДЯЩИЕСЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ, ДОЛЖНЫ РАБОТАТЬ ТОЛЬКО НА СОЗИДАНИЕ, ТОЛЬКО НА ТО, ЧТО СООТВЕТСТВУЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНТЕРЕСАМ. НЕТ! «СВОБОДЕ СЛОВА», РАБОТАЮЩЕЙ НА ПОМРАЧЕНИЕ СОЗНАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛЖИ, НА РАЗРУШЕНИЕ СТРАНЫ И ПОТЕМНЕНИЕ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДА!

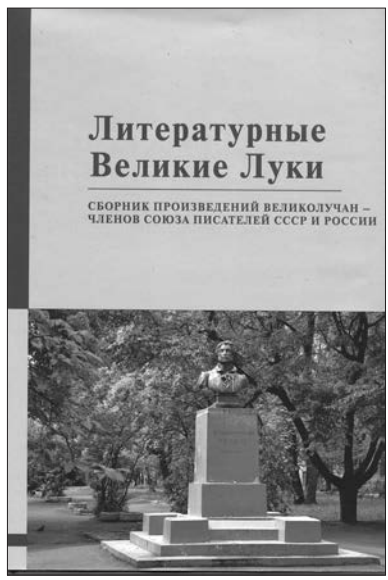
Это и есть первый необходимый шаг в деле созидательного, добродетельного воспитания школьников!

---

[1] *Калаич Д.* Третья мировая война. М., 2006. С. 66.

ВЫШЛА КНИГА

Литературные Великие Луки: сборник произведений великолучан — членов Союза писателей СССР и России / сост. и предисл. А. Б. Канавщикова. — Великие Луки, 2013. — 200 с.

Редакционнно-издательский совет «Великолукской книги»: А. С. Андреева, Д. А. Белюков (главный редактор), И. А. Бушенкова, С. Г. Гусев, В. И. Зандер, С. М. Зяблецева, А. Б. Канавщиков, В. С. Карпицкая, Н. И. Мартинович, С. Г. Петров, Т. П. Случаева, Г. Т. Трофимова, А. В. Юрасов.

Художник-дизайнер проекта Л. Ю. Пугачева

Автор фотографий обложки Т. М. Лапко

В сборнике впервые объединены биографические сведения и произведения великолучан — членов Союза писателей СССР и России. Делается попытка определить вклад великолучан в развитие русской национальной литературы.

Николай БУРЛЯЕВ

ВЫСОКАЯ КУЛЬТУРА — БУДУЩЕЕ РОССИИ

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Окончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Щукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине и др. Создатель и бессменный Президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь». Председатель Международного Объединения Кинематографистов Славянских и Православных Народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 г. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Кризис института семьи очевиден во всем мире. Не обошел этот кризис и Россию. С нашей страной *лукавый* проводил и проводит особую последовательную работу, начавшуюся со времен предательской «перестройки», до основания разрушившей великую империю. Именно тогда, в первые годы наступления на Святую Русь, радио «Свобода» откровенно говорило в эфире: «Цель перестройки — приблизить русских к западным стандартам, цель в том, чтобы произошла мутация русского духа. Нужно русских выбить из традиций».

И началась «культурная революция», проводниками которой стали многие «государственные умы», вещавшие в своих телевизионных токшоу о том, что «Семья — пережиток прошлого», «Пушкин безнадежно устарел», «Без мата нет русского языка», «Патриотизм — последнее прибежище для негодяев».

Телеэкран запестрел непристойными программами, рассказывающими «Про это» и про то. Началось теле-внедрение в сознание нашего народа толерантного отношения ко греху: к развенчанию традиционной семьи, к однополой любви, к патологии голубых и розовых, к сладострастию и безудержной смене партнеров в «дурдоме–2» — Собчак, в телевизионных мексиканских виллах-борделях.

Руководству государства и всем нам нужно признать, что **все это привело к утрате нравственного закона** внутри души нового поколения, возросшего на этой отравленной почве за последние четверть века. Сегодня рожденным в «перестройку» по 25 лет — самый наилучший репродуктивный период жизни.

Назрела необходимость смены планетарной идеи.

Много говорится и пишется о двух духовно разнонаправленных цивилизациях: цивилизации западной — атлантической и восточной — Русской цивилизации. Разнонаправленность их выражена в том, что западная цивилизация исповедует идею **«самоутверждения»**, а русская цивилизация — идею **«самоотдачи»**.

Мир безудержного, ненасытного накопительства, стяжания, потребления, самоутверждения, благодаря постигшему человечество планетарному кризису, себя изжил. Алчное, безрассудное стремление некоторых российских особей обрести все блага мира и Куршавель в придачу — потерпело крах. Об этом просто и исчерпывающе сказано в Евангелии: **«Что пользы — если ты приобретешь весь мир, а душе своей повредишь?»**

Человечество подведено к роковой черте: к необходимости принять новый закон существования, полярно противоположный общепринятому ныне закону потребления — принять **закон самоограничения**. Мир «потребителей», ожесточенно борющихся за свои «права», должен преобразиться в мир самоограничивающихся личностей, исполненных чувства долга, обязанности, жертвы… Должна восторжествовать **вечная**, ныне преданная забвению, **истина нравственного закона, сопряженного с вечной идеей долга и жертвы**.

Человечеству следует признать, что возведенное в ранг планетарной религии понятие **«права человека» — имеет ложное направление**. Ибо юридически-правовой основой «прав человека» является эгоизм, эгоцентризм, гордыня, тщеславие: целый букет грехов… «Права человека» в России стали превращать в агрессию против государства, в войну каждого против всех. Плодотворно лишь то право, которое видит в себе обязанность. Без обязанности право — мыльный пузырь, не сила, но слабость. Утверждение «я имею право делать все, что захочу» имеет ложный посыл, если человек не считает себя **обязанным сделать то, что должно**. Право истинно тогда, когда способствует воплощению в жизнь высших религиозно-нравственных законов — праведности, милосердия, любви, создает условия торжества добродетели и обуздания порока.

«Спасись сам, и тысячи спасутся вокруг тебя», — говорил святитель Серафим Саровский.

С пришедшим в мир интернетом, окутавшим планету новой электронной ноосферой — сетью мировой паутины, человечество вступило в новую фазу своей эволюции. Сегодня и бедуин в пустыне, и дети доярки Маши, сидя у компьютера, один — в своей палатке, другие — в своей избе, в глухой сибирской деревне, могут обменяться мыслями по любому вопросу и получить информацию обо всем на свете. Мир стал воистину единой субстанцией, а это означает, что и людям планеты придется стать единым существом, устранив противодействующие этому процессу силы и препятствия.

Что делать человеку, чтобы спастись самому и спасти окружающую его среду?

Человеку необходимо обрести убежденность в существовании Бога. Осознать благодарность Творцу, чувство долга перед Создателем и перед миром. Понять смысл жизни, как реализацию своей индивидуальной жизненной программы, ради исполнения Промысла Божьего на Земле.

Необходимо изменение сознания человека, религиозное постижение смысла бытия.

России необходимо кардинальное изменение государственной культурной политики.

Необходим **«Национальный проект в области культуры и духовного развития народа»**.

Изучение основ православной культуры и культур основных конфессий России. Духовно воспитанный, впитавший традиции Русской культуры человек, живущий в согласии с Евангелием или Кораном, не станет губить окружающий его мир.

Культура и искусство — самый кратчайший путь к формированию сознания и возвышению, просветлению души человека. Даже во времена жестокого атеизма великие режиссеры советского кинематографа создавали экологически чистые произведения: «Земля» Довженко, «9 дней одного года» Ромма, «Белый Бим, черное ухо» Ростоцкого, «Степь» Бондарчука, «Живет такой парень» и «Калина красная» Шукшина, «Иваново детство», «Андрей Рублев» «Солярис», «Сталкер» и «Жертвоприношение» Тарковского… Экологией души занимаются и лучшие современные режиссеры: Михалков и Сокуров, Герман и Рязанов, Панфилов, Хотиненко, и десятки лучших режиссеров-документалистов…

Только через культуру и искусство возможно осознание гармонии мира и смысла бытия. Культуре и искусству государство должно предоставить роль духовного лидера, надежного локомотива, вывозящего народ из долгого, темного туннеля к свету. Культура и искусство не должны жить по законам рынка, ставя своей главной целью извлечение прибыли любыми способами, и не должны финансироваться государством по остаточному принципу. Бюджет Министерства культуры должен быть сопоставим с бюджетом Министерства обороны. Ведь культура — это оборона души нашего народа.

Особенно важную роль играют экранные искусства: кино и телевидение. Этим искусствам государство должно уделить особое внимание. Кинематограф и телевидение должны быть переформатированы на формирование экологии души человека, на воспитание духовно-нравственного иммунитета молодого поколения.

* * *

Высокий, светлый ум XX столетия Иван Александрович Ильин писал: «Душа, живущая пошло и заселенная пошлыми содержаниями, не имеет религиозного опыта… Она не создает ничего, кроме пошлости: в философии, в науке, в искусстве, в критике, в общественности и в политике. Ибо человек *творит в жизни только то, что он сам есть в религиозном измерении*: пустая душа не создаст духовного богатства; мелкая душа не сотворит величия: пошлый человек не узрит Бога и не воспримет его лучей, и не передаст их другим. Как бы затейлива, изощренна, льстива или «эффектна» ни была внешняя видимость его созданий или проявлений, — это будут лишь упадочные творения, эффектные пустоты, угодливые соблазны…»

Достигнув высокого уровня технического совершенства, кинематограф сегодня наносит непоправимый ущерб совершенству духовному. Третье из-

мерение — измерение художественности и священности — в кинематографе едва ощутимо. Современные кинематографисты, потеряв веру, предпочитают говорить о вещах ничтожных, плотских, пошлых, безнравственных, предавая забвению такие понятия, как Бог, душа, семья, совесть, сокровенные созерцания, подвижничество. Стремление современной кинорежиссуры, променявшей высокое служение на кинобизнес, выбор ими нехристианского пути, — есть **дезориентация цели и смысла жизни целых народов**. Это можно смело назвать преступлением против человечества, оправдания которому нет. Едва ли ни 95 % современного кинематографа следует путями сладострастного вырождения и увлекательной смерти.

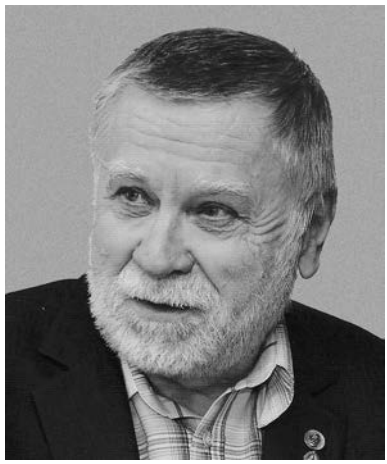
Служение художника *пророческое* не потому, что имеет силу обличать и предсказывать, «а потому, что *через него прорекает себя Богом созданная сущность мира и человека*».

Наверное, каждый не раз задавал себе вопрос: «Зачем я живу? В чем смысл жизни человека?» Вероятно, многие приходили к одному и тому же ответу: «Смысл жизни — возведение души к Создателю. Я живу и творю, дабы содействовать исполнению Промысла Божия на земле». А это значит, что любое наше деяние, любое наше творение должно быть мышлением и волей, устремленными к Богу. А это значит, что человек-христианин осознанно вступает на «узкий путь, ведущий к тесным вратам» спасения. Он вступает в единоборство с самим собою, за *самого себя — христианина* возрожденного, очищенного, одолевшего внутренних демонов блуда, гордыни, тщеславия. Он начинает учиться одолевать самость покаянием, молитвой, пытается внутренне следовать спасительному завету: «Не мне, Господи, не мне, но имени Твоему дай славу». И тогда художник расстается с тщеславной гордыней «творца» и начинает ощущать, что он не «творил», а лишь *воспроизводил*, созерцая и воплощая тайную сущность предмета, что он не придумал, не создал новое творение, а только нашел его, как уже объективно существующее, что его произведение возникло *через него*, а не только из него.

Настало время, когда Президент страны признал то, о чем многие из нас говорили на протяжении двух десятилетий: в России отсутствует стратегия государственной культурной политики, и поручил исполнителям создать таковую *стратегию*, основанную на традиционных духовно-нравственных ценностях. Лично для меня зерном искомой культурной политики является девиз, которым уже 22 года руководствуется Славянский форум искусств «Золотой Витязь», предложивший обществу культурную модель духовного возрождения: **«За нравственные идеалы. За возвышение души человека»**. Из этого зернышка и нужно проращивать культуру созидающего духа.

ПОЭЗИЯ

Борис БУРМИСТРОВ

«ОЩУЩАТЬ СЕБЯ ЧАСТЬЮ ВСЕЛЕННОЙ И ПРИ ЖИЗНИ, И ПОСЛЕ НЕЕ…»

Борис Васильевич Бурмистров — родился в г. Кемерово в 1946 году. Окончил Кемеровский химико-технологический техникум. Работал по специальности: механик, главный механик на оборонном заводе, в стройуправлении. 6 лет отданы Крайнему Северу — работа бульдозеристом в старательской артели на колымских приисках. В 1984 году с должности зам. директора оборонного завода ушел в литературу. Автор 12 книг стихотворений. Автор многих статей. Председатель отд. СП России Кемеровской обл., директор Дома литераторов Кузбасса, секретарь СП России, член Высшего творческого совета СП России, член-корреспондент РАЕН. Лауреат многих литературных премий. **Живет в г. Кемерово.**

* * *

Да будет свет! — сказал Пророк —
И нас из тьмы на свет извлек.
Да будет свет! — изрек Мессия —
И засиял свет над Россией.
Да будет свет! — сказали мы —
И натворили столько тьмы.
Душа болит, страдает плоть,
Да будет свет! — твердит Господь!

* * *

Голоса людей, как птицы,
Разлетаются по свету.
Никакой такой границы
Между нами в мире нету.

Голоса людей в пространстве,
Словно отзвуки былого.
После долгих-долгих странствий
Я твой голос слышу снова.

Никакого здесь шаманства:
Голос твой все выше, выше…
Есть одно у нас пространство —
Где мы все друг друга слышим.

* * *

Неудачи и удачи, —
То смеется мир, то плачет,
Так живем за летом лето,
Все на грани тьмы и света…
Неизвестность не пугает —
Божий Дух над всем витает…

ПРОШЕНИЕ ЗА СЫНА

Дай ему посох по силе его,
Посох, что временем строган.
Чтоб в этом мире обид и тревог
Выстоять мог он.

Путь, что отмерен Тобою ему
Добрым пусть будет.
Сам ведь ты знаешь —
непросто в миру —
Путь этот труден.

Господи! Дай нам терпенья и сил,
Мудрости старцев святых,
Это и все, что бы я попросил
Для сыновей своих.

* * *

Наверно, на Землю зима скоро ляжет —
Любимая женщина варежки вяжет,
Наверно, нагрянут морозы в наш город,
Наверное, скоро, наверное, скоро.
Никто не изменит космический график —
Любимая женщина вяжет мне шарфик.
И в злые морозы теплом вдруг повеет —
Любимая женщина взглядом согреет.

* * *

Унынье — это грех,
Унынье — это слабость.
Как поделить на всех
Нечаянную радость.

Как поделить на всех —
Микроскопичны дозы —
И беспричинный смех,
И по причине — слезы.

Пройди и оглянись
На прошлых дней творенья,
Унынье — это жизнь,
Без веры в пробужденье.

ЗИМНИЙ ПОЕЗД

Полустанки мимо, мимо,
Липкий снег летит в окно.
Все ль с душой соизмеримо,
Все ль с душою заодно?

Все ли мне понятно, ясно
В этом мире бледных грез?
Для кого-то жизнь прекрасна,
Для кого-то — море слез.

Полустанки мимо, мимо —
Ночь за ночью, день за днем.
Все, похоже, повторимо
В этом скопище людском.

В ожидании тревожном
Я лечу на край земли.
Только снег в окне морозном,
Только свет слепой вдали.

* * *

От встречи до встречи — мгновенье одно,
Рябина-кручина стучится в окно.
От встречи до встречи — века и века
На горных вершинах не тают снега.
И зимы, и весны идут чередой,
От встречи до встречи — живу я тобой…

* * *

Так испокон веков ведется —
Освобождаясь от вериг,
Душа с душой не расстается,
Ни на минуту, ни на миг.

Ржавеет время, рвутся цепи,
В прах рассыпаются года.
Но двух влюбленных нежный лепет
Не оборвется никогда.

Из капли капелька прольется,
И толщу льда пробьет родник —
Душа с душой не расстается
Ни на минуту, ни на миг.

* * *

То посев, то снова жатва —
Пашем, сеем, жнем.
Выше правды та лишь правда,
Что в тебе самом.

Путь земной укажет компас,
Путь из дома в дом.
Больше космоса лишь космос,
Что в тебе самом.

Не убавить, не прибавить:
Каждый день весом —
Больше жизни только память,
Что в тебе самом.

* * *

Надо выстрадать право —
Называться поэтом.
Пустобрешная слава
Не поможет при этом.

Чтобы снова и снова
Вдаль летела дорога.
Надо вымолить слово
У судьбы и у Бога!

* * *

В этой жизни короткой и вечной
Каждый миг, как столетье, весом.
По дороге земной или млечной,
Светел путь, освященный Отцом.
Проходя этот путь неизвестный,
Окунаясь в мерцающий свет,
Как найти вечный город небесный,
У которого имени нет.
Как дойти до любви сокровенной,
Оставляя земное жилье —
Ощущать себя частью Вселенной
И при жизни, и после нее…

ПОЭЗИЯ

Нина ЯГОДИНЦЕВА

«В РОССИИ НАДО ЖИТЬ БЕЗДОМНО И СМИРЕННО»

Нина Александровна Ягодинцева — родилась в Магнитогорске, выпускница Литературного института им. Горького, секретарь Союза писателей России. Кандидат культурологии, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинской государственной академии культуры и искусств. Автор более 20 книг и более 500 публикаций. Лауреат Всероссийских и Международных литературных, научных и переводческих премий. **Живет в Челябинске.**

* * *

Башкирское село напоминает
Уснувшего коня:
Темнеют избы,
Окна не блестят,
Но ровное и нежное дыханье
Живет в долине между двух хребтов.
Тепло и сладко здесь перед рассветом,
Тепло и тихо.
Не журчит вода,
На огородах царствует крапива,
Картофельные кустики похожи
На лопоухих крошечных щенят,
И солнце из нутра горы зеленой
Выходит, словно сонная собака
Из маленькой дощатой конуры,
Зевает вкусно алой пастью
И смотрит:
Там, за огородом,
Конь подошел к воде,
И стало слышно,
Как золотые капельки
Звенят.

МАГНИТКА

Мы жили в палатке...
Б. Ручьев

Я снова дышу над бегучей водой
Железом и смертью своей молодой.

И снова ложатся на краешки век
Седая окалина, розовый снег.

Я выросла здесь, среди горьких дымов,
В слепых коммуналках убогих домов,

И звонкие сказки о царстве огня
Любви и надежде учили меня.

Мой город, мой грозный
и зыбкий мираж,
Я знаю — ты юность мою не отдашь,

Но медленно тают крутые дымы
В бесшумных волнах набегающей тьмы

И, воздух угрюмый пронзая с трудом,
Звезда проступает над сонным прудом.

* * *

Здесь пасмурно.
Дома врастают в землю,
В пыли заборы, улицы, бурьян —
Как будто над кипящим
сонным зельем
Тяжелый поднимается дурман.

Но ивы над зеленою водою
Сутулятся и легкий свет прядут —
Вот так душа смиряется с бедою
И понимает только тяжкий труд.

Простите, ивы!
Вечною работой
Стволы и ветви вам в жгуты свило,
А вы глядите в медленную воду,
Как дети на дорогу сквозь стекло.

И знаю я, что вам доселе виден
Край долгих песен, незнакомый мне:
Сад яблоневый, и зеленый выгон,
И светлый храм на золотом холме,

И влажный выдох вспаханного поля,
И кладбище далеко за рекой,
Где над землей последнего покоя
Родных небес незыблемый покой.

* * *

Близится, близится свет Покрова…
Осень еще весела и нарядна,
Чистая, ясная даль неоглядна,
Медленно дышит сухая трава.

Все перед небом отходит, но вглубь,
Все сохранится
под светлым Покровом,
Чтобы явиться неведомым словом,
Верой наполнить усталую грудь.

Рабская злоба, напрасная кровь —
Все отболит до последнего срока.
В небе весеннем легко и высоко
Дымкой белесой растает Покров.

* * *

Птицы застят небо над крестами,
Празднично гудят колокола.
Перекстись застывшими перстами,
Не жалей о том, что жизнь прошла.

И проста, и неисповедима,
Как пастушьей дудочки мотив,
Жизнь — она всегда проходит мимо,
Сини очи долу опустив.

Но перед небесною купелью
Ты возьмешь безропотно с собой
Зимнее российское веселье
Снега, солнца, глуби голубой.

И, сомкнувшись над колоколами,
Будут птицы виться и галдеть,
Заслоняя острыми крылами
То, что нам не должно разглядеть.

ОРАНТА

Две ладони — восход и закат.
Две ладони — жалеть и ласкать,
Гладить волосы, косу плести,
К изголовью воды поднести.

Две ладони — кормить голубей,
Две ладони — качать колыбель.
Повторяйтесь, восход и закат,
Как молитва на всех языках.

Повторяйтесь, тревога и труд,
Помогайте бесстрастной судьбе.
Две ладони друг к другу прильнут
В материнской печальной мольбе,

Две ладони покорно замрут,
И на долгие-долгие дни
Материнский томительный труд:
Вразуми, помоги, охрани…

* * *

На три стороны помолясь,
На четвертую обернусь:
Не ходи, синеглазый князь,
На мою золотую Русь!

Дети малые крепко спят,
Бабы Господу бьют челом.
Брошу наземь узорный плат,
Спрячу волосы под шелом.

По Калинову по мосту
Бьют копыта в сухой настил.
А сказала я Господу,
Чтобы он мне грехи простил.

И за брата, и за отца, —
Где теперь и отец, и брат? —
И за узенький след кольца,
И за брошенный наземь плат.

Жирно чавкает злая грязь —
Не вином напоили Русь!
На три стороны помолясь,
На четвертую обернусь.

ХРАМ

Видно, крепко небо помнило
Злую удаль здешних мест:
Трижды в купол била молния,
Трижды сбрасывала крест.

Трижды с долгими моленьями
Вновь увенчивали храм.
Уминали прах коленями,
Лбы крестили по утрам,

А потом порою шаткою
В зябкой розовой пыли
Появились со взрывчаткою —
Заложили, подожгли…

Только стекла мелко брызнули!
Но когда растаял дым,
Над приземистыми избами
Храм вознесся, невредим,

Всеми главами точеными
Над быльем и вороньем —
Только лики стали черными
В гневе горестном своем.

Пронеслись десятилетия —
Мастерская, школа, склад…
Все прожили — не заметили
Обретений и утрат.

Но однажды встала молния
Вместо прежнего креста,
В колокольное безмолвие
Пала горькая звезда, —

Загудел набат над крышами,
Поднял стаи на крыло,
И очнулись, и услышали:
Горе-горькое пришло.

А куда с крутого берега? —
Только в воды Иртыша…
И не заново поверила —
Болью вздрогнула душа:

Копоть смыли, сажу счистили,
Исцеловали боль и гнев,
В самой светлой Божьей истине
Усомниться не посмев…

* * *

Что же за сила, жестокая сила
Царствует в нас?
Господи, если бы я не любила,
Ты бы не спас

В этой просторной, холодной, безбрежной
Белой стране,
Где выживают одною надеждой
Выдохнуть: Не

Дай мне очнуться от морока тайны,
Ясного сна!
Не отнимай эту чашу, но дай мне
Выпить до дна —

Дна, где начертано камнем по камню
Несколько слов,
Сердце питающих силой, пока мне
Светит любовь.

* * *

В России надо жить бездомно и смиренно.
Не стоит наживать ни золота, ни тлена —
Ни счастье, ни беда тебя не оправдают,
Дворец или тюрьма — никто не угадает.
В России надо жить не хлебом и не словом,
А запахом лесов — березовым, сосновым,
Беседовать с водой, скитаться с облаками
И грозы принимать раскрытыми руками.

Нам родина страшна, как страшен сон из детства.
Мы рождены в луну, как в зеркало, глядеться,
И узнавать черты, и вчитываться в знаки,
И сердце доверять ворованной бумаге.
В России надо жить. В ее садах весенних.
В России надо жить! Ей нужен собеседник.
Великая страна, юдоль твоя земная,
Скитается в веках, сама себя не зная…

Дороги ВОЙНЫ

Павел НАЗАРОВ

АКИМОВКА

Павел Романович Назаров — родился в 1920 г. в с. Самодуровка Воронежской обл. В 1940 г. призван в Красную Армию. Фронтовую службу начал в 1941 г. командиром стрелкового взвода, командовал ротой, батальоном, воевал на Крымском, Южном, Северо-Кавказском, 4-м и 2-м Украинском фронтах, был дважды ранен. Войну закончил в мае 1945 г. в Братиславе начальником штаба стрелкового полка. Награжден орденами и медалями. После войны окончил Военную академию им. Фрунзе, командовал полками, вышел в отставку с должности зам. начальника Московского пограничного командного училища. **Живет в Москве.**

Акимовка, средней величины населенный пункт на безымянной речке с высокими берегами. Батальон весь день находится во втором эшелоне полка, движется походной колонной. 2-й и 3-й батальоны ведут бой в первом эшелоне полка, пытаясь выбить немцев с промежуточного рубежа. Командир полка вводит в бой мой батальон в образовавшийся промежуток между вторым и третьим батальонами. Возглавив 3-ю роту (в этой роте командир — старшина), усиленную взводом станковых пулеметов, следую в направлении Акимовки, до окраины села 2–3 км. Населенный пункт охвачен пожарами — горят избы, надворные постройки, светло почти как днем, значит, немцы уже покинули Акимовку. Подходим к окраине, сопротивления не встречаем. Следуем по улице. Слева вьется речка с берегами, поросшими кустарниками и камышом. Выходим в середину населенного пункта, на пути — шоссе.

Осмотревшись, вижу мост через реку длиной 25–30 метров. Мост цел, не взорван — на немцев это не похоже. В чем дело? Далеко позади наши подразделения ведут бой, слышна стрельба. Оцениваю обстановку: мост цел, значит, либо заминирован, либо еще потребуется немцам для отступления. Додумать не успел — из-за поворота появилась немецкая легковая машина, пронеслась мимо на большой скорости. Стоявшие у дороги бойцы дали несколько очередей из автоматов, машина не остановилась. Ушла по дороге и свернула налево. Впереди нас из-за поворота на удалении 400–500 метров показалась крытая грузовая машина, за ней еще и еще. Немецкая колонна. Внимание! Подаю команду: «К бою!», два станковых пулемета устанавливаю сбоку от дороги, стрелки залегли на берегу реки. Ко-

лонна тихо, соблюдая равные дистанции между машинами, следует в нашу сторону. Головная машина все ближе и ближе. Пулеметчики волнуются, просят разрешения открыть огонь. Аналогичные просьбы слышу из цепи. Молчу. Выдерживаю паузу. Головная машина уже у края моста — молчу, пулеметчики снова просят разрешения. Молчу. Как только головная машина дошла до середины моста, громко командую: «Огонь!». Два станковых пулемета и весь состав группы одновременно открыли в упор шквальный огонь, головная машина завиляла колесами и остановилась посреди моста, а за ней и вся колонна. Командую во весь голос: «По кузовам — огонь!».

И началось: крики, вой, бесцельная ответная стрельба, трассирующие пули летят выше нас, уцелевшие немцы пытаются убежать по другому берегу реки. Через несколько минут крики и беспорядочная стрельба с той стороны стихли. Даю команду: «Стрельбу прекратить!». Направляю группу во главе с сержантом Доценко осмотреть головные машины. Группа осторожно приблизилась, но встречной стрельбы не последовало. Поднял остальных людей и двинулись вдоль колонны, подсчитывая убитых, осматривая трофеи, подбирая раненых немцев. В итоге: 27 автомашин, крытых брезентом, за исключением первых трех, стоят с работающими двигателями, в хвосте колонны на прицепе — две 75-мм пушки. Возвратилась группа, посланная за поворот на поиски легковой машины. Докладывают — легковая машина за поворотом, водитель ранен в обе руки, а командир колонны в звании обер-лейтенанта убит. Подобрали своих раненых, подсчитали немецкие потери: раненых около 20, убитых свыше 40. Трофеи небольшие — обмундирование, личные вещички, оружие. Многие фронтовики после боев снимали с убитых сапоги, надевали на себя, щеголяли в них. Я трофеями брезговал всю войну, особенно личными вещами убитых или пленных. Пока разбирались с тем, что произошло, подошли остальные подразделения батальона. А с ними оказались заместитель командира полка по политчасти подполковник Г. С. Эйдельсон и замполит батальона капитан Алексей Никитин. Ознакомились вкратце, что к чему. Слышу разговор. Алексей, восторгаясь, говорит: «Назаров за такие дела заслуживает орден!» А Эйдельсон спрашивает: «Может и тебе?» «Нет, — отвечает Никитин, — я здесь не причем, тут был один Назаров».

Продвигаясь вперед и заходя в населенные пункты, слышали от местных жителей — немцы зверствуют, совсем ошалевшие, отбирают всех лошадей и на подводах бегут дальше. А тут наконец-то и у нас праздник!

В последующем, обсуждая мои действия и бой в целом, некоторые сослуживцы высказывали мне упрек, дескать, почему подпустил колонну так близко к своему боевому порядку? Всегда обосновывал так: если бы я разрешил открыть огонь раньше, скажем, на подходе к мосту, немцы могли спешиться, принять боевой порядок и атаковать мою малочисленную группу в попытке прорваться через мост. Подобный вариант был невыгоден, поскольку немцев, как потом выяснилось, было около батальона. Это была группа прикрытия отступающих главных сил, и мне с моим небольшим отрядом — усиленной стрелковой ротой — пришлось бы вступить в бой с превосходящими силами противника. Были бы невозвратные потери. А так в этом бою у меня убитых не было.

И, наконец, мой собственный печальный опыт. На Северном Кавказе, следуя в головном отряде дивизии, сам нарвался на засаду, потерял часть

людей, два «студебеккера», американский танк «Валентайн», и две 45-мм пушки, при этом не нанеся серьезного урона противнику. Стремительность, внезапность оглушает подвергшихся нападению, приводит в шоковое состояние. Шок — сильная штука. Засада — почти бандитский прием, правда, в бою выглядит как весьма умелый и тактический ход. Мой неудачный опыт в прошлом — тоже опыт. Я выиграл бой, отомстив, таким образом, за свое поражение. За образцовое проведение боя все расчеты станковых пулеметов были награждены медалями «За отвагу», а я получил свой первый орден Красной Звезды. Невелика награда за такой подвиг, но все равно приятно, тем более что к тому времени в полку ордена имели только капитан Павел Тимохин да командир полковой артиллерийской батареи старший лейтенант Пасхалис. Младших офицеров наградами не баловали, чтобы заслужить орден или медаль, надо обязательно совершить что-то конкретное. В больших штабах ордена на грудь сыпались, как из бездонной торбы. Награждается командующий, а за ним по цепочке остальные в порядке старшинства и приближенности к начальству. Посеяв панику у отступающих немцев, мы ускорили продвижение вперед. К концу сентября вышли к Сивашу, к Перекопу.

Послесловие автора

Со времени описанных в рассказе событий прошло уже ровно семьдесят лет. И вот в прошлом году мой внук Павел в интернете нашел сайт Министерства обороны под названием Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (www.podvignaroda.ru). На этом сайте обнаружились и копии моих наградных документов — представления, приказы о награждениях, наградные листы и списки. В том числе касающиеся присвоения мне ордена Красной Звезды. Спустя семьдесят лет я впервые ознакомился с представлением на меня, составленным командиром части подполковником Федореевым. В нем говорилось:

«Капитан Назаров служит в 1177 стр. полку в должности заместителя командира батальона по строевой части.

В бою за высоту 5 в районе пос. Елизаветинского на правом берегу р. Миус тов. Назаров был направлен в 3 роту для руководства боевыми действиями, так как эта рота находилась на самом ответственном участке. 28.7.43 г. противник превосходящими силами 5 раз переходил в контратаку. Тов. Назаров лично руководил отражением этих атак, при одной из контратак рота дрогнула, но тов. Назаров личным вмешательством восстановил положение.

В боях за поселок Чердакий тов. Назаров возглавил группу бойцов, зашедшую в тыл врага, в результате чего противник из поселка был выбит, причем было захвачено 10 автомашин с военным грузом, а также не была допущена группа немецких минеров взорвать заминированный мост через реку в этом поселке.

В дальнейших боях тов. Назаров оказывает практическую помощь командиру батальона в выполнении боевых заданий командования.

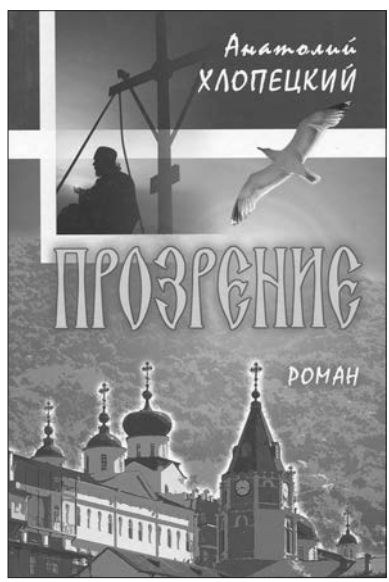
В проведенных боях тов. Назаров проявил личную отвагу и показал себя опытным и знающим военное дело командиром, умеющим правильно ориентироваться в боевой обстановке».

На этом представлении два заключения вышестоящих начальников. Командир моей 347 СД генерал-майор А. Юхимчук подписал заключение о награждении меня медалью «За отвагу». Однако командир 37 стрелкового корпуса, в который наша дивизия входила, генерал-майор С. Горохов решил по-другому и красным карандашом написал: «Орденом Красной Звезды».

Вот такая, оказывается, у моей награды сложная история!

Вышла книга

Хлопецкий А. П.
Прозрение: роман / Анатолий Хлопецкий. — М.: Вече, 2013. — 320 с.

Идея написания книги «Прозрение» возникла как продолжение ранее опубликованной трилогии автора «И вечный бой… От Святого Николая Японского до Президента». Основой этих произведений стали диалоги с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, на тот момент, т. е. в 2003 году, еще митрополитом Смоленским и Калининградским. Эти беседы помогли автору осуществить творческий замысел написания нового произведения.

«…В один из дней все изменилось. Привычный жизненный уклад рухнул, и все пришлось начинать с чистого листа. Второго шанса не было. Понимая это, он сделал шаг вперед, потянулся к людям, стал преодолевать трудности, различать знаки и просто верить, что однажды сможет расправить плечи, а на сердце будет легко и спокойно…»

Эта книга — о духовном перерождении. Книга-наставление, книга-откровение… Никогда не поздно повернуть к свету, чтобы после сказать самому себе, что все сделано правильно, нужный поворот не пропущен и земля больше не уходит из-под ног.

Алексей ЕСИПОВ

ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ ОТЛИЧИЯ или ОСОБЫЙ ФРОНТ ВИКТОРА ЛЯГИНА

Есипов Алексей Викторович — родился в 1956 г. в Ленинграде. В 1979 г. окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Н. А. Вознесенского. В 1982 г. после окончания аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию. Преподавал политэкономию в вузах Ленинграда. С 1992 г. занимался банковским аудитом, возглавлял подразделения внутреннего аудита и внутреннего контроля коммерческих банков. В настоящее время является Председателем Правления ЗАО «БАНК БЕРЕЙТ». Имеет ученое звание доцента по кафедре банковского дела. **Живет в Санкт-Петербурге.**

«Уважаемая Анна Александровна!

По сообщению военного командования ваш брат, капитан государственной безопасности Лягин Виктор Александрович, погиб за Советскую Родину смертью храбрых. За героический подвиг, совершенный Виктором Александровичем Лягиным в борьбе с немецкими захватчиками при выполнении специальных заданий в тылу противника, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 5 ноября 1944 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза. Грамота Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Лягину Виктору Александровичу звания Героя Советского Союза передается его дочери Лягиной Татьяне для хранения, как память об отце-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом.

М. Калинин»

Русскому человеку, извечно воюющему за свое Отечество, легко представить, сколько воинской доблести, человеческого достоинства, воли, ума и любви стоит за скупой и привычной для времен войны характеристикой героя — «погиб смертью храбрых»! Но трудно осознать, сколько боли, душевной и физической, сколько крови, видимой и невидимой, зримого пота и незримых слез скрыто за формулировкой «при выполнении специальных заданий в тылу противника». Одно понятно, что эта смерть была во имя жизни, что подвиг бесстрашного русского офицера явился знаковой составляющей Победы его Родины над беспощадным врагом, а в категории философской — над непостижимым, чрезмерным злом. Говоря о героях и врагах Отечества сегодня, в системе ценностных транс-

формаций, когда меняются знаки привычных понятий, когда душе отказано в осознании бессмертия, и единичная временная жизнь становится главной ценностью, когда пересматриваются эталоны и степени зла, которому придаются даже позитивные смыслы, необходимо оглянуться назад. Да, чтобы увидеть будущее, надо чаще оглядываться в прошлое, туда, где доблестью было не отстаивание «прав человека», а служение Родине. Сегодня, чтобы быть уверенным, что будущее *будет*, следует опираться на ментальные национальные особенности, осмысливать глубинные духовные ориентиры народа. Их недостаточно назвать, их надо увидеть, показать на примерах жизни и подвигов реальных героических личностей, которыми всегда была богата Россия.

В. А. Лягин

Поэтому, спустя почти 70 лет после Победы в Великой Отечественной войне, мы вновь стали обращаться к истории, вспоминать беспримерные подвиги наших соотечественников, среди которых имя разведчика Виктора Александровича Лягина стоит в одном ряду с именами Рихарда Зорге, Николая Кузнецова, Дмитрия Медведева, Владимира Молодцова. Нельзя сказать, что имя Виктора Лягина мало известно в России, в Советском Союзе память славного разведчика чтили оставшиеся в живых боевые товарищи, сослуживцы, наследники профессии, обеспечивающие государственную безопасность, его родственники, студенты, школьники. Он был народным героем. С тех времен сохранились памятники и мемориальные доски, посвященные разведчику. Сегодня, в отсутствие идеологических ориентиров, во времена духовной деградации большой части молодого поколения, Виктор Лягин вновь призван на службу Родине. Он, получивший в качестве оценки свой жизни «высшую степень отличия», стал необходим жизни современной, требующей однозначных определений и непреложных истин, которые точнее всего формулируются и восстанавливаются в осмыслении категории подвига.

О судьбе Героя Советского Союза Виктора Лягина мы беседуем с его внуком Алексеем Викторовичем Есиповым, являющимся биографом, историком и популяризатором нравственных идей на примере служения своего великого деда. Алексея Викторовича интересуют не только события судьбы легендарного разведчика или конкретные детали подвига, но его нерасторжимая связь с подвигом Отечества, с героизмом всенародным, с будущими победами России.

«Родная Ладога»: *Уважаемый Алексей Викторович, когда речь идет о Герое Советского Союза разведчике Викторе Лягине, то в первую очередь из истории вспоминаются его подвиг, его разведывательная и диверсионная деятельность в занятом немцами Николаеве. Тем более что есть приключенческая повесть Василия Ардаматского «"Грант" вызывает Москву», документальное исследование Геннадия Лисова «Право на бессмертие», сборник Владимира Антонова и Владимира Карпова «Разведчики» и многие другие книги, где рассказывается о героической деятельности Николаевского подполья и о судьбе его организатора и руководителя Виктора Лягина (псевдоним «Корнев», кличка «Батя», позывной «Грант»).*

*В сложной, подобной атомарной, системе под названием — **жизнь героя**, все, что сделал разведчик за последние полтора года жизни, проведенные в тылу врага, можно назвать ее ядром, ее центральным событием. Поэтому для того, чтобы у современного человека об этой жизни сложилось целостное представление, давайте начнем с рассказа о главном этом смысле, о подвиге. Для начала коротко расскажите, пожалуйста, о том, чем же в историю Великой Отечественной войны и в историю России вошел Виктор Лягин?*

Есипов А. В.: Виктор Александрович Лягин, будучи профессионально подготовленным разведчиком, возглавлял разведывательно-диверсионную резидентуру под кодовым названием «Маршрутники». Находясь на нелегальном положении, он успешно выполнял задания Центра в оккупированном немцами городе Николаеве и Николаевской области с августа 1941 г. по февраль 1943 г. За этот период было осуществлено несколько крупных диверсий по уничтожению военной техники врага и тем самым спасено множество жизней наших солдат на фронтах. Кроме того, от этих диверсий, по подсчетам оккупационных властей, Германии был нанесен ущерб в 45 миллионов марок. Было также отпечатано и распространено около 16 000 экземпляров листовок и информационных бюллетеней, поддерживающих дух советских людей, оказавшихся на оккупированной территории. Осуществлялась связь с Херсонским подпольем. Самому Виктору Александровичу удалось войти в доверие к немецкому командованию, что позволяло проводить диверсионные операции практически без человеческих потерь. Вследствие предательства одним из его помощников Виктор Лягин был арестован немецкой полицией. Находясь в заключении, советский офицер вел себя мужественно, претерпел все ужасающие человеческое воображение пытки. Один из его соратников, находившийся с героем в общей камере, вспоминал, что Виктор Александрович возвращался с допросов окровавленный, еле держась на ногах. Его жестоко избивали нагайками, запускали иголки под ногти, ставили на горячую плиту. Ему выкручивали руки, кололи шилом в бедра, вырывали щипцами волосы на голове. Тело от шеи до пяток покрылось коркой запекшейся крови, кожа во многих местах полопалась.

Не предавший своих товарищей, не расшифрованный, как сотрудник советской разведки, оставшийся известным врагам лишь под псевдонимом Корнев, Виктор Лягин был расстрелян немцами 17 июля 1943 г. П. А. Судоплатов упоминает Лягина в числе наиболее известных «героев сопротивления фашизму на оккупированных территориях».

«Родная Ладога»: *Как мы знаем из военной науки, храбрость всегда красит солдата, но одна она малоценна, если не сочетается с другими воинскими добродетелями — дисциплиной, призванием, прямодушием. Кажется, своей воинской службой Виктор Лягин подтвердил это известное правило, упоминающееся еще в суворовской «Науке побеждать». Что Вы можете сказать о Викторе Лягине как обладателе особых качеств, присущих военному человеку, советскому офицеру?*

Есипов А. В.: Действительно, Виктор Лягин обладал особым, природным талантом разведчика. Прямота, открытое исповедание своих взглядов, своих убеждений, заключавшихся, коротко говоря, в бескомпромиссном служении Советской Родине, в ненависти к ее врагам как внешним, так и внутренним, являлись основой воинских добродетелей героя, делали все поступки его осмысленными, выверенными. Он придавал большое значение личной закалке и дисциплине, а также дисциплине внешней, обеспечивающей слаженную работу его диверсионной группы. О степени прочности этой дисциплины можно судить по системе подготовки группы и результатам действия ее в тылу врага. Виктор Лягин лично возглавил разведывательно-диверсионную работу в крупнейшем судостроительном центре Причерноморья, так как ранее подготовленный резидент от деятельности в этом районе отказался. Виктору Александровичу пришлось укомплектовывать группу заново, знакомиться с местной спецификой самому и готовить прибывших сотрудников. В Николаев он выехал раньше остальных, прибыл под фамилией Корнева — инженера-судостроителя из Ленинграда, когда в город еще не вошли немцы. И его резидентура «Маршрутники» прибыла буквально за несколько дней до падения города. Она состояла из выпускников Ленинградской школы НКВД, офицеров госбезопасности, коренных жителей Украины: А. П. Сидорчука, А. В. Соколова, П. П. Луценко, Г. Т. Гавриленко, Н. В. Улезко, Д. А. Свидерского, И. Н. Коваленко, А. В. Николаева, Б. И. Молчанова. Легализовавшись, они буквально растворились в Николаеве.

Касаясь вопросов дисциплины и профессиональных навыков, следует отметить, что сам Лягин никогда непосредственно в диверсиях не участвовал. Его задачей как резидента было их планирование и организация. Хотя, работая на верфях, инженер Корнев умел направлять действия рабочих таким образом, чтобы осуществляемые ими акты саботажа выглядели обычными производственными авариями. Виктор Александрович действовал очень умело и расчетливо. Через своих сотрудников ему фактически удалось контролировать все Николаевское подполье — не только чекистское, но и партийное. И при этом сами подпольщики даже не догадывались, кто ими руководит. Ведь и для них, и для портовых рабочих, и для всех жителей Николаева он по-прежнему оставался «прислужником фашистов».

«Родная Ладога»: *Трудно переоценить высочайшую степень героизма Виктора Лягина, которому удавалось не только эффективно руководить разведывательной группой, убеждать в лояльности немецкое начальство верфи своим профессионализмом инженера-кораблестроителя, разрабатывать сложнейшие планы диверсий, обеспечивать быт своих товарищей, но и открыто нести на себе тяжелейшую, унизительную маску «пособника врагу». Не это ли высшая степень мученичества и вершина подвига?*

Говоря о герое, всегда интересно проследить историю становления его героического характера, исследовать природу его воинского дарования. Как Вы думаете, с какого периода жизни стал проявляться в Лягине талант разведчика?

Есипов А. В.: Я уверен, что истоки формирования героического характера надо искать в происхождении, в детских годах героя, в его семье, в студенческой юности. И эти страницы жизни Виктора Лягина не менее интересны, чем деятельность разведчика, так как насыщены удивительными родственными связями, узнаваемыми поныне именами прославленных друзей. Детство и юность Виктора Александровича отражают в миниатюре историю страны того счастливого и трагического времени. По воспоминаниям родственников и архивным документам я составил достаточно объективную историю рода, детства и юности моего деда, который был любознательным, разностороннее развитым, талантливым ребенком, но не отличался чем-то необычным от сверстников. Он был, как говорила его старшая сестра Анна, «такой, как все…»

Виктор Александрович Лягин родился 31 декабря 1908 г. в семье железнодорожного служащего, проживавшей на станции Сельцо в живописном крае Брянской области. Родители Виктора, который был шестым их ребенком, личности незаурядные. Отец — Александр Ильич — по происхождению был «мещанин», рано потерял родителей, с двенадцати лет вынужден был сам зарабатывать на хлеб. От чернорабочего он дослужился до помощника начальника станции. В конце трудовой жизни он работал в типографии «Ленинградской правды». Это был очень красивый, надежный человек. Так что понятен выбор матери Виктора Лягина, Марии Александровны Смирновой, имевшей дворянское происхождение, родственные связи по линии Толстых. Ее мать была близкой подругой Федора Ивановича Тютчева, он ей искренне симпатизировал.

В семье родителей Марии Александровны воспитывался вместе с ее старшим братом Сашей крестьянский мальчик Сережа Коненков, ставший впоследствии известным скульптором. Сергей Тимофеевич делал предложение Марии Александровне, но она предпочла Александра Ильича Лягина. Судьбы Виктора Александровича и Сергея Тимофеевича «косвенно» пересеклись в США. Жена С. Т. Коненкова Маргарита, будучи советской разведчицей, убедила через Альберта Эйнштейна ученых-физиков Запада в необходимости информацию по созданию ядерного оружия передавать резидентам советской разведки.

Мать Лягина была обаятельной, благородно воспитанной женщиной, владела несколькими иностранными языками, знала искусство, литературу, поэзию, хорошо музицировала на фортепиано, пела. Многое о Марии Александровне мы узнали из воспоминаний Анны Александровны, старшей сестры Виктора Александровича. Она и сама была личностью незаурядной. Участница Гражданской войны, с мужем — красным командиром бронепоезда Георгием Александровичем Александровым — воевала в Крыму, была знакома с Котовским, по-мужски курила махорку, была комиссаром бронепоезда. После войны она переехала в Петроград, где у ее мужа нашлись друзья, они пригласили сестру будущего героя участвовать в организации филиала Центрального музея им. В. И. Ленина, там Анна Александровна

проработала до начала войны. Ее роль в судьбе Виктора Александровича и его дочери Татьяны Викторовны, моей матери, велика. Потому что это именно она упросила родителей Виктора отпустить его на учебу в Ленинград. Именно она взяла на себя заботу по воспитанию рано оставшейся без родителей моей матери Татьяны Викторовны. В 1957 г. через полгода после моего рождения она организовала мое «тайное» крещение по православному обряду в старой петербургской церкви Кулича и Пасхи.

«Родная Ладога»: *Алексей Викторович, расскажите, пожалуйста, о студенческих годах будущего разведчика, оказавших большое влияние на его дальнейшую жизнь.*

Есипов А. В.: Виктор Лягин переехал в Ленинград в 1924 г. Здесь он окончил среднюю школу, а в 1929 г. поступил в Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина (в то время Индустриальный институт) на механико-машиностроительный факультет, что говорит об инженерном складе его мышления, о тяге к техническим наукам, формирующим выдержанный, склонный к точному анализу характер. В. А. Лягин был принят на авиастроительную специальность (в сентябре 1929 г. преобразована в авиастроительный факультет) кораблестроительного факультета. С тех времен сохранилась такая характеристика Виктора Александровича: «Дисциплинирован и выдержан. Академически подготовлен выше среднего». Для содержания семьи Виктор Александрович сочетал учебу с дополнительной работой: на первых курсах он работал плотником, разнорабочим, а на старших курсах — по специальности в проектном институте «Спецмашпроект» (в настоящее время это ОАО «Трансмашпроект»).

Среди его товарищей было много людей, в дальнейшем ставших видными деятелями науки и ведущими специалистами крупных промышленных предприятий молодой Советской республики. Учился в одной группе с моим дедом и легендарный Михаил Кошкин, будущий создатель танка Т-34. В семейном архиве сохранилась фотография студенческой группы, на которой есть Виктор Лягин и Михаил Кошкин. Интересно, что я это выяснил случайно, посмотрев по телевизору передачу про главного конструктора «лучшего танка Второй мировой войны», в которой была показана фотография с изображением Михаила Ильича.

В 1930 г., в связи с реформированием Политехнического института возникла проблема с переводом авиастроительного факультета в Москву. Лягин отказался от переезда в столицу и дальнейшего обучения на факультете, поэтому в 1930 г. он был переведен на механический факультет (преобразован в Машиностроительный институт), остававшийся в Ленинграде. Контрольная карточка студента авиастроительного факультета В. А. Лягина сохранила сведения о том, какие дисциплины были изучены им в период пребывания на этом факультете. Среди них указаны аналитическая геометрия, дифференциальное исчисление, теоретическая и прикладная механика, физические измерения, методы изображения и черчение, производство металлов и сплавы, литейное дело, обработка давлением, станки, политическая экономия, немецкий язык. Проходил Лягин и военную подготовку. Им были изучены стрелковое дело, военная администрация, военная тактика, военная топография.

В июне 1934 г. В. А. Лягин закончил обучение и защитил дипломный проект на тему «Шасси 3-тонной грузовой машины для междугороднего

В. А. Лягин — первый слева в верхнем ряду — студент Ленинградского Индустриального института им. М. И. Калинина; первый справа в верхнем ряду — Михаил Кошкин, будущий главный конструктор легендарного танка Т-34, 1929–1934 гг.

сообщения» с присвоением квалификация инженера-механика. Интересно, что из студенческой группы Лягина никого в послевоенные годы разыскать не удалось, видимо, все погибли на фронтах Великой Отечественной.

«Родная Ладога»: *Известно, что еще будучи студентом Виктор Лягин создал семью, у него родилась дочь — будущая Ваша мама. Какова история этой семьи? Можете ли Вы вспомнить о каких-то малоизвестных фактах биографии Виктора Александровича, связанных со знакомством и дружбой со знаменитыми его современницами? Расскажите, пожалуйста, о любимых женщинах героя-разведчика, повлиявших на его судьбу.*

Есипов А. В.: Для того чтобы перейти к этой странице биографии Виктора Лягина, надо сказать, что от природы он был очень красивым человеком. Как вспоминали его друзья, он «знал и умел все», играл на рояле, водил машину, ездил на мотоцикле и на лошади, умел и любил фотографировать, страстно увлекался парусным спортом, владел разговорным немецким и английским языками, модно одевался. Понятно, что такой мужчина привлекал внимание женщин. И сам, как вспоминала Анна Александровна, был очень влюбчив и вспыльчив. Хотя эти качества, на мой взгляд, не так уж плохи для разведчика: они свидетельствуют о впечатлительности натуры и позволяют чувствовать обстановку и острее реагировать на нее.

Со своей первой женой, моей бабушкой, Ольгой Афониной, которая вместе с Виктором училась в школе, они были, как вспоминали друзья,

В. А. Лягин с женой Ольгой Алексеевной Афониной, 1930 г.

очень красивой парой. Ее родители, владевшие скобяной лавкой на Литейном проспекте, были против этого брака. Ольге Алексеевне пришлось уйти из дома. Свадьба состоялась в 1929 г., а через год у них родилась дочь Татка, Татьяна. В 1930 г. Ольга Алексеевна стала студенткой Финансово-экономического института, но сразу же была отчислена как представитель «эксплуататорского» класса. Семья была счастливая, Ольга стала мужу помощницей в учебе, окружила заботой. Но в 1935 г. она заболела брюшным тифом и скоропостижно умерла от его последствий. Страшное горе помогла Виктору Александровичу пережить его большая и дружная семья. Заботы по воспитанию Татки взяла на себя сестра Анна, что позволило Виктору работать и дальше учиться. Благодаря Анне Александровне моя мама Татьяна выросла незаурядным человеком, окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета, аспирантуру, работала директором средней школы в г. Пушкине.

Романтический факт биографии моего деда — дружба и любовь с Эдит Утесовой. На письмо ей Геннадия Лисова, биографа Виктора Лягина, Эдит Леонидовна откликнулась подробным письмом, в котором подтверждала обоюдную симпатию с Виктором, вспоминала их прогулки по заснеженному Ленинграду, разговоры об искусстве, отмечала яркую красоту Виктора Александровича. Ее отъезд в Москву и неодобрение этой дружбы родными сестрами, как воспоминала Татьяна Викторовна, помешало их возможному семейному счастью.

После смерти жены Виктор Лягин ушел полностью в работу по специальности. Он был конструктором на заводе им. К. Е. Ворошилова, инженером на «Ленкомтрансе», инженером-технологом на Ленинградском станкостроительном заводе им. «Ильича», принимал участие в комсомольской работе, был членом Володарского райкома ВЛКСМ. А однажды сказал родным, что хочет воевать за Родину. Родственники подумали, что он едет в Испанию. Но его ждал другой фронт и, как теперь выясняется, женитьба на москвичке Зинаиде Тимофеевне Мурашко, являвшейся сотрудницей внешней разведки и помогавшей Виктору Александровичу в выполнении им специальных заданий, — была частью «его войны» и следствием сер-

дечной привязанности к этой женщине. Зинаида Тимофеевна оказалась добросердечным, милым человеком. В 1941 г. в Нью-Йорке у них родился сын Виктор. Вместе с ней Виктор Александрович работал в длительной заграничной командировке, вместе с ней вернулся незадолго до начала войны в Москву.

В. А. Лягин с женой Зинаидой Тимофеевной Мурашко, США, 1940 г.

«Родная Ладога»: *Если можно, расскажите об этой «длительной заграничной» довоенной командировке Виктора Лягина, за которую он получил благодарность от высшего руководства НКВД.*

Есипов А. В.: До недавнего времени это были засекреченные сведения. Но сначала давайте вспомним, как Лягин пришел на службу в органы госбезопасности. Я уже говорил, что во время работы на заводе «Ильича» Виктор Александрович был не только профессионалом высшего уровня, но и активным комсомольским лидером, тогда он и обратил на себя внимание спецслужб. В 1938 г. он был принят на службу в Ленинградское управление НКВД. Вскоре после окончания курсов при Центральной школе НКВД СССР в Москве Лягин был направлен на работу в Центральный аппарат НКВД на должность заместителя начальника отделения 5 отдела ГУГБ (внешняя разведка). В 1939 г. Лягин назначен уже заместителем начальника 5 отдела ГУГБ НКВД СССР. Быстрому карьерному росту, несомненно, способствовал «кадровый голод», ощущавшийся в органах НКВД после репрессий, обрушившихся на руководство этого ведомства в связи с осуждением бывшего наркома Н. Ежова. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов энергию и знания молодого сотрудника. О нем, как о специалисте, очень высоко отзывались Л. Берия и П. Судоплатов.

«Родная Ладога»: *Попутный вопрос: конец 30-х годов — это время формирования органов государственной безопасности в том их виде, в котором они вступили в сражение с фашизмом и действовали во время Великой Отечественной войны. Известны заслуги видного советского разведчика и руководящего работника Центрального аппарата НКВД СССР П. А. Судоплатова. А что Вы можете сказать о деятельности и роли в создании и укреплении этой действенной секретной организации непосредственно Лаврентия Берии?*

Есипов А. В.: Сегодня в оценке деятельности Лаврентия Павловича Берии преобладают односторонне негативные подходы, вызванные необходимостью исполнения определенного «социального заказа». В рамках борьбы за власть и международного заговора против России было нужно дискредитировать созданные большевиками органы госбезопасности. Безусловно, заслуживают осуждения разгул репрессий и незаконные, зачастую суровые приговоры невинным людям. Вместе с тем, благодаря организаторским качествам Л. П. Берии, НКВД стал высоко профессиональной спецслужбой, сумевшей выполнять операции любой сложности и являвшейся гарантом безопасности страны. Это подтверждается вкладом в Победу в Великой Отечественной войне разведывательно-диверсионных групп, партизанских отрядов особого назначения, других подразделений госбезопасности. Отдельно следует отметить успешное проведение операций в области научно-технической разведки, благодаря которым в СССР своевременно было создано, в частности, ядерное оружие. Л. П. Берия умел подбирать кадры и использовать их для выполнения поставленных задач.

Цитируя воспоминания П. А. Судоплатова, могу сказать, что в декабре 1938 г. Берия официально взял в свои руки бразды правления в НКВД, а В. Г. Деканозов стал новым начальником Иностранного отдела. Вскоре Берия представил В. Г. Деканозова сотрудникам разведслужбы и сообщил о создании во главе с ним специальной комиссии по проверке всех оперативных работников разведки. Комиссия должна была выяснить, как разоблачаются изменники и авантюристы, обманывающие Центральный комитет партии. Берия объявил о новых назначениях Гаранина, Фитина, Леоненко и Лягина. Он также подчеркнул, что все остающиеся сотрудники будут тщательно проверены. Новые руководители пришли в разведку по партийному набору. Центральный комитет направил в ряды НКВД большое число партийных активистов и выпускников Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Л. П. Берия высоко ценил В. А. Лягина и доверял ему. Поэтому, повторю, в мае 1939 г. после назначения В. Г. Деканозова послом в Германию В. А. Лягин был назначен заместителем руководителя Иностранного отдела НКВД (внешней разведки). С этой должности В. А. Лягин был направлен в США для выполнения специальных заданий. Перед заграничной командировкой семья Лягиных была собрана на специальной даче НКВД под Владимиром. Лаврентий Павлович подчеркнул важность выполняемого В. А. Лягиным задания и обещал полностью заботиться о его родных и близких. Свое слово он сдержал.

Мой рассказ о заграничной командировке Лягина основан на сведениях, изложенных в «Энциклопедии секретных служб России» (М., 2003) и в других современных изданиях. В июле 1939 г. Лягин был направлен в

США в качестве помощника резидента советской разведки в Сан-Франциско Г. М. Хейфеца. Работая на западном побережье США, он занимался сбором информации об американских военно-морских судостроительных программах, то есть научно-технической разведкой. По свидетельству П. А. Судоплатова, Лягину также удалось завербовать агента в Сан-Франциско, давшего нам описание устройств, разрабатывавшихся для защиты судов от магнитных мин. Виктор Лягин предоставил и информацию о заинтересованности США техническими вопросами строительства наших авианосцев. Затем Лягина перевели на восточное побережье США, где он стал сотрудником резидентуры в Нью-Йорке, работая под прикрытием в должности служащего советской внешнеторговой организации «Амторг». О том, что руководство НКВД осталось довольно его деятельностью, свидетельствуют отзывы, сохранившиеся в архивах, и то, что ему было разрешено привезти для личного пользования дорогой американский автомобиль марки «Бьюик».

«Родная Ладога»: *Как сложилась судьба разведчика после возвращения из США?*

Есипов А. В.: В СССР Виктор Лягин с семьей вернулся 15 июня 1941 г., за неделю до начала войны. Он хотел снять дачу под Ленинградом и провести лето с любимой сестрой и дочерью Таней. Но, к сожалению, этой встрече состояться было не суждено. О судьбе и переживаниях разведчика в начале войны можно проследить по его сохранившимся письмам. Вот одно из них, написанное 14 июля 1941 г.: *«Мои дорогие мама, Аня и Татка! С большой горечью я осознаю невозможность нашей встречи после долгой разлуки, тем более что нас ждет новая, столь же продолжительная… Знаю, как вам хотелось увидеть меня, поверьте, и у меня болит душа. Но сейчас, когда советскую землю оскверняют фашистские варвары, я не могу быть в стороне от великой войны, на которую поднялся весь народ. Сегодня я выезжаю на фронт. Бесконечно счастлив, что буду лично участвовать в священной борьбе за честь и свободу нашей Советской Родины…»*

Понятно, что письма В. А. Лягина шли не обычной почтой, а по линии спецслужб. Это, с одной стороны, позволяло корреспонденту писать более свободно (жена, естественно, в общих чертах представляла характер задания, полученного Лягиным), а с другой, все же соблюдать известную самоцензуру, так как письма разведчиков, судя по воспоминаниям П. А. Судоплатова, подвергались перлюстрации, о чем Лягин не мог не знать. Своим родным, остававшимся в Ленинграде, он посоветовал эвакуироваться. Сестра Анна с его дочерью Татьяной уехали в Алма-Ату и вернулись домой уже после войны.

«Родная Ладога»: *Как сказано в книге Геннадия Лисова, в первый день войны разведчик стал проситься на передовую, но получил от начальства такой ответ: «Ваш фронт особый: фронт без линии фронта, фронт без тыла…». Как Вы думаете, такой фронт, где не рвутся снаряды, где не надо подниматься в атаку, может быть, легче солдатской передовой? Ведь Лягину пришлось работать в благодатном приморском крае, в тихом красивом старинном городе.*

Есипов А. В.: Конечно, нет. Злодеяния фашистов в этом городе были впоследствии зафиксированы в акте Николаевской областной комиссии, где говорилось о том, что немцы поставили своей целью истребление местных жителей. За два с лишним года оккупации они расстреляли и замучили более ста тысяч мирных граждан и военнопленных. Над ними изощренно издевались, устраивали облавы на молодежь, которую угоняли в рабство. Вот таким при фашистах был «тихий» Николаев.

Следует сказать, что в тыл противника Виктор Лягин отправился ведомый собственным желанием отличиться на войне, его вело бесстрашие и сознание своей необходимости именно на этом поприще. Он оставил семью и все свои привилегии руководящего работника. Несмотря на возражения непосредственного начальства, он, ценнейший работник научно-технической разведки, добился приема у Берии и лично у него подписал свой рапорт о направлении резидентом в Николаев накануне оккупации города. По воспоминаниям племянницы В. А. Лягина Ирины Николаевны Лягиной, работавшей в особом отделе НКВД, Л. П. Берия первоначально категорически возражал против его отправки в Николаев. «*Это не твоя война. Ты специалист по США и научно-технической разведке. Справимся с Германией без тебя. Твоя война — следующая. Для тебя есть достойная должность*». Но В. А. Лягин настоял на своем, обосновав это решение тем, что возглавить резидентуру крупных портовых районов, захваченных противником, может только человек, имеющий хорошую инженерную подготовку. Такая подготовка у него была.

В начале августа 1941 г. В. А. Лягин был направлен резидентом НКВД в г. Николаев для ведения разведывательной и диверсионной работы, а также организации подпольного антифашистского центра на случай оккупации города немецкими войсками. А в том, что немцы предпримут все возможное для захвата города и области, разведчик не сомневался, зная исключительное стратегическое значение этого района. Он понимал, что «его особый фронт», где каждый шаг может быть последним, где нельзя дать себе расслабиться ни на минуту, где при провале ждут не ранение, не мгновенная смерть, но нечеловеческие муки в фашистском застенке, не легче любого другого фронта.

«Родная Ладога»: *Алексей Викторович, зная Вашу эрудицию, хотелось бы услышать об историческом значении русского черноморского порта Николаев. Почему овладение им было так важно для немцев?*

Есипов А. В.: Знаменательна история возникновения этого важнейшего для России порта. Свое название он получил в честь победы России над турецкой крепостью Очаков, произошедшей в день покровителя моряков Николая Чудотворца. Николаев, основанный князем Потемкиным в 1798 г., строился как кораблестроительная верфь, с ее стапелей в 1790 г. сошел первый корабль «Святой Николай». Впоследствии город становится важным центром кораблестроения, центром управления Черноморским флотом, международным портом, находясь на важной евразийской торгово-транспортной оси. Поэтому во все века враги пытались овладеть городом-верфью, уничтожить его судостроительный потенциал. Фашисты не стали исключением.

«Родная Ладога»: *Есть сведения, что немцы очень дорожили этим стратегическим пунктом, его посещали многие нацистские руководите-*

ли и даже Гитлер. Так ли это? И почему наши войска не смогли удержать город и область?

Есипов А. В.: Могу ответить на эти вопросы, основываясь на известных мне сведениях из материалов Государственного архива Николаевской области и Николаевского областного краеведческого музея.

Война на территорию Николаевской области пришла с севера в конце июля 1941 г. Стойко и мужественно защищали этот край войска 18-й и 9-й армий Южного фронта под командованием генералов А. К. Смирнова и Я. Т. Черевиченко. Но силы были неравными. Армии были окружены с трех сторон немецкими механизированными частями танковой группы генерала фон Клейста. Командование Южного фронта осуществило прорыв в двух направлениях, ожесточенные бои развернулись на подступах к Николаеву.

Но 18 августа 1941 г. Николаев был занят гитлеровскими войсками. Начались тяжелые дни оккупации.

Имперский комиссариат «Украина» был создан по приказу Гитлера 20 августа 1941 г. Его возглавил гауляйтер Восточной Пруссии Кох. В рейхскомиссариат «Украина» вошли генеральные округа Волынь, Житомир, Киев, Николаев, Таврия, Днепропетровск. Фашистские захватчики придавали огромное значение Николаевскому генеральному округу — его высокоразвитой судостроительной промышленности с важным морским портом на юге Украины и богатым сельскохозяйственным районам. Поэтому еще в августе 1941 г. кратковременную остановку в Николаеве сделал Гитлер. Через день фюрер вместе с Муссолини принимал парад немецких войск в Первомайске. Эти события зафиксированы в немецком кинохроникальном журнале «Deutsche Wochenschau» («Немецкий обзор»), который хранится в архиве Госфильмофонда РФ.

Оккупанты возлагали большие надежды на быстрое возобновление судостроительной промышленности в Николаеве, считая ее основным средством их господства на Черном море и базисом для проведения военных операций по овладению Кавказом. Область впадения Днепра и Южного Буга в Черное море — важнейший водный путь, который открывает дорогу к мировым морям. Понятно, почему в июле 1942 г. и в июне 1943 г. в Николаев с инспекторской проверкой приезжали рейхсминистр Розенберг и рейхскомиссар Кох.

В таких условиях, при таком внимании к Николаеву высшего немецкого руководства важность разведдеятельности в этом крае Лягина (Корнева) не вызывает сомнения.

«Родная Ладога»: *Да, рассказанная Вами история наводит мысль на современные аналогии, на невеселые размышления о сегодняшнем насильственном втягивании Украины в Евросоюз, который уже называют Четвертым рейхом. Но это к слову. Деятельность Виктора Лягина в Николаеве отражена в нескольких книгах, овеяна романтическим ореолом, отмечена красивой любовной историей. Расскажите, как же на самом деле разворачивались события в оккупированном Николаеве? С чего начался подвиг разведчика? Что особо важного для Отечества удалось сделать группе В. А. Лягина?*

Есипов А. В.: Я уже сказал, что Виктор Лягин приехал в Николаев в августе под псевдонимом Корнев, как инженер-кораблестроитель, приехал

за несколько дней до прихода немцев. До ноября группа вживалась, многие ее члены устроились на работу, решали проблемы собственного обеспечения. Для Виктора Лягина была подготовлена специальная квартира, где жили мать и дочь из русских немцев Эмилия и Магда Дуккарты. В задачу Лягина входило стать «своим» человеком для немцев и попасть инженером на верфь. Очень большую помощь в этом ему оказали Дуккарты, которые, в частности мать Эмилия Иосифовна, пользовались покровительством николаевских чекистов еще со времен Гражданской войны, когда ее муж, известный в городе врач-невропатолог, укрывал в своем доме руководителей одесского ВЧК от контрразведки деникинского генерала-карателя Я. Слащева.

Особняк, где жил В. А. Лягин с Дуккартами, г. Николаев

Эмилия Иосифовна была подготовлена к приезду Корнева, но у ее дочери, ученицы профессора Ленинградской консерватории, красавицы Магды Дуккарт, были другие планы. Магда приехала в Николаев для отправки матери в эвакуацию, а сама собиралась идти добровольцем на фронт. Она восприняла приезд Корнева как обузу. Впоследствии молодая женщина, очарованная этим умным обаятельным мужчиной, стала его помощницей, а потом, по легенде, женой, но до конца, вероятно, не знала, кто он на самом деле.

Невозможно не рассказать об одной из самых ярких, элегантных операций Лягина (Корнева), проведенной с помощью Дуккартов. О запланированном и тщательно подготовленном «случайном знакомстве» разведчика с немецким начальством в первые часы оккупации так рассказывается в книге Г. Лисова «Право на бессмертие».

Когда 18 августа 1941 года немцы вошли в Николаев, генерал и несколько офицеров, проезжая в открытой машине, услышали, что из окна одного дома раздается музыка Вагнера. Они решили нагрянуть в гости и в дверях встретились с Лягиным. Эмилия Дуккарт следующим образом

описывала сцену знакомства. *«Кто такие?» — спросил один из вошедших. «Я — инженер Корнев, с Балтийского завода из Ленинграда. Прибыл сюда в командировку, да не успел выехать». — «О! Вы говорите по-немецки?» — «Да, мне приходилось бывать в Германии по делам службы. А это мои родственники — потомки немецких колонистов. Мать и дочь». — «Какая приятная неожиданность! Здесь, в Николаеве, — наши соплеменники! Это замечательно. А вы не жалейте, что не успели уехать. Вы нам нравитесь. И эта милая фрейлен тоже — ха-ха! Мы, немцы, ценим деловых людей. Хотите быть бургомистром? Впрочем, об этом позже… Мы остаемся у вас!».*

Эмилия Иосифовна Дуккарт

Эмилия Иосифовна, местная немка, была далекой родственницей именитой немецкой фамилии Шардтов в Германии. Все это давало право Дуккартам во время оккупации находиться в привилегированном положении. В своем распоряжении они имели 2-х лошадей, кучера и домработницу, хороший особняк по ул. Черноморской, 5. В. А. Лягин стал «членом семьи», уважаемой оккупантами. В «немецком доме» госпожи Эмилии Дуккарт в первые недели оккупации жил комендант города Гофман. Там же находился майор фон Призен — сотрудник комендатуры. В гости к ним заезжал адмирал фон Бодеккер. Обстановка складывалась для В. А. Лягина благоприятно.

Магдалина Ивановна Дуккарт

Хотя бургомистром Лягина так и не сделали, с точки зрения разведки место ему досталось еще более выгодное. После устроенного ему экзамена по судостроению Виктор Александрович в качестве наблюдающего за ремонтом боевых кораблей вошел в ближайшее окружение адмирала фон Бодеккера — шефа всего германского судостроения в Причерноморье. Магда работала у того же Бодеккера секретаршей.

«Родная Ладога»: *Понятно, что в формате настоящей беседы невозможно рассказать подробно о всей деятельности резидентуры В. А. Лягина. Но давайте вспомним хотя бы об одной, самой важной диверсии.*

Есипов А. В.: Виктор Лягин, будучи мужем переводчицы адмирала и сам его незаменимым техническим советником, имел возможность беспрепятственно посещать все предприятия города в любое время суток. Это значительно облегчало диверсионно-разведывательную деятельность группы.

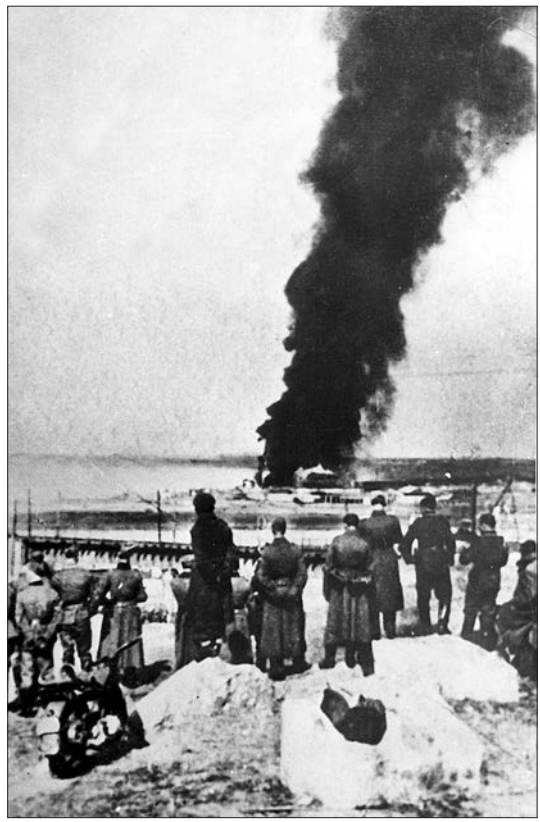
В 1941–1942 гг. в Николаеве группа Виктора Лягина осуществила ряд диверсий. Дважды была взорвана автобаза 4-й воздушной армии и склад запасных частей для машин и самолетов, расположенные в парке им. Петровского. В декабре очень холодного 1941 г. был сожжен склад с зимним обмундированием для солдат фашистской армии на обувной фабрике, находившейся на улице Советской. Кроме того, был подорван котел на румынском пароходе, который стоял на ремонте на «Южной верфи». В 1942 г. лично В. А. Лягиным было обеспечено потопление плавучего крана, что сделало невозможным проведение ремонтных работ крупных судов германского флота. Это не считая мелких диверсий, состоящих, например, в порче деталей для ремонта кораблей, что затягивало сроки сдачи объектов и не поддавалось контролю оккупантов.

Заметной удачей Лягина была вербовка радиста-шифровальщика штаба 4-й воздушной армии Ганса Лиштвана, который, будучи антифашистом, регулярно снабжал подпольщиков важной информацией. В июле 1943 г. он был казнен гитлеровцами.

В марте 1942 г. группа В. А. Лягина осуществила самую крупную по своим последствиям для фашистов и долго подготавливаемую диверсию — подрыв Ингульского военного аэродрома, где базировались самолеты, летавшие бомбить Севастополь. Сам разведчик в диверсионных операциях в целях конспирации не участвовал, но без его разработок и помощи они вряд ли бы прошли успешно. Хотя все члены группы были профессиональными разведчиками и умелыми диверсантами, об одном следует рассказать отдельно. Это бесстрашный Александр Сидорчук.

С его именем связана небывалая по дерзости и ошеломляющая по последствиям операция — взрыв Ингульского военного аэродрома 10 марта 1942 г. А. П. Сидорчуку тоже помогала русская немка Галина Адольфовна Келем, полюбившая героя. Она работала официанткой в офицерской столовой аэродрома, устроила на аэродром и мужа — Александра Петровича Сидорчука. Он, работая в котельной, со временем получил возможность свободно ходить по аэродрому. Галина Келем проносила на аэродром мины в кастрюлях с супом, на дне корзины с продуктами, так она пронесла более 30 мин. Накопление мин заняло две недели. Остальные участники группы доставляли к аэродрому взрывчатку (толовые шашки, динамит). Помогал им еще один русский немец, состоявший на военной службе у немцев — Геннадий Кречет. Он беспрепятственно впустил на аэродром в назначенный час Сидорчука, сбежавшего на ночь из больницы, в которую подпольщик заблаговременно лег для обеспечения себе алиби. Быстро доставал смелый и ловкий разведчик из своей котельной припрятанные мины и, раскладывая под самолетами, соединял электропроводкой. Это была виртуозная работа, в которой ему пригодилась выучка чекиста-разведчика.

Заложив более 200 килограммов динамита, Сидорчук подключил часовой механизм, установив его на 12 часов дня. После чего вернулся в больницу. В установленное время произошел взрыв. Были взорваны два ангара, мастерские, уничтожены 27 самолетов, 25 новых авиамоторов, бензохранилище. Двое суток пылал гигантский пожар. Сидорчук остался вне подозрений. Геннадий Кречет Сидорчука не выдал, но попал под подозрение гестапо, был арестован и направлен в концлагерь Бухенвальд. Впоследствии Сидорчук взорвал еще один резервный аэродром с 4 самолетами. Он погиб случайно при исполнении диверсии на нефтебазе, подорвавшись на собственном взрывном устройстве, но все получилось так естественно, что даже здесь фашисты не заподозрили героического советского разведчика.

Взрыв на Ингульском аэродроме, 10 марта 1942 г.

Символична история фотографии, на которой мы видим оккупантов на берегу Ингула, взирающих на огромный, взметнувшийся в небо столб дыма. Так горели цистерны с горючим и ангары аэродрома. Снимок сделан немецким солдатом, отправившим его своей жене в Марцдорф с многозначительной надписью: «Эльза, это самое страшное — партизаны! Курт. Николаев. Март 1942 г.» В 1945 г. эту фотографию случайно нашли советские солдаты и передали по назначению.

«Родная Ладога»: *Группа Лягина действовала в тяжелейших условиях оккупации и фашистского террора очень профессионально, слаженно и результативно. Как же случилось, что Виктор Лягин оказался в фашистском застенке?*

Есипов А. В.: Его предала перевербованная гестаповцами соратница — врач Мария Любченко, до этого безотказно выполнявшая все задания разведчика. На ее счету много расстрелянных и оказавшихся в заключении товарищей из других подпольных групп. Но группа Лягина — самая удачная операция немцев с использованием кровавой предательницы. Смертельным холодом веет от протоколов ее допросов в НКВД. Невозможно без содрогания читать ее вызывающе-подробные признания. Вот один из протоколов, из которого становится понятно, что произошло с Виктором Лягиным.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА
обвиняемой ЛЮБЧЕНКО Марии Семеновны

от 5 июня 1945 года

Очередной жертвой в результате предательства с моей стороны явился КОРНЕВ Виктор Александрович, работавший в период оккупации в качестве инженера на заводе «МАРТИ»

С КОРНЕВЫМ я познакомилась в феврале месяце 1942 года через его жену — ДУККАРТ Магдалину Ивановну, местную жительницу гор. Николаева по национальности немку, которую я знала еще до войны. Первая встреча с КОРНЕВЫМ состоялась у меня на квартире, куда он пришел ко мне в гости совместно с ДУКАРТ и последняя, сообщив, что она вышла замуж, отрекомендовала КОРНЕВА как своего мужа. Должна сообщить, что КОРНЕВ с первой встречи произвел на меня исключительно приятное впечатление, так как являлся всесторонне грамотным, культурным человеком, владел несколькими иностранными языками, очень скромно вел себя в обществе, в разговорах был сдержан. В одну из встреч КОРНЕВ в разговоре со мной сообщил, что он уроженец и житель Ленинграда, откуда приехал в отпуск к своей жене в первые месяцы войны и по семейным обстоятельствам остался на оккупированной немцами территории. Встречи с КОРНЕВЫМ и его женой ДУККАРТ у меня происходили систематически, вплоть до моего ареста органами «СД», а также и после освобождения из-под стражи, т. е. уже после того, как я была завербована немецкими контрразведывательными органами и принимала непосредственное практическое участие в деле выявления и предательства советских патриотически настроенных лиц.

На одной из явок с официальным сотрудником «СД» РЕЛИНГОМ[1] мне было заявлено о том, что в гор. Николаеве проживает на нелегальном положении оставленный со специальным заданием для ведения подпольной работы против немцев некий майор ХЕНТ или КЕНТ. Тогда же было пояснено РЕЛИНГОМ, что этот майор ранее проживал в Ленинграде. Судя по названным внешним приметам этого майора, я сделала вывод, что с ним имеет сходство знакомый мне инженер КОРНЕВ, и с этого момента, т. е. примерно с ноября 1942 года приступила к активной разработке последнего.

На одной из последующих встреч с КОРНЕВЫМ я сообщила о том, что до войны являлась членом ВКП(б) и с целью расположения его к себе высказала ему, вернее создала видимость своей враждебности к немцам и «желание» выполнить свой долг в этом вопросе как советского гражданина и члена ВКП(б). Мои предположения в результате такого поведения оправдались, КОРНЕВ, ранее присматривавшийся и изучавший меня, в разговорах стал более свободен, чаще стал заходить ко мне на квартиру и в процессе встреч заводил разговоры на политические темы, информировал об обстановке на фронтах, в очень осторожной форме давал понять, что мне как члену ВКП(б) необходимо серьезно подумать о своих обязанностях и долге перед партией. Со всеми его доводами я соглашалась. Убедившись во мне как в «честном советском человеке» — КОРНЕВ в одну из встреч в ноябре месяце 1942 года у меня в квартире зачитал мне принесенный с собой доклад СТАЛИНА от 7 ноября 1942 года, посвященный годовщине Октябрьской социалистической революции. Внимательно прослушав зачитанный доклад, я создала видимость, что этот исторический документ расцениваю, как подобает подлинному патриоту Социалистической Родины и принимаю его к непосредственному руководству и исполнению во всей своей деятельности. Такое мое поведение окончательно убедило КОРНЕВА в моей «благонадежности», и он в этой же беседе сообщил, что оставлен партией в тылу у немцев для выполнения специальных заданий, что настоящая его фамилия не КОРНЕВ, а ХЕНТ или КЕНТ (точно не помню), что он имеет специальное звание советского офицера в ранге майора.

---

[1] Так в тексте.

На поставленный мною вопрос, чем он занимается в своей практической подпольной деятельности и имеет ли конкретных лиц в качестве его помощников — КОРНЕВ ответил одним словом: «Да» и, заручившись от меня согласием помогать ему в подпольной деятельности, дал мне следующие задания:

Оказать материальную помощь и, в частности, продуктами питания какой-то работавшей под его руководством молодой девушке по имени АНЯ (фамилии и адреса не назвал).

Достать и передать ему достаточное количество соответствующих химических веществ, которыми бы можно было отравить зерно на элеваторе в гор. Николаеве, а также значительное количество скота, сконцентрированного немцами в одном из районов области.

Выдать справку о плохом состоянии здоровья одному молодому человеку, подчиненному ему по подпольной деятельности (фамилии не помню), который на основании этой справки имел бы возможность уволиться из учреждения, в котором он служил, и поехать в Днепропетровскую область с каким-то специальным заданием.

Внимательно выслушав КОРНЕВА, я заявила, что все эти задания принимаю с желанием и сделаю все необходимое для их выполнения.

В результате такого заявления с моей стороны КОРНЕВ остался очень доволен мной, вернее, выразил мне свое удовлетворение, и, попрощавшись, ушел от меня, обещав зайти через несколько дней.

В результате этой состоявшейся встречи и разговора с КОРНЕВЫМ для меня стало ясно, что он и является тем самым майором ХЕНТ или КЕНТ, на розыск которого я получила задание, о чем и представила подробную информацию РЕЛИНГУ во время состоявшейся с ним очередной встречи. На основании представленных мною материалов КОРНЕВ в январе месяце 1943 года был арестован органами «СД». Что касается молодого человека, которому я должна была выдать справку на предмет освобождения его от работы и поездки в Днепропетровск, мною было предложено КОРНЕВУ направить его ко мне в поликлинику, что и было исполнено, а при появлении в поликлинике он был арестован по моему указанию специально ожидавшими сотрудниками «СД».

Вопрос: *После вышеуказанной встречи вы встречались еще где-либо с КОРНЕВЫМ?*

Ответ: Следующая и последняя встреча с КОРНЕВЫМ у меня состоялась в январе месяце 1943 года в здании «СД», куда я была вызвана для изобличения его на очной ставке по всем известным мне в отношении его вышеизложенным материалам. Должна заявить следствию, что КОРНЕВ на очной ставке со мной ни в чем не признал себя виновным, а на мое предложение рассказать все так, как было, с презрением посмотрел мне в глаза и отказался разговаривать. О дальнейшей судьбе КОРНЕВА мне ничего не известно.

Если даже Любченко и не знала о судьбе Корнева, то, вероятно, догадывалась. Виктор Лягин был расстрелян вместе с некоторыми своими товарищами 17 июля 1943 г. Но и Любченко поплатилась за свои злодеяния, 9 августа 1945 г. Военным трибуналом войск НКВД по Николаевской области она была приговорена к высшей мере наказания.

«Родная Ладога»: *Да, так трагически в судьбах этих двух разных людей столкнулись две диаметрально противоположные меры: высшая степень отличия герою и высшая мера наказания предателю. Символично и справедливо. А что стало с семьей Дуккартов?*

Есипов А. В.: Это тоже печальная, достойная отдельной книги история.

Эмилия Иосифовна была верной помощницей Корневу (Лягину), без ее дома ему не удалось бы многое из того, что он совершил. Красавица

Магда, профессиональная вдохновенная пианистка, дарила Виктору Александровичу так необходимую ему в то время нежность, искреннюю любовь, ее присутствие скрашивало напряженные будни разведчика. Она несла ему в дар свое восхищение красотой, которую научилась замечать, живя в юности в Ленинграде. Лягин понимал величину ее жертвы и был ей благодарен. Будучи узником гестапо, он постарался отмести подозрения от своих помощниц, и это ему удалось. Но когда герой погиб, женщины остались совершенно беззащитными.

Осенью 1943 г., когда фронт уже приближался к Николаеву, мать и дочь, в значительной степени из-за того, чтобы снять с себя подозрение и не привлекать внимание гестаповцев, эвакуировались вместе со многими другими «фольксдойче». Эмилия Иосифовна, которую после войны разыскала моя мать Татьяна Викторовна, вспоминала, что она с дочерью сначала попала в Польшу. Магда чувствовала себя очень плохо, у нее начался туберкулез в открытой форме. Находясь в американской зоне оккупации, Дуккарты попросились в советскую зону, где явились к коменданту города Хемнице с сохраненной ими немалой «казной» лягинской группы.

И все же обеих женщин осудили. Сначала мать и дочь выслали на поселение в Томск, а потом арестовали, причем Магда вследствие тяжелых испытаний, выпавших на ее долю, умерла в 1952 г., будучи еще молодой.

Мать намного пережила дочь. В 1956 г., без реабилитации, паспорта, пенсии ей разрешили проживать в семье старшей дочери Ангелины в г. Караганда. В 1958 г. Татьяна Викторовна после публикаций в «Комсомольской правде» статей одесского журналиста Михаила Канюке о работе Николаевского подполья впервые приехала в Николаев. Ее хорошо приняли, познакомили с архивными документами. Стало ясно, что Дуккарты не предатели, а ближайшие соратники Виктора Александровича. О трагической смерти Магды в Николаеве знали, но о судьбе ее матери сведений не было. Решили, что если молодая Магда не сумела пережить послевоенную несправедливость, то Эмилии Иосифовны также нет в живых.

С этого момента Татьяна Викторовна в своих выступлениях, газетных статьях показывала Дуккартов не как предателей, а как верных помощников Виктора Александровича.

В 1965 г. известный писатель Василий Ардаматский написал художественную повесть «Грант» вызывает Москву», посвященную Виктору Александровичу. В ней Дуккарты необоснованно названы предателями. На киностудии «Мосфильм» по данной повести должен был сниматься художественный фильм. Татьяна Викторовна написала письмо в ЦК КПСС, в котором потребовала дать правдивую оценку деятельности Дуккартов. Ее поддержали Николаевский обком и управление КГБ по Николаевской области. В результате заявка на производство кинофильма была снята.

В январе 1966 г. в «Ленинградской правде» вышла статья Г. А. Почебута «Разведчик не вернулся с задания», в которой Дуккарты показаны как ближайшие соратники Виктора Александровича. Статью прочитали проживавшие в Ленинграде родственники Эмилии Иосифовны и переслали газету ей в Караганду. Эмилия Иосифовна нашла Татьяну Викторовну, дочь Лягина, мою маму. Мама слетала в Караганду, добилась полной реабилитации Магды и Эмилии Иосифовны, несмотря на протесты В. Ардаматского. Они

были награждены медалью «За боевые заслуги». Эмилия Иосифовна была также награждена медалью «Партизану Великой Отечественной войны» и стала персональным пенсионером республиканского значения. Но самой большой для нее наградой было восстановление честного имени ее героической дочери.

Сын В. А. Лягина Виктор Викторович на открытии мемориальной доски на доме № 7 по улице Пестеля в Ленинграде, 1986 г.

«Родная Ладога»: *Радостно, что имя Виктора Лягина живо по сей день. Героя и сегодня помнят во многих городах: где-то есть его мемориальные музеи, где-то памятники.*

Есипов А. В.: Да, именем Виктора Александровича Лягина названы улицы, корабль. Оно занесено в «Книгу Памяти», которая хранится в Комнате боевой славы Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Достойное место в Зале истории этого Управления занимает отдельная экспозиция, посвященная Герою.

В честь В. А. Лягина установлены бюсты и мемориальные доски в разных городах страны. Есть мемориальная доска и в Санкт-Петербургском политехническом университете, где бережно хранят память о Герое. Особо памятное значение имеет мемориальная доска, установленная на ленинградском доме, где находилась квартира сестры Виктора Лягина, и жил он сам. Это дом № 7 по ул. Пестеля. Старожилы помнили высокого, стройного, энергичного и очень доброжелательного человека, проживавшего здесь до войны.

«Родная Ладога»: *Да, эта доска — известный мемориал, находящийся в центре города. Возле бюста разведчика всегда можно видеть живые цветы.*

Есипов А. В.: Многие люди помнят и чтят своего земляка-героя, рассказывают о нем своим детям. Есть традиция у молодых офицеров ФСБ, работающих на Литейном, 4, приходить в знаменательные праздники к мемориальной доске и возлагать цветы. Здесь они подкрепляют уверенность

в своих воинских силах, утверждаются в правильности выбранной стези защитника Отечества.

«Родная Ладога»: *Война — самое противное человеческому существованию действо. Но она — и то поприще, где человек может достигнуть нравственных максимумов, «высших степеней отличия». Разве есть что-либо более благородное, чем сознательная жертва собственной жизни во имя Отечества, гибель «за други своя». Вспоминая библейское пророчество, что* ***меч не прейдет до конца мира****, видя жесточайшие современные войны, которые все ближе и ближе подступают к границам России, нельзя успокаиваться нам в нашей сегодняшней благополучной мирной жизни. Но нужно вглядываться в прошлое, потому что знания о славных героях страны, о наших героических победах, не дают огню подвига угаснуть. И в этом смысле память о таких воинах, какими были Виктор Лягин и его соратники, становится оборонным фактором Отечества.*

Беседовала Валентина Ефимовская

ВЫШЛА КНИГА

Комбриг Карицкий — чекист и партизан / сост. О. П. Аксенов. — СПб.: Специальная литература, 2013. — 287 с.: ил.

«Комбриг Карицкий — чекист и партизан» — сборник произведений различных жанров, посвященный 100-летию со дня рождения ленинградского чекиста, командира 5-й Ленинградской партизанской бригады, Героя Советского Союза К. Д. Карицкого.

Издание подготовлено Советом ветеранов Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Составитель *О. П. Аксенов.*

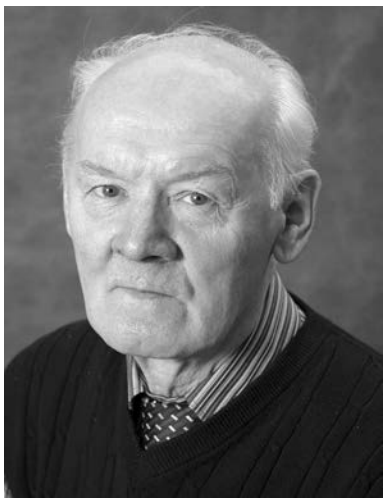
Редакционная коллегия:
председатель — *В. С. Гусев*, генерал-лейтенант запаса, председатель Совета ветеранов Управления; заместитель председателя — *В. Н. Груздев*, полковник в отставке, член президиума Совета ветеранов Управления; *О. П. Аксенов*, полковник в отставке, первый заместитель председателя Совета ветеранов Управления; *А. В. Леонов*, подполковник; *А. Ф. Стародубцев*, полковник в отставке, член президиума Совета ветеранов Управления; *М. М. Фрейдзон*, писатель; *Ю. И. Шапорин*, полковник в отставке, член президиума Совета ветеранов Управления.

Общее редактирование издания — *А. Ф. Стародубцев.*

Совет ветеранов Управления благодарит Региональный Общественный Фонд — Центр Специальных Программ за содействие в издании сборника.

В книге использованы фотографии, любезно предоставленные *М. М. Фрейдзоном* из личного архива.

Дороги войны

Альберт ИЗМАЙЛОВ

БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ

Альберт Федорович Измайлов — житель блокадного Ленинграда, кандидат филологических наук, автор 11 книг художественно-документальной прозы. В настоящее время работает научным редактором издательства Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. **Живет в Санкт-Петербурге.**

БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ

Теплоход пришел в Кобону на рассвете. Монотонный рокот судового двигателя сменился неожиданной тишиной. Она еще больше ощущалась прерывистым соловьиным щелком. А сквозь короткие антракты пения было еле слышно шуршащее дыхание Ладоги. Оно проходило в синие протоки меж каналом и озером, рябило воду, шевелило кусты сирени. Ветер доносил запахи тленных водорослей, древесной смолы. Легко ступалось по мокрым дощатым мосточкам, по мягкой сырой траве.

Здесь я уже был в далеком военном детстве. Видел эти приземистые дома с окнами на воду, серокаменную церковь и убегающую за околицу дорогу, по которой шли тогда по Ладоге в Ленинград машины с хлебом.

Вот из этого деревянного дома, на котором висела фанерная дощечка с надписью «Эвакопункт», где и сейчас еще осталось в стене маленькое оконце, мы получали хлеб.

А там, за озером, на земле окруженного врагом города, остались тогда близкие нам люди.

Помню, как шлагбаум у кинотеатра «Звездочка» пропустил нашу полуторку, и она медленно покатилась по Рябовскому шоссе. Мимо тянулись темные деревянные дома. На крыше одного из сараев я увидел дядю и деда. Они разбирали строение на дрова. Заметив машину, замахали руками и что-то закричали, желая нам счастливого пути на Большую землю. Этот путь по апрельской размокшей колее был нелегок. Сердито урча, подвывая на подъемах, полуторка упрямо шла к Ладоге. К озеру мы подъехали в темноте, на лед спустились, когда стало чуть светать. Озерная ледовая дорога была по колеса покрыта талой водой. Разбрызгивая ее, полуторка

словно плыла по узкому коридору. Все, кто был в кузове, с опаской поглядывали в серое небо, откуда в любую минуту могли появиться трассирующие пулеметные очереди или послышаться визг бомб. Так было.

С тех пор у меня особое чувство уважения вызывает благородный труд шоферов, железнодорожников, речников, особенно тех, кто работал в годы войны на Ладоге, вывозил из-под огня мальчишек и девчонок Ленинграда.

Никогда не забыть широкие ладони ладожан, дающие черные ломти пахучего хлеба. И будто сегодня вижу ожившие от такого щедрого подарка лица мальчишек и девчонок с посиневшими губами. И с такими же губами вижу на шпалах между рельсами неподвижно лежащую девочку в красном капоре. Застывшие ее глаза удивленно смотрят в небо, по которому ветер гонит серые облака и откуда пришла к ней смерть.

Тогда, в Кобоне, на ладожском берегу, с самого бесценного дара — ломтя хлеба, начиналась для эвакуированных ленинградцев Большая земля. Для меня этой землей стала деревня Горбатки на Вологодчине.

Нас, мальчишек и девчонок блокадного Ленинграда, спасли чуткие руки мужчин и женщин Урала и Казахстана, Киргизии и Армении, Владимирщины и Вологодчины. Это всегда в нашей памяти.

Низкий поклон Вам за самоотверженность и доброту, люди Дороги жизни и Большой земли.

ДЕВОЧКА УЛЫБАЕТСЯ

Наш дом стоит на окраине большого города, дальше которого война не прошла. До войны во дворе, как рассказывали взрослые, был двухэтажный дом. На его месте летом сорок пятого зеленел огород, на котором росла большая сладкая морковка — соседская.

Однажды (то, что надолго запоминается, всегда бывает однажды) я сидел на крыльце и грыз морковку. Мне было уже семь лет. И я держал морковку за зеленый хвостик, как эскимо за палочку. Морковка была такая же холодная и таяла. Когда она растаяла во рту, я еще раз посмотрел на зеленые грядки и вздохнул. Вздохнул оттого, что увидел в дверях тетку Нюру, хозяйку огорода, а рядом высокого военного. Они остановились и молча смотрели в сторону огорода. И я глядел то на грядки, то на тетку Нюру: скоро ли она уйдет.

— Морковки хочешь? — спросил вдруг военный. Я кивнул. Он медленно пошел. У грядки остановился.

«Выбирает», — подумал я и взглянул на тетку Нюру: почему она ему разрешает…

Тетка Нюра плакала. Военный стоял с непокрытой головой, фуражку он держал в руке…

Когда, протянув мне две большие морковины, он вышел на улицу, я спросил: «Кто это? Родной?»

— Родной…, — задумчиво сказала тетка Нюра, — из двадцать седьмого дома, что стоял там… — тетка Нюра кивнула в сторону огорода: «Всю семью вместе с домом потерял в сорок втором… А ты ешь морковку-то, вы, блокадные, малокровные.

…Наш дом стоит на окраине большого города, дальше которого война не прошла. Во дворе, на детской площадке, малыши играют на песке.

— Дядя — спрашивает вдруг меня маленькая девочка, — хотите спеку пирожок?

— Хочу, только с морковью…

Девочка улыбается.

ПЕСНЯ

Есть песни как памятники. Они понятны и тому, кому сегодня шестьдесят, и тому, кому двадцать.

Двадцатилетние поют ее, шагая в солдатском и матросском строю: «Эх, Ладога, родная Ладога…»

А слагали эту песню в годы войны…

Декабрь 1942-го. Позади первая суровая блокадная зима. Тяжелые дни работы водной и ледовой Дороги жизни.

На Ладоге тонкий ледовый покров, едва выдерживающий тяжесть человека. Навигация закончилась. Ледовая трасса еще не начала действовать. Все с нетерпением ждут холодов.

В землянках по вечерам слышны песни. Поют о летчиках, моряках, о синем платочке. А о Ладоге — нет.

— Неужели ладожане — шоферы, речники, грузчики, связисты — не заслуживают этого? — задал однажды себе вопрос Петр Леонидович Богданов, военком 526-й отдельной фронтовой роты связи. — Надо во что бы то ни стало написать песню. Она необходима сейчас как хлеб.

И вот в лесу возле деревни Бор под Кобоной сложились первые строки:

Сквозь шторм и бури, через все преграды,
Ты, песнь о Ладоге, лети!
Дорога здесь пробита сквозь блокаду,
Родней дороги не найти!

В землянке из угла в угол ходит человек, ища новые строки. А в это время в другой землянке старшина Павел Краубнер и сержант Лев Шенберг с гитарой и мандолиной в руках подбирают мелодию к написанным строкам. Изредка они заглядывают в землянку Петра Леонидовича. Все трое пробуют песню на слух.

Так продолжается несколько дней и ночей. И вот, наконец, песня написана. Ее отдали разучивать лучшему коллективу художественной самодеятельности.

В клубной землянке декабрьским вечером впервые грянуло мощное, как штормовая ладожская волна:

Эх, Ладога, родная Ладога,
Метели, штормы, грозная волна…
Недаром Ладога родная
Дорогой жизни названа.

В красноармейской газете «Фронтовой дорожник» был напечатан текст «Песни о Ладоге».

Ее запели буквально все, кто работал и воевал на Дороге жизни.

Петр Леонидович Богданов был свидетелем такой картины. Играет духовой оркестр. Сотни грузчиков, не прерывая работы, поют:

Пусть ветер Ладоги поведает народу,
Как летом баржу за баржой
Грузили мы и в шторм, и в непогоду,
Забыв про отдых и покой…

Внезапно в небе появились фашистские самолеты. Грохот от разрыва бомб, треск пулеметов.

Когда налет окончился, работа продолжалась. Никакие бомбы и пули не могли убить песню. В нее стреляли, обжигал ей губы лютый мороз, но песня жила. Снова гремел оркестр, снова сотни голосов пели:

Зимой машины мчались вереницей,
И лед на Ладоге трещал.
Возили хлеб для северной столицы,
И радостно нас Ленинград встречал.

Радушно встречали ленинградцы ладожан. Коллектив художественной самодеятельности исполнял «Песню о Ладоге» в цехах «Кировского завода», «Электросилы», «Скорохода». Особенно тепло принимали рабочие слова:

И знаем мы — кровавая блокада
Исчезнет скоро, словно тень:
Растут и крепнут силы Ленинграда,
Растут и крепнут каждый день!

Радостно звучала песня в дни прорыва блокады и полного освобождения города от вражеской осады. Фронт покатился на запад. Вместе с ним летела песня.

ПОЭЗИЯ

Юрий БАРАНОВ

«ИСТОЧНИК НАШЕЙ РУССКОЙ СИЛЫ…»

Юрий Иванович Баранов — родился в 1946 году в г. Замостье, Польша. Офицер в третьем поколении. Окончил Тамбовское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза Марины Расковой и Мичуринский государственный педагогический институт (факультет русского языка и литературы). Автор многих книг. Лауреат международной литературной премии имени П. П. Ершова. Член Союза писателей России. **Живет в деревне Пивовариха Иркутской области.**

ИСПОВЕДЬ ОФИЦЕРА

Я лежал на поле Куликовом,
Зажимая рану на груди.
Стихла битва, и душа, как голубь.
Господу несла слова любви.
Это я, захлебываясь в крике,
Вел солдат в Полтавскую страду.
Раненный фузейной пулей выжил.
От горячки умирал в бреду.
Это я под Лейпцигом рубился,
Чтоб пехоту русскую спасти.
Я не уберег бойцов в атаке.
Ты за это, Господи, прости.
Сердце рвал на клочья от потерь я,
Водку и вино хмельное пил.
Рвал чужой мундир штыком и шпагой,
Но случалось, с дамами блудил.
Сердце я дарил своим любимым.
Душу Богу, помолясь, отдал.
Только честь
(для штатских это сложно),
Даже умирая, не ронял.
В Пруссии я был застрелен в спину,
Чтобы фронт скорее был открыт.
Обещали всем за наши жизни
Счастье без Отечества добыть.
И легли мы в черные курганы
В бело-красных крыльях за спиной.
Каждый со своею страшной правдой
Без надежды обрести покой.
И когда на нашем пепелище
Новая угроза проросла,
В сорок страшном встал я из окопа,
Чтоб страна великая жила.
В сорок пятом и для всех победном
Получил десятку лагерей,
От того, что не погиб, как должно,
За кремлевских гениев — вождей.

Сколько раз я предан был, оболган,
Продан был в Чечне
в тюрьму-зиндан.
Сколько раз я защищал Россию.
Вечной раной чувствовал Афган.

И когда я улечу к Престолу,
Спросят ангелы, каких я сфер.
Господи! — отвечу. —
Я же русский!
Павший за Россию офицер.

МЫ

Мы раздали Державу
В жадные руки окраин.
Хватило ума и совести
Остановиться у края.
Медленно выпрямим спину.
Голову вскинем гордо.
Рядом улыбкой скалится
Пасть забугорной морды.
Были монголы — истаяли.
Были поляки — где они?
Шведов в Неве умаяли,
От немцев остались тени.
Мы уж давно не пятимся.
Бирон, ушедший в прошлое,
Машет приветливо нашим,
Строившим сердюковщину.

Сколько же было лиха!
Сколько же было горя!
Слезою русской наполнено
У Господа Бога море.
Но крепче росток соленый,
Крепок дубовый посох.
Сила и русская гордость
От горькой слезы не сохнет.

Кобылой гнедой история
Скачет в таежные дали.
Кто там еще на Россию?
Мы не таких видали!

* * *

Нам оставили только глаза,
Чтоб оплакивать русскую долю.
Но забыли способность ростков
Выживать среди русского поля.
Мы напитаны соком страны,
Держим небо и землю руками.

Мы уперлись. Мы тащим вновь
Все, что нажито нами веками.
Нами нажита сила и дух,
Нами нажита гордость имперская.
Берегись, мы сейчас взлетим.
Мы же русские
Сильные,
Дерзкие!

МОЛИТВА

Я кровью сердца написал:
Аэродром, полет, вокзал,
Перкали запах, керосин.
Вокруг пронзительная синь.

Когда-нибудь я улечу
И каждый вздох свой оплачу.
Дай милость главную, Господь!
Достойно завершить полет.

НА КАРТИНУ В. А. КУЗЬМИНА «ЗИМНИЙ ИРКУТСК»

Уходит часть сибирского уклада.
Резная сказка городов.
В сугробах белых стылая ограда,
Уют иркутских адресов.

Душа избенок самоваром дышит,
И куржаком украшено окно.
А путь домой
снежком упавшим вышит.
Сияет в звездах неба полотно.

НА КАРТИНУ Г. Е. НОВИКОВОЙ «АВТОПОРТРЕТ С БАБУШКОЙ»

Как трудно разделить эпохи.
Себя и зеркало понять.
В зеркально-солнечном сполохе
Родную бабушку обнять.

Как сестры — вместе в амальгаме.
И в тайниках своей души
Мы обменялись временами
В зеркально блещущей тиши.

ИЮНЬСКИЙ СНЕГ

Июньский снег к Байкалу рвался.
Цветы губил и лес валил.
Мохнатым мокрым покрывалом
Он лето жаркое тушил.

Косым стремительным крылом
Накрыл дорогу, лес и скалы.
Он наступал, рубил сплеча,
И белой власти было мало.

Июньский снег, — он позабыл
Сибирский наш характер.
Корнями мы вцепились в жизнь.

Снег умер на закате.

БРЫЗНУЛО ОХРОЙ

Брызнуло охрой
По снегу, по воле.
Полынь разметало
По снежному полю.
Желтое с красным
На белом, на сером
Алая кровь от любви
И от веры.

Сердце изранено
Горем полынным.
Крест православный
Украшу рябиной.
Кистью словесной
Рисую Россию.
Знаю — вернется
Надежда и сила.

РУССКИЙ СУД

Небо из китайки, синий сарафан.
Белые невесты, березовый туман.
Надеваю радостно свой крестильный крест.
Звоны колокольные будят все окрест.
Золотые звоны душу вознесут.
Белое и черное нам готовит суд.
Белое и черное, радость и печаль.
Верую отчаянно — обрету причал,
Где Господь сурово спросит подлецов:
«Вы зачем продали Родину отцов?»
Не понять убогим в глупости своей:
Не измерить золотом слезы матерей.
Невозможно Родины душу распродать.
Будет вечно
Имя русское
Сиять.

ПОЭЗИЯ

Светлана СУПРУНОВА

«КАКИЕ ЖЕ ОСТРЫЕ, ПРАВО, БЫВАЮТ У ЖИЗНИ КРАЯ!»

Светлана Вячеславовна Супрунова — родилась во Львове. Окончила ленинградское медицинское училище, Калининградский государственный университет и Литературный институт им. М. Горького. Работала медицинской сестрой в Афганистане (медсанбат, провинция Баграм), проходила воинскую службу в Таджикистане. Затем работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (Калининград), сейчас — начальник редакции научного журнала Калининградского государственного технического университета. Печаталась в отечественных и зарубежных изданиях, член Союза писателей России, автор четырех поэтических сборников. **Живет в Калининграде.**

* * *

Тишины бы в округе, такой,
Чтобы слышать на ветке сороку,
Как врезается лодка в осоку,
Возвращаясь на берег другой.

Чтобы слышать за версты пургу,
Как в полях оседают туманы,
Как швыряет листву на поляны
Этот ветер, влетевший в тайгу.

Слышать все бы, до дальних морей,
Не проникшись ни счастьем, ни горем,
Слышать даже, как где-то, за морем,
По тропинке бежит муравей.

Тишины бы, до самой луны,
Я на небо глаза поднимаю,
Но, проснувшись, опять понимаю:
Не бывает такой тишины.

* * *

Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то — под каждым кустом,
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождем.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц,
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснет,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведет.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день,
Уж не крестит, а все отпевает
Поколенье глухих деревень.

Все едино — дожди, завируха,
Эту древнюю дверь отопрет,
Приблудится, бывает, старуха,
И свечу, как на память, зажжет.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутевая чья-то душа.

* * *

В пути — светло, в пути — покой.
Старушка, помолившись Богу,
Меня дрожащею рукой
Перекрестила на дорогу.

Меня возили поезда,
Моталась я куда попало,
Летела, шла, и мне всегда
Дорог российских не хватало.

Так и жила — на стороне,
И песни слушала чужие,
Старушка же писала мне
Про хворь свою и сны плохие,

Что тягостно в дому одной
И нелегко ей без подмоги,
Что носят пенсию домой —
До почты не доходят ноги,

И что не выйти в старый сад,
А уж куда там по сугробам,
Что жизнь и есть тот самый ад.
А есть ли дивный рай за гробом?

* * *

Мало жизни в сердце, мысли мелки,
И живу как будто по нужде.
Ивовые листья, словно стрелки,
На остывшей замерли воде.

Улеглись под небом как попало,
На людские указав пути.
Где же мой —
спустившийся устало? —
Подсказал бы мне, куда идти.

Гляну вверх — немыслимые версты,
Ничего не вижу дальше гнезд.
На Кремле как будто тоже звезды,
Только грустно
от фальшивых звезд —

Не мигают вовсе, нету света,
Не ведут ни в стужу, ни в дожди.
Ни с земли, ни с неба нет ответа,
Хоть бы голос чей-то впереди!

Ничего-то, глупая, не знаю,
И ничем всерьез не дорожу.
Справа храм — туда ли я шагаю?
Слева крест — туда ли я гляжу?

ВОДОПРОВОДНАЯ ВОДА

В страну кисельных берегов,
С ее красой живой и яркой,
Хозяин каменных домов
Явился с трубами и сваркой.

Достал Аленушку со дна,
Прогнал притихшего козленка.
Взбодрился — ох и глубина,
Повеселел — что за сторонка!

С водой схватился он — устал,
Шумели вековые ели...
Одели, бедную, в металл —
И потекла, куда велели.

И не бряцал никто ведром,
И поднялась вода до крыши.
Все ближе звезды, громче гром,
А плач козленочка все тише.

Аленушка пришла сюда,
Открыла кран с водой холодной —
Ее не вспомнила вода,
Навеки став водопроводной.

* * *

Преет сено в скирдах залежалых,
Пуст сегодня высохший загон,
В тихом доме на обоях старых
Светлые квадраты от икон.

Вон сундук, и мебель не по моде,
И в печи холодная зола,
Лебеда по пояс в огороде.
Где хозяйка? Слышу: «Померла».

У реки заросшая могила,
Сколько их, заброшенных, кругом!
Чую, что-то в жизни пропустила,
Проболтавшись в городе большом,

Что-то поважнее кабинета,
Ванны на девятом этаже.
Что тут скажешь, тело-то согрето,
Только вечно холодно душе.

ОГОНЬ, ВОДА И МЕДНЫЕ ТРУБЫ

Взметнется пламя выше роста,
И улетит крылатый конь —
Не поверну назад, а просто
Перешагну через огонь.

Пусть испытанье будет дважды,
И я хочу такой лишь путь,
Чтоб, изможденная от жажды,
Смогла ручей перешагнуть.

Я оближу сухие губы.
Куда опять пути ведут?
О только бы, услышав трубы,
Не понимать, о чем поют!

* * *

Опять в окошко стук с утра —
Вчерашний дождик беспокоит.
О нем писала я вчера,
Писать о нем уже не стоит.

Зачем стучится он опять —
Все так же тихо и устало?
А может быть, устав писать,
Чего-то я не дописала?

Что не услышала я в нем?
Какой привет? какое слово?
Беспомощно вожу пером,
Смотрю в окошко бестолково.

Воспрянул вдруг — что за дела? —
И по стеклу ударил смело.
И я внезапно поняла,
Что ливень в нем не разглядела.

* * *

Случается, вздрогну невольно,
Свое разбирая житье,
За краешек прошлого больно
Зацепится сердце мое.

Протянется слева направо
Глубокая рана моя.
Какие же острые, право,
Бывают у жизни края!

* * *

Все просто: встретить на пути
Дубок, и выдохнуть без фальши,
И не мешать ему расти,
Идти своей дорогой дальше.

С корзиной в чащу углублюсь,
Грибы — занятье непустое,
«Ау!» услышу, отзовусь,
И вот в лесу уже нас двое.

То снег, то дождь, а я о том,
Что память вовсе не остыла,
Позвать бы всех в притихший дом,
Кого люблю, кого любила.

Сесть у стола и все простить,
Поговорить бы нам о многом,
И если не с кем говорить,
То остается — только с Богом.

Леонид ИВАШОВ

АРКТИКА — НОВЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 году в Киргизии. В 1964 году окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником министра обороны СССР. В первой половине 90-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. А потом было несколько лет насыщенной работы в качестве главного военного дипломата. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Автор нескольких книг по геополитике и международным отношениям. Генерал-полковник, Президент Клуба Министров обороны СНГ. **Живет в Москве.**

XXI век, несмотря на декларируемое окончание холодной войны, не стал для человечества более стабильным и безопасным. Народы и цивилизации живут в состоянии страха, депрессии и неопределенности своего будущего, мир вновь балансирует на грани мировой войны. В эпицентр международной напряженности вышли энергетические проблемы. Острейший дефицит энергоресурсов, на фоне динамичного развития восточных экономик и наращивания энергопотребления странами Запада, Латинской Америки, исламского мира, привел к противостоянию уже не отдельных стран, но цивилизаций и регионов.

Специалисты утверждают, что для нормального жизнеобеспечения каждому человеку необходимо 2 кВт установленной электрической энергии, следовательно, человечеству требуется 12–14 терраватт, а вырабатывается сегодня лишь 2 терраватта. Значит, потребность в электроэнергии в 6–7 раз превышает современные возможности. При этом, несмотря на то, что основная энергия на планете сосредоточена в уране-238 и тории, этому направлению исследований серьезного значения не придается, разработки ученых, российских прежде всего, жестко блокируются нефтегазовым лобби. Усугубляет ситуацию неравномерность использования энергоресурсов среди стран и регионов. Так, в США на одного гражданина приходится в среднем 20 т потребляемых углеводородов, на одного гражданина КНР — 1 т. Обозначена общемировая тенденция к снижению объемов добычи нефти. Естественно, эти обстоятельства ведут не просто к ужесточению конкуренции в сфере энергоресурсов, но и к жестоким войнам за передел основных планетарных ресурсов. В качестве главных

центров силы, определяющих масштаб и характер этой борьбы, выступают США, Китай и ЕС.

На Земле к началу XXI столетия сохранились три планетарных ресурсных региона, недра которых пока не освоены и не поделены окончательно: Арктика, Антарктида и в меньшей степени Афганистан. В Афганистан американцы «сходили» не совсем удачно. Антарктида пока малодоступна. Поэтому Арктика становится ключевым районом, обладающим и стратегическими коммуникациями, и глобальными ресурсами. По данным Геологической службы США, впервые опубликованным в 2008 году, в Арктическом регионе сконцентрировано 22 % неразведанных мировых запасов углеводородного сырья, в том числе 30 % запасов природного газа, 20 % газового конденсата и 13 % сырой нефти. При этом наибольшая доля ожидаемых запасов сосредоточена в российском секторе Арктики[1].

Добавим к этому мощнейший транспортный коридор, соединяющий Северную Америку, Европу, Восточную и Юго-Восточную Азию, планетарный биосферный резервуар чистого воздуха, глобальный питомник биологических ресурсов. И опять же, основные параметры этого «счастья» находятся в российской части арктического бассейна. Складывается впечатление, что российский нефтегазовый бизнес и правительство РФ связывают великие надежды с освоением месторождений: одни с целью сверхобогащения, другие — для выполнения социально-экономических обязательств и удержания у власти. Но с другой стороны — Арктика бросает России мощный вызов, формирует новые угрозы ее безопасности.

Регион превращается в тугой узел противоречий глобальных геополитических субъектов. Можно утверждать, что XXI век станет арктической эрой в истории человечества, в ходе которой будет переформатирована нынешняя геополитическая конструкция мира и создана новая. И вновь Россия превращается в основной объект притязаний. В арктическом регионе в системе геополитических отношений складывается биполярная модель — Россия и все остальные претенденты. Выдержит ли страна этот геополитический натиск? Оснований для оптимизма весьма мало. Прочитываются следующие проблемы, с которыми столкнется Россия в ближайшей и среднесрочной перспективе:

— ***международно-правовые*** — Москве будет непросто доказать юридическое право на хребты Ломоносова, Менделеева и Альфа, скорее всего этого не случится, потому что уже в 2014 году спецкомиссии ООН нужно представить убедительные геологические доказательства и получить согласие других заинтересованных участников;

— ***экологические*** — степень разведанности арктического дна оставляет желать лучшего, потому что после падения СССР серьезных исследований не велось, геологическая служба развалена, к ликвидации аварий в северном регионе страна не готова;

— ***технологические*** — в связи с деградацией тяжелой и судостроительной промышленности у России нет современных технологий бурения и добычи углеводородов с больших глубин;

---

[1] Арктика-2012. Избранные доклады IV Всероссийской морской научно-практической конференции. Мурманск, МГТУ, 2012. С. 12.

— ***военно-стратегические*** — арктический регион, с большой долей вероятности, сформирует главную военную угрозу, и России нечем отразить силовые претензии конкурентов, поскольку баллистические ядерные ракеты, которые объявлены гарантией нашей безопасности, здесь не сработают.

Добавим еще одну проблему — Арктика потребует больших финансовых затрат, что еще более закрепит сырьевую зависимость российской экономики.

И как прежде, основным противником России в Арктике являются США. Интересен вывод ветерана американской геостратегии З. Бжезинского, сделанный им в его последней работе «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис»: «Америку ждет неуклонная и в конечном итоге роковая утрата способности играть ведущую роль на мировой арене… В результате где-то к 2025 году на фоне международной нестабильности Америка де-факто лишится триумфально провозглашенного владычества над XXI веком»[1]. Но вряд ли политический класс, бизнес-сообщество и банковский капитал согласятся с подобным выводом г-на Бжезинского. Американские претензии по-прежнему носят глобальный масштаб и весьма опасны для человечества, поскольку новый миропорядок по-американски выстраивается на доминанте военной силы, не ограниченной международно-правовой системой безопасности, и подчинением человечества сугубо интересам американских компаний и банков. И Арктика представляется им той палочкой-выручалочкой, способной вытащить Америку из системного кризиса. *США объявили арктический регион зоной своих интересов, концентрируют на этом стратегическом направлении политико-дипломатические усилия, специальные, прежде всего нетрадиционные средства, экономический и военный потенциалы***.** Новизной в искусстве глобального противоборства являются *геополитические операции*, целями таковых объявлены ключевые районы мира, стратегические коммуникации и планетарные ресурсы.

В ноябре 2009 года, в ответ на российскую арктическую экспедицию (лето 2007 года), призванную доказать, что хребты Ломоносова и Менделеева являются продолжением Сибирской континентальной платформы, в США была обнародована «Арктическая дорожная карта США» — стратегическое руководство для деятельности ВМС в Арктике до 2014 года. Смысл этого документа сводился к определению наиболее эффективных видов вооружений ВМС для действий в Арктике и к «оценке нынешних и необходимых в будущем возможностей по ведению боевых действий под водой, ведению боевых действий на удаленных ТВД, нанесению ракетно-бомбовых ударов, проведению стратегических переброс людей и военной техники морским путем, сотрудничеству в сфере безопасности в регионе»[2].

Явный приоритет арктических интересов прочитывается в так называемом «Четырехлетнем обзоре оборонной политики США», «Перспективной программе обеспечения обороноспособности на 2011–2015 гг.» и, естественно, в приоритетах военного бюджета. В качестве основного инструментария построения однополярного миропорядка Штаты обозначили «флот

---

[1] *Бжезинский З.* Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2013. С. 114.

[2] U. S. Navy Arctic Roadmap. October 2009. P. 14.

безраздельного океанского господства», который они намереваются создать к 2035 году в рамках программы «Морская мощь-21». Согласно «Плану объединенных военных командований 2008 г.» Арктика была поделена между тремя американскими военными командованиями: Северным, Европейским и Тихоокеанским. В зону ответственности Европейского командования (**USEUCOM**) включены территории трех приарктических государств (России, Норвегии и Дании включая Гренландию) и прилегающее морское пространство до Северного полюса (за исключением российского дальневосточного морского участка Арктики). В зону ответственности Северного командования (**USNORTHCOM**) — Аляска, Канада и прилегающее морское пространство до Северного полюса. В зону ответственности Тихоокеанского командования (**USPACOM**) — российский дальневосточный морской участок Арктики (между 100° в. д. и 169° з. д.). При таком разделе на Северном полюсе соприкасаются зоны ответственности всех трех командований.

Ускоренными темпами разрабатываются новые теория и тактика ведения войны на арктическом театре военных действий, заданы к разработке более совершенные образцы вооружений. Наиболее эффективным способом действий против России в арктическом регионе избрана **концепция «обезоруживающего удара»**, основу которого являют не баллистические ядерные ракеты, а высокоточное оружие и системы нетрадиционных технологий. Прочитываются следующие направления достижения решающего превосходства над российской группировкой вооруженных сил:

— приоритетное развитие высокоточного оружия большой дальности (КР, беспилотники-роботы, планирующие авиабомбы) с целью уничтожения большей части российских СЯС;

— ускоренное строительство кораблей-арсеналов, способных нести несколько сотен дальнобойных КР, переоборудование АПЛ, носителей БРПЛ, под КР «Томагавк»;

— создание системы ПРО, основу которой составляют корабельная (программой предусмотрено строительство 93 кораблей) и космическая (12 платформ с лазерными комплексами) группировки, способные гарантированно перехватить стартовавшие после обезоруживающего удара российские ракеты.

Для действий в арктической зоне привлекаются силы и средства океанского наблюдения; объединенная американо-канадская система воздушно-космической обороны (НОРАД), загоризонтные РЛС, размещенные на Аляске, в Гренландии и Великобритании; военные и научно-исследовательские объекты, дислоцированные на Аляске, в Гренландии, Канаде, Норвегии, Исландии, на Шпицбергене, а также ледовые станции.

Но, как представляется, наибольшая угроза безопасности российскому Северу исходит не от военных приготовлений США и их союзников, это угрозы военного времени, а от реально проводимых в рамках геополитической операции системно-сетевых операций с применением технических систем на новых физических принципах. Концепция таковых была разработана и запущена в 2003–2004 годах и получила название «операция на основе эффектов». Суть ее — скрытая дестабилизация шести определяющих подсистем национального развития и обороноспособности РФ: политической, военной, экономической, социальной, инфраструктурной, информационной. Резонанс эффектов от нарушения работы этих подсистем призван

обеспечить «стратегический паралич» системы государственного и военного управления России в активной фазе борьбы (2014–2015 гг.) мирного периода и, при необходимости, перехода к стадии военного времени. В ходе реализации этой концепции решается ряд задач: «***демократическая***» — продвижение в систему государственного управления прозападных деятелей, политических сил и групп; «***непрямых силовых действий***» — дестабилизация страны кризисными общественно-политическими, террористическими, природными и экологическими бедствиями, перехват управления прозападными группировками и приглашение миротворческих сил США и НАТО для стабилизации обстановки в стране; «***прямых силовых действий***» — подчинение страны военно-силовыми мерами. Особое внимание при решении второй и третьей задач уделяется использованию нетрадиционных средств и способов вооруженной борьбы. В частности к стратегическим средствам поражения на новых физических принципах американское военное командование относит развернутую по периметру границ России систему из 10 плазменных комплексов геофизического оружия (США, Канада, Норвегия, Исландия, Япония), предназначенную для инициирования сейсмических и экологических действий. Воздействуя с десяти сторон мощными электромагнитными высокочастотными излучениями на заданные области ионосферы в диапазонах высот 40–400 км, они создают в силовых линиях магнитного поля и удерживают над заданными районами концентрированные плазменные образования диаметром в десятки километров, способные выступать источниками активных вторичных излучений в широком диапазоне низких частот[1].

Посредством управления параметрами вторичных излучений и их резонансной настройкой на частоты функционирования заданных субъектов решаются задачи:

— дисфункции психофизических и физических состояний заданных социальных групп;

— стихийно-бедственные явления;

— отказы электроники и автоматики технических объектов и средств связи;

— аварии и катастрофы на объектах инфраструктуры;

— нарушение работы систем управления летательных, в том числе космических, аппаратов;

— перекрытие излучением плазменных комплексов всех (кроме европейской) зон и основных высот и полетных траекторий российских МБР (БРПЛ).

Еще раз подчеркнем, что это оружие уже работает против России, поставленные противником задачи мирного времени успешно решаются. Специалисты Академии геополитических проблем выявляют работу средств системы ХАРП в Подмосковье, причем число таковых в последние годы увеличилось до 10.

Если говорить о роли России в Арктике, следует заметить, что именно наша страна приложила гораздо более других усилий в исследовании этого пространства, понесла несравнимые ни с кем жертвы, совершила массу географических открытий и научных достижений. И вполне оправданно счита-

[1] Вестник Академии военных наук, № 3(8), 2004.

ет себя главной арктической страной. М. В. Ломоносов, аргументируя право России на арктическую зону, заключал: «Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке»[1]. Выступая 22 сентября 2011 года на втором международном форуме «Арктика — территория диалога», В. Путин заявил: «…существующие проблемы, включая вопросы континентального шельфа, могут быть решены в духе партнерства, путем переговоров, на основе действующих международных правовых норм»[2]. Конечно, для России, в нынешнем ее состоянии, мирное решение проблем Арктики — лучший исход. Но мы видим, что наши западные «партнеры» уже сделали свой выбор в пользу комплексного силового решения, прорабатывают вопрос о создании «арктического НАТО», и российскому руководству следует четко осознавать, что попытки «сторговаться» с США и их западными союзниками путем даже безвозмездной передачи части территорий и ресурсов (как это сделали Ельцин и Медведев) не получится. Эти ребята заберут все, как они уже многократно поступали в отношении более слабых друзей и врагов. Мирное решение спорных арктических вопросов возможно только в случае реальной способности защитить национальные интересы.

Но печальное развитие ситуации для России вовсе необязательно, есть и иной вариант: комплексная стратегия обеспечения национальных интересов России в Арктике, сконцентрированная в геополитической доктрине РФ, принятие которой серьезно запаздывает. Необходимо разработать и осуществить ряд собственных операций, объединенных единой целью и замыслом:

Политико-дипломатическая — создание коалиции государств, готовых участвовать вместе с Россией в освоении и защите арктических ресурсов и Северного морского пути. Это, прежде всего, Китай, Индия, Япония, возможно, Германия. Это и вовлечение в арктический процесс ОДКБ, ШОС, БРИКС, ООН.

Внутриполитическая — разграничение и законодательное закрепление за субъектами РФ северных территорий, включая шельфы и арктические пространства; вовлечение экономик субъектов в процесс освоения арктических ресурсов; образование единого центра управления (министерства) северными территориями.

Военно-стратегическая — формирование единого командования, включающего все силовые структуры арктической зоны и в полной мере ответственного за защиту национальных интересов и безопасность региона; создание группировки сил и средств в составе Северного флота (корабельный состав, авиация, морская пехота, «спецназ», группировка космических средств и др.), а также группировки высокоточных средств, нацеленных непосредственно на территорию США; привлечение к планированию обороны войск и сил стран, приглашенных Россией к освоению арктических ресурсов.

Военно-техническая — разработка и реализация программы создания вооружений и военной техники, способной эффективно действовать в

---

[1] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. В двух томах. Т. 1. М.: Наука. 1986. С. 489-490.

[2] http// premier.gov.ru/events/news/16536/

условиях Севера и успешно противостоять технике и оружию вероятных противников.

Для того чтобы решить стратегически важную задачу защиты национальных интересов, в том числе на Севере, и обезопасить страну с северного стратегического направления, необходимо создать в России Центр геополитического анализа, прогноза и планирования, задачами которого будут являться:

— анализ геополитической ситуации и военно-стратегической обстановки в мировом пространстве и в прилегающих к России регионах;

— принятие наиболее целесообразных решений среднесрочного и долгосрочного характера по комплексной защите общенациональных (а не только бизнес-элит) интересов и стратегии безопасного развития страны;

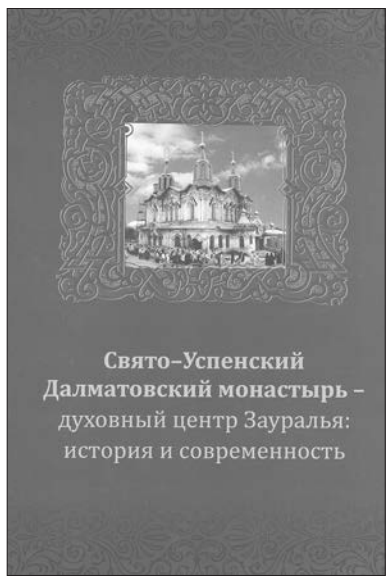
— организация выполнения и корректировка принятых решений.

Сегодня в Российской Федерации единого центра, где принимались бы геополитически важные и стратегически значимые решения, не существует. Есть, конечно, ряд центров, где принимается масса решений для конкретных бизнес-структур и политических группировок. Но эти решения, как правило, не согласуются с общенациональными интересами развития и обеспечения безопасности общества и государства. Скорее, противоречат таковым.

Вышла книга

Свято-Успенский Далматовский монастырь — духовный центр Зауралья: история и современность: сб. ст./ отв. ред. иг. Варнава (Аверьянов), И. Л. Манькова. — Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2012. — 134 с.: ил.

По благословению Высокопреосвященнейшего Константина, архиепископа Курганского и Шадринского

Сборник включает статьи, подготовленные на основе докладов, прочитанных на церковно-исторической конференции «Свято-Успенский Далматовский монастырь — духовный центр Зауралья: история и современность», посвященной 20-летию возобновления в нем монашеской жизни (г. Далматово, 8 июня 2012 г.). В статьях представлены результаты изучения истории старейшей обители Зауралья (XVII—XX вв.), ее значения для архитектуры, иконописания, литературы Урало-Сибирского региона. Книга богато иллюстрирована фотографиями, отражающими жизнь монастыря в XX — начале XXI в.

Подготовка конференции осуществлена при научно-организационной поддержке Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Алексей ПОДЦЕРОБ

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЕГИОНЕРА

Рассказ

Алексей Борисович Подцероб — выпускник МГИМО МИД СССР и Дипломатической академии МИД СССР. Работал в Центральном аппарате МИДа и посольствах СССР в Алжире, Ливии и Египте, старшим советником Постпредства СССР/РФ при ООН, послом России в Ливии и Тунисе. Имеет ранг Чрезвычайного и полномочного посла. Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Кандидат исторических наук. Автор многих монографий. **Живет в Москве.**

В конце 1960-х после окончания института я работал в Алжире в Консульском отделе Посольства СССР. Иногда к нам заходили старики, которые обращались с просьбами оказать им содействие в конфликтах с алжирскими местными властями.

Эти люди сражались в Белой и Русской армиях и после их разгрома вынуждены были эмигрировать из России. Пройдя всю Первую мировую и Гражданскую войны, они научились решать боевые задачи, но ничего другого делать не умели. Попав за границу, младшие офицеры и юнкера поступили в Иностранный легион. Судьбу их поменяло 22 июня 1941 г. Нападение Германии на Советский Союз было воспринято ими не как борьба фашистов с коммунистами, а как агрессия немцев против русских. Они дезертировали из Легиона и влились в сражающуюся Францию либо в английские войска. Бывшие русские сражались в Северной Африке, а закончили войну в Италии. После войны они получили советское гражданство, вернулись в Иностранный легион, а после выхода в отставку остались в Алжире, получая пенсию от французского правительства.

Как-то мне удалось разговориться с одним из них, и его воспоминания заслуживают того, чтобы быть опубликованными.

Моего собеседника звали Сергей Степанов. Он сражался в последний год Первой мировой войны и в Гражданскую войну. Сергей эвакуировался из Крыма с последними подразделениями врангелевской армии, долго оставался в Галиполи, а когда исчезла всякая надежда вернуться на родину, он поступил в Легион. 22 июня 1941 г. в судьбе Сергея произошел перелом. Он дезертировал из Иностранного легиона и присоединился к союзникам.

Его, знакомого с жизнью в пустыне, направили в Истребительный эскадрон № 1, который был сформирован в основном из русских и которым командовал майор В. Пеньяков. Война, пояснил он, которую мы должны были вести в Сахаре, была схожа с войной на море. Колонны автомобилей играли роль эскадр кораблей, а оазисы — военно-морских баз. Ориентация осуществлялась по компасу, а определение места — по счислению, при этом спидометр заменял лаг. Наблюдатели внимательно следили, не возникнут ли на горизонте облака пыли, возвещавшие — точно так же, как в океане облака дыма — о появлении противника. Опасность неожиданной встречи с врагами была особенно велика ночью, когда игра светотеней на залитых лунным светом просторах придает окружающему фантасмагорический вид.

И все же, — продолжал Сергей, — это была война не на море, а в пустыне — с ее вади[1] с отвесными берегами, образующими непреодолимые препятствия, с острыми как бритва камнями, распарывающими колеса автомобилей, с предательски зыбучим песком фаш-фашем, в котором мгновенно увязают машины, с внезапно налетающими самумами, холодными ночами и палящим солнцем, которое буквально воспламеняет ледяной воздух, наконец, с постоянным чувством жажды, порожденным скудостью рациона воды. И, конечно же, песок, песок везде — в воздухе, в еде, в карбюраторах, проникая в которые он, как констатировали наши водители, создавал намного более серьезную проблему, чем итальянские войска. Война в Сахаре выработала особый тип бойца — самостоятельного, уверенного в своих силах, способного не отступать перед трудностями, всегда готового ценою собственной жизни спасти своих товарищей.

Мы, — сказал Сергей, — осуществляли дерзкие рейды в пустыню. Нами был разгромлен аэродром под Тобруком, где было уничтожено 20 самолетов противника. Мы занимались минированием дорог в тылу немецких и итальянских войск, взрывали склады горючего и боеприпасов, из концлагерей освобождали военнопленных. Узнав о жестоких казнях заподозренных в сотрудничестве с англичанами ливийцев, которых подвешивали за челюсть на крюк и оставляли умирать на солнце, Пеньяков направил письмо командующему итальянскими войсками в Киренаике генералу Патти, предупредив, что за каждого замученного араба он будет расстреливать одного итальянского офицера, и казни прекратились.

Особенно, — рассказывал Сергей, — мне запомнился один рейд, которым командовал я. Мы получили разведданные, что в Северной Сахаре находится командный пункт одного из генералов, предположительно генерал-полковника Э. Роммеля. Мы выехали на двух машинах немецких моделей. Всего нас было восемь человек. Не буду вам описывать дорогу через пустыню. Скажу лишь, что мы испытывали муки жажды и голода, поскольку запасы пищи, а главное — воды у нас были ограничены.

На четвертый день мы добрались до германского лагеря. Один день мы, забросав машины песком, потратили на наблюдение за немецкими позициями. Они представляли собою четырехугольные окопы, снабженные пулеметами и несколькими пушками. За ними находились зенитные установки.

---

[1] Вади (араб.) — сухие долины в пустынях Аравии и Сев. Африки; заполняются водой обычно после сильных ливней.

В центре помещался штаб дивизии. Мы определили нахождение спальни германского генерала (увы, это оказался не Роммель).

На следующую ночь мы решились атаковать. Выждав до 3 часов утра, мы поползли вперед. Разрезав проволоку, сняли часового и проникли внутрь здания. Показалось сначала, что нам повезло, и мы добрались до спальни, не будучи замеченными никем. Но на подходе к ней дремал дежурный офицер, и нам пришлось заняться им. Его ликвидировать без шума не удалось. Он проснулся и успел сделать выстрел из пистолета. После этого мы ворвались в соседнюю комнату, где генерал доставал свой пистолет. Мгновение, и он упал бездыханным. Но выстрел дежурного офицера разбудил гарнизон. Мы добрались без потерь до улицы, но здесь по нам открыли огонь. Спастись удалось трем людям, включая меня.

К счастью, поднялся самум, и наши следы быстро занесло. Мы направились на юг, а на следующий день повернули на восток. Нам пришлось идти четыре дня. Однажды мы столкнулись с «Сахарианой» — итальянскими подразделениями, специально обученными ведению боевых действий в пустыне. К счастью для нас, мы, вовремя заметив столбы пыли, отвернули в сторону. На четвертый день мы ушли на север. Утром пятого дня я, оставив своих двух человек собираться, решил пройтись. Когда я находился от машины на расстоянии 100 метров, неожиданно раздались выстрелы из пушек: наш автомобиль был обнаружен двумя английскими танками, патрулировавшими с юга позиции коалиционных войск, и поскольку у нас была немецкая автомашина, открывшими по ней огонь. Оба моих товарища были убиты первым же залпом! Мы, — подчеркнул Сергей, — выполнили задание, но при этом лишились семи человек, двое из которых были уничтожены англичанами.

Второй эпизод, — продолжал собеседник, — запомнился, когда я с товарищами был придан Соединению «Л» сражающейся Франции под командованием генерала Ф. Леклерка. Оно пришло из Чада, преодолев с боями 3 тыс. км пустыни. Соединение насчитывало 600 французов и 2,7 тыс. «сенегальских стрелков» и мехаристов с несколькими бронеавтомобилями и 10 орудиями. После встречи с англичанами французы получили из английских арсеналов 16 противотанковых орудий с гусеничными тягачами. Соединению были приданы подразделения саперов, разведывательная рота греческого «Священного батальона» и небольшой отряд русских из Истребительного эскадрона.

В ходе развернувшегося наступления на Тунис, — продолжал Сергей, — куда отошла Африканская армия Роммеля, перед Соединением «Л» была поставлена задача удерживать на западе наступающих войск оазис Ксар Гилян, что позволило бы гарантировать успех английской 8-й армии. Вышедшая впереди батальона из Гадамеса греческая рота и группа русских 23 февраля 1943 г. без боя заняла Ксар Гилян, а один из ее дозоров пытался продвинуться дальше к северу, но, натолкнувшись на немецкие аванпосты, был вынужден отойти. Тем временем к оазису подошли части Соединения «Л». 25 февраля германцы в целях выяснения обстановки направили к Ксар Гиляну 5 броневиков, которые, попав под обстрел, отошли на север к колодцу Бир Султан.

Леклерк сразу же приказал организовать оборону, тщательно маскируя занимаемые им позиции. Левое крыло этих сил опиралось на барханы Боль-

шого Восточного эрга, а правое упиралось в скалистые холмы, что делало невозможным обход флангов.

9 марта командующий 8-й армией генерал Б. Монтгомери сообщил Леклерку, что на следующий день они будут атакованы частями немецкой 90-й легкопехотной дивизии, и предложил отойти. Французский командующий отказался это сделать, но просил обеспечить ему авиационную поддержку. Последующие события, — отметил Сергей, — выявили, насколько прав был Леклерк.

Утром 10 марта действительно началось наступление немецкой пехоты, поддержанной 50 бронемашинами, артиллерией, авиацией. Сказалась хорошая маскировка позиций, к которым германцам было трудно пристрелятьсся. Кроме того, разрывы бомб и снарядов вздымали в воздух гейзеры песка, которые заволокли поле боя. В небе появились «Спитфайры», они вступили в ожесточенную схватку с «Мессершмиттами».

Атаки следовали одна за другой. К вечеру сражение затихло и части 90-й дивизии отошли, оставив на поле боя 12 броневиков, 10 орудий и 40 автомобилей. Узнав о результатах, Монтгомери телеграфировал Леклерку: «Well done!». Русские, правда, в этом бою участия не принимали, будучи в составе резерва.

Успех у Ксар Гиляна, по словам Сергея, стал «камешком, падение которого вызвало сход лавины». Все дело в том, что наступавшая по побережью 8-я армия вышла к «Линии Марет». В свое время эта укрепленная полоса была построена французами, чтобы защитить Тунис от возможного вторжения из Ливии итальянцев. Теперь же итальянцы и немцы использовали ее, чтобы остановить продвижение вторгнувшихся из Ливии в Тунис англичан и французов.

Немцы провели значительные работы по модернизации «Марета». Эти работы, — подчеркнул Сергей, — выполнялись «белыми рабами Роммеля» — советскими военнопленными, направленными в Африканскую армию. Из 22 тыс. пленных, посланных в Северную Африку, более трети умерло из-за нечеловеческих условий содержания.

После модернизации укрепрайон превратился в серьезное препятствие для наступающих. Он вытянулся на 45 км по северному отвесному берегу уэда Зигзау от побережья до горного массива Матмата. Образующие ее артиллерийские и пулеметные долговременные огневые точки, окопы полного профиля, бетонные казематы и блиндажи были прикрыты 25 км противотанковых рвов, 110 км проволочных заграждений и 45 тыс. мин. «Линию Марет» защищал немецко-итальянский корпус численностью в 76 тыс. человек при 110 танках, 1200 орудиях и 200 минометах.

20–23 марта Монтгомери пытался прорвать укрепления, но, потеряв 150 танков, вынужден был остановиться. И здесь как нельзя более кстати оказалась победа Леклерка, сумевшего удержать Ксар Гилян, что открывало возможность обхода «Линии Марет» с фланга. Командование 8-й армии приняло решение перенести направление главного удара с побережья в Сахару. Но для этого нужно было разыскать проход через песчаные горы Матмата.

Задача, — продолжал Сергей, — была поставлена нашей группе. Рано утром мы отделились от Соединения «Л» и взяли путь на Восток. Две наших машины, в которых сидело четыре человека, были оснащены компаса-

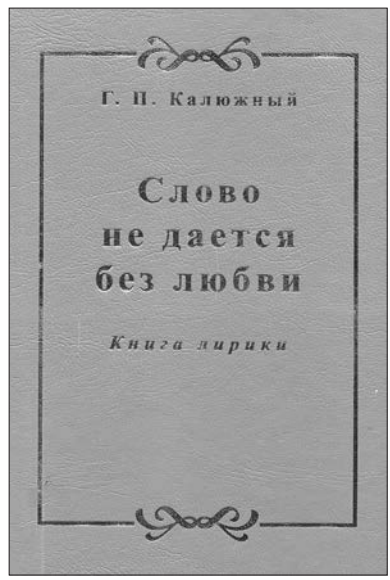
ми и картами. Мы, естественно, избегали встречи с итальянцами, позиции которых находились к северу от нас, поскольку контакт с ними представлял бы опасность для нашей основной задачи. Мы скрывались за холмами, упорно пробирались вперед, пока не достигли предгорий. И вечером того же дня проход был найден. Мы сообщили о нем командованию и провели за собой разведгруппу. Оставшись на вершине, мы наблюдали проход через горы 10-й бронетанковой, 1-й бронетанковой и 4-й Индийской дивизий — лавину из 200 танков и 27 тыс. солдат. В результате обхода английские части прорвались к Аль-Хамме, и Африканская армия должна была оставить укрепрайон, начав отход на север. Наши подразделения вступили в Габес. Сахара осталась позади. Нам предстояло еще два года боев, но уже в Европе.

После войны, — заметил собеседник, возвращаясь в прошлое, — приходилось участвовать в военных парадах, хотя и против своей воли. Ведь я помнил, что английские танки уничтожили двух моих уцелевших спутников после рейда в немецкий лагерь. Эти воспоминания до сих пор заставляют меня страдать. Но я понимаю, что война — это всегда несправедливость и жертвы.

Вышла книга

Калюжный Г. П.
Слово не дается без любви. Книга лирики. — М.: ЭСИД, 2013. — 560 с.

Редколлегия: С. И. Дараев, канд. истор. наук А. Н. Зелинский, докт. фил. наук С. А. Небольсин, докт. психологич. наук Н. М. Ракитянский.

Поэзия есть величайшая тайна человеческого бытия, которая никогда не будет разгадана, потому что она является феноменом сверхсознания, входящего в соприкосновение с Премудростью Божией. Еще древние хорошо знали о спасительной роли поэзии в жизни нации. И в наше время не секрет, что таковая формирует защитные ресурсы глубинной психологии как народа, так и любого чуткого к поэтическому слову человека. Вот почему по стихотворениям истинного поэта можно судить о менталитете его народа. Творчество замечательного русского поэта Григория Калюжного может служить примером к сказанному, ибо даже среди вершинных поэтов указанного уровня его поэзия нисколько не теряется, благодаря наличию в ней некой поэтической субстанции, только ему свойственной. Причем наш поэт является уникальным мастером поэтического воплощения неподъемных до него тем. Эти темы настолько обширны, столь актуальны и глубоки, что дают основания к разговору о поэте как о крупнейшем отечественном, так и мировом явлении. Важнейшее свойство его поэзии заключается в том, что она носит животворящий характер и через нее выздоравливает все, что может выздороветь.

Виктор ПАРХИМОВИЧ

ОБРАЗОВАНИЕ И ГРАЖДАНСКАЯ АВИАЦИЯ

Виктор Антонович Пархимович — доктор технических наук, действительный член Академии социального образования, почетный доктор Академии инженерных наук. В 1965 году окончил Харьковский авиационный институт, в 1988 году полный курс Института повышения квалификации руководителей высшего звена государственного управления Академии народного хозяйства при СМ СССР. Лауреат премии Совета Министров СССР, многократный участник ВДНХ, награжден пятью медалями. Автор ряда учебников, имеет более 50 научных трудов. В 1986–1991 годах возглавлял Управление учебных заведений Министерства гражданской авиации.

Нам, родившимся в военные и послевоенные годы, оглядываясь назад, трудно поверить, что удалось дожить до сегодняшнего дня. Мы жили по своим законам. Уходили из дома утром на улицу или в школу, учились, играли весь день, возвращались затемно. Дрались, ходили в синяках, привыкая не обращать на это внимания. У нас не было того, что есть сейчас у молодежи. Зато были друзья. Мы придумывали игры, мастерили самокаты и санки, болтали и мечтали. Можно сказать, были одни в жестоком и опасном мире. Поступки были нашими собственными. Мы были готовы к последствиям, крепки физически. Наше поколение породило огромное число людей, которые могут рисковать, решать проблемы и создавать новое. Людей с высоким чувством интуиции. Можно быть умным и иметь высокий IQ, но интуиция приходит с годами и опытом, она позволяет перебрать в мозгу варианты и выдать результат.

Нашему поколению повезло, что детство и юность закончились до того, как правительство купило у молодежи свободу в обмен на блага цивилизации. Сегодня просыпаешься и первым делом подсоединяешься к Интернету, отправляешь e-mail коллеге, сидящему за соседним столом, впадаешь в панику, если оставил дома мобильный телефон и возвращаешься за ним с половины пути.

Все мы родом из детства, из страны, которой давно нет ни на одной географической карте. Более того, нигде — кроме старых справочников — не встретишь названия городов, в которых многие из нас родились. Мы каждый год, а то и чаще, ездим за границу, беседуем по сотовым телефонам и читаем электронные книги. Покупаем продукты в Интернете и все реже пользуемся шариковой ручкой (о том, что ког-

да-то писали перьевыми, многие уже стали забывать). Но насколько современными людьми мы бы себя ни ощущали, бытовые привычки выдают нас с головой. Мы — советские. Мы — то поколение, которое уже ничего не боится, которое еще верит в дружбу, которое стыдится писать с ошибками.

В 1959 году я закончил с золотой медалью среднюю школу № 1 в г. Минске. Сдал вступительные экзамены и поступил в Харьковский авиационный институт (ныне Национальный аэрокосмический университет им. Н. Е. Жуковского). Детство закончилось. Согласно принятому в 1959 году закону никаких поблажек при поступлении в вуз медалисты не имели, поступали на общих основаниях (к чему неоправданно возвращаемся снова). Мало того, первый год должны были работать и учиться по вечерней системе. Работал дуральщиком на Харьковском авиационном заводе. Что заработал, то и твое на жизнь и учебу. Жили на частных квартирах. Рано вставали, поздно ложились. Нужно было готовить домашние задания, делать проекты. Работал в студенческом конструкторском бюро. Успевал заниматься спортом. Было трудно, но вспоминается то время с теплотой. По окончании был распределен на Смоленский авиационный завод. Даже не задумывался о том, что и где буду делать. Государство предоставило возможность учиться, обеспечило работой. А дальше работа, аспирантура. Двери открыты. Но главный вывод — скоротечность жизни: «помни, что жизнь коротка». А как хочется успеть еще многое сделать!

Почему начал с этого? Рухнула целая эпоха. Братские народы стали чужими. Могли ли, например, век назад русские люди представить, какой будет Россия через 100 лет? Вряд ли. Хотя многие проблемы нашей жизни не изменились. А люди вообще по сути своей не меняются. Упала ценность высшего образования. Где, как и чему учиться? По завершении учебы где найти применение своим знаниям? Остро встал вопрос качества образования, вопрос, какие знания нужны для жизни. И в то же время экономике нужны трудолюбивые и умные люди.

В 1958 году в Соединенных Штатах публиковалось много статей о кризисе в образовательной системе. По оценке специалистов образовательная система в Советском Союзе характеризовалось с лучшей стороны. Американцы приняли решение изучить и сравнить системы образования. Параллельно и в Штатах, и в Союзе шаг за шагом велось наблюдение за тем, как учатся, чем интересуются, что читают, как проводят время после занятий учащиеся выпускного класса. Результаты исследования потрясли Америку. Россияне значительно опережали американцев по образованности. Большую часть времени посвящали учебе, спорту, чтению и даже музыке. Были серьезно настроены на поступление в вуз и убеждены, что от этого зависит дальнейшая их судьба. Отношение же американцев к учебе более легкомысленное, список изучаемых предметов значительно меньше, мало читают, с легкостью находят время на дела, не связанные с учебой.

Выводы из эксперимента США сделали. Серьезно реформировали образовательную систему, были внесены изменения в учебную программу школ и университетов, одаренным ученикам стали выдавать стипендию, учителям существенно подняли зарплату. Школа — это зеркало общества.

Сегодня американское образование у нас принято либо только ругать, либо только хвалить. Оно имеет и свои плюсы, и минусы. Но главное — это то, что школьное образование совсем другое, не такое, как в России. При-

нято считать, что американские школы никуда не годятся, зато вузы лучшие в мире. Это, конечно, миф, никаких лучших вузов без хороших школ быть не может. Каждый из нас понимает, что ключ к попаданию в среду успешных — хорошее образование. Начинается оно с приличной школы.

А чтобы попасть в приличную школу, нужно пройти суровый отбор, совсем как в колледж: стандартный тест, сочинение, интервью, иметь высокие оценки и рекомендации предыдущих учителей. Американский стандарт: старшеклассники учатся отдельно. Среднее образование в США включает 12 классов. Никаких государственных стандартов среднего образования или учебников школам здесь не навязывают. В школах часто слышишь русскую речь, как и китайскую, японскую, итальянскую, испанскую. Ничего «бумажного» у учеников, как правило, нет. Все заменяет айпад с электронными учебниками, который выдается ученику в начале года. Учитель помогает каждому школьнику сформировать собственную программу обучения, посоветует, какие курсы лучше выбрать ему в конкретном семестре. А выбрать есть из чего.

Предлагаемые курсы разбиты на блоки. Главный блок «наука» — это естественные дисциплины, блок «математика» включает несколько уровней алгебры, геометрии и вычислений, информатику, статистику. В блоке «искусство» есть курсы по скульптуре, живописи, фотографии, медиа, созданию музыки и фильмов с помощью компьютера. Блок иностранных языков. Самый обширный блок — «дополнительные предметы» от «лидерство» до физкультурных предметов. За время обучения учащийся должен взять достаточное число курсов из каждого блока, но при этом обязательно — базовые курсы. Например, по физике, химии и биологии. Как минимум четыре курса из блока «наука».

Для самостоятельной работы имеется школьная библиотека. Учащиеся выполняют множество проектов, много сочиняют, выполняют творческие работы. При поступлении в университет абитуриенты сдают один из тестов — SAT или ACT, но этого недостаточно. Важны школьные оценки, портфолио творческих проектов, спортивные достижения, рекомендации.

Сравнивая наши государственную и частную школы и вспоминая школьные годы, можно сказать, что все зависит от учителя. В школе государственной, которая не отличается контингентом отобранных учеников, можно преподавать немало интересного. Было бы желание педагогов, готовность администрации идти учителю навстречу и понимание со стороны родителей. В США 15 % школьников учатся в частных школах. В России — 10 %. Может ли государство оставить без внимания 90 % школьников?

Что, на мой взгляд, мешает тому, чтобы российские школы были хорошими?

1. Бюрократическая удавка. Всевозможные отчеты. Электронный и бумажный журналы. Проблема с проведением нестандартных внеурочных мероприятий. Проверки.

2. Финансовая проблема. Уровень финансирования государственных школ. Оплата труда учителя.

Российские школы серьезно отличаются от большинства американских содержанием, формами, организацией и методами образования. Это не значит, что их школы сегодня эффективнее наших. Или, наоборот, наши лучше их. Они просто разные. Школьные системы здесь не при чем. Есть плохой,

есть хороший учитель. В самой плохой школе хороший учитель помогает детям развить их природные дарования. И многое будет зависеть от нового поколения педагогов, чтобы вывести образование на новую ступень. Педагог — в буквальном переводе «детоводитель». Учитель — это центральная фигура в школе. Чем он образованнее, тем больше гражданственности и тем лучше.

Общее в американских школах — это принцип свободы выбора. Российские школы в основной массе к свободе выбора не готовы. Свобода выбора для нас в школе пока что признак ее элитарности. Некоторые законодатели прямо говорят, что разнообразие и выбор опасны для нашей системы образования.

В конце 1990-х международные измерения с помощью одинаковых заданий показали, что наши школьники уступали школьникам из Южной Кореи и Тайваня, опережая США, Канаду и Францию. Начиная с 1995 года Россия участвует в международных исследованиях TIMSS. Наши восьмиклассники на 17-м месте из 38 стран по математике и на 15-м по естественным наукам. Россия существенно отстает от Сингапура, Кореи и Японии. Ничего нового в 2000–2006. Исследования 2007–2011 показали, что результаты российских школьников превысили средние международные показатели. По знаниям в области естественных наук российские школьники уступают только школьникам из Южной Кореи, Сингапура, Японии и Финляндии. Способностями в области математики и естественных наук мы славились всегда. Центр оценки качества образования сделал вывод, что в конце 1990-х рождаются дети, которые по уровню усвоенных знаний значительно опережают родившихся в начале 1990-х.

Можно предположить, что высокие баллы в международных конкурсах школьники России получают благодаря учителям старой школы (Россия занимает первое место в мире по числу пожилых учителей) и школам, расположенным в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске, а также изменениям в семье. Родители стали серьезнее относиться к образованию детей, тратить больше усилий и ресурсов (количество книг в семье, отдельное рабочее место, доступ к интернету и др.) на подготовку в школе.

Хуже обстоят дела с применением знаний, например, математики, в реальной жизни. Еще хуже по читательской грамотности. А ведь мы были самой читающей страной. Нужно подумать, что остается в голове после школы.

Целесообразно обратить внимание на образование в Японии. Это культ, поддерживаемый семьей, обществом и государством. С детства японцы постоянно учатся. Сначала — чтобы попасть в престижную школу, затем — чтобы по конкурсу пройти в лучший университет, после — чтобы попасть на работу в уважаемую и процветающую корпорацию. Принятый принцип «пожизненного найма» дает человеку право только на одну попытку занять достойное место в обществе. Хорошее образование считается гарантией того, что жизнь окажется успешной. Основная задача японского государства в сфере образования — воспитание и обучение творческой, неординарно мыслящей, гармоничной и думающей личности. Все элементы образовательной системы (дошкольное, школьное, а также высшее) взаимосвязаны и подчинены единой цели — передать подрастающему поколению традиционные моральные и культурные ценности (коллективизм, уважение к человеку и

природе, творческая самоотдача). Как известно, человек получает до 70 % знаний до семи лет и только 30 % в последующей жизни. Дошкольному образованию в Японии уделяется большое внимание. В дошкольных учреждениях работают профессиональные воспитатели, труд которых высоко оплачивается.

По заключению Питера Ф. Друкера Япония остается единственной страной, в которой понимают, что важнейшим элементом, обеспечивающим рост производительности труда в масштабах всей страны, является образование, начинающееся с самого юного возраста. Поэтому в этой стране учитель начальной школы играет действительно важную роль в становлении образовательного процесса, а государство обеспечивает ему соответствующие подготовку, отношение со стороны общества и оплату труда.

Особенностью начального и среднего образования является то, что наряду с получением знаний и умений, формируется характер человека. В старшей средней школе к обязательным общеобразовательным предметам предлагаются на выбор иностранные языки, технические и специальные предметы. В 12 классе школьники должны выбрать для себя профиль обучения (о таком предмете, как «Введение в специальность» мы, к сожалению, забываем). Японские колледжи (наши средние учебные заведения) делятся на младшие, технологические и колледжи для специальной подготовки. Высшее образование считается обязательным, и оно как бы слито с системой профессионального образования. Выпускники вузов продолжают обучение в корпорациях. В японских фирмах принята постоянная ротация кадров. Периодическая смена рабочих мест в течение трудовой деятельности считается способом повышения квалификации кадров.

Вернемся к нашим проблемам. Единый государственный экзамен. Независимо от того, приживется он или отойдет в прошлое, нужно понимать, что реально сегодня его не сдаст как минимум 50 % школьников. «Натаскивание» на сдачу ЕГЭ к добру не приведет. Нужно проводить больше олимпиад, чаще участвовать в международных олимпиадах и давать победителям бóльшие преимущества при поступлении в вуз. Превратить их в массовое соревнование. На то мы и русские, чтобы и здесь найти лазейки.

Наше образование было одним из лучших в мире. Знания были главным ресурсом власти. Наука была очень сильной. Собственно, когда пошел «отток мозгов», это и подтвердилось. Запад — сильный и холодный, он просто так никого брать и держать не будет. Конечно, берут только заведомо сильных, кто укрепляет их историю. Многие тысячи людей уехали и успешно там работают. Часть из них — Нобелевские лауреаты.

2014 год объявлен Годом культуры. Он призван стать годом просветительства, обращения к нашим культурным корням, к вопросам патриотизма, нравственности и морали. Нам нужны школы, которые не просто учат, что чрезвычайно важно, это самое главное, но и школы, которые воспитывают личность. Граждан страны, впитавших ее ценности, историю и традиции. Людей с широким кругозором, обладающих высокой внутренней культурой, способных творчески и самостоятельно мыслить. Подрастающее поколение — наше будущее.

Двадцатый век вошел в историю человечества, как век образования двух непримиримых социально-экономических систем. Мир разделился на

два непримиримых лагеря: лагерь капитализма с центром США и лагерь социализма с центром СССР. Это век исторических изломов судеб стран и народов.

Сейчас другая эра. Хотим мы этого или не хотим, но должны признать и принять. Уровень образования, науки, искусства, мировой литературы ниже уровня XX столетия. Я знаю много людей, которые живут на две страны, работают в международных центрах. Это очень сильные молодые люди. Кстати, интересная деталь: многие из них учились за границей и даже западные степени получили, а потом вернулись в Россию. Не потому, что не могли там устроиться, а потому что не захотели. Почему? Да потому, что в России интереснее. Так и живут: преподают в Англии, потом еще куда-нибудь поедут — такие граждане мира. В конце концов, каждый хочет жить дома, если ему дверь не запирают на засов. А для них ничего не заперто. Более того, их приветствуют как с той, так и с этой стороны.

Перенесемся в 1980-е годы. С 1981 года я работаю в Управлении учебных заведений Министерства гражданской авиации, а в 1985–1991 гг. работал начальником Управления. Была выстроена четкая система подготовки специалистов. Велась большая научная работа. В составе отраслевой системы Академия, пять вузов (из них два по подготовке пилотов-инженеров), восемнадцать средних специальных училищ (из них шесть по подготовке пилотов и штурманов). В эти годы пошло поветрие, что за рубежом готовят авиационных специалистов лучше. Теперь уже мы изучаем опыт в Германии, Голландии, Франции, США. Даже проводим эксперимент. Делаем обмен школами между нашими учебными заведениями и университетом США. Со своей стороны также сделали выводы. Отправили на стажировку в США преподавателей, во Францию на учебу на 6-месячные курсы и на двухгодичное обучение, в Англию — на курсы английского языка. Нашли точки соприкосновения в подготовке пилотов со школами авиакомпаний «Люфтганзы» и «Эр Франс».

В чем-то превосходила наша система, где-то мы уступали, но учебные заведения готовили и обеспечивали предприятия гражданской авиации квалифицированным летным, инженерным, техническим персоналом. Академия готовила высший руководящий состав отрасли. Действовала четкая система повышения квалификации и переподготовки как в Академии, вузах, Ульяновском центре, так и в УТО при Управлениях ГА. В летных училищах «на крыле» было 1100 самолетов и вертолетов для обучения и переучивания летного и штурманского составов. У нас было достаточно самолетов и вертолетов для первоначального обучения. Достаточно топлива, тренажеров, запасных частей. Пилоты выпускались на самолетах, которые эксплуатировались в предприятиях.

Главным достоянием учебных заведений были профессорско-преподавательский состав высокой квалификации, летно-инструкторский состав, инженерный и технический персонал, военный состав кафедр и циклов. Мы четко понимали, что для служебного и социального продвижения, квалифицированного выполнения служебных обязанностей требовалось соответствующее образование. Могу утверждать, что в мозгах оставался более глубокий след, чем при нынешней системе.

Наступили 1990-е. Произошедшая революция имела последствия. Развалилась страна, развалилась система образования. Из-за реформ так назы-

ваемое народное образование превратилось в подготовку полуфабрикатов для примитивного труда. Да и к тому же кузница инженеров-пилотов — Кировоградское и Актюбинское высшие летные училища, инженерных кадров — Киевский и Рижский институты, пилотов на вертолеты — Кременчугское летное училище, диспетчеров — Кировоградское и Рижское летно-технические училища — оказались за рубежом. Часть из них пришла в полный упадок.

Будучи в командировках и работая в разных странах, внимательно знакомился с системой образования и системой подготовки пилотов для авиакомпаний. Мы как-то больше обращаем внимание на систему образования в Европе и США, но, полагаю, сегодня есть смысл посмотреть на Корею, Сингапур, Японию, Китай, Индию.

Новая федеральная власть доверила Министерству транспорта проведение в стране политики по подготовке летного и технического персонала для гражданской авиации, но с развалом страны развалилась и авиационная промышленность. Авиакомпании активно стали переоснащать флот самолетами иностранного производства. Учебные заведения к этому не были готовы. Резко обозначился разрыв в преемственности в рядах профессорско-преподавательского и летно-инструкторского составов. Старшее, еще работоспособное, поколение отправлено на пенсию. Работники высокой квалификации: преподаватели и пилоты-инструкторы, научные работники — в поисках заработка ушли в коммерческие структуры. Подготовка научных и преподавательских кадров свелась к минимуму.

На протяжении 20 лет мы наблюдаем буквально целенаправленное разрушение образования, науки и национальной культуры. Реформа образования и введение ЕГЭ привели к тому, что в вузах учатся элементарно неграмотные люди. Министерство образования и науки РФ подготовило второе издание «Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования и их филиалов». Из 934 вузов и 1478 их филиалов эффективными оказались соответственно 743 и 1004. В списке отбракованных 191 высшее учебное заведение и 474 филиала. Российская система образования «варится в собственном соку», а нынешний уровень отечественных вузов несопоставим с мировым. Согласно рейтингу QS, в котором фигурируют 800 лучших вузов мира, только МГУ им. Ломоносова попал в число двухсот лучших, Санкт-Петербургский государственный университет занял 240-е место, МГТУ им. Баумана — 334-е место.

В список Топ-200, составленный в 2013 году журналом Times Higher Education, ни один российский вуз не попал. Критерии составления мировых рейтингов довольно понятны и прозрачны. То, что российские вузы не попадают в лидеры, весьма показательно: нет цитируемости — значит миру не представлено убедительных и актуальных исследований или исследователей. Нет иностранцев — значит обучение не дает перспективы для профессиональной деятельности. Маленький бюджет не может привлечь достойных преподавателей. Наше образование не дотягивает до мирового уровня. Три университета России (МГУ, МИФИ, МФТИ) входят в список 100 лучших в мире вузов по естественным наукам. В специализированных дисциплинах мы более или менее еще на уровне. Глобальный рейтинг — это важный инструмент международного маркетинга, который позволяет не только привлекать зарубежных студентов, но и увеличивать заказы на фундаментальные

и прикладные научные исследования, быть конкурентоспособным. Международный академический рынок оценивается не менее чем в 100 миллиардов долларов, при этом Россия занимает в нем менее 0,1 процента.

Ясно видим, что назрела необходимость реорганизации как органов управления образованием, так и самих учебных заведений. Государственным органам управления необходимо реагировать на ситуацию, взять на себя ответственность за систему образования. Вопрос образования должен быть центральным. Без образования не может быть мудрого государственного служащего, справедливого судьи и главы семейства.

В октябре 2012 года Председатель правительства РФ Д. Медведев подписал план по развитию университетов, которые должны уже к 2020 году буквально ворваться в мировые рейтинги. Проект назвали «5–100», и только на 2013–2014 годы финансирование для вузов должно составить 1,1 – 1,5 миллиарда рублей. До 2020 года сумма будет исчисляться десятками миллиардов. Пять российских вузов должны быть в мировом рейтинге THE, QS и ARWU в первой сотне к 2020 году. Министр Д. Ливанов считает: «Задача попадания в рейтинг не является самоцелью. Самое главное — выстроить качество исследований и преподавания в российских университетах». Судя по тому, какими темпами происходит формирование сферы образования и науки, ждать придется многие годы. Сомнительно и то, что к нам хлынет поток иностранных студентов из США и Европы, выложат за обучение доллары и евро. Мировой образовательный рынок давно поделен. Зато есть одна опасность: выпускникам наших топов будет гораздо легче найти хорошую работу за границей. Иными словами, государство за свои деньги создаст условия для еще одной волны утечки мозгов. Опасаться надо того, что государство потеряет интерес к финансированию этого амбициозного проекта, не увидев быстрой отдачи.

Говорить о рейтинге вузов, готовящих специалистов для гражданской авиации, к сожалению, на данном этапе не приходится, доверить госзаказ на подготовку специалистов им нельзя. При оценке по шести базовым показателям отнести их, полагаю, можно будет только к неэффективным. Министерство транспорта не имеет средств на закупку и обеспечение учебных заведений гражданской авиации достаточным числом зарубежных учебных самолетов и вертолетов, тренажерной техники. За два десятилетия в системе подготовки летного, инженерного и технического составов для отечественной гражданской авиации больших изменений не произошло. Министерство транспорта должно поставить отраслевое образование в систему приоритетов, отказаться от остаточного принципа их финансирования. Авиакомпании, не видя смысла вкладывать средства в отраслевые учебные заведения, готовящие полуфабрикат, направляют пилотов на учебу за рубеж, организовывают тренажерную подготовку на собственной базе или в сомнительных учебных центрах.

За подготовку специалистов силами авиакомпаний схватились, как за спасительную соломинку, заявив, что, мол, вопрос с подготовкой летного состава в России исчерпан. А положение остается прежним. И свидетельством этому — авиакатастрофы последних лет.

Хотим мы этого или нет, но для подготовки пилотов на современную авиационную технику, инженерного и технического персонала, соответствующих нормам ИКАО и требованиям времени, необходимо следующее.

1. Провести реорганизацию органа управления отраслевым образованием, придав ему функции сертификации учебных заведений, разработки программ и методического обеспечения, контроля.

2. Восстановить систему обязательной подготовки руководящих кадров для отрасли в Санкт-Петербургском государственном университете гражданской авиации.

3. На базе летных училищ создать коммерческие школы по подготовке пилотов с участием государства и авиакомпаний.

4. Разработать государственную программу развития и системы подготовки и переподготовки пилотов в Ульяновском высшем авиационном училище гражданской авиации (институт) и его филиалах.

5. Разработать государственную программу развития и подготовки инженерного состава для гражданской авиации в Московском государственном техническом университете гражданской авиации и его филиалах.

6. В учебном заведении должно быть все, что должно быть в уважающем себя вузе или колледже — преподавательский и инструкторский составы, сформированная система лекций и экзаменов, научные подразделения, летная и материальная база, военные кафедры и другое.

Похоже, что в путешествии по исторической образовательной спирали нам предстоит частично вернуться к 1980-м, пересмотреть нынешние позиции. Вопросами подготовки авиационных специалистов должно заниматься и руководить государство. Непосредственно оно должно реанимировать подготовку авиационных специалистов. В вузах и училищах гражданской авиации обучающимся должна быть предоставлена возможность «попробовать на зуб» гранит авиационной специальности. Уровень безопасности в авиации — приоритет государства. И никакого «аутсорсинга». Министерство обороны «аутсорсингом» чуть было не довели «до ручки».

Специалистов для гражданской авиации готовят три высших учебных заведения и 13 лётных училищ и авиационно-технических колледжей. Руководить летным учебным заведением должен лидер — пилот высокой квалификации, а не коммерсант. У коммерсанта свои задачи. Что бы ни говорили, а уровень подготовки, вопросы безопасности у него не на первом и не на втором месте. Независимо от того, каким бы у коммерсанта титулованным, грамотным и заслуженным ни был заместитель по летной работе, он не принимает окончательного решения. Психология такова, что всегда есть мнение: «А что скажет … или что решит начальник?». Нужно помнить, что лидерами, во-первых, рождаются и только, во-вторых, — становятся. Лидеры — это те, кого интересует окружающий мир, кто ориентирован на окружающее пространство, для кого люди — ресурс.

Распоряжениями Правительства Российской Федерации произведена реорганизация образовательных учреждений гражданской авиации и в 2009 году сформирована система образовательных комплексов по подготовке летных и инженерных кадров. Московский государственный технический университет гражданской авиации, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации и Ульяновское высшее училище гражданской авиации (институт) и 13 федеральных государственных образовательных учреждений среднего профессионального образования гражданской авиации в форме присоединения к указанным высшим учебным заведениям с образованием на их основе филиалов.

Пилотов для гражданской авиации готовят в Ульяновском высшем авиационном училище (институт), Санкт-Петербургском государственном университете, Бугурусланском летном училище, Сасовском летном училище, Краснокутском летном училище и Омском летно-техническом колледже гражданской авиации. Каждый год из их стен выходят 200–300 курсантов. По прогнозам Министерства транспорта выпуск из российских учебных заведений по специальности пилот только к 2017 году достигнет 1080 человек. При этом гражданской авиации ежегодно требуется пополнение в количестве не менее 1200 человек летного состава. Дефицит кадров на лицо. Не хватает самолетов и тренажеров для первоначального обучения. Поступление однодвигательных самолетов DA-40, двухдвигательных — DA-42 и L-410 тренажеров идет медленными темпами.

На Уральском заводе гражданской авиации (Екатеринбург) совместно с австрийской авиастроительной компанией Diamond Aircraft Industries начата сборка австрийских самолетов Diamond DA-40 NG, предназначенных для первоначального обучения пилотов. Планируется к 2020 году выпустить около 600 самолетов. Первые собранные по лицензии однодвигательные учебно-тренировочные самолеты Diamond DA-40 NG поступили в Ульяновское высшее авиационное училище (институт) и Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации.

На МАКС-2013 были представлены образцы отечественной учебной авиации. Внимания заслуживают три представленные модели.

— «Китенок» (МАИ-223) — одномоторный двухместный самолет. Представляет собой учебную парту для начинающего пилота. Изготовлено четыре образца. Двигатель у самолета австрийский и работает на обычном бензине.

— «Рысачок», легкий, многоцелевой двухмоторный самолет, производится на самарском предприятии. Предназначен для обучения гражданских пилотов. Двигатели чешского производства.

— Як-130 — используется в Борисоглебском летном училище как выпускной самолет.

Это образцы. Нужен серийный надежный и экономичный отечественный самолет для первоначального обучения. Подготовка на устаревших Як-18Т и Ан-2 не соответствует ни времени, ни требованиям авиакомпаний.

В последнее время появилось много выступлений и публикаций в СМИ о развале авиапрома в России. Коммерциализация авиационной отрасли вошла в острое противоречие с государственными интересами. Последнее десятилетие «вставания с колен» демонстрирует заметное снижение надежности вследствие утраты научно-технического потенциала и снижения квалификации ИТР и рабочих.

В прямой зависимости от авиапрома находится гражданская авиация. В небе России, по словам вице-премьера Д. Рогозина, осталось всего 7 % отечественных самолетов. Совсем недавно мы были великой авиационной державой. Заводы выпускали сотни самолетов. Сегодня по производству самолетов Россию обошли европейцы, канадцы, обгоняют Китай, Индия, Бразилия, Украина, Япония. Кому в угоду сдаем наше небо? Почему «проталкивается» SuperJet-100, почему прошедший все испытания и подготовленный к производству Ту-334 не находит производителя при наличии более 400 заявок из разных стран? В России есть самолеты для серийного производства.

За 45 лет работы в гражданской авиации мне приходилось соприкасаться с конструкторскими бюро Туполева, Ильюшина, Яковлева, Антонова, Миля, Камова и др., работать и бывать в командировках на заводах, производивших и ремонтировавших авиационную технику, в Ульяновске, Казани, Ташкенте, Самаре, Харькове, Перми, Киеве, Смоленске, Минске, Воронеже, Минеральных Водах и др. Высочайшей квалификации конструкторы, инженеры, рабочие трудились в авиационной промышленности. Да, главной продукцией для авиационных заводов были и будут самолеты и вертолеты военного предназначения, но конструкторские бюро разрабатывали, а заводы производили самолеты и вертолеты для гражданской авиации в достаточном количестве с хорошими летно-техническими данными и по доступной цене. Самолетостроение предоставляло сотни тысяч рабочих мест на заводах-производителях, металлургических комбинатах и на предприятиях, производящих электронное оборудование, двигатели, агрегаты и комплектующие изделия. В отличие от нынешней «отверточной» сборки на заводе в Комсомольске-на-Амуре.

Практически не стало конструкторских бюро Яковлева и Мясищева, КБ МиГ и Ильюшин. Сегодня заводы в Смоленске, Саратове, Нижнем Новгороде, Казани, Самаре, Новосибирске можно сказать не работают. В Воронеже и Ульяновске — частично. Тратятся огромные средства на закупку самолетов иностранного производства: Boeing, Airbus, Bombardier (в большинстве своем с большим налетом часов). На иностранную технику за последние 15 лет затрачено более 45 миллиардов долларов США. Государство создает благоприятные условия для ввоза в страну иностранной техники. Иностранные самолеты, зарегистрированные в офшорных зонах, ввозятся в страну по схеме временного ввоза без пошлины и даже НДС, соответственно иностранный самолет имеет 38 % преимущества в цене перед российским. Как известно, любая льгота, даваемая государством, превращается в кормушку.

На закупку иностранной техники средства есть, на поддержание и модернизацию своего авиапрома, сохранение высочайшего уровня конструкторского состава и профессиональных специалистов, на отечественное самолетостроение — нет. Какой преобладает расчет, и кто за ним стоит?

На развитие авиапрома правительством в 2009–2011 годах, например, было направлено в общей сложности более 270 млрд руб. В качестве достижений отмечается завершение консолидации российского авиапрома.

Достижения авиапрома должны рассматриваться в оснащении российского неба своими самолетами — как гражданскими, так и военными. Мы хотели бы гордиться новым отечественным самолетом SuperJet-100. Но что в нем отечественного? Нужно избавляться от имитационного характера российских инноваций. Нужны именно свои прорывные технологии. Проект Ту-204 СМ, по мнению экспертов, изначально обречен на неудачу. История проекта тянется давно. Запуск в серийное производство все время откладывается из-за отсутствия покупателей. Объединенная авиастроительная корпорация (ОАК) готовит к выходу на рынок среднемагистральный самолет МС-21.

Для перевозок пассажиров и грузов России требуется 1500 самолетов. Объединенная авиационная корпорация (ОАК) в 2012 году произвела 20 гражданских самолетов.

Авиация является одной из самых быстрорастущих отраслей экономики развитых стран. Корпорация Airbas на выставке ILA-2012 представила прогноз развития мировой авиации до 2031 года. По оценке авиастроителя рынку коммерческой авиации в ближайшие 20 лет потребуется 27 350 пассажирских самолетов. Спрос на перевозки будет расти в среднем на 4,7 % ежегодно (удвоение за 15 лет). Около 10 350 самолетов будут заменены новыми эффективными моделями. К 2031 году флот пассажирских воздушных судов увеличится более чем в два раза и составит 32 550 единиц против нынешних 15 550 единиц. Мировой парк грузовых воздушных судов через 20 лет будет насчитывать 3 тыс. единиц против нынешних 1,6 тыс. Рынок узкофюзеляжных самолетов к 2031 году составит 19 520 экземпляров. В сегменте широкофюзеляжных самолетов (от 250 до 400 пассажиров) в ближайшие 20 лет будет поставлено 6970 новых самолетов. Рост спроса на перевозки соответственно требует роста и качества подготовки летного состава на современные типы самолетов.

В докладе ATAG рассмотрены аспекты влияния авиации на экономику и экологию, работу и жизнь людей по всему миру. Масштаб индустрии воздушных перевозок понимаешь из цифр: авиация обеспечивает 56,6 миллиона рабочих мест, приносит государствам свыше 2 триллионов долларов США в качестве экономического эффекта.

Такая страна, как Россия, должна летать на самолетах собственного производства, а управлять ими должен свой летный состав, обслуживать и ремонтировать свой инженерный и технический персонал, свои специалисты должны управлять воздушным движением.

Частные лица и компании имеют в наличии 540 частных самолетов, зарегистрированных в России, и в ближайшие 15 лет их число утроится. Рынок достаточно динамичный. Уместен вопрос: чьего производства эти бизнес-джеты?

Бытует мнение, что российские авиакомпании не заказывают отечественную технику по причине того, что самолеты иностранного производства дешевле, более экономичны, надежнее, менее шумны и т. д. Почему исполнительную власть не интересует этот наболевший вопрос? Почему она глуха к мнению ученых, конструкторов, производителей, своих же граждан?

В России нет практически рынка инноваций. А бизнес предпочитает покупать давно известные технологии за рубежом под видом новейших инновационных разработок. Доля технологически инновационной продукции в сфере производства сократилась с 12,5 % в 2003 до 4,9 % в 2011 году. Доля машин и оборудования в экспорте России в страны дальнего зарубежья сократилась с 18,3 % в 1990 году до 3,6 % в 2011 году, в то время как доля энергоносителей составляет более 67 %. Если в СССР доля предприятий, осуществлявших новаторскую деятельность, составляла около 50 %, то сегодня в России технологическими инновациями занимаются не более 9 %. В Восточной Европе этот показатель находится на уровне 25–30 %, в Западной Европе — более 40–50 %.

Доля принципиально новых производственных технологий среди созданных колеблется на уровне 10 %. Россия ежегодно выплачивает технологическую ренту за импорт разработок. Поступления от экспорта технологий в 2012 году составили 688,5 млн долларов США, в то же время выплаты за

импорт — 2,043 млрд долларов США. Отрицательное сальдо оборота технологий, таким образом, составило 1,354 млрд долларов США.

Не лучшим образом складывается ситуация в государственном секторе экономики. Термин «принуждение к инновациям» отражает отсутствие у государственных корпораций заинтересованности в развитии. Например, в корпорациях аэрокосмической и оборонной отраслей, по данным консалтинговой компании Booz&Co, на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ЕС тратится около 5,7 % выручки, в Китае и Индии — около 5 %. У российской государственной корпорации «Ростех» — 1,34 %. У государственных корпораций нет стимула для внедрения инноваций. Стимула для модернизации нет ни у бюрократии, которая в реальности не связывает свою судьбу с Россией, ни у краткосрочно ориентированного бизнеса, который стремится вывести активы за рубеж, ни у рядовых граждан, которые заняты собственным выживанием.

Мы все едины во мнении, что Россия должна вернуть себе имя мощной авиационной державы, летать на своих, конкурентоспособных на рынке, самолетах, изготовленных из собственных комплектующих, с двигателями собственного производства. В России есть самолеты для серийного производства, например Ту-334-100, прошедший испытания и подготовленный к производству. Но в России не осталось заводов, которые могли бы его выпускать. Здесь должно проявить себя государство. Вернуть работу тысячам россиян.

Что мы имеем? На 2012 год коммерческий парк авиакомпаний России состоит:

1. Магистральные самолеты — 665 единиц: Ил-96-300 — 12, Ту-214 — 10, Ту-204-100 — 9, Ил-62М — 10, Ту-204-300 — 8, Ту-154М — 36, Як-42 — 50, SSJ-100 — 10 (153 единицы отечественного производства).

2. Региональные самолеты — 294 единицы: Ту-134 — 46, Ан-148 — 10, Ан-26-100 — 25, Ан-24 — 76, Ан-140 — 2, Як-40 — 35, Ан-38 — 2 (196 единиц отечественного производства

3. Грузовые самолеты — 137 единиц: Ан-124 — 16, Ил-96-400Т — 2, Ил-76ТД-90 — 5, Ил-76 — 45, Ту-204С — 3, Ил-62М — 3, Ан-12 — 8, Ан-74 — 10 (121 единица отечественного производства);

4. Вертолеты — 1111 единиц: Ми-26Т — 35, Ми-8МТ — 210, Ми-8 — 596, Ка-32 — 27, Ми-2 — 94, Ка-26 — 16, Ка-226 — 3 (981 единица отечественного производства).

Доля воздушных судов зарубежного производства в парке пассажирских самолетов России достигла 63 %, по магистральным самолетам — 77 %.

В 1990 году в России было перевезено авиапассажиров в 5,5 раз больше, чем в КНР, а в 2009 — в 4,9 раз меньше. В 1980-х годах средняя стоимость авиабилета внутри СССР составляла около 20 % средней месячной зарплаты, но уже в 2000 году — превысила 100 %. В 1999–2006 годах на одного россиянина в год приходилось 0,16–0,3 полета — уровень развивающихся стран (в развитых странах этот показатель составляет от 1 до 3). В 2011 году среднее число полетов на одного россиянина достигло 0,5.

Россия занимает одно из первых мест в мире по аварийности. Последнее десятилетие «вставания с колен» демонстрирует заметное снижение надежности. Говоря о причинах аварийности в гражданской авиации, эксперты Межгосударственного авиационного комитета (МАК), расследовавшего

авиакатастрофы, причиной 90 % авиакатастроф признали «человеческий фактор». Каждая трагедия в воздухе не похожа одна на другую, но их схема типична: попав в сложную ситуацию (обычно из-за ухудшения погоды или неисправностей самолета), экипаж совершает нелогичные и странные действия. Пилоты путаются в показаниях приборов, теряют ориентацию в пространстве, не замечают налипшего на крыльях льда или приводят самолет или вертолет в такое положение, в котором его не удержать. Ошибки разбившихся летчиков сотрудники МАК объясняют чаще всего низкой квалификацией, но как раз этот их вывод в последнее время и вызывает сомнения. Почему, например, опытный пилот игнорирует ключевой параметр полета — скорость? Ее допустимые значения для разных режимов полета подробно расписаны в «Руководстве по летной эксплуатации самолета» (РЛЭ) — книге «написанной кровью», которую летчики знают буквально наизусть. «Лучше потерять жену, чем скорость» — эту заповедь всякому авиатору начинают вдалбливать в голову еще в училище. Когда пилота, командира, инструктора со стажем обвиняют в потере скорости, это может показаться странным. Эти странности пытаются объяснить и врачи.

Атеросклероз аорты, атеросклеротический кардиосклероз, атеросклероз сосудов головного мозга, узловой эутериидный зоб щитовидной железы, хроническая тугоухость на оба уха, избыточная масса и др. — этот перечень заболеваний мы можем найти в медицинских картах погибших в авиакатастрофах пилотов. Авиационные психологи пытаются разобраться, почему опытнейшие пилоты нарушают РЛЭ, проводят и изучают результаты тестов СМИЛ (стандартизированная методика исследования личности). Выявляют дисгармоничные личности, у которых в экстремальных условиях иногда обостряются личностные черты. Психическое напряжение проявляется не в агрессии и обидах, а во внутренних реакциях организма — спазмах сосудов, нарушении ритма сердца, треморе конечностей. Стрессовая ситуация выбивает из рабочего состояния, при котором процессы возбуждения и торможения сбалансированы. Как правило, летчики, погибшие в авиакатастрофах, показывали при медосмотрах низкий тест на координацию и способность к упреждающим действиям, низкую реакцию на движущийся объект, имели сердечно-сосудистые патологии. Результат — замедленная сенсомоторная реакция. У пилотов появляется чувство усталости, опустошенности и разочарования. Результаты тестов должна анализировать врачебная комиссия и принимать решение о допуске к полетам. Психологический портрет погибших пилотов, как правило, соответствует их поведению в последнем полете. Примерами могут служить ночной рейс Ту-154 Москва—Хабаровск в 1995 году, когда бортинженер, несостоявшийся самоубийца, на высоте 11 тысяч метров выключил все три двигателя; пассажирского рейса Москва—Иркутск на самолете А-310 9 июля 2006 года; Анапа—Санкт-Петербург на самолете ТУ-154 22 августа 2006 года. Показательна катастрофа вертолета КА-32, разбившегося в октябре 2005 года. Причиной аварии стала техническая неисправность, но поведение КВС пример «деструктивного стресса». Роль врачей и психологов в карьере летчиков невелика. Их выводы носят рекомендательный характер, а окончательное решение о профпригодности принимают руководители авиапредприятий.

При расследовании авиакатастроф уделяется большое внимание расшифровке «черных ящиков», радиообмену экипажа с наземными станция-

ми, профессиональной подготовке, но современная авиационная техника предъявляет новые требования к пилоту. Самолеты или вертолеты нынешнего поколения имеют современное компьютерное оборудование, технологии которых пришли к миниатюризации, имеют многократное резервирование систем управления. Пилот, выполняя на борту инженерные функции, должен грамотно и оперативно принимать решения в нестандартных ситуациях. Для этого он должен иметь хорошую профессиональную подготовку и, что важно, хорошее здоровье. Сегодня мы должны учитывать влияние ряда внешних факторов на работоспособность пилотов, которые ранее не учитывались. Учитывать, например, тот факт, что пилот постоянно при себе имеет мобильный телефон, а иногда и несколько. Сегодняшняя электроника, построенная на интегральных микросхемах высокой плотности, представляет для человека и, соответственно для пилота, определенную опасность. Современные интегральные микросхемы являются источником мощного патогенного поля, которое можно не только мерить, но и нейтрализовывать. Не зря Всемирная организация здравоохранения в 2011 году внесла мобильные телефоны в список канцерогенов. Интегральные микросхемы, постоянно находящиеся в близости тела, опасны для пилотов и, особенно, с ослабленной психикой (это уже доказанный факт). Способы нейтрализации вредного излучения от интегральных микросхем в России разработаны, и ряд космонавтов уже применяют защитные устройства на мобильных телефонах.

Биосферные патогенные зоны, открытые академиком В. Некрасовым, представляют опасность для водителей любого вида транспорта. При перемещении всегда появляется риск попадания в пространство данных зон. Результаты научных исследований показывают, что в границах биосферных патогенных зон ряд водителей теряют управление транспортным средством в силу кратковременной потери сознания или неспособности осознанного управления своими действиями. Потеря управления самолетом или вертолетом особенно опасна при полетах на малых высотах. Примером тому может служить катастрофа, произошедшая 14 сентября 2008 года с Boeing-737 в г. Перми, когда на повторном заходе на посадку пилот, по утверждению диспетчера, уже не слушал его команд, только что-то бессвязно «бормотал». Подобный случай произошел 17 ноября в 2013 года с Boeing-737, который потерпел катастрофу в аэропорту г. Казань. При повторном заходе на посадку пилот потерял управление самолетом.

Исследование аварийности на автодорогах показывает, что чем больше скорость транспортного средства, тем это опаснее для водителя при пересечении границы биосферной патогенной зоны. Другим важным фактором риска для водителя транспортного средства, и особенно для летного состава, являются ритмы изменения биосферной энергетической диссимметрии. Проведение исследования на 5-м маршруте (Москва–Челябинск) показали, что более 95 % ДТП на нем проходят на границах биосферных патогенных зон и в пиковые дни изменения биосферной энергетической диссимметрии.

Важное значение имеет образ жизни пилота. Опасно проживать в биосферных патогенных зонах «Онко» или «Крона», то есть в местах возможного получения патогенной нагрузки. В авиации пока отсутствует контроль патогенных нагрузкок пилотов и их профилактики. Реальность такова, что воздействию биосферных патогенных зон на маршруте движения транс-

портного средства в первую очередь подвержены люди, уже получившие патогенную нагрузку от такого рода зон. Пилоты, употребляющие спиртное накануне полета, особенно подвержены воздействию биосферных патогенных зон и действию ритмов изменения биосферной диссимметрии. Необходимо проводить проверку летного состава на предмет патогенных нагрузок и снятие их при обнаружении. Нужна проверка аэродромов на наличие в их границах биосферных патогенных зон, на маршрутах подлета к аэродрому и ухода на повторный круг. Должна быть налажена система предупреждения пилотов о возможном резком изменении биосферной энергетической диссимметрии. Рабочее место пилотов должно быть оборудовано защитными средствами от вредного влияния интегральных микросхем любых приборов и устройств, в том числе мобильных телефонов.

В России есть и Ространснадзор, и Росавиация. После катастрофы 2011 года, когда ярославская хоккейная команда «Локомотив» погибла при крушении Ту-134 под Петрозаводском, и после заявлений руководства Российской Федерации Росавиация серьезно «почистила» авиакомпании. Число авиакомпаний сократилось до 120.

Специалистам известно: нет понятия «старый лайнер». Самолет либо допущен к эксплуатации и у него есть сертификат летной годности, либо нет. Средний возраст самолетов авиакомпании «Татарстан», например, соответствует среднему возрасту авиапарка второй авиакомпании страны — «Трансаэро», традиционно уделяющей большое внимание безопасности полетов. Средний возраст парка национального перевозчика «Аэрофлота» составляет около 5 лет.

Авиакомпания «Татарстан» на фоне других относительно небольших региональных компаний выглядела достаточно хорошо. По пассажиропотоку она в начале второго десятка: в прошлом году перевезено около 500 тысяч пассажиров, в 2013 году их ожидалось около 900 тысяч. Авиакомпания с 2008 года стала модернизировать свой парк за счет привлечения иностранных воздушных судов. Важным показателем, который свидетельствует о том, что правительство Татарстана и Правительство Российской Федерации возлагали некоторые надежды на эту авиакомпанию, является то, что в парк авиакомпании поступило 15 новых самолетов «Сессна-208». Это небольшие самолеты на 9 мест, предназначенные для работы в рамках пилотного проекта по региональным перевозкам в Приволжском федеральном округе. Авиакомпания «Татарстан» — обладатель сертификата IOSA, выданного Международной ассоциацией воздушного транспорта. Этот сертификат является подтверждением соответствия выполняемых предприятием авиаперевозок признанному во всем мире стандарту обеспечения безопасности, который действует у компании до 17 декабря 2014 года. Это авторитетная международная ассоциация. На июль 2013 года в России было всего 17 из 120 авиакомпаний, у которых имеется сертификат IOSA.

Что касается общей ситуации в области безопасности полетов, то формально о ней в России заботятся. В конце прошлого года в Воздушный кодекс введена статья «Обеспечение безопасности полетов гражданских воздушных судов», согласно которой применение системы управления безопасностью полетов на основе стандартов Международной организации гражданской авиации стало обязательным для всех юридических и физических лиц, работающих в авиационной индустрии. Однако такие вещи не

происходят по мановению волшебной палочки. То есть авиационные власти махнули — мол, мы вводим стандарты ИКАО — и теперь все у нас будет хорошо. Этот процесс инерционный и длительный. К сожалению, если в 2012 году, по данным Росавиации, произошло 13 авиационных происшествий (из них шесть катастроф), в которых погибли 58 человек, то в 2013 г. число погибших уже больше. «Боинг» — 50 человек, вертолет МИ-8Т — 20 человек, Ан-12 — 9 человек.

Можно ли определить, самолетом какой авиакомпании лететь безопаснее всего? Можно. Однако неспециалисту трудно найти объективную информацию. Международный рейтинг авиакомпаний по показателю безопасности или надежности может помочь выбрать рейс авиакомпании, который благополучно доставит в нужный пункт. Членство авиаперевозчиков в международной ассоциации IATA, наличие сертификата IOSA, свидетельство того, что с системой управления безопасности полетов в авиакомпании все в порядке. Второй показатель — это коэффициент программы Европейской комиссии SAFA. Он присваивается ежегодно по результатам рамповых проверок (проверок на перроне) самолетов третьих стран, приземляющихся в аэропортах Евросоюза. Например, у авиакомпании «Татарстан» коэффициент SAFA был близок к предельному — 1,94 (с отметки 1,95 компании попадают в «красную зону» и за ними устанавливается особый контроль).

Информацию о членстве авиакомпании в IATA и наличие сертификата IOSA любой пассажир может получить, зайдя на сайт авиакомпании. Люди должны перестать опасаться летать, транспорт должен быть удобным и безопасным.

Все, о чем написано выше, подводит к выводу о том, что государственные органы должны проявить заботу о жизни и будущем своих граждан. Будем считать, что прошедший 2013 год был годом прозрения. Рубикон перейден. Не будем откладывать на будущее, начнем сегодня конкретную и эффективную реформу образования. В первую очередь дошкольного и начального. Реанимируем систему подготовки воспитателей в педагогических вузах. Восстановим престиж воспитателя, учителя в школе, преподавателя в вузах. Это приоритетные направления действий сегодня для достижения успеха завтра.

В завершение хотел бы сказать, что нужно перестать ностальгировать по советской школе, извлечь из нее и мирового опыта лучшее, использовать его для того, чтобы российская школа готовила достойных граждан своей страны, грамотных специалистов, способных отвечать за свои действия и поступки, за нашу жизнь.

Борис КЛЮЧНИКОВ

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ

Борис Федорович Ключников — родился в г. Георгиевске Ставропольского края в 1935 г. Окончил с отличием МГИМО, Дипломатическую академию. В течение более 20 лет работал в ЮНЕСКО в Париже. В качестве эксперта ЮНЕСКО и Всемирного Банка работал в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие годы был директором программы политики и планирования образования ЮНЕСКО. Вернувшись на родину, стал главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, профессором Восточного университета. Автор семи монографий. В течение 15 лет печатается в журнале «Наш современник». **Живет в Переделкино.**

Стало привычным считать главными, а порой и единственными, акторами международных отношений сильные государства. Проблемы обычно рассматриваются в зависимости от позиций США, Китая, России, Евросоюза, а на региональном уровне — от позиций Индии, Саудовской Аравии, Ирана, Турции и т. д. Аналитики, а часто и государственные деятели, упускают из виду, что помимо государств есть более могущественный актор, а именно глобальный управляющий класс в лице различных структур мировых финансов, мирового олигархата, а проще — хозяева денег, которые установили стратегическое партнерство с другим сильнейшим актором — игроком — с военно-промышленными комплексами и разведывательными службами многих стран, прежде всего в США и Великобритании. Эти невидимые акторы располагают несравненными с государствами финансовыми ресурсами, доминируют в мировых СМИ, дирижируют деятельностью многих тысяч неправительственных организаций (НПО).

В России, в Беларуси, а теперь и на Украине, наконец-то, осознали роль и значение многих неправительственных организаций. Они ведут сетевые войны против неповоротливых государственных бюрократий. НПО быстры, вездесущи и практически ненаказуемы. Надо создавать сеть своих НПО, расходы на них быстро окупятся.

Еще десяток лет тому назад эти акторы, ежегодно собиравшиеся на таких площадках, как могущественный Бильдербергский клуб, казались едиными по стратегически важным глобальным вопросам мироустройства, таким как вопросы войны или мира, расы, борьбы с кризисами, мирового народонаселения, половых отношений, отношения к

семье, нации, государству, экологии и т. д. Они не занимаются мелкими текущими вопросами, но умело отбирают долговременные стратегические проблемы, имеющие мультипликационный эффект.

С началом нового тысячелетия появились подозрения, а вскоре и конкретные факты, из анализа которых следовало, что среди атлантистской олигархии наметился разлад. В монолите тех, кого называют властителями мира, хозяевами мира, появились трещины. Самым заметным сигналом стало в 2002 г. совместное заявление канцлера Германии Шредера и президента Франции Ширака против второй войны США в Ираке. Их активно поддержал новый Президент России Путин. Это была не трещина, а пробоина в атлантическом единстве. Печатный орган Бундестага писал тогда: «Иракская война повергла западный союз в глубокий кризис. Мнения разошлись по поводу устройства мирового порядка. Европейцы желают иметь плюралистический порядок, господство права и примат ООН,… а не гегемонию США». Такие резкие антиамериканские шаги и высказывания в Бундестаге, скажем прямо, оккупированной Германии трудно представить без одобрения каких-то наднациональных структур, стоящих над Вашингтоном и противодействующих Вашингтону. Европейские лидеры, конечно, опирались и на общественное мнение. Европейцы перестали опасаться военной угрозы с Востока: не стало СССР, не стало организации Варшавского договора. Правда, дипломатии США удалось иракскую пробоину быстро заделать и привести к власти в Германии атлантистов с Меркель, а во Франции Саркози, который даже вернул вооруженные силы Франции в НАТО. Но противоречия все нарастали, отражали ослабление долларовой империи США. Не пытаются ныне освободиться от полной зависимости от США только такие откровенные сателлиты, как Польша, Румыния, Эстония, Латвия, Литва, Грузия. К ним ныне хотят добавить Украину. Системный кризис капитализма, надвигающийся крах мировой финансовой системы, феномены Ассанжа, Викиликс, Сноудена и других диссидентов рушат мифы о США как империи добра, высокой нравственности и справедливости, что их путь — образец развития для всех землян. Сами американцы перестают верить в «американскую мечту». Пришел конец лику США как «сияющего града на холме».

Среди сотен конфликтов, происходящих в мире, самым разоблачительным стал, казалось бы, бытовой, дурно пахнущий, скандал с директором Международного валютного фонда (МВФ) Домиником Стросс-Каном. Американские государственники-патриоты решили вывести его из большой политики и сорвать планы превратить Международный валютный фонд во всемогущий Центральный банк планеты, прообраз мирового правительства, который бы властвовал и над самим Вашингтоном, и над Федеральной резервной системой (ФРС). Этот план Стросс-Кана был важным шагом к легализации мирового правительства. Вашингтонский истеблишмент пока не оставил планы установить, опираясь на доллар и на несравненную военную мощь, господство над всем миром.

Мировая финансовая элита раскололась не из-за каких-то тактических разногласий, а в основном стратегическом вопросе — становление нового мироустройства, будущего мирового порядка. Наднациональным структурам ясно, что в мире уже идут объективно обусловленные грандиозные геополитические сдвиги, которые, следуя правилу Сороса «руби, что клонится», можно превратить в новые геополитические потрясения. Многим

государственным деятелям это не ясно, не актуально, далеко и малозначимо. Это ошибка. В свете этого следует подумать: не пришло ли время создавать аналитические центры, новые не конспирологические, а научные дисциплины, профессионально занимающиеся наднациональными структурами, какими бы закрытыми они не были. Не пришло ли время осознать ту ошибку, которую мы совершили в СССР. США, например, у нас изучал один институт и, как с сарказмом заметил политолог и историк А. Фурсов, одна половина его сотрудников были агентами влияния, а другая половина «трепетали, что им визу не дадут». А вот в самой Америке Советский Союз изучали сотни научных центров, изучали очень целенаправленно. Покойный философ А. Зиновьев так объяснял эту целенаправленность: слона можно по-разному изучать: где хобот, где уши, где ноги и прочее, а можно искать место, ударив по которому, сразу завалишь слона. Так они изучали Советский Союз. Имея, например, достоверную и достаточно полную информацию о скандале со Стросс-Каном, об Ассанже и его Викиликсе, о тех, кто, возможно, подтолкнул Сноудена на разоблачения, многое разъяснилось бы для российских политиков, многое стало бы выглядеть в ином свете, а главное — в иной перспективе.

Можно понять опасения американских государственников, которые фигурируют ныне под именем «американцев» или группировки Рокфеллеров. Они опасаются, что государство США полностью растворится в мире транснациональных банков и корпораций. Эти финансовые монстры уже подорвали некогда мощный реальный сектор экономики США, уничтожают основу нации — средний класс, вывели многие заводы и лаборатории в страны с дешевой рабочей силой. США покрылись сетью умирающих городов и городков типа злосчастного Детройта. «Американцы» — Рокфеллеры не смогли противостоять деиндустриализации, но когда «транснационалы» — Ротшильды замахнулись на доллар, на единственную в мире резервную валюту, произошли бунт и раскол среди невидимых властителей мира. Как и 150, и 100 лет тому назад, схватка началась из-за роли и места Федеральной резервной системы, которая, будучи частным банком, с 1913 г. является центральным банком, т. е. банком всех банков США. Многие годы ФРС была кондоминиумом Рокфеллеров и Ротшильдов, обе группировки умели договариваться и делить сферы влияния. Мир и лад были нарушены, как только Ротшильды поддержали введение евро. Это было началом тайной войны против доллара. Но США — это империя доллара, его бережно охраняли все президенты. Особенно велики заслуги в этом Генри Киссинджера — агента Рокфеллеров. Это он еще в 1970-е гг. после нефтяных кризисов добился того, что Саудовская Аравия и нефтяные монархии Персидского залива настаивают на оплате своей нефти только в долларах. Они тут же возвращают эти доллары в США, покупая их казначейские облигации. Арабская нефть вместо золота стала обеспечением доллара.

Это нефтегазовое обеспечение доллара является ахиллесовой пятой Соединенных Штатов, ибо их мировая империя не столько военная, сколько долларовая. Без сильного доллара — резервной валюты всего мира — распадутся армия, флот и все 28 разведывательных служб. Замечено, что все попытки подорвать монополию доллара немедленно и жестко пресекались. Разгром Ирака и Ливии произошел не из-за их нефти, а из-за доллара. Саддам отказался принимать доллары за иракскую нефть, перешел в расчетах

на евро и был убит, а Ирак разрушен. Стоило также Каддафи после 40 лет правления заявить, что за ливийскую нефть не в долларах, а в евро надо платить, как его и Ливию постигла участь Саддама и Ирака. Хозяева долларовой империи боятся цепной реакции отказов от ничем не обеспеченного доллара. Эта реакция, однако, идет.

У доллара ныне появились могущественные противники. На доллар, этот фундамент Pax Americana, ведут атаку уже не только туземные диктаторы типа Саддама и Каддафи, а группировка финансовых олигархов, которая специализируется на контроле финансовых потоков, на обмене валют. Это many changers — менялы. До поры, до их времени им не нужен ни доллар, ни однополюсный мир, им нужны региональные валютные зоны, конкуренция среди них, их столкновения, их возрастающие военные расходы, спрос на займы, растущий спрос на рынках денег. Эта ниша уже несколько столетий занята знаменитым кланом Ротшильдов.

В мировом информационном поле все чаще появляются материалы о столкновении группировки Рокфеллеров и группировки Ротшильдов. Это новый фактор, который влияет на формирование новых регионов мира, в том числе Евразийского Союза и Большой Европы. Кто из них «за», кто «против»? Или обе против?

Следует уточнить, что бытующие названия «Ротшильды», «Рокфеллеры» условны, потому что в группировку Ротшильдов, например, входят и другие могущественные банкирские кланы, такие как Оппенгеймеры, Куны, Шиффы, Варбурги или Барухи, самая родовитая семья, корни которой уходят в финансы Древнего Рима. То же можно сказать и о группировке Рокфеллеров. Однако эксперты считают именно клан Ротшильдов лидером космополитического финансового капитала, который переносит свой центр из США, а теперь уже и из лондонского Сити в Гонконг. Почему? Потому что центр мировой экономики быстро перемещается из Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Китай превращается во второй, альтернативный Америке, геополитический полюс планеты. Ротшильды раньше всех осознали, что однополярный мир, Pax Americana, не осуществим. Потому что США не просто слабеют, а втянуты в затяжной системный кризис. Только государственный долг США превышает 17 триллионов долларов, т. е. больше чем их ВНП (валовый национальный продукт). И это несмотря на «денежные смягчения» — вброс, начиная с 2008 г., еще 12 триллионов вновь напечатанных долларов. В 2013 г. в США напечатали еще 4 триллиона долларов, а в Евросоюзе — 3 триллиона евро.

Немецкие ученые уже давно указывают правительствам на Dollarweltbetrug — всемирный долларовый обман. Вашингтон является беспрецедентным в истории фальшивомонетчиком. Профессор Хамер подсчитал, что мировой валовый продукт вырос в 1971–2000 гг. в два раза, а денежная масса в обращении — в 40 раз, 75 % этих бумажных денег в мире составляют доллары. Это форма дани вассалов сюзерену — США. Они хотят сбросить это иго. К этим долларам добавляются 700 триллионов долларовых деривативов. Выплатить эти долги невозможно. Их списать может или крах, или большая война. Война выгоднее олигархату, и потому мир действительно балансирует на грани новой мировой войны. Многое указывает на то, что такую войну выгоднее всего развязать на Украине.

Едва ли стоит доверять оптимистическим прогнозам и заявлениям, что мир вышел или выходит из депрессии. «Это, рыжий, все на публику», —

пел когда-то Галич. 4 января этого года отчет МВФ[1] вновь предупреждает, что «трансатлантический регион нарастил беспрецедентный долговой пузырь (debt-bubble), больше, чем когда-либо в предшествующие 200 лет. Если в ближайшее время не произойдет массового списания этого долга, то надо ожидать вскоре нового финансового взрыва… Вероятнее всего на периферии Европы или в Турции». Этот вывод совпадает с прогнозами Михаила Хазина, который доказывает, что это системный кризис и он будет длиться не менее десяти лет.

Множатся факты грандиозного по масштабам мошенничества. Немцам Вашингтон то отказывает, то затягивает до 2020 г. выдачу их золотого запаса в 1800 тонн золота. Не хотят даже показать, где оно складировано. Известный агрессивными действиями банк «Голдман Сакс» продавал «золото», выдавая сертификаты на его получение. Оказалось, что у него нет этого золота. Известны скандальные факты, когда, например, банк отказывался платить по сертификатам из-за того, то в нем обнаружились грамматические ошибки. Почему немцы пытаются вернуть свое золото? Потому что хотят застраховаться от ослабления доллара, от гигантской задолженности американцев, наконец, от реальной перспективы развала Евросоюза. России тоже пора вернуть свои золотые запасы и уходить в резервах от доллара. Потому что, печатая все новые триллионы! (не миллиарды) долларов, американское правительство тем самым быстро девальвирует долларовые авуары других стран. Покупательная способность доллара за последние 10–13 лет упала приблизительно в десять раз.

Кризис, начавшийся в 2008 г., не окончился. Более того, он усилил противоречия между Рокфеллерами и Ротшильдами. Рокфеллеры и МВФ защищают доллар, пытаются легализовать мировое правительство и контроль финансовых потоков. Им удалось потеснить Ротшильдов в ФРС. Впервые за столетие конгресс США утвердил акт о введении прямого аудита Федерального резерва, который осуществляет эмиссию доллара. Это акт контроля за Ротшильдами, за частной «лавочкой» — ФРС. В конспирологических источниках существует версия, что президент Джон Кеннеди был убит за то, что подписал распоряжение о частичном восстановлении полномочий Вашингтона в ФРС. Вице-президент на другой день после его убийства отменил это распоряжение.

В нашу эпоху люди забыли Бога, богом стали деньги, деньги являются основным оружием мирового олигархата. Ротшильды замахнулись на «единобожие доллара», намерены вводить в мире «валютное многобожие». И добиваются крупных успехов: Россия и Китай договорились торговать между собой в своих валютах, то же Япония и Китай, Индия и Россия. Теснят доллар и в Южной Америке. Чавес работал над планом единой южноамериканской валюты. Но все это палиативы: деньги остаются бумажными. А сто пятьдесят лет назад в той же Америке люди просто смеялись над бумажками-деньгами. Тогда говорили, что короли платят золотом, джентльмены — серебром, крестьяне — бартером, а рабы оплачивают свои долги бумажными деньгами.

Итак, обостряется соперничество расколовшейся мировой элиты — американских «гегемонов мира» и many changers «менял» Ротшильдов.

[1] JMF Staff Report by C. Reinhart and K. Rogoff.

Их реальные отношения — величайшая тайна, за которой охотятся многие эксперты. Династия Ротшильдов фигурирует в экономике и мировой политике уже несколько веков. Они финансировали такие стройки, как Суэцкий и Панамский каналы, контролируют центральные банки многих стран, в том числе Банк Англии, скупали первые нефтяные скважины Азербайджана и всего Ближнего Востока. Имеются приблизительные подсчеты капиталов Ротшильдов: 500–600 триллионов долларов против 11,5 триллионов Рокфеллеров. Что такое 500 триллионов долларов? Мировой валовый продукт ныне составляет 71 триллион. Это значит, что капиталы Ротшильдов равны стоимости того, что произвело человечество в последние десять лет.

Основатель империи Ротшильдов Amschel Bauer раньше недалекой европейкой знати понял, что деньги — это всесокрушающее оружие, а потому власть. Монополия на кредит и на процент дает не просто власть, а абсолютную власть. Один из многочисленных потомков Амшеля повторил завет деда от 1838 г: «Дайте мне контроль над эмиссией денег нации, и мне станет совершенно безразлично, кто издает законы». Другой его потомок вошел в историю блестящим каламбуром: как-то один из льстецов обратился к нему со словами: «Вы, Ротшильд, король всех евреев». Ротшильд в ответ сказал: «Нет, я еврей всех королей».

Клан Рокфеллеров еще недавно входил в империю Ротшильдов, но, беспокоясь о судьбе США, отстаивая их гегемонию в мире, вышел из повиновения и осуществляет самостоятельную геополитическую стратегию. По мнению А. Фурсова, Рокфеллеры выиграли у Ротшильдов две мировые войны, по их лекалам кроились государственные границы, по их замыслу создавался Евросоюз, разгромлены Югославия, Ирак, Ливия, Сирия и т. д. Вопросов относительно подспудной войны этих двух олигархических группировок очень много и мало ответов. Кто возьмет верх, чей проект мироустройства, Рокфеллеров или Ротшильдов, будет осуществляться? Гегемония США в однополюсном мире — это проект Рокфеллеров, проект Ротшильдов — это стратегия дробления мира на несколько макрорегионов, на создание нескольких валютных зон, таких уже наметившихся как евро и юань. Не исключено, что им понадобятся и другие резервные региональные валюты, например, рубль, а следовательно и особый евразийский регион. Какие из этих двух проектов, кто из стоящих за ними олигархов имеют большие шансы на успех, на победу?

Это предмет глубоких исследований и достоверные выводы будут иметь величайшую геополитическую ценность. На основании имеющихся крайне скудных источников можно предположить, что верх возьмут все-таки Ротшильды. Рокфеллеры на данный момент выигрывают только в сценарии глобальной войны. И не потому, что капиталы Ротшильдов в 50 раз превышают капиталы Рокфеллеров, не потому, что они силы мира и света. Дело в том, что их стратегия следует за объективными процессами в геоэкономике. Она отражает и отрицательное отношение большинства людей планеты к глобализации — американизации. В мировой экономике явно обозначились глубокие противоречия между паразитирующим финансовым капиталом и больной реальной экономикой. Глобальный рынок распадается на ряд региональных рынков. Атлантическому, во многом паразитическому, финансовому рынку ныне реально противостоит тихо-

океанский рынок, который в большей степени опирается на крепнущий реальный сектор, в том числе в Европе. Центр мировой экономики со времен Колумба находился в Атлантике, с XVII в. в Северной Атлантике. Ныне он быстро смещается в бассейн Тихого океана. Там же будет и центр мировой политики. Это приветствуют все тихоокеанские нации. Это, однако, становится для США, для правящих атлантистов по обеим сторонам Атлантического океана, проблемой.

Может ли Россия выиграть от этого геополитического сдвига? Да, может и должна. Однако Россия пока очень слаба на наших сибирских и дальневосточных просторах, слабы мы и по плотности населения, и по развитости инфраструктуры, и экономики в целом. Но Россия там чрезвычайно богата природными ресурсами. В мире знают, что десятки полезных ископаемых планеты на 60–80 % сосредоточены в Сибири и на Дальнем Востоке. В мире ожесточенной борьбы за скудеющие ресурсы Россия становится величайшим соблазном. Где выход? В срочном наращивании потенциала на Дальнем Востоке. Наш выход к Тихому океану становится бесценным даром наших предков — землепроходцев, даром казачьих дружин. Как бы его не потерять. Дальний Восток, подобно Калифорнии в США, может и должен стать вторым лицом России. Только так мы сможем удержать статус Великой Державы.

В этой связи встает вопрос, сможем ли мы, опираясь на собственные силы, в ближайшие 15–25 лет превратить наш Дальний Восток в такой же развитый регион как, скажем, Аляска, а лучше бы как Калифорния? Штат Калифорния стал самым крупным в США и по населению (свыше 55 млн человек), и по экономическим показателям, и по политическому весу. Надо оценить обстановку, ресурсы, считать, планировать, срочно действовать. Благо, что в последнее десятилетие лед тронулся: власть осознала необходимость приоритетного развития Дальнего Востока. Если станет ясно, что не успеем, сами не поднимем, то кого приглашать к сотрудничеству, конечно, на условиях Российской Державы. Кто нам ближе духовно, культурно, этнически? Кому мы и наши потомки смогут больше доверять, иметь прочные общие духовные скрепы, сотрудничать в неизбежной борьбе, а то и войне формирующихся регионов. Либеральный лозунг общего экономического роста, когда «прилив поднимает все корабли», никогда не реализовывался. Формирование регионов неизбежно усилит конкурентную борьбу. Это неизбежная перспектива: мир ожесточенной борьбы между регионами, торгующими внутри в своей валюте, а с другими регионами в золоте. Победит, видимо, региональный протекционизм. Это будет конец ВТО.

Ныне разворачивается грандиозное соревнование глобальных проектов будущего мироустройства. Россия, доминирующая в северной Евразии, обязана иметь свой особый проект, концептуально независимый, позволяющий привлекать к сотрудничеству не только членов Евразийского союза или СНГ, но и нации, располагающие передовыми технологиями, квалифицированными кадрами и свободными капиталами. Таким проектом может стать континентальный проект, основанный на концепции Большой Европы от Лиссабона до Берингова пролива, выдвинутый президентом Путиным в предвыборных статьях и развитый в его Валдайской речи[1]. Прав политолог

[1] См. мою книгу: *Борис Ключников*. Большая Европа Владимира Путина. М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2013.

Андрей Девятов, указывая на то, что недостойно России выступать в роли «Незнайки» — эмблемы, бездумно выбранной Россией на Всемирной выставке в Шанхае. Наши несравненные просторы и выгодное географическое положение обязывают нас иметь самую передовую науку и искусство геополитики, и многовариантные планы, и конкретные проекты форсированного развития Сибири и Дальнего Востока.

Есть много факторов, указывающих на то, что группировка Ротшильдов берет верх над Рокфеллерами, что в их стратегии многополюсного, или полицентристского мира отражаются объективные тенденции развития. Менялы — Ротшильды способствуют формированию нескольких разноуровневых экономических макрорегионов — полюсов. Каких конкретно, пока определить нельзя. Но есть признаки того, что они приглядываются к планам создания Евразийского союза как возможного противовеса прежде всего Атлантическому сообществу. Натаниэль Ротшильд недавно побывал в России и заявил газете «Ведомости»: «Я вернул Ротшильдов в Россию». Могущественная «British Petroleum» входит в их конгломерат. Российские компании договариваются с ней об освоении Арктики.

Ни Ротшильды, ни Рокфеллеры не благотворители, далеко не светлые силы мира и добра. Их интересы часто совпадают: концептуально обе эти группировки нацелены на ослабление государств и наций. Но на данный момент истории волна агрессий исходит в основном от «американцев» — Рокфеллеров. На их счету способствование развалу СССР, развал Югославии, Ирака, Ливии, гражданская война в Сирии, цепь оранжевых революций от Египта и Киргизии до Украины. Их ставленники рулят в Евросоюзе и в нашем ближнем зарубежье. Необходимо изучать и использовать противоречия между различными группировками. Так, как, например, наша дипломатия использовала в сирийском кризисе колебания лондонского Сити — старой резиденции Ротшильдов. Надо внимательно следить за газетой «The Gardian», ставшей рупором Викиликс, Ассанджа и Сноудена.

Партнеры, сотрудники, союзники в континентальном проекте

Кого можно было бы привлечь, встань такой вопрос, к сотрудничеству в грандиозных планах освоения Сибири и Дальнего Востока? Мир ныне четко иерархичен: есть центр, полупериферия и периферия. Центр — это пока Атлантика, но он смещается в бассейн Азиатско-Тихоокеанского региона. Полупериферия — это страны БРИКС (BRJCS) — Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка. Да, есть расчеты, согласно которым к 2050 г. их экономики будут давать более 50 % мирового валового продукта. Союз и сотрудничество России с ними ныне более чем своевременны, крайне необходимы в противостоянии агрессии Запада. Но он имеет не более чем тактический вес. БРИКС едва ли сможет обеспечить геополитический противовес Западу, дать альтернативу западному мироустройству. Все эти страны так или иначе ориентируются на Запад, на его рынки, используют его научные достижения и технологии, поставляют сырье, размещают западные компании. И что особенно плохо — эта группа стран не имеет общей идеологии, нет цивилизационных скреп. Она не смогла выдвинуть какой-либо альтернативы неолиберализму. Среди этой пятерки стран уже

есть серьезные противоречия, например между Индией и Китаем. К тому же они не проявляют желания вкладывать капиталы в России, особенно в отдаленных северных наших регионах.

Другим возможным союзником и сотрудником являются страны Среднего и Ближнего Востока, располагающие огромными свободными капиталами. Но не кадрами, не техникой и технологиями. Евразийцы резонно настаивают на укреплении традиционных дружественных отношений с мусульманским миром, в первую очередь с Ираном, вплоть до политических и военных союзов. Но что означало бы создание с ними общего экономического региона и общего рынка? Неизбежно возникнет угроза нашему цивилизационному воспроизводству, сохранению национальной идентичности, национального самосознания. Это путь втягивания России в третий мир, в многонациональность, в мультикультурализм, в постепенное замещение русского населения и Православия многомиллионными потоками иммигрантов. И это будут не сотни тысяч иммигрантов из, скажем, 7-миллионного Таджикистана, 5-миллионной Киргизии и 27-миллионного Узбекистана, а десятки миллионов из 180-миллионного Пакистана, 150-миллионного Бангладеш и т. д.

Намечая пути развития для будущих поколений, нельзя ставить во главу угла экономику, ВВП, прочие экономические показатели и «экономизмы». Этим грешат и либералы, и марксисты. Это фундаментальная ошибка. Демография, рост и качество народонаселения, напротив, являлись, как показывает история, ключом к будущим успехам и победам потомков. «Экономизмы» — это не более чем одно из средств, это инструменты. Цель же всегда была сохранить, сберечь народы, их культуры, их своеобразный образ жизни, общую, наконец, среди соседей цивилизацию.

Угроза исчезновения многих ныне великих народов вполне реальна. Одни народы вымирают, другие возникают и быстро размножаются. История не сохранила даже имен очень многих, некогда блистательных народов. Те, которые мы знаем, сохранились в памяти только благодаря Геродоту. Вымирают прежде всего те народы, которые потеряли национальную самобытность. Они стали удобрением, или как говорил Столыпин, «навозом» для новых, более пассионарных народов. Поздние выродившиеся римляне не хотели не только защищать родину, но и заводить детей. Европейцы, и западные, и восточные, могут повторить их печальный путь, путь вымирания. Подсчитано, что еще сто лет назад европейцы — белые люди составляли 25 % населения планеты, а вместе с переселенцами 36 %. В наше время их доля упала до 10–12 %. Некоторые демографы доказывают, что европейцы составляют не более 7 % населения планеты. А ведь всего век назад русские и немцы, например, имели самую высокую в мире рождаемость. На великолепной выставке к 400-летию дома Романовых многие с изумлением узнали, что за четверть века царствования Николая II «Кровавого» население России выросло со 120 до 180 млн. К началу XX в. в России жил каждый седьмой житель планеты, а ныне — только каждый тридцать шестой. Сбережение русского народа из лозунга должно стать стратегическим планом.

Что такое народ? Это совокупность лиц, кровно между собой связанных общностью истории, происхождения и этнопсихологии. Наука этнопсихологии, кстати, незаслуженно загнана на задворки. Что такое цивилизации? Это крупные конгломераты стран с общими определяющими признаками в

культуре, языке, религии. Особенно значимы религии. Великие мировые религии ныне определяют контуры основных цивилизаций. Они же вероятнее всего возобладают и в определении границ будущих макрорегионов или, как их называют многие авторы, границ новых имперопоодобных образований (НИО).

В прошлом году слушал спор евразийца и националиста. Руководил им А. Фефелов из газеты «Завтра». Националист Валяев заявил: «мы проповедуем антиислам, мы правоконсервативный альянс… Россия — это государство русских… Любой ислам — угроза, а не только салафитский». Но это крайне опасный для России альянс. Мы должны противостоять огненной плазме глобального джихада совместно с традиционным исламом, дружить с ним, заключать договоры, доказывая народам, что всемирный халифат — это химера, которая погубит сотни миллионов людей. Валяеву возражал Бовдунов, руководитель Евразийского союза молодежи: «А мы за империю различных этносов при руководящей роли русского народа». Так и хотелось его спросить: кто вам ее дает, как вы обеспечите эту руководящую роль? Неужели забыты массовые погромы русских людей в Таджикистане, нескончаемые притеснения в других восточных республиках бывшего СССР? Три миллиона русских покинули даже Казахстан. В этих бывших советских республиках заканчивается строительство моноэтнических государств. Дело обстоит так, что в речи на Валдае В. Путин заявил, что «если позиция русского большинства будет игнорироваться, то в выигрыше останутся только разрушители России»… Всемирный Русский Собор в резолюции выступил тоже «против подавления национальной идентичности русских», против попыток «растворить их в новой нации», против изъятия самого слова «русский из всех официальных документов».

И тем не менее следует внимательно изучить перспективу, которую обрисовал Г. А. Зюганов в речи на XV съезде КПРФ. «Воссоздание обновленного социалистического государства и советского народа, — сказал он, — в его исторических границах возможно… КПРФ решает задачу соединения социально-классовой и национально-освободительной борьбы, социалистических идеалов и русской идеи». Но воссоздание советского народа, — многозначительно добавил Геннадий Андреевич, — надо осуществлять прежде всего на базе России, Украины и Белоруссии, на базе СКП — КПСС… Прирост населения обеспечивается исключительно за счет миграции», — отметил он. Он декларировал новое отношение коммунистов к религии: «КПРФ выступает за свободу совести». То есть коммунисты могут и будут участвовать в создании региона, основанного на библейских заветах, на христианской нравственности. Моральный кодекс советского человека — созидателя, коллективиста и интернационалиста основывался, кстати, именно на христианских ценностях.

Итак, сбережение русского народа в каком-либо регионе или империи с преобладанием азиатов более чем сомнительно. Нельзя не согласиться с политологом П. Светенковым, что «Россию изо всех сил тянут в «третий мир», в «евразийство». Тянут не в дальневосточную сверхразвитую Азию, а в ту, где процветают худшие черты азиатчины — воровство, коррупция, будто бы ее у нас самих мало, разложение государственного аппарата, бесстыжая роскошь верхов, безнравственность и прочие язвы. В ту, где попирают лучшие качества — патриотизм, справедливость, солидарность, конфуциан-

скую честность чиновников». «Народу, — пишет Светенков, — навязывают “евразийский выбор”, а себе чиновники и прочие толстосумы выбирают европейское будущее».

В свете этого трудно переоценить значение прочного цивилизационного союза с независимой Украиной. Союз с Украиной — главная общерусская задача XXI века. Украина, к несчастью, валится ныне в бездну хаоса. Почему многие украинцы не только на Западе, но и на прорусском Юго-Востоке, стремятся в Европу? Да, они очень плохо осведомлены о положении дел в Евросоюзе и хорошо знают плоды ельцинизма в России. Но не только из-за этого. Их пугает ориентация России на Азию, на Среднюю Азию, их пугают ваххабизм, джихад на Северном Кавказе и малосимпатичные черты азиатчины, которые несут в Россию десятки миллионов мигрантов. Наши люди не улавливают, что это не ислам, не Азия, а люмпен-пролетариат с его всемирными «прелестями». Опасность миграции подчеркнул и В. Путин: «Миграция — новое переселение народов, способна изменить облик целых континентов»[1].

Так что же получается: нам надо отгораживаться китайской стеной от народов бывших советских республик Средней Азии и Закавказья? Нет, это было бы ошибкой, трагической ошибкой. Они, по крайней мере, старшее поколение, жившее в СССР, это наши соотечественники и у нас с ними «общая евразийская судьба». Мы обязаны найти новые формы сотрудничества, не обязательно в одном государстве. Нельзя также закрывать глаза на то, что столетнему российскому присутствию в этих новых государствах предшествовали 12 веков жизни в лоне исламской культуры. Молодые люди там плохо знают советское прошлое, не говорят по-русски и воспитаны в духе идеализации исламских веков своей истории. Эти народы в 1990-е гг. отслоились от русского цивилизационного ядра. Им внушают, что они исторической судьбой, исламом больше связаны с Турцией, Ираном, Афганистаном. Особенно с Турцией, власти которой усиленно продвигают туранский проект, пантюркизм. Это южная альтернатива нашему евразийству. Новые «элиты», даже в Казахстане, выступают против Таможенного союза и Единого экономического пространства: требуют проведения референдума. Они в меньшинстве. Но надо смотреть в будущее: ротация «элит» неминуемо задвигает на задний план тех, кто родом из СССР, знает и работает на русском языке.

Короче, в результате крупнейшей геополитической катастрофы — развала СССР, возможно волей самого Провидения, «выделилось культурологическое ядро с прочным и абсолютным преобладанием русских» (В. Цымбурский). Отмечу также то, что В. Путин сказал, отвечая на вопросы «Формы неверующего» о составе Евразийского союза: включение в него самых слаборазвитых государств даст «избыточные риски». Их следует срочно исследовать. И дело в первую очередь не в экономической слаборазвитости. Границы бывшего СССР конфликтуют с законами цивилизационной геополитики. Эта наука доказывает, что стабильность и процветание государственному организму дает не обширная территория, не многочисленность населения и даже не высокий жизненный уровень. Главное — лояльность граждан, родство культур, общие исторические корни, язык, религия. Поэтому в центре наших забот должна быть Украина, значительная часть граждан которой оказалась не лояльной.

---

[1] *Путин В. В.*, статья «Россия: национальный вопрос».

Первостепенная задача поэтому — убедить молодых украинцев, оболваненных ющенковской пропагандой, что «москали» вовсе не полуазиаты. Их надо увлечь перспективой общего европейского будущего, предложить конкретный континентальный проект освоения Дальнего Востока и Арктики, всей северной Евразии от Рейкьявика до Берингова пролива, до Владивостока. Освоение вместе с немцами, французами, венграми и т. д. Надо доказывать преимущества сближения славянских народов, отсылать к общей истории, к забытому зову «Русской земли», который звучит с каждой страницы «Слова о полку Игореве». Континентальный проект должен быть не только экономическим, но и цивилизационным, защищающим не только славянство, но само христианство, библейские каноны добра и зла.

Замышляемая Путиным Большая Европа, как видится, должна быть Христианской, а не Содомом и Гоморрой. Развивая замысел Путина, министр С. Лавров 16 декабря 2013 г. в Брюсселе разъяснил, что в Кремле понимают под Большой Европой от Лиссабона до Владивостока: это долгосрочный интеграционный проект, постепенно сближающий Евросоюз и будущий Евразийский союз. Он нацелен на объединение всей Европы до Урала и далее до Тихого океана, объединение «путем подтягивания конкурентоспособности стран Востока».

Но в Западной Европе преобладают настроения и планы чисто европейской «белой Европы», путем сближения с «этнически и духовно близкой Россией». Особенно популярен замысел «Белой империи», могучей «Державы Северного полушария». Соседние мусульманские государства рассматриваются как дружественные соседи, как лимитрофы, как барьер против анархии всемирного джихада. Такая перспектива ближе украинцам, да и многим русским. Ближе, потому что она отражает цивилизационный идеал. Но в ней могут возобладать расистские настроения, чуждые русским и Православию. Этот проект выдвигают не правительства, а национал-патриотическая оппозиция, многие «евроскептики», противники атлантистов-проамериканцев. С ними надо крепить связи. Они наши союзники, а не Евросоюз. Надо делать акцент и на двусторонние связи с правительствами, помимо брюссельской бюрократии.

Нельзя с порога отметать участие США в континентальном проекте Большой Европы от Лиссабона до Берингова пролива. Нельзя, несмотря на то, что именно атлантисты, главенствующие в коридорах власти в Вашингтоне, объявили войну даже Евразийскому союзу. Госсекретарь Хилари Клинтон поклялась пустить в ход все средства, чтобы предотвратить «ползучее восстановление Советского Союза». Она только повторяет завет геополитиков-атлантистов, талассократов прошлого века: не допускать возникновения в Евразии континентального геополитического противовеса морскому могуществу англосаксов. Тем более их ужасает перспектива оси Париж — Берлин — Москва, континентальный проект совместного освоения Арктики, Сибири и Дальнего Востока. Англосаксы тогда остаются на задворках былой империи. Все это так. Надо смотреть, однако, в будущее на 20–25 лет вперед. Что будут представлять собой Соединенные Штаты в результате кризиса, локальных войн, ослабления доллара, а главное, из-за хрупких этнической и социальной структур американского общества? Америка ныне не только перестала быть «сияющим градом на холме», но о ней все чаще говорят, что это новый «Рим в огне». Ибо она не только многонациональное,

но многорасовое общество. А это очень серьезный, взрывной, разделяющий фактор. Вспомним, в какой панике власти тушили расовые бунты, самые известные среди которых — в Детройте в 1967 г. и в Лос-Анжелесе в 1992 г. Не в пример мягкотелым властям Украины там бутовщиков просто убивали. На подавление бросили отряды не только полиции, но отряды национальной гвардии. С тех пор латентная расовая напряженность только усиливалась. Черные, желтые и белые не питают друг к другу дружеских чувств, едва терпят друг друга. Известный политик Э. Лимонов предрекает, что Америку ждет судьба Южной Африки. Стремительно меняется ее расовый состав: в 2010 г. «латинос» составляли уже 16,7 %, афроамериканцы 13,1 %, азиаты и аборигены 11,7 %, вместе уже 41,5 %.

Подсчитано, что к 2030 г. белые в США уже не будут составлять большинства населения. Во многих штатах они уже меньшинство, в других они покидают «цветные» города и селятся в фешенебельных поселках. Идет процесс расового обособления. Тревогу среди американцев вызывают мрачные пророчества футурологов. Один из них, Г. Селенте (G. Celente), прогнозирует начало масштабной гражданской войны уже в ближайшие годы. К его мнению прислушиваются, так как он предсказал много свершившихся событий, среди которых кризис фондового рынка в 1987 г., развал СССР и т. д. Ему вторит лидер Британской национальной партии Ник Гриффин (Nick Griffin). «Не надо быть пророком, — заявил он, — ясно, что война между коренными европейцами и пришельцами Азии и Африки неизбежна». Средства, которые тратят правительства на мигрантов, он призывает срочно тратить на их «мирное переселение» на родину, на родину их предков. Неспокойно в Америке, особенно в южных штатах, поэтому расовый вопрос стал запретным, в СМИ царят тишь и благодать. Кто его поднимает, объявляется экстремистом. Их число растет. И это не только откровенные расисты типа Грега Джонсона (Greg Johnson), главного редактора журнала «Occidental Quarterly». Он прячется от ареста в Ирландии. Но ему симпатизируют очень многие христиане. Известно, что многие видные католические деятели сетуют, что «США так и не стали для них домом».

Планы Грега Джонсона и его сторонников шокируют американцев: он предсказывает массовый исход белых американцев, которые запрутся в северо-западных штатах и на Аляске. «Мы создадим в тихоокеанском Северо-Западе новую Белую Родину», — вещает он. Его спрашивают, чем мотивирован этот «белый сепаратизм»? Он отвечает: «Мы убеждены, что США в их нынешней форме обречены на развал, что для физического выживания белой расы мы обязаны подготовить новую родину»… Ему вторит и известный ученый Г. Ковингтон (Covington Harold): «Ввиду неизбежного взрыва США (inevitable explosion) мы объявляем программу “Северно-Западный Императив”».

Это, конечно, пока голоса радикального меньшинства. Они, тем не менее, — первые трещинки, первые капли в мощной плотине. Надо быть готовым к новой обстановке и на Аляске. В любом из просматриваемых сценариев главные интересы США перемещаются на Тихий океан, просматривается снижение внимания к Европе. Вашингтон готовится к столкновению с Китаем. Китай не намерен уступать Америке главенство в мире и планирует к 2020 г. из мастерской мира превратиться в «научную лабораторию мира», стать мировым лидером в науке и технологиях. Как знать, не исключено,

что менее агрессивная, изоляционистская Америка примет участие в континентальном проекте, в проекте от Рейкьявика до Ванкувера и Аляски. Это уже начал предлагать закоренелый враг славянства З. Бжезинский. Можно не сомневаться, что его условия будут примерно такими же, какие выдвинуты Украине при вступлении в «Восточное партнерство». Это гегемония США, их диктат, игра в одни ворота.

Ныне очень много пишут о неизбежности схватки между Китаем и США, так как они объективно уже выступают центрами нового биполярного мира. Упускают, однако, из виду, как маловероятный, сценарий их союза и соучастия в разделе богатств северо-восточной Азии. Этот сценарий иногда называют «Chinamerica». На всякий случай и над ним стоит заранее поработать.

Отмечая объективное ослабление США, не будем забывать, что это еще очень мощный игрок, самый пока мощный, всасывающий со всего мира долларовые контрибуции и научные умы. Есть народная мудрость: не рой могилу другому, сам в нее свалишься.

Ренессанс голлизма

Итак, вырисовывается картина, что осуществлять континентальный проект Большой Европы и дальнейшего развития Сибири России предстоит или одной, или с помощью только Беларуси, Казахстана и Армении или с Евросоюзом, объединяющим 28 государств. Что? Как?! — возмутится читатель-патриот. С таким хищником, с таким агрессором, с этим лицемером, с этим американским вассалом!? Разве можно верить Евросоюзу и его хозяину Вашингтону? Разве не обещали они простоватому Горбачеву общий европейский дом, не обещали не расширять НАТО на Восток? Разве не они развалили, разбомбили, изнасиловали Югославию? Этого нельзя забыть. Разве не атлантисты дехристианизируют Европу, насаждают гей-культуру, превращают ее в Содом и Гоморру?! Конечно, нет, упаси нас Бог от такого взаимопроникновения. В сотрудничестве в таких проектах как Большая Европа, в стройках века, меняющих лик планеты, нужна будет честность, искренность, солидарность, полное доверие. С атлантистами, которые ныне правят бал в западноевропейских странах, такого сотрудничества быть не может. Да и их в России может устроить только болотная неолиберальная оппозиция. Заявил же председатель Европарламента М. Шульц: «Президент Янукович не подписал соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом, так сделаем так, что его подпишет другой украинский президент». И делают, даже с помощью боевиков, многие из которых бендеровцы и нацисты. Атлантисты не терпят возражений. Еще несколько лет назад В. Путин вполне обоснованно подвел итог: «Им не нужны союзники, им нужны вассалы». С тех пор, как он в феврале 2007 г. произнес знаменитую мюнхенскую речь, атлантисты люто его ненавидят. Накал антипутинских страстей еще более усилился после его речи на Валдае. Но к нему, как к лучу света в темном атлантическом гей-царстве, потянулись миллионы европейцев на Западе и на Востоке Евросоюза, в первых рядах евроскептики. Их десятки миллионов. Они требуют или роспуска Евросоюза и запрета деятелям типа Ж. Баррозу занимать государственные должности, или выхода из Евросоюза своей страны. Евросоюз в своем проамериканском обличии не вечен. В нем непременно грядут перемены. Атлантисты со временем будут

неизбежно отстранены от руководства. Это произойдет благодаря объективным геополитическим сдвигам. Тем, которые сделают Большую Европу и ее континентальный проект от Лиссабона до Владивостока грандиозным общим делом нескольких поколений европейцев.

Надо отдать должное дальновидности группировки Ротшильдов, начавших заблаговременно осваивать потенциал этого неизбежного сценария. У группировки Рокфеллеров, напротив, уже не хватает сил продвигать свои интересы и в Атлантике, в Европе, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Свято место не бывает пусто: в Европе быстро нарастает влияние Германии, что очень тревожит Францию. Германия непременно попытается осуществить в Европе свой собственный сценарий, возможно это будет объединение «Средней Европы», старый кайзеровский план «Mitteleurora». Главные заботы и интересы США явно перемещаются в Азиатско-Тихоокеанский регион. В него же устремились и крупнейшие европейские корпорации, потому что рынок США для европейцев сужается. Сужается не только из-за кризиса, но и в результате политики реиндустриализации, проводимой Вашингтоном. Европейские корпорации вынуждены искать новые рынки сбыта. Россия может им дать кратчайший путь в Азиатско-Тихоокеанский регион, может пригласить к сотрудничеству в развитии транспортных артерий и прочей инфраструктуры, а также к освоению природных ресурсов.

Смогут ли евробюрократы-атлантисты в Брюсселе противостоять этой новой ориентации большого бизнеса Европы? Особенно если его поддерживает группировка Ротшильдов? Это не исключено, потому что Великобритания все чаще выступает в авангарде евроскептиков. Ее премьер-министр Камерон настаивает на проведении референдума о выходе страны из Евросоюза. Причины скрываются значительно глубже, чем настроения англичан. Группировка Ротшильдов создает новые валютные регионы, в первую очередь зону евро и фунта стерлингов. Старые атлантические связи, долларовая гегемония мешают этому, а Евросоюз выступает в качестве проводника интересов США в Европе. Не исключено, что немцам удастся его переориентировать.

Чтобы понять, почему Евросоюз испытывает все новые потрясения, надо вернуться к истории его создания, понять его генетический код. Отцом Евросоюза официально считается Роберт Шуман. Он вознесен на Олимп. Он был глубоко верующим католиком, считал целью своей жизни примирить Германию и Францию. Однако из недавно рассекреченных в США документов выходит, что «отцом Евросоюза» был вовсе не Шуман, а госсекретарь США Дин Ачессон. Он пригласил Шумана в Вашингтон и поручил ему «подумать о будущем Германии и Европы». Об этом в Вашингтоне давно думали, задолго до окончания войны. Были разработаны три проекта — президента Ф. Д. Рузвельта, посла Кеннена и госсекретаря Ачессона. Рузвельт считал, что Европу надо оставить в покое, но не допускать ее участия в мировой политике. Кеннен предлагал временную изоляцию Европы с перспективой союзничества с Америкой. Самым радикальным был план Ачессона: постоянное давление на Европу, постоянное присутствие в Европе власти и военной мощи США, конечно «в общих интересах европейцев и американцев». После смерти Рузвельта был принят план Ачессона. О нем коротко сказал лорд Илесен: «America in, Russia out, Germany down».

План Ачессона финансировался Американским комитетом за «Единую Европу». Деньги уже тогда он получал из фонда Рокфеллера. Шуман, ко-

торого многие историки называют «человеком без воображения», не понял скрытых целей плана Ачессона. Замысел состоял в том, чтобы нейтрализовать государства Европы неизбежным соперничеством и взаимозависимостью до полного абсурда, оставив Вашингтону роль арбитра. То есть создать нечто подобное Вавилонской башни. Расчет был верным: ныне многие считают, что Евросоюз в экономическом отношении гигант, в политическом отношении карлик, в военном — червяк.

Возможно, этот коварный замысел Вашингтона не понял идеалист Шуман, но его вполне распознал гениальный Шарль де Голль. Он кратко и метко назвал федеративную Европу «самоблокирующим ансамблем», в котором Вашингтон станет внешним управляющим, «внешним федератором». Он был против «отечества Европа», за «Европу отечеств», т. е. за конфедеративную Европу. Это и есть голлизм, поэтому в Европе все чаще обращаются к наследию «последнего рыцаря Европы», к планам генерала де Голля, удивляются широте его взглядов и замыслов, восхищаются его стратегическим умом. Целью жизни де Голля было величие Франции, продолжение ее великой истории, сбережение французской нации, сохранение ее несравненной культуры. Главным препятствием он считал не немцев, а империю англосаксов, ее лидера США. Он искал способы устранения их влияния в Европе.

Де Голль провел во время войны несколько тягостных лет в Англии в качестве главы правительства Франции в изгнании. «Как мне трудно было сопротивляться британской машине, когда ее пускали в ход, чтобы что-либо навязать нам», — писал он. И с благодарностью вспоминал, что в сопротивлении англосаксам он получал «ободряющие знаки» из истекавшей кровью России: «Посол Богомолов давал мне понять, что… Россия осуждает эту политику англосаксов и в крайнем случае сумеет ей противостоять»[1]. Де Голль протянул руку дружбы другому католику Конраду Аденауэру, канцлеру Германии, государству, с которым воевали его предки и он сам всю жизнь.

Необходимость поддержки возрождающегося голлизма вытекает из его континентальной ориентации. Генерал де Голль был хорошо знаком с континентальной геополитической школой Германии, с трудами Карла Хаусхофера. Этот геополитик обосновал, почему Германия не морская, а континентальная держава. «Западная Европа — это развитая часть незаконченного континентального ансамбля Евразии», — писал К. Хаусхофер. Он пытался убедить Гитлера, что не Англия, а Россия является естественным союзником Германии, ссылался на Бисмарка. «Евразию нельзя задушить, — завещал он, — пока два самых крупных ее народа — немцы и русские всячески стремятся избежать междоусобного конфликта…» Хаусхофер считал, что можно договариваться даже с большевиками, и объяснял Гитлеру это так: «…они смогли избавить Россию от диктатуры международных банков и космополитического капитала, а это уже очень, очень много». Не убедил он Гитлера, впал у него в немилость. Его сын Альберт попал в немилость американских оккупационных властей и покончил жизнь загадочным самоубийством.

Де Голль знал, как американцы боятся постулатов континентальной школы геополитики. Для него Западная Европа была только полуостровом Большой Европы, естественным противовесом атлантизму и гегемонии им-

[1] *Шарль де Голль.* Военные мемуары. М., 1960, Т. 2.

перии англосаксов. Он начал создавать континентальный блок, установив союзнические отношения с ФРГ, вывел в 1966 г. вооруженные силы Франции из командных структур НАТО, последовательно улучшал отношения с Советским Союзом. В те годы ему многие указывали на нереальность союза с коммунистами, но он провидчески настаивал, что ни атеизм, ни материализм не свойственны русскому народу, что СССР не вечен, вечна Россия. Прибыв в СССР, он упорно говорил о России, о «La Russie Enternelle». Знаменитую концепцию «Европа до Урала» он изложил в речи 22 ноября 1959 г. в Страсбурге: «Именно Европа, вся Европа, от Атлантики до Урала, определяет судьбы мира». И добавил: атлантистская «идея главенства материального благополучия не может служить надежной основой единства не только Франции, но и Европы». Это значит, что и в наше время Большую Европу не построить на принципах чистого экономизма, неолиберализма, тем более англосаксонского вашингтонского консенсуса.

Евроскептики

Голлисты, некоторое время остававшиеся во Франции у власти, постепенно переродились, стали сторонниками сдачи Евросоюзу национального суверенитета. Саркози вернул вооруженные силы Франции в командные структуры НАТО. В народе его зовут «Сарко»-американец. Наследником идеи генерала де Голля становится Национальный фронт Франции. Его основатель и почетный председатель Жан Мари Ле Пен уже многие годы готовит общественное сознание европейцев к выходу из Евросоюза, к созданию нового европейского объединения — Европы наций, Европы отечеств. В нем он отводит особую роль православной России. «В Большой Европе, — писал он, — великий христианский блок, спаянный относительным этническим и духовным единством, будет вполне в состоянии противостоять американской гегемонии, а в будущем, кто знает, и Индии или Китаю»[1].

Атлантисты пытаются дискредитировать Национальный фронт Франции, выставляя его экстремистским, профашистским объединением. Но народ Франции видит, что это национальная патриотическая оппозиция проамериканскому режиму. Согласно опросам треть французов готовы поддерживать Национальный фронт и его председателя Марин Ле Пен. Внучка Ж. М. Ле Пена Марин Ле Пен объясняет это так: «Народ Франции устал от ярмарки бездарей и ничтожеств, которые правят великой Францией».

Программа действий Национального фронта содержит 11 целей или «осей» будущей внешней политики Франции. Среди них выход из НАТО, военное и энергетическое партнерство с Россией, а в дальнейшем «стратегический альянс с ней». Вторая ось предусматривает: «совместно с Россией предложить Германии присоединиться и создать тройственный альянс Парижа, Берлина и Москвы». Третья ось: «создать панъевропейский союз суверенных нейтральных государств, включающий Россию и Швейцарию. Турция не будет допущена в этот проект»[2]. Обратим внимание на «вторую ось»: Национальный фронт намерен договариваться с Германией, предварительно достигнув соглашения с Россией, т. е. опираясь на Россию.

[1] Hebdomadaire Minute, Decembre, 2011.

[2] Интернет сайт НФФ: Frontnational.com

Ж. М. Ле Пен, отвечая журналисту Ю. Коваленко в июне 2013 г., вновь подтвердил свою приверженность проекту Европы от Бреста до Владивостока: «Я сторонник так называемого бореального пространства (северного. — *прим. Б. К.*), которое имеет общие границы и над которым нависла общая угроза». Он имеет в виду прежде всего общую угрозу салафитского исламизма. «Россия без поддержки Западной Европы может потерять Сибирь. А без Сибири, этого величайшего геополитического пространства, исчезнет и Старый Континент», — продолжал он.

Что касается Германии, то позиции атлантистов-проамериканцев там сильнее, чем во Франции. Канцлер А. Меркель рассматривается в кругах патриотов-националистов как креатура Вашингтона. Тем не менее Германия может играть важнейшую роль в континентальном проекте. Немцы, в том числе значительная часть элиты, устали от постоянного давления Вашингтона. Министр финансов Германии Шойбле (Wolfgang Schäuble) — это крупный ученый, финансист, один из самых уважаемых в стране политиков. На встрече банкиров во Франкфурте 18 ноября 2011 г. он, объясняя проблемы, несколько раз повторил, что «Германия после капитуляции 8 мая 1945 г. не имеет суверенитета». Интересно, как пресса Германии комментировала это заявление: «ФРГ остается оккупационной зоной союзников, это признал сам Шойбле… Германия должна, наконец, покончить с тирадами ненависти к России». Другой авторитетный в Германии человек, знаменитый философ Хабермас (Jürgen Habermas) очень жестко высказался относительно Евросоюза: «Процесс европейской интеграции, который всегда шел без учета мнения народов, наконец, зашел в полный тупик. Политические элиты прячут подобно страусу головы в песок»[1]. Видимо, поэтому в Германии подспудно разрабатываются различные варианты кардинальной перестройки Евросоюза. Один из них — превращение Евросоюза в полноценное федеративное государство во главе с Германией и минимальным влиянием США. Другой вариант предусматривает сброс всей южной Европы, включая даже Францию. С Германией остаются только австрийцы, чехи, поляки, венгры, прибалты и… украинцы. Евросоюз — проводник политики Вашингтона, напротив, подталкивает Германию платить за финансово слабые страны южной Европы, что должно постоянно обескровливать Германию, удерживать в повиновении.

В Германии большинство опрошенных убеждены, что Евросоюз больше нуждается в Германии, чем Германия в Евросоюзе. Немцы устали нести бремя долгов стран южной Европы. Канцлер А. Меркель напоминает им, что «возможности Германии не безграничны» (nicht unbegrenzt). Согласно данным Eurobarometer от 2013 г. только 48 % немцев считают, что Германия выигрывает от участия в Евросоюзе.

Опросы общественного мнения показывают, что число европейцев, готовых проголосовать за выход из Евросоюза, быстро увеличивается, особенно в странах южной Европы, недовольных диктатом Германии. В Англии их уже большинство. Газета «Гардиан» сообщала, что «если бы референдум проводился завтра, то Англия вышла бы из Евросоюза»[2]. В мае 2001 г. 68 % англичан еще хотели остаться в Евросоюзе. Против были только 19 %. Бывший премьер Т. Блейр 28 ноября 2012 г. сделал странное заявле-

[1] Цит. по: New York Time. August 22, 2011.

[2] The Gardian, 26 August, 2012.

ние: Евросоюз надо поддерживать, но «Соединенное Королевство выживет, только если оно выйдет из этой организации». Нынешний премьер-министр Д. Камерон настойчиво готовит страну к выходу из Евросоюза после референдума, назначенного на 2017 год. Президент Европарламента М. Шульц заявил, что «Камерон ведет опасную игру в тактических целях, ради решения внутренних проблем. Его планы могут привести к дезинтеграции, а потенциально к развалу Евросоюза»[1].

Оппозиция считает, что все попытки атлантистов реформировать Евросоюз, превратить его в федерацию, ввести общий бюджет и налоги не будут иметь успеха. Для большинства патриотически настроенных националистов объединение 28 таких разных государств было несусветной глупостью. Марин Ле Пен вообще считает, что Евросоюз агонизирует, что он не более чем «свет угасшей звезды». Конечно, это метафора и мы видим, что творят по указке США евробюрократы на Украине: братская наша страна поставлена на грань гражданской войны. Однако если оценка М. Ле Пен метафора, то очень символическая, возможно, пророческая. Надо исходить из того, что Евросоюз еще проживет некоторое время, но он будет все чаще и все болезненнее испытывать разноплановые потрясения, новые кризисы. Никогда еще великая идея европейского единства не сталкивалась с таким количеством смертельно опасных вызовов.

Широко известный французский ученый и политик, автор концепции «Евросибири» или «Державы Северного полушария» Г. Фэй (G. Faye) опубликовал «Воззвание к молодым европейцам». Привожу выдержки из него: «Для нас общим и главным врагом являются те, кто конкретно, физически под знаменем ислама нас оккупируют, колонизируют и заселяют. Что касается общего противника, того, кто стремится ослабить нас, господствовать над нами, то это Соединенные Штаты Америки, объективно они союзники вышеназванного врага… Надо через Интернет создавать сеть единомышленников, осуществлять «стратегию кобры». Сеть должна покрыть всю Европу, и Португалию, и Россию, готовить европейцев к прыжку, когда наступит хаос».

Призыв Путина строить Большую Европу, включающую Евразийский и Европейские союзы, находит поддержку и у части правящей элиты европейских стран. А. Меркель стала напоминать европейцам, что «мир переходит к многополюсной валютной системе». Возглавлявший многие годы Германию канцлер Г. Коль при встрече с Путиным заявил, что «без России у Европы нет будущего». Люди такого калибра не склонны делать многозначительные заявления, если не складываются объективно новая обстановка, новое соотношение сил, Колю вторит Г. Д. Геншер, 18 лет бывший министром иностранных дел ФРГ. Его и Коля считают объединителями Германии. Геншер опубликовал 18 мая 2012 г. статью, озаглавив ее «Не конфронтация, а союзничество с Россией». В ней он пишет: «Все это и решение больших проблем нашего времени возможно только совместно с Россией и ни в коем случае не вопреки ей». Прислушается ли новое правительство Германии к его мнению? Поймет ли, что взрывную ситуацию на Украине надо устранять вместе с Россией, отмежеваться от США и их союзников поляков, литовцев и прочих прибалтов. Даже комиссары Евросоюза стали одергивать зарвавшихся проамериканских марионеток в прибалтийских странах.

---

[1] *Dean Carroll*, Britain's hostility… In: www.Public Service Europe.com

Итак, наметился взаимный дрейф Западной Европы и России. Наши нефте- и газопроводы создают костяк будущей Европы до Тихого океана. Это понимают деловые круги: северные и южные потоки газа превращают Россию в энергетическую и торговую магистраль Евразии, в альтернативу транспортной монополии морских англосаксонских держав. Эксперты геоэкономики, специалисты по проблемам «экономики больших пространств» работают над конкретными аспектами континентального проекта в Арктике, в Восточной Европе, в Сибири, на Дальнем Востоке. Расчеты показывают, что некогда доминировавшие трансатлантические связи слабеют. Парадокс Германии, например, очевиден: 58 % ее внешней торговли приходится на Евросоюз, 39 % на страны зоны евро. 75 % экспорта Германии приходится на Большую Европу, включая Россию. На очередном саммите «Россия — Евросоюз» 28 января 2014 г. Президент Путин внес предложение о начале экспертного диалога о формировании зоны свободной торговли между Евросоюзом и ЕврАзЭс. Это был бы еще один практический шаг в неизбежном становлении Большой Европы. Но Вашингтон не позволит этого Евросоюзу. Надо действовать по двусторонним связям, в обход Евросоюза.

Важную роль в этом процессе могут играть бывшие социалистические страны Восточной Европы. Не оправдались их надежды в связи с вступлением в Евросоюз, они протестуют против директив, отправляемых из Брюсселя, так как они все более ограничивают их суверенитет. В общественном сознании распространяется убеждение, что Евросоюз — это придаток США. Многие руководители обращают ныне взоры к России и к Беларуси. Премьер-министр Венгрии Урван налаживает связи с Казахстаном. Атлантисты играют на русофобии, но без успеха, напротив, порой наблюдается даже ностальгия по социалистическому прошлому.

Новая Россия, Евразийский союз могут дать европейцам не только и даже не столько экономическую альтернативу, сколько духовно-нравственную. Атлантистская либеральная Европа глубоко поражена гей-культурой, педофилией, детской порнографией и прочими «прелестями» падшей цивилизации. В США уже заключено 2 миллиона однополых браков. В то же время в 9 штатах гомосексуализм уголовно наказуем. В Евросоюзе уже в 14 странах население вымирает и, тем не менее, в 13 странах легализованы однополые браки, вводят в обиход понятие не мама и папа, а родитель № 1 и родитель № 2. Общины гомосеков, лесбиянок и прочих извращенцев растут как грибы. Их лобби — это гендерный фашизм и он во властных структурах набирает силу. Запрет в России пропаганды среди детей гомосексуализма шведский министр образования назвал «мерзостью». Стираются понятия добра и зла, света и тьмы, попираются библейские нормы нравственности, на которых выросла и процветала Европа.

Защита христианских ценностей обещает стать государственной идеологией России и Евразии. В СМИ Европы Путина уже часто величают «создателем крепкой христианской нации». Есть шанс, что наша страна вновь станет островом спасения, маяком во мраке декадентства, столпом рехристианизации. Эта идеология может стать даже более привлекательной, чем идеи социализма. Если состоится симбиоз с ними, то национализм европейских народов окончательно станет левым, конструктивным. Континентальный проект станет планетарной альтернативой атлантизму, наступательным проектом спасения человечества. В нем защита наций соединится с защи-

той их государств. Пришло время дать отпор русофобии, вести ценностно-идеологическую экспансию, считать ее наравне с военной и экономической мощью важнейшей составляющей российской геополитики.

Контрнаступление уже началось. Это борьба с ювенальной юстиций, это защита семьи в союзе с исламом и другими светлыми религиями. Сбудется предсказание Чаадаева: «Провидение создало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами… и поручило нам интересы человечества. Мы призваны обучить Европу множеству вещей, которые ей без этого не понять… Не смейтесь, вы знаете это мое глубокое убеждение» (из письма И. С. Тургеневу).

В Евросоюзе идет духовная битва. Запад разделен под флагом постмодернистского гей-фашизма. В этой статье хотелось показать, что у России на Западе много друзей и потому исход этой битвы вовсе не предрешен. Поэтому недопустимо заявлять огульно, что «Запад это античеловеческое, антихристово пространство»… (Максим Шевченко)[1]. Еще более резко, однонерно, без нюансов пишет о Западе геополитик евразийства А. Дугин.

Планетарные стройки

Концепции Большой Европы, стройки континентального проекта находят широкий, часто восторженный отклик в Евросоюзе особенно среди профессионалов, среди «экономистов больших пространств». Особенно ценны те их отзывы, в которых есть конструктивная критика. В шведском исследовании «Экономика будущего: взрывая лед для развития Арктики» обоснованы опасения, почему проект Большой Европы не осуществим в рамках «либерально-монетаристской спекулятивной системы»[2]. И действительно, призывы Путина к пугливому европейскому крупному бизнесу вместе осваивать Сибирь не находят ожидаемой поддержки. Он боится рисков в далекой Сибири, ему нужны прочные гарантии. Их может дать только мощный государственный сектор России. А правительство России намерено и дальше вести крупную приватизацию. Вклад России в развитие Сибири и дальнего Востока можно обеспечить только за счет природной ренты, которая должна быть возвращена народу. В коде частного капитала России, в коде олигархата уже прочно заложен импульс бегства в оффшоры. Даже дефолт на Кипре их ничему не научил. Опыт всех высокоразвитых экономик доказывает, что высокотехнологичные и наукоемкие отрасли и капиталоемкую инфраструктуру создавали не частники, а государства.

Планов у нас на Востоке такое «громадье», что нужен мобилизационный проект, напоминающий по размаху и напряжению народных сил индустриализацию 1930-х годов. Сделаны первые шаги. Создана госкорпорация для развития Сибири и Дальнего Востока, есть федеральная целевая программа «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья». Планируется связать железной дорогой тихоокеанские порты Китая и России с Евросоюзом. В ноябре 2013 г. Путин подписал с обеими Кореями 17 соглашений о строительстве портов, дорог, железнодорожных магистралей, газопроводов через Северную Корею. Соглашение «Евразийская инициатива» президент Юж-

---

[1] Газета «Завтра», 13 сентября 2013 г.

[2] *M. Fuchs and Y. Sandmark.* Economics of Future. Breaking the Ice on Arctic Development.

ной Кореи назвала «началом новой Евразийской эры», этапом в создании нового «шелкового пути» из Кореи через Россию в Западную Европу. Надо учитывать, что и Китай ведет строительство железной дороги из Урумчи (Западный Китай) через Казахстан, Узбекистан в Иран, в Закавказье и в Турцию. На своем юге Китай строит дороги в Бирму, Индию и Пакистан.

Это конкуренты евразийского сухопутного моста через Сибирь. В Европе и в США профессионалы-энтузиасты работают над различными вариантами континентального проекта, который должен изменить сам лик планеты. Интегрированные варианты предусматривают строительство не только железных дорог, но и десятков высокотехнологичных городов, комплексной инфраструктуры третьего поколения, автострад, нефте- и газопроводов, рудников, сетей электропередач и т. д. Знаменитая Транссибирская магистраль — это гордость русского народа, памятник его величию. Она построена в конце XIX в. без применения машин. Ее, однако, предстоит продолжить и модернизировать. Есть замысел в ходе этой модернизации оживить умирающее Аральское море, наполнить его водами Иртыша и других сибирских рек. Наполнить так, чтобы не повредить хрупкие экосистемы. Есть планы продолжить магистраль до Берингова пролива, к Анадырю на Чукотке. Это 6000 километров в зоне вечной мерзлоты. Американские ученые тоже строят планы развития Аляски, строительства новых железных дорог к Берингову проливу. Под ним и русские, и американцы мечтают прорыть 100-километровый тоннель, проложить через него железную дорогу. Подсчитано, что эта планетарная стройка обойдется в 70 млрд долларов. Но она даст, наконец, толчок к развитию всей Северо-Восточной Азии, Аляски и Севера Канады. Энтузиастами этих строек выступают большие друзья нашей страны ученые и политики Линдон Ла Руш (L. La Rouch) и его супруга Хельга Зепп Ла Руш (H. Zepp). Есть продвинутые проекты развития северного Урала. Многие факторы делают в наши дни возможным регулярное сообщение между Атлантикой и Азиатско-Тихоокеанским регионом северным морским путем. Среди этих факторов глобальное потепление и строительство атомных ледоколов. Необходимость северного морского пути вытекает из роста грузоперевозок и их относительной дешевизны через Северный Ледовитый океан. Строительство тоннеля Сахалин—Хоккайдо стало бы решающим прорывом в российско-японских отношениях. Строительство и обслуживание этих и многих других кластеров развития потребует возведения многих городов. Все это вкупе будет стимулировать перемещение миллионов семей за Урал, где возникнет растущий спрос на квалифицированную рабочую силу.

Эти грандиозные стройки будущего необходимо последовательно превращать в экспериментальный центр альтернативного мирового развития. Там должны формироваться ценности, свойственные коду народов континентальной Европы. Ценности морской цивилизации — индивидуализм, свобода торговли, спекуляции, паразитизм, гипертрофированная роль финансового капитала — должны уступить место коллективизму, традиционализму, соборности, солидарности. Ссудный процент должен уступить место системе солидарного кредитования, подобно практике русских старообрядцев. Миру неизбежно предстоит отказываться от экономики безграничного роста потребления, эгоизма, гедонизма и переходить к экономике достаточности, к умеренности. Только это может обеспечить сохранение природы

посредством разумной коэволюции биосферы, техносферы и социосферы. Это предполагает переход к кейнсианской модели развития, сочетанию государственного стратегического планирования и рыночных механизмов исполнения планов.

Сотрудничество наций в грандиозных стройках Большой Европы может и должно способствовать внедрению в жизнь европейцев принципов солидарности и альтруизма, способствовать единению человечества. Не хочется думать, что человечество способно на это только тогда, когда люди найдут возможность воевать, скажем, с инопланетянами.

Молодому поколению пожелаем крепко верить и трудиться так, чтобы сбылось предсказание американского провидца Эдгара Кейси. На Западе его пророчества считают «безошибочными, потому что он стал орудием высших сил». Он предсказал очень многое, в том числе войны, революции, развал Советского Союза». Но однажды во сне ему привиделось, что «Россия к 2050 году станет центром мира». Да будет так.

ВЫШЛА КНИГА

Лугинов Н.

Мать и жены Чингисхана, роман. — М.: ИПЦ «Глобус», ИТД «Национальная литература», 2010. — 144 с. ил.

Перевод — Владимир Карпов, Николай Шипилов.

Николай Лугинов — родился в 1948 году. Закончил физико-математический факультет Якутского государственного университета, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Печатается с 1974 года.

Директор Литературного музея им. П. Ойунского, сопредседатель Союза писателей России, заместитель председателя правления Союза писателем Якутии, вице-президент Академии духовности РС(Я), действительный член Международной Тюркской Академии, член Президентского Совета РС(Я).

Награды и звания: народный писатель Якутии; заслуженный работник культуры РФ; лауреат международной литературной премии (Алжир) за повесть «Каменный мыс»; лауреат литературной премии Республики Казахстан, лауреат «Большой литературной премии» СП РФ.

Иржи ОПРШАЛ

СОБЫТИЕ, УСТРЕМЛЕННОЕ В БУДУЩЕЕ

70 лет со дня подписания советско-чехословацкого Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве

Иржи Опршал — родился в 1932 г. в городе Гавличкув Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник МГИМО МИД СССР — выпуск 1958 г. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958–1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 гг. — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч хельсинского процесса. С 1990 г. — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток–Запад. С 2002 по 2012 годы — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. **Живет в Праге, Чехия.**

В самом разгаре Второй мировой войны произошло дипломатическое событие устремленное в уже надежное и светлое будущее. В московском Кремле под патронатом советского вождя И. В. Сталина и чехословацкого президента Э. Бенеша 12 декабря 1943 года сроком на 20 лет был подписан Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией. С советской стороны Договор подписал нарком иностранных дел В. М. Молотов, с чехословацкой — посол Зденек Фирлингер. Документ был очень важного содержания, так как он подтвердил готовность оказания взаимной помощи в шедшей жестокой войне, но вместе с тем он смотрел в будущее и начертал контуры послевоенного сотрудничества.

Что же означал этот Договор для Чехословакии, ее народов и политических деятелей? Напомним кратко о тех трагических событиях и безвыходной ситуации для Чехословакии в начале гитлеровской агрессии. Во второй половине 30-х годов минувшего века Чехословакия — одна из немногих демократических стран тогдашней Европы — находилась в плотном кольце враждебных государств. Речь шла не только об угрозе со стороны гитлеровской Германии, но и о Польше, стремившейся воспользоваться случаем и оторвать лакомый кусочек соседней страны, а также о фашистской хортистской Венгрии, мечтавшей о создании великой венгерской державы, которая бы господствовала в Европе вместе с нацистской Германией. Тогдашняя чехословацкая дипломатия, столкнувшись лицом к лицу с этой угрозой, стремилась укрепить свою безопасность, готовя систему договоров с Францией — на западе и Советским Союзом — на востоке, подкрепленной так называемой

«Малой Антантой» — союзом Чехословакии, Югославии и Румынии. К сожалению, параллельно этим усилиям наращивались действия «миротворцев» во главе с английским премьер-министром Чемберленом, которым совсем не хотелось проливать кровь своих солдат за какую-то неведомую и далекую Чехословакию.

Так был подготовлен и совершен Мюнхенский сговор, когда Франция и Англия предали небольшую союзную с ними страну в надежде спасти самих себя и направить гитлеровскую агрессию на восток. Общеизвестно, что из этого вышло. История также зафиксировала, что единственной страной, готовой прийти на помощь Чехословакии в дни Мюнхена, был Советский Союз. Его правительство никогда не отказывалось от военной помощи, даже если условия ее оказания были довольно сложными. Однако чехословацкое правительство предпочло тогда капитуляцию перед мюнхенским диктатом обращению за помощью к Советскому Союзу.

В результате чешские земли были вскоре оккупированы немецкими войсками, а Словакия, где к власти пришел клерикально-фашистский режим, стала союзником Гитлера. Моральное состояние чешского народа было глубоко травмировано, его положение казалось на долгие годы безвыходным. Нависла опасность полного онемечивания чехов. Более того, даже политическая и военная верхушка в эмиграции оказалась под жестким прессом контроля и надзора со стороны английских властей. Достаточно привести пример президента Бенеша, который после эмиграции в Лондон был вынужден прекратить свою политическую деятельность и даже терпеть надзор английской полиции.

В середине военного лихолетья к счастью для народа Чехословакии ситуация на Восточном фронте начинает кардинально изменяться в пользу Советского Союза. В след за этим начинают появляться проблески надежды и внутри Чехословакии. Начинает активно действовать внутреннее сопротивление. Естественно, что советско-чехословацкий договор стал самым знаменательным событием в этой борьбе. Заключение Договора означало не только признание правительства Бенеша единственным легитимным представителем борющейся Чехословакии, но также признание Чехословакии в домюнхенских исторических границах и ее принятие в состав держав, составлявших победоносную антигитлеровскую коалицию.

Договор от 12 декабря 1943 года был политически также очень важен для СССР. Не надо забывать, что против этой великой державы воевали не только гитлеровские дивизии, но и войска стран-сателлитов. Под Сталинградом находились итальянские, румынские и испанские дивизии. На других участках Восточного фронта и тылу немецких войск против партизан и мирного населения вместе с гитлеровцами воевали финны и венгры, французские добровольцы и фламандцы, латвийские, литовские и эстонские эсэсовцы. На Балканах против югославских и греческих партизан воевали болгары. Для советского руководства этот Договор был важен тем, что весь мир увидел: ряды союзников СССР расширяются.

Основой советско-чехословацкого договора стала давняя идея славянской солидарности. В. М. Молотов выразил эту идею следующим образом: «Советское руководство учитывает заинтересованность славянских народов в укреплении своих взаимоотношений, и ему было бы понятно, если бы это нашло выражение в заключении между этими народами пакта о взаимопо-

мощи, как на время войны с Германией и ее союзниками, так и на послевоенный период».

Из русских исторических источников вытекает, что советско-чехословацкий договор должен был стать определенной моделью для других славянских стран, показывающей как создать основы дружеских отношений с СССР при сохранении суверенитета и свободного внутреннего развития этих стран. В понимании советского руководства целью было создание на западных границах СССР пояса дружественных государств. Однако распространение этой идеи на другие славянские страны натолкнулось на серьезные затруднения в Югославии, на историческую враждебность в случае с Польшей, на неспособность порвать с Германией в случае с Болгарией. Эту систему должно было дополнить сотрудничество с побежденными странами, следуя финской модели. Финляндия, Румыния, Венгрия и Болгария должны были в нее включиться на основе мирных договоров этих стран с СССР.

Когда победоносная Красная Армия в последующие месяцы в жестоких сражениях уничтожала фашистские войска и продвигалась на запад вплоть до взятия Берлина, стало совершенно ясно, что послевоенный порядок в Европе невозможно установить иначе, чем без решающего участия Советского Союза. Из исторических документов следует, что советское руководство никогда не стремилось к завоеванию всей континентальной Европы, как позже нагло лгала западная пропаганда, а стремилось только создать пояс союзнических стран вдоль своих границ с севера на юг, который бы обеспечил его в будущем от возможных агрессий, подобных гитлеровской.

Возвращаясь к позитивному значению советско-чехословацкого договора, мы обязаны напомнить о послевоенных годах. Народы наших стран с огромным энтузиазмом взялись за восстановление экономики и обновление общественной жизни. Освобожденная Чехословакия во главе со своим президентом Эдуардом Бенешем не могла представить себе это дело иначе, чем в тесном сотрудничестве и дружбе с Советским Союзом.

К сожалению, такой ход событий не устраивал США и Великобританию. Наступила долгая эра холодной войны. Объективные источники еще донесут о ней свои правдивые свидетельства. Дело не обойдется только упоминанием известной речи Черчилля в Фултоне и его призыва к американцам в «превентивном порядке» сбросить на Советский Союз атомную бомбу. Будут раскрыты и обнародованы данные о тайных и явных пружинах холодной войны. Будет раз и навсегда сорвана маска лицемерия с тех, кто ее развязал и кто ей дирижировал более 50 лет.

Точка зрения

Вардан БАГДАСАРЯН

МЕТОДОЛОГИЯ ШКОЛЬНОГО УЧЕБНИКА ИСТОРИИ: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПОДХОДА ЦЕНТРА ПРОБЛЕМНОГО АНАЛИЗА И ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Вардан Эрнестович Багдасарян — родился в г. Кольчугино Владимирской обл., окончил МГОУ, российский историк, политолог, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, эксперт Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, заведующий кафедрой истории и политологии РГУТиС. Автор нескольких книг и монографий. **Живет в Москве.**

Кризис преподавания истории в школе

Знаменитую бисмарковскую фразу о том, что победу в войне одержали учителя истории, можно сформулировать и иначе. Поражение в войнах тоже терпят учителя истории. Признавая сегодня, что распад СССР являлся следствием поражения в «холодной войне», с очевидностью обнаруживается роль ревизии исторической памяти в произошедшей катастрофе[1]. Теория глобальных сетевых войн дает основания считать, что и сегодня многие проблемы развития России факторно связаны с кризисным состоянием преподавания истории[2]. В чем состоит кризис?

Ценностный кризис

Во-первых, речь идет о ценностном кризисе. Воспитательная функция истории не может быть реализована должным образом по элементарной причине отсутствия перечня закрепленных на государственном уровне общенациональных ценностей России. А формулировка ценностей упирается, в свою очередь, в вопрос об идеологии. Принятый в начале 1990-х гг. концепт деидеологизации не мог не привести к ценностному выхолащиванию в преподавании истории и в учебной исторической литературе. Сравнительный анализ мирового опыта в сфере школьного образования по-

[1] *Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С.* Высшие ценности Российского государства. М., 2012. С. 137–145.

[2] *Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С.* Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009. С. 9–22; *Дугин А. Г.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб., 2007. С. 32–347.

зволяет утверждать, что абсолютно неидеологичных учебников для школы не может существовать. Идеология в данном случае не означает непременно политической ангажированности (примеров учебников такого рода в мировой образовательной практике тоже предостаточно), она подразумевает наличие мировоззренческо-ценностной матрицы, на которой выстраивается в процессе преподавания исторический материал.

В данном случае в качестве примера целесообразно сослаться на концепцию развития системы национального образования в Японии. Задачи исторического образования определяются в ней установкой «ковать патриотизм, объединять в одно целое народ и императора с его политикой, чтобы учащиеся знали какие этапы развития прошла страна, чтобы они понимали, какое это преимущество быть японцем»[1].

Идеология в учебной литературе может иметь как явно сформулированное, так и латентное проявление. Анализ многих из внедренных в учебный процесс учебников истории обнаруживает если не либеральную идеологическую парадигму, то наличие компонентов идеологии либерализма. Зачастую воспроизводится идейная канва западной исторической литературы, тяготеющей к освещению истории России в тональности стереотипов геополитического противостояния. Соотношение негативных (вызывающих отрицательную эмоциональную реакцию) и позитивных компонент в школьном историческом материале разных лет обучения, как показывают результаты контент-анализа, составляют пропорцию 3 : 1. Для периода XX века это соотношение и вовсе достигает показателя 5 : 1.

Есть, безусловно, и в современных российских учебниках патриотические апелляции. Классифицировать их все единым маркером либерализма было бы некорректно. Точнее говорить о доминирующем идейном эклектизме школьных учебников истории, отсутствии в них цельной мировоззренческо-ценностной позиции. Стоит ли удивляться при такой ситуации ценностной неопределенности российской молодежи?

Посмотрим теперь характер ценностного содержания учебной исторической литературы за рубежом. Достаточно обратиться к учебникам истории в США. Реализуемая в них модель — это героическая версия развития американской нации. Факты, которые могли бы бросить тень на историю США, в ней тривиально отсутствуют. В американских учебниках нельзя прочитать,

— что отцы-основатели США почти все были рабовладельцами;

— что Авраам Линкольн, несмотря на позиционирование в качестве борца с рабовладельческим строем, заявлял о расовом превосходстве белого человека над черным;

— что Франклин Рузвельт в значительной степени спровоцировали Перл Харбор;

— что американские банкиры финансировали национал-социалистов;

— что проживающие на тихоокеанском побережье Америки японцы подверглись во время Второй мировой войны массовой депортации.

Бывают, конечно, экспериментальные учебники. Но это прецедентные случаи, не представляющие общей трафаретной схемы изложения американской истории.

---

[1] *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 242.

Любой претендующий на самопроизводство во времени социум должен иметь не только представление о едином прошлом, но и сакральную историческую матрицу — «священную историю». «Священная история» отличается от истории в позитивистском изложении. Принципиально важно избежать их смешения. На уровне школьного образования существует потребность именно в «священной истории», посредством которой транслируются базовые ценности соответствующего сообщества, проводится мысль об их устойчивом репродуцировании в историческом времени. История как позитивистская дисциплина, со всей неоднозначностью интерпретации исторических фактов, историографическим дискурсом, нужна при подготовке профессиональных историков. Применительно к школе преподавание истории в такой версии может иметь негативные последствия в плане размывания базовых оснований восприятия учащимися исторического процесса, релятивизации ценностей. На стадии социализации юноши, когда его ценностные позиции только формируются, говорить ему о том, что все исторические факты интерпретируемы, все великие свершения оспариваемы, а все герои мифологичны, означает целенаправленный подрыв воспитательных функций образования (рис. 1).

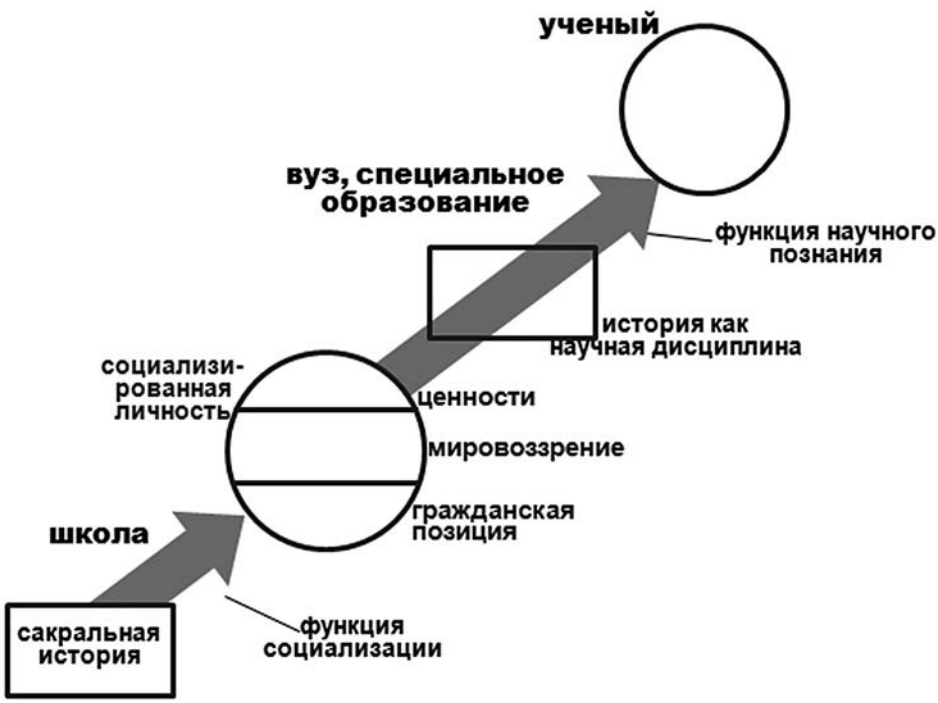

Рис. 1. *Функциональное различие исторического — школьного и специального исторического — вузовского образования*

Могут возразить, что сакрализация истории может привести к насаждению исторических мифов, искажению правды о прошлом. Угроза такая действительно существует. Яркую иллюстрацию тому представляют школьные учебники ряда республик «ближнего зарубежья», содержание которых подверстывается под обоснование древних истоков национального суверенитета

соответствующих государств[1]. Но есть мифы и мифы. Сама категория мифа имеет сегодня двойственную смысловую нагрузку. С одной стороны, под мифом понимается вымысел, заведомая неправда. Применительно к истории это тождественно фальсификации.

Но существует и другое значение мифа, как особого способа трансляции социального опыта. Типичные черты этой трансляции — акцентировка на героическом при нивелировке дегероизирующих обстоятельств; использование языка исторических символов, ценностная фабула подачи материала, сюжетная аккумулятивность и спрессованность событийной канвы изложения. На мифах такого рода выстраивается коллективная историческая память любого социума. Эйзенштейновский фильм «Александр Невский» — яркий пример мифологической обработки исторического материала. Судить его с точки зрения недостоверности фактов не имеет смысла, поскольку это был именно миф. Но вот воспитательная функция им реализовывалась в полной мере. Детали в памяти зрителя могли закрепиться как коннотат, при фиксации на главном — великая победа русского оружия над немецкими захватчиками. А в этом главном противоречия в отношении к историческим фактам не было[2].

Миф предоставлял возможность на уровне эмоционально-психологического восприятия акцентировать внимание на сущностном, пренебрегая второстепенным, что не позволяет позитивистская версия подачи истории. В рамках научного анализа выход на сущностные основания исследуемого явления осуществляется посредством построения модели. Навыки моделирования могут и должны формироваться еще в период школьного обучения. Но широкое распространение их в школе объективно сдерживается известными возрастными ограничениями. И здесь на помощь приходит миф, отражающий сущность явления на доступном школьнику языке художественных образов.

Один из главных факторов современной ценностной эрозии — дефицит (точнее — фактическое отсутствие) положительных примеров — образов для подражания молодежи. Каждая культура формирует свой собственный героический пантеон. По фигурам национальных героев достигается общественный консенсус. Эти герои берутся, прежде всего, из национального исторического прошлого, а также создаются в рамках различных направлений художественного творчества. Особые функции в этой связи возлагаются соответственно на преподавание истории и литературы в школах. Если герои не пропагандируются государством целевым образом, то и тогда в сознании молодежи (ролевая самоидентификация) вырабатываются собственные образцы для подражания. Но в этом случае герои часто имеют асоциальную семантику. Советское образование и пропаганда успешно продуцировали героические образы. А кто сегодня является героем в восприятии российской молодежи?

Социологические опросы показывают, что перечень групп для подражания представлен в следующей последовательности: поп- и рок-звезды, пред-

---

[1] *Багдасарян В. Э., Абдулаев Э. Н., Клычников В. М., Ларионов А. Э., Морозов А. Ю., Орлов И. Б., Строганова С. М.* Школьный учебник истории и государственная политика. М., 2009. С. 227–309.

[2] *Закиров О. А.* Исторические фильмы СССР 1936–1946 гг. Дисс. … канд. истор. наук. М., 2011; *Багдасарян В. Э.* Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история, 2003. № 6. С. 31–46.

ставители «золотой» молодежи (52 %); успешные бизнесмены, олигархи (42 %); спортсмены (37 %); герои кино, телесериалов (28 %). Герои прошлого не составляют сколько бы то значимой группы, будучи растворены под маркерами «революционеры» и «кто-то другой», не превышающие совокупно уровня 2 % популярности (рис. 2)[1].

Из исторических фигур XX века самым популярным для россиян, с большим отрывом от других, является Юрий Гагарин. Это могло бы восприниматься как обнадеживающая информация — «не все потеряно». Если бы не одно обстоятельство — колоссальный отрыв первого советского космонавта от всех других исторических персоналий (по принципу — Гагарин и все остальные). Такой разрыв, не характерный для других возрастных групп, говорит скорее о незнании истории, чем о сознательном ценностном выборе и популярности темы космоса[2].

Рис. 2. *Результаты опроса ВЦИОМ о кумирах современной российской молодежи (респонденты в возрасте 18–24 лет), в % (возможно несколько вариантов ответа)*

Значимую проблему представляет раскол в восприятии истории между народом и научным сообществом историков. Сложились две антагонизменные модели национальной рефлексии прошлого — официально-учебная и народная. Народная версия выстраивается, по сути, на матрице исторических кинолент 1930–1940-х годов. Официально-учебная в значительной степени построена на ревизии этой матрицы, связываемой с наследием советской историографии. Произошедший раскол наглядно фиксируется по проведенному Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования контент-анализу группы учебников по истории России. Рассчитывалась разность положительных и отрицательных оценок в

[1] http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=857

[2] wciom.ru/fileadmin/Monitoring/95…/2010_1(95)_5_Monitoring.pdf; http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13080; http://wciom.ru/novosti/press-vypusk…gle/13080.html

отношении значимых исторических персоналий и явлений. Далее такая же разность диагностировалась по данным социологических опросов. Получилось, что отношение народа и ученой элиты к истории не только различно, но диаметрально противоположно. И именно элита оторвалась в своих оценках и интерпретациях от традиций национального осмысления прошлого (рис. 3)[1].

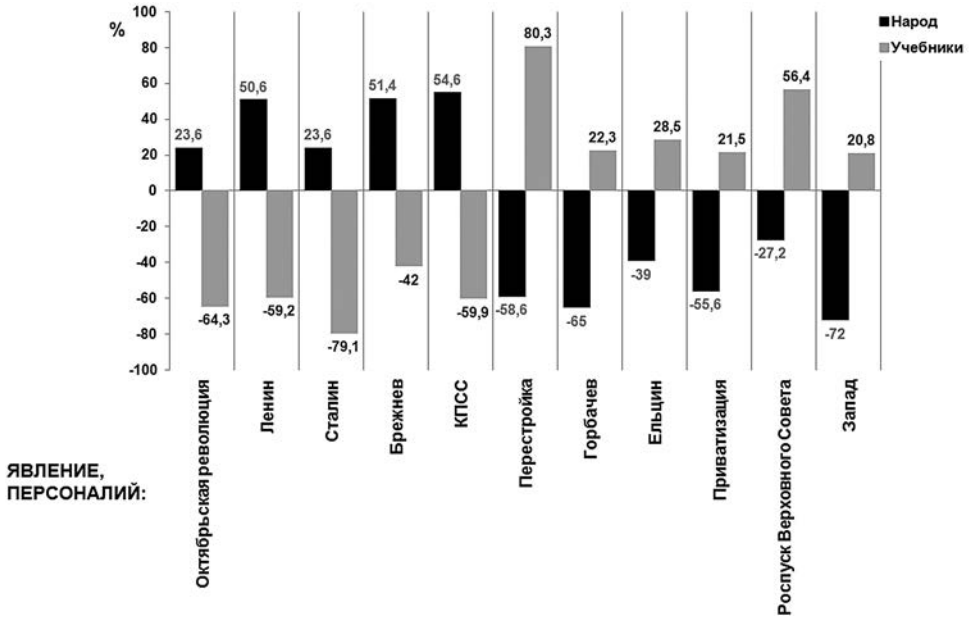

Рис. 3. *Отношение к истории в народном восприятии и версии учебной литературы, в % (разница положительных и отрицательных оценок)*

Когнитивный кризис

Вторая сторона кризиса преподавания истории в школе имеет когнитивный характер. История, как известно, позволяет развивать такие стороны мышления, которые не так акцентированно выражены в преподавании других дисциплин. Прежде всего это мышление в процессной развертке. Через историю, что понималось еще в античные времена, прошлое связывается с настоящим, а далее проецируется на будущее. Соответственно, принципиально важно формирование умения выявлять причинно-следственные связи, мыслить в логике каузального анализа.

Но сегодня этот потенциал истории предельно выхолощен. История в современных учебниках перестала преподаваться как логически структурированный процесс, а предстает в виде информации. Но чтобы история преподавалась как процесс, нужна, как минимум, концепция этого процесса. В советский период такая концепция в виде формационного подхода существовала. Процессное понимание могло быть выражено схематически. Советский опыт формационного осмысления истории справедливо критико-

[1] Гуманитарные и естественные науки: проблемы синтеза. М., 2012. С. 173.

вался с позиции науки. Но отказываясь от него, как проявления идеологии, другой концепции предложено не было. Возникла боязнь любых концептуальных обобщений. А без концептуального обобщения ничего иного, чем бессвязного потока информации, история не может представлять.

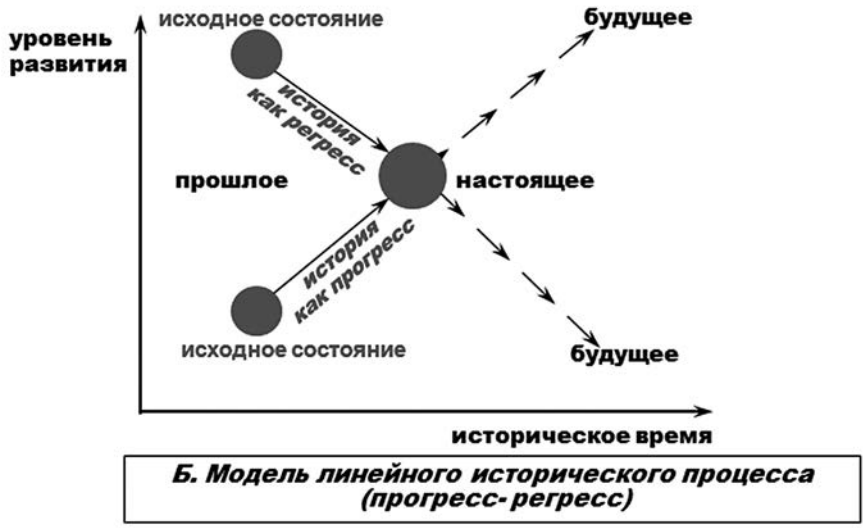
Чтобы видеть будущее, надо иметь представление обо всем пути движения. Соответственно, необходимо не только знание настоящего, но еще и прошлого. Отсюда знаменитая сентенция У. Черчилля «Чтобы подальше заглянуть в будущее, мы должны глубже заглянуть в прошлое».

Процессное понимание истории может выражаться различными моделями. Они в значительной степени определяются различием подходов к историческому времени (рис. 4). Для традиционных ориенталистских обществ доминировал, как известно, взгляд на историю как круговорот, «вечное возвращение». Будущее в этом смысле являлось перманентным воспроизведением прошлого. Отчасти этот взгляд нашел преломление и в рамках цивилизационного подхода, для которого главное в истории — самовоспроизведение фундаментальных констант существования цивилизаций. В логике линейного восприятия времени формировались концепции исторического прогресса и исторического регресса. Будущее в этих рамках представлялось как линейная экстраполяция траектории прошлого. Более сложный вариант процессного моделирования был представлен в рамках концепции исторического циклизма.

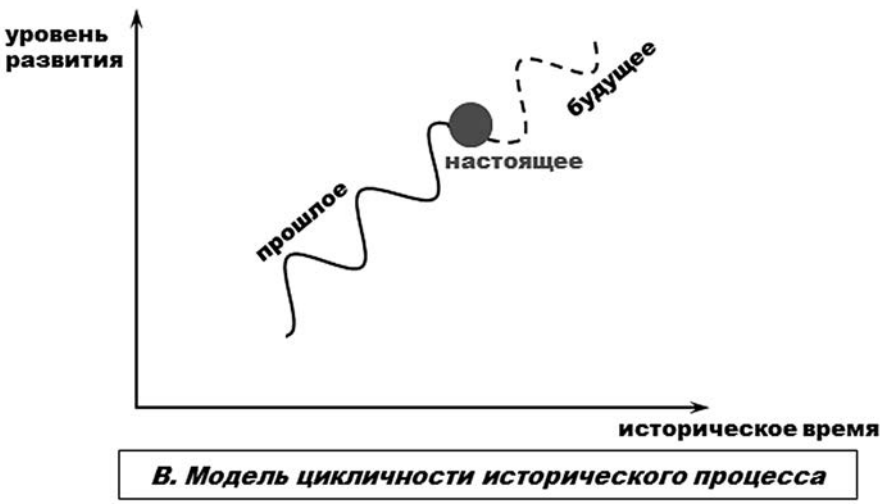
Какая из этих различных по своей сути моделей взята за основу изложения исторического процесса в школе? Приходится констатировать, что определенным образом — никакая. В основу преподавания положен фактографический, а не процессный подход. Но при таком подходе проецирование будущего невозможно. История оказывается бессвязным потоком фрагментов прошлого. Более того, ввиду интерпретируемости любого исторического факта сознание учащегося оказывается объективно ввергаемо в состояние фрустрации (рис. 5).

Рис. 4. *Процессное понимание истории*

Б. Модель линейного исторического процесса (прогресс- регресс)

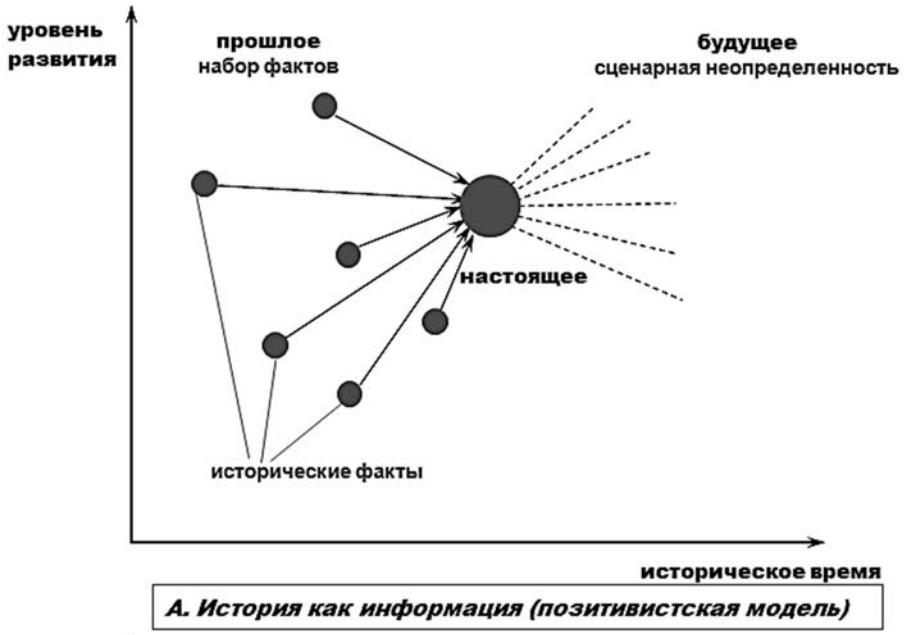

В. Модель цикличности исторического процесса

Рис. 4. *Процессное понимание истории (продолжение)*

В рамках обучения истории ни на уровне школ, ни даже вузов не изучается историософия. Она не преподается нигде, ее нет в качестве ваковской специальности. Между тем, основные исторические вопросы: «Куда идет человечество?», «Каково место России в истории мира?» ставятся именно на уровне историософского дискурса.

Притчей во языцех является деструктивный характер переориентации школы на тестовый контроль получаемых учащимися знаний по дисциплинам гуманитарного профиля. Менее всего приспособлены тесты контролировать именно процессное понимание учеником хода истории. Конечно, можно возразить, что это претензия к существующему уровню тестов, но не к самой тестовой системе. Вопросы тестов могут быть действительно

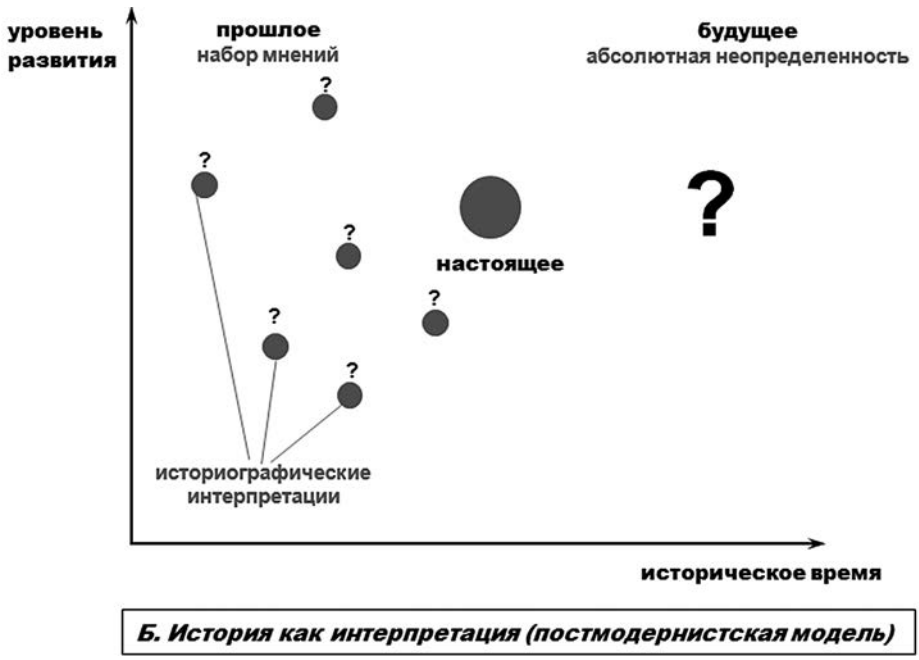

Рис. 5. *Фактографическое понимание истории*

составлены таким образом, чтобы они проверяли степень понимания и осмысления исторического процесса, а не механическое зазубривание некой информации. Но как можно проверять теоретическую подготовку, если нет самой принятой за основу теории? Возникает замкнутый круг.

Именно в школьный период происходит формирование у человека сначала словесно-логического, а затем и абстрактно-логического уровней мышления. Школьные дисциплины должны соответственно отражать это развитие. Применительно к преподаванию истории такое усложнение должно выражаться постепенным переходом к старшим классам от оперирования образами к оперированию преимущественно графиками и схемами. Акцент исторической учебной литературы на факт, а не на процесс находится в явном диссонансе с задачей такого перехода. Такое же положение сохраняется при обучении истории в вузах. Как следствие — неумение гуманитариев осуществлять факторный анализ, владеть приемами моделирования, применять системы количественной оцифровки.

Форма подачи исторической информации в современных учебниках истории лишь минимально ориентирована на соответствующие виды памяти. Иллюстрации, цитаты, документы, иной сопроводительный материал даются как самодостаточная информация, продолжение текстового контента. Но почему при таком подходе оправдано замещение прямого изложения исторического факта его коннотациями? Вспомогательные формы подачи исторического материала имеют смысл в том случае, если они эксплуатируют какие-то особые механизмы рефлексии. Посредством этих форм должны быть созданы ассоциативные связи, выводящие на закрепление через них в памяти учащихся сущностных характеристик изучаемого периода истории. Художественные образы или цитаты важны в данном случае не сами по себе, а именно в качестве механизма реминисценции (рис.6).

Рис. 6. *Соотнесение усложнения методического инструментария преподавания истории в школе с развитием мышления*

Проект «История России: учебник для учителя»

Как преодолеть сложившееся кризисное положение? Для этого должна быть сформирована соответствующая государственная политика. Новую методологию подхода к преподаванию истории в школе, как ответ на обозначенные выше вызовы, представляет проходящий общественную экспертизу

проект Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования «История России: учебник для учителя». С рабочей версией учебника можно ознакомиться на сайте www.rusrand.ru. Остановимся далее на рассмотрении реализованных в экспериментальном учебнике подходах.

Основанием для создания книги «История России: учебник для учителя» стали результаты, полученные в рамках исследовательского проекта Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования «Школьный учебник истории и государственная политика»[1]. В его рамках был сформулирован целеположенный методологический подход, определяющий, каким должен быть учебник истории для средней школы, чтобы максимально реализовать актуальные общественные и государственные задачи социализации образованного человека, гражданина, патриота своей страны, члена современного общества.

Предлагаемый учебник ориентирован главным образом на лиц, уже имеющих необходимые знания по курсу истории России. Он позволяет эти знания системно осмыслить с позиций единой ценностной платформы, структурировать их в соответствии с единой методологией, а в определенных случаях, имея в виду распространенные историографические стереотипы и навязываемые идеологемы, и скорректировать их. Вместе с тем, учебник для учителя может быть использован и в целях самообразования, выполняя роль своеобразной лоции при «прохождении» узловых вопросов российского исторического процесса.

В чем же состоит ценностный выбор предлагаемого учебника? Это, прежде всего, само существование страны — России, Родины, учителя и учеников. Это исходная ценность.

Главным критерием становится вопрос о жизнеспособности страны. Он понимается, прежде всего, как способность к существованию ее в качестве идентичной самостоятельной государственности, в российском случае — русской (российской) цивилизации[2]. Если разваливается страна — все меняется, возникают человеческие трагедии, уничтожается соответствующее цивилизационное пространство.

Поэтому — и это естественно для выбранной методологии учебника — все, что исторически вело к максимизации способности страны к существованию, оценивается со знаком плюс; тогда как любая деятельность, явления, события и процессы, ведущие в направлении уменьшения ее бытийной способности, оценивается со знаком минус.

Обязательным компонентом при раскрытии тематических блоков является метод проблемной декомпозиции, представленной схематически в виде «дерева проблем» (рис. 7). Для каждого временного исторического интервала выявляется первоначальная, «ключевая» проблема. Далее в режиме ответа на вопрос «почему?» к каждому уровню в пирамиде декомпозиции проводится реконструкция причинно-следственных связей событий, явлений и процессов истории. Выявляется максимально развернутая цепочка *причин*

---

[1] *Багдасарян В. Э., Абдулаев Э. Н., Клычников В. М., Ларионов А. Э., Морозов А. Ю., Орлов И. Б., Строганова С. М.* Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009.

[2] *Сулакшин С. С.* К понятию успешности сложной социальной системы // Материалы научного семинара «Фундаментальные вопросы развития сложных социальных систем». Вып. 1. М., 2012.

исторических фактов. В результате такого иерархического причинного анализа учащийся доходит до первопричин соответствующего явления. Развивающим эффектом применения данной методики является формирование логического мышления и выработки навыков проведения научного анализа.

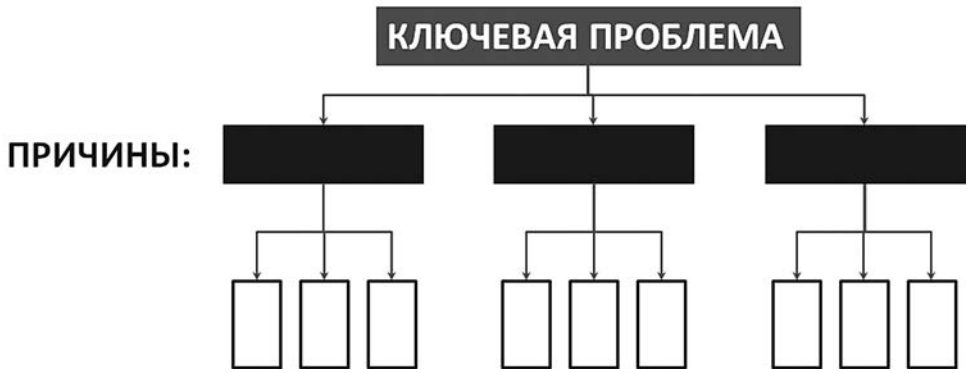

Рис. 7. *Проблемная декомпозиция (реконструкция причинных связей) исторических событий, явлений, процессов*

Таким же образом по указанной методологической схеме осуществляется реконструкция *последствий* рассматриваемого исторического явления (рис. 8).

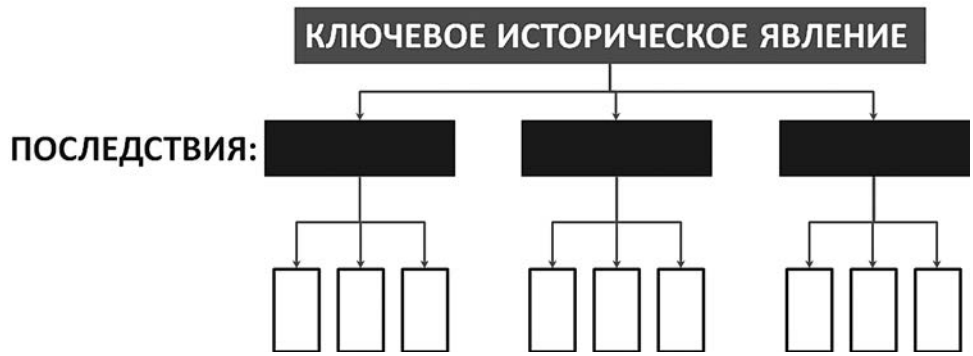

Рис. 8. *Проблемная декомпозиция (реконструкция цепочки последствий) исторических событий, явлений, процессов*

Выстраивается цепочка связей, формировавших через реализацию соответствующего феномена картину «будущего», которое при такой реконструкции предстает как объективная, программируемая *настоящим*, временна́я развертка. Длительность таких цепочек зависимостей может быть разной во времени. Некоторые развертки последовательностей могут иметь мегавременны́е масштабы, связывая между собой столетия российского исторического процесса.

На ниже приведенном рисунке схематически показана неразрывность истории в своем едином потоке (рис. 9), как не всегда на первый взгляд видимые нити увязывают отдельные события в процесс, который в свою

очередь «программирует» будущее. Рассмотрение и осмысление отдельного исторического этапа целесообразно именно в развертке связей причины — прошлое и последствия — будущее. Только зная причины и последствия, можно дать адекватную оценку изучаемому периоду.

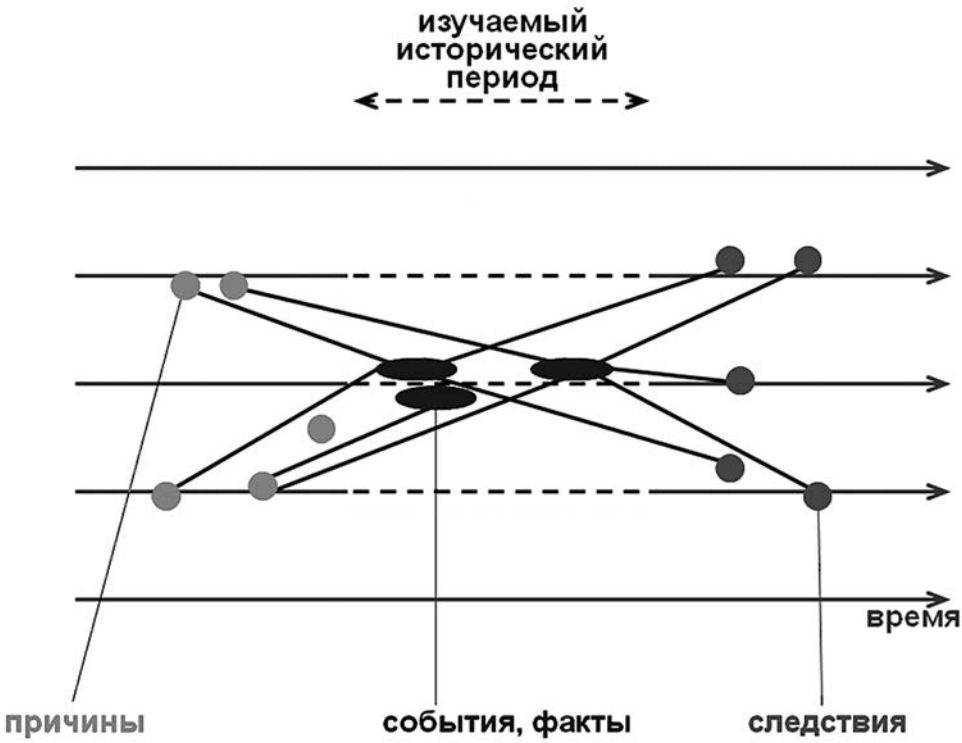

Рис. 9. *«Поток истории» и методология изучения истории через декомпозиции причинно-следственных связей событий и процессов*

В современности особо остро испытывается дефицит людей, мыслящих именно такого рода категориями — веками, континентами, цивилизациями. Для решения больших проблем, исторически формируемых перед Россией, нужен, соответственно, и большой масштаб мышления. Но такие люди не возникают сами собой. Их надо выявлять, учить, формировать как граждан и масштабных личностей. Предлагаемый учебник направлен, прежде всего, на осмысление истории не в привычно позитивистском конъюнктурном преломлении, а в ее мегавременном масштабном измерении.

Практика выявляет особые затруднения при выполнении заданий по анализу многоходовых разверток исторического явления. Чаще всего история мыслится в масштабе двухходовых связок «причина—событие» или «событие—последствие». Многоходовая реконструкция является в этом смысле обещающим подходом в, казалось бы, традиционном для истории причинно-следственном моделировании.

Следующей новацией предлагаемого учебника является детализированная и методически универсальная реконструкция модели государственности в соответствующий исторический период (рис. 10).

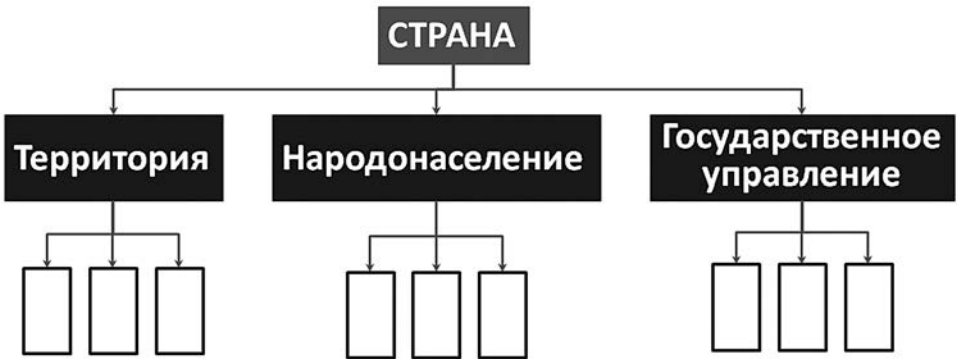

Рис. 10. *Модель государственности в соответствующий исторический период*

Ее построение осуществляется в логике, разработанной в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования факторной декомпозиции. Неотъемлемыми базовыми потенциалами страны являются ее территория, народонаселение и государственное управление. А на иерархически последующих уровнях декомпозиции выявляются факторы, которые и определяли специфику в соответствующий период истории. Применение этой методики позволяет развивать у учащихся фактически отсутствующие у современных российских школьников навыки факторного анализа. Одновременно она приучает их к приемам когнитивного моделирования сложных социальных систем. Выявление комплекса факторов существования страны способствует также целостному восприятию России, подмененному в существующих учебных версиях ее фрагментаристским, аспектным рассмотрением.

Исходными условиями существования любой государственности является наличие государственной территории, государствообразующего народонаселения и государства как публичной власти. Само представление о государственности как единстве трех базовых потенциалов — территории, народонаселения и власти — является достаточно традиционным для государства и права. Однако для исторических методических подходов это менее традиционно и распространено.

При анализе состояния территории рассмотрение осуществляется в двух основных контекстах — геополитическом и геоэкономическом. Геополитика выводит, соответственно, на проблемы военного строительства и международных отношений. Геоэкономика — на хозяйственную освоенность территории и ее место в мировом экономическом пространстве.

Состояние народонаселения также имеет двухаспектный контекст — групповой (социум) и личностный (человек). Групповой контекст рассмотрения категории «народ» выводит на анализ скреп его консолидированности (ценностных, идеологических, социальных, национальных и др.). Личностный контекст ориентирован на показатели развития человеческого капитала (здравоохранение, образование, наука, культура). При этом само по себе разграничение этих двух категорий достаточно условно. Укрепление потенциала народа и личности в гармонической системе их связей взаимообусловлено. Ассиметричность их развития в одну чью-то пользу указывает на нефункциональность соответствующего типа государственности.

При раскрытии модели государственного управления ставилась задача реконструировать систему органов государственной власти в соответствующий временной период истории России. Власть, в данном случае, в противоположность стремлению свести ее преимущественно к политической персонификации, анализируется в институциональном и функциональном измерении. При этом принципиальным является установление различий между номинируемой и реальной властно-управленческой структурой (властно-управленческим режимом). Такие расхождения обнаруживаются достаточно часто. Характерный пример — партократическая властная вертикаль в СССР при формальном разграничении партийной и советской структуры.

Следующий методологический акцент представляемого учебника связан с задачей приобщения учащихся к графическому отображению социальных процессов. Рисованный образ дает опыт пространственного мышления, учит «читать» количественные графики и исторические ряды, приучает к работе с эмпирическими данными, к поиску корреляционных зависимостей, причинно-следственных связей. Простые интерпретации исторических процессов замещаются умением анализировать. В учебнике приводится статистическая оцифровка ряда значимых для государственности факторов, изменение состояния которых отразилось соответствующим образом на состоянии страны (рис. 11).

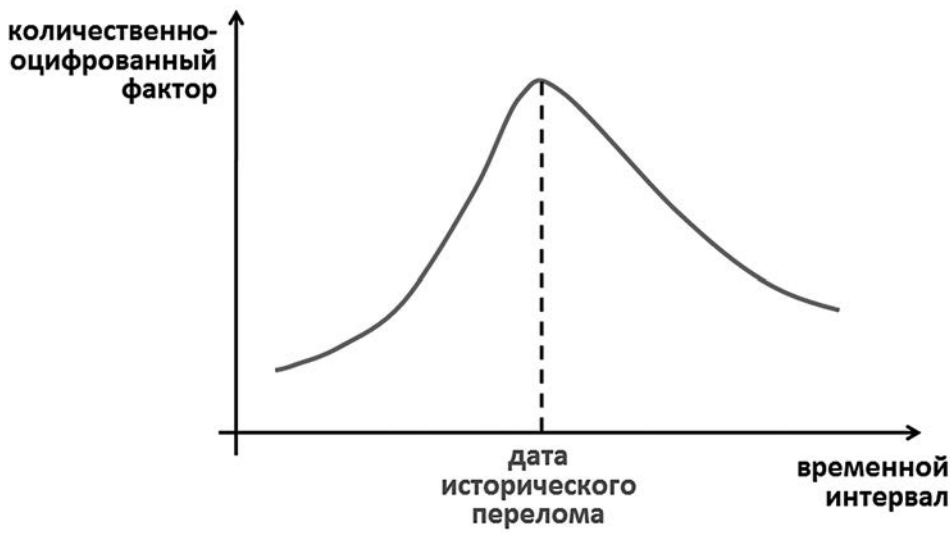

Рис. 11. *Количественные показатели периода на шкале исторического времени*

Применяя указанную методику, учащиеся приобщаются к решению задач по выявлению тенденций, трендов и векторов исторического процесса. Это в свою очередь создает задел для формирования базовых навыков социального прогнозирования. Кроме того, учащиеся приучаются к практическому оперированию статистикой и другими количественными показателями в применении к анализу общественных процессов. Получение соответствующего базового задела в школе и вузе создает основания для формирования

гуманитария нового типа, способного к применению на практике инструментария точных и естественных наук.

Образовательный процесс должен соотноситься со способностями и возможностями учащихся — целевого объекта обучения. Необходимо учитывать их психоэмоциональное состояние, готовность и предрасположенность к получению предлагаемых знаний, усвоению пролонгируемых смыслов. Принципиален здесь учет характера функционирования человеческой памяти. Известно, что до 90 % знаний, полученных в ходе обучения, с течением времени обычно оказываются забытыми. Проверки остаточных знаний фиксируют, как правило, их фрагментарность, акцентировку на вторичном материале, утрату главного, смыслообразующего ядра. Соответственно, должна быть применена методика искусственной привязки памяти учащегося к наиболее значимым ключевым компонентам в изучении соответствующих тематических блоков. Данная задача решается в учебнике посредством введения разделов «Исторические афоризмы, крылатые фразы» и «Художественные иллюстрации». Яркий эмоциональный образ, создаваемый посредством афористической речи или визуального воздействия, закрепляется за сущностными для того или иного периода явлениями и процессами.

Реализация воспитательных функций истории связана в значительной мере со следующим компонентом раскрытия тематических блоков. Для каждого из исторических периодов фиксируются великие свершения России и создается соответствующая галерея национальных героев. Данная акцентировка позволяет восстановить сакральный уровень восприятия российской истории, вернуть ей значение межпоколенческого транслятора высших государственных и цивилизационных ценностей. Существует дефицит примеров для подражания, и создание галереи героев России будет способствовать появлению этих ориентиров.

В помощь учителю истории прилагается краткий анализ существующих по каждому блоку историографических фальсификаций, направленных на дезавуирование и негативистское окрашивание российского прошлого. Этот анализ проводится в рамках тематической рубрики «Осторожно, россиефобия!» И действительно, начиная с критики великих российских исторических свершений, пафос дискредитации переносится на саму Россию. Примеры такого целенаправленного дезавуирования и фальсификации устойчиво обнаруживаются по каждому временному отрезку.

Событийно-феноменологическое наполнение исторического процесса представлено через «хронограф». Он представляет собой исторически последовательный перечень наиболее значимых событий, структурированных по ряду функциональных блоков — идейно-духовного состояния, экономики, социального развития, внешней политики, культуры и т. д. Применение такой хронографической структуры позволяет отойти от рассмотрения исторических дат как самозначимых, подчиняя их анализ оценке соответствующих направлений государственной политики России.

Система проблемных вопросов соотносится с авторским подходом к истории как комплексу решаемых человеком в прошлом проблем, а не как комплексу фактов. Вопросы, сформулированные в виде проблемных задач, ориентируют на интегральное осмысление учащимися исторического процесса. В данном случае более значимо не *что* и *как* произошло (на этом акцентированы другие учебники), а *почему* произошло и *к чему* привело.

Правильная постановка вопроса, свидетельствуют методологи, это уже половина успеха в решении научных и образовательных задач. Посредством представленных в учебнике проблемных вопросов учащиеся под руководством учителя выявляют ключевые противоречия соответствующих исторических периодов. Установление противоречий дает понимание природы исторических конфликтов как попыток их разрешения. Проблемные вопросы дают, вместе с тем, возможность для проявления креативных способностей учащихся, вырабатывают навыки вынесения самостоятельных суждений.

Каждый из тематических блоков, помимо его встроенности в общую историософскую развертку, представляет собой предмет самостоятельного познания и преподавания. В каждом содержатся результаты определенных научных «открытий», сталкивающихся зачастую с традиционными для историографии подходами и интерпретациями. В этом смысле авторы ожидают, что выход в свет предлагаемого учебника неизбежно повлечет за собой критику с либерально-космополитических позиций, ставших за 20 постсоветских лет, к сожалению, уже «традиционными». Но именно нацеленность авторов на возвращение в российскую историческую науку и педагогику иных, истинных традиций русской школы и является сверхцелью предлагаемого учебника.

Вышла книга

Пушкинский Заповедник: Справочные материалы. — Сельцо Михайловское, 2013. — 64 с.

Издание содержит справочные материалы о Государственном музее-заповеднике А. С. Пушкина «Михайловское», о мемориальных усадьбах «Михайловское». «Тригорское», «Петровское» и музейном комплексе «Бугрово», городищах Велье, Вороний и Савкино. о Святогорском Свято-Успенском монастыре. Помимо исторических сведений в справочнике есть информация о том, как добраться до Пушкинского Заповедника и музейных объектов, расположенных на его территории: даны сведения об услугах предприятий общественного питания, медицинского и бытового обслуживания, связи на территории поселка Пушкинские Горы и заповедника «Михайловское».

ПОЭЗИЯ

Сергей БУДАРИН

«ПО НЕБУ ХОДИТ ВОЛНА РУССКОГО ДОБРОГО СВЕТА»

Сергей Сергеевич Бударин — родился в 1990 году в Новокуйбышевске Самарской обл. Учится в Самарском государственном техническом университете, по будущей профессии — информатик-экономист. В Союз писателей России был принят по итогам Первого Международного совещания молодых писателей России и зарубежья. Печатался во многих журналах. Лауреат III Славянского литературного форума «Золотой Витязь», Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова, Всероссийской православной премии им. благоверного князя Александра Невского и др. **Живет в Новокуйбышевске.**

* * *

День лучезарный певуч
Катится с неба волною.
Теплый пульсирует луч
Яркой игристой весною.

По небу ходит волна
Русского доброго света.
Плещет о стекла окна
Райская музыка эта.

Утром журчащим проснусь —
Музыкой неба согретым.
В день ключевой окунусь
В горнице, залитой светом.

БАБУШКЕ

Голос твой — песня родная.
Сердце поет о тебе…
Помню скамью у сарая,
Запах клубники в избе.

Крону до неба вздымая,
Тополь зеленый дремал.
Бороду тополя в мае
Ласково ветер трепал.

Словно старик бородатый,
Бренный презревший покой,
Он подбородок косматый
Гладил корявой рукой.

Светлой серебряной прядью
Он мою прыть остужал…
К бабушке прямо в объятья
В сладких слезах я бежал.

* * *

Утро в небесных лугах
Стадо барашков пасет.
Зорька в багряных шелках
За руку солнце ведет.

Уши развесил лопух.
Музыка в небе парит.
Утро, веселый пастух,
В рог золоченый трубит.

Тихо ворота скрипят.
С криком летят журавли.
Утренним светом сквозят
Церкви в багряной дали.

Полночь… В небесных мирах
Стадо барашков плывет.
С прядью седой на висках
Месяц по небу идет.

Сник под забором лопух.
Глухо, как пьяница, спит.
Полночь, печальный пастух,
В рог золотой не трубит.

Тихо ворота скрипят.
С неба ушли журавли.
Светом вселенским горят
Церкви в небесной дали.

* * *

Дни за поводья зари
Черную лошадь ведут.
В тихом бору глухари
Небо жемчужное пьют.

Светит лампада в избе,
Словно на небе звезда.
Слезно о русской судьбе
Шепчет в полях резеда.

Черная лошадь заржет,
Вскинет поводья зари.
Слезы с небесных высот
Выпьют в бору глухари.

Гаснет лампада в избе.
Тает на небе звезда.
Горько о русской судьбе
Плачет в полях резеда.

* * *

Свечку горючей луны
Ночь запалила во мраке.
Тропкою из глубины
Стелется отсвет в овраге.

Этот кочующий свет
Жизнь и судьбу предвещает —
Чистый небесный рассвет
Свечкой во мраке встречает.

* * *

Молнии грозно сверкали.
Вились узором в ночи.
Бездну, звеня, рассекали
Горнего света мечи.

Сила небес проливалась
На золотые поля.
Как на дрожжах волновалась
И разбухала земля.

…Утро засветит лампаду
В горнице русских полей.
Буду гулять до упаду
В куще родных тополей!

Прямо к ногам головою,
Словно поверженный враг,
Тенью падет вековою
Ночи разрубленный мрак.

* * *

Мой друг, не виновен я в том,
Что Русь, как река, меня манит.
Она ни сейчас, ни потом —
Меня никогда не обманет.

Накроет волною судьба.
Обрушит на сердце кручину…

И даже святая мольба
Не сможет раздвинуть пучину.

Хоть плеск и журчанье реки
Для жизни твоей не отрада,
Меня поминай по-мужски,
Как в реку вошедшего брата.

* * *

Березы сквозят во дворе,
Сливаясь со светом отвесным.
Их кровь запеклась на коре,
Взывая к воротам небесным.

Она по стволам растеклась,
Цепляясь корнями за землю.
Но с небом я чувствую связь,
И сердцем я родине внемлю.

А черная кровь на коре —
Святая расплата пред небом.
Березы сквозят во дворе
Божественным внутренним светом.

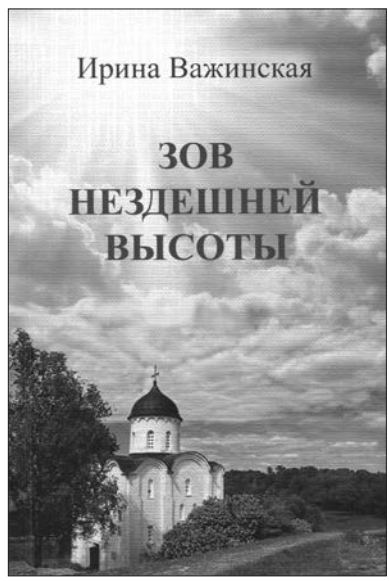
* * *

С бледной ладони небес
Снял Ты кольцо золотое.
Светом рассеял окрест
Вещее Слово святое.

В млечной магической мгле,
В бездне космической черной
Встал я, чтоб жить на земле,
Светом любви обрученный.

ВЫШЛА КНИГА

Важинская И. Н.
Зов нездешней высоты. Стихотворения. — СПб., ИПК «Вести», 2013. — 80 с.

По своей архитектуре стихи Ирины Важинской тяготеют к барочности, по цветовому решению — к изысканной монохромности, по тематике они устремлены ввысь, как шпили в облачное небо нашего города, за которым автор видит свет нездешней высоты.

Ирина Важинская автор трех поэтических книг и книги литературоведческих статей. Публиковалась в журналах «Нева», «Север», «Родная Ладога», «Невский альманах», в альманахах «Молодой Петербург», «День поэзии», в коллективных сборниках, антологиях и других изданиях. С 1999 года занималась в литературной мастерской Юрия Шестакова. Член Союза писателей с 2003 года. Искусствовед, кандидат культурологии. Работает в Русском музее.

ПОЭЗИЯ

Борис ЛУКИН

«ДНЕЙ ПОСЛЕДНИХ ВСАДНИКИ ГРЯДУТ...»

Борис Иванович Лукин — родился в 1964 году в г. Горький (Нижний Новгород). Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор нескольких книг стихов: «Понятие о прямом пути», «Междуречье», «Долгота времени», «Поединок». Публиковался в «Литературной газете», альманахе «День Поэзии», журналах «Дальний Восток», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Подъем», «Север», «Юность» и др., в том числе за рубежом. Составитель антологии современной литературы «Наше время». Член СП России. **Живет в Подмосковье.**

У ОКНА

По утрам белым-бело.
Молоком вскипает
Луговина за окном —
Тает, тает, тает...

Мир разбуженной рекой
Бродит берегами.
Близко — стало далеко.
Узнаешь местами...

Скворчик выбрал свой шесток,
Прогоняя лихо.
Позовет к окну сынок,
Скажет очень тихо:

— Папа, черные барашки
Топчут белые луга.
Папа, а тебе не страшно?
— Где, сынок, твоя рука?

...Речка воду наперед
Черпает в глуши.
Так и я, который год,
По-за край души.

* * *

Я помню, в детстве «мама ждет» —
важнее нету слов,
что там — за снегом и дождем
глядит раз сто в окно,
ей нет роднее ничего,
чем я и тень моя...

Мной позабудется легко.
Всё годы затемнят.

Но день придет: прильнешь к окну,
глазочек надышав,
и сам заглянешь в ту страну
счастливых малышат.

Шепнешь во тьму: «Ну, как вы там?
Все ль помните меня?..»

Ответом — в дом, устав летать,
ворвется ребятня.

ОГНИ

А. Щербакову

Всю осень тушили пожары.
Сосед за соседом горел.
И все, кто остался, сбегались —
Ни воду, ни сил не жалел.

А кто тут остался — три бабки,
Пять девок да дядька хромой.
…Завыли истошно собаки,
Заслышав набат над горой.

А что могут люди? По силам…
По силам селу не сгореть?
И слезы совсем не от дыма,
С того, что и сил — лишь смотреть.

Горит босоногое детство
И первой любви сеновал…
Одни головешки в наследство,
И те позасыплет листва.

Всем миром давно не трудились.
Ну разве кого хоронить…
Гасили ли… лили ли… или
Восплакало небо о них.

Бог даст — этот будет последним.
Деревья искрят высоко…

…А чудо как яблок наспело!
И всполохи рвутся с боков.

ПОМИНАЛЬНОЕ

Н. Дмитриеву, С. Викулову, В. Клыкову…
почившим…

Все длиннее список поминальный.
…Николай, Сергей и Вячеслав…
Человек — трагически банальный —
Выбран полем битв добра и зла.

Словно отлистнули вспять столетья.
Видятся в строю и стар и млад.
Эти — вместе с Угличем сгорели.
Эти — полегли за Ленинград.

Армия — смотри! — из раскулаченных.
Это — сонм погибших на фронтах…
Соль Земли… Вы молитесь… и значит
Нам найдется место у креста.

Может быть, последних православных
Новый век проводит ко Христу:
Николаи, Сергии, Иваны,
Александры, Алексии, Вячеславы…
Дней последних всадники грядут.

УЗНАВАНИЕ

Успей узнать, назвать, не перепутать:
Ни бабочки похожей, ни цветка.

Ласкает спину ветерок попутный,
И волны гонит времени река.

Песчинки мотыльков сгребу под утро
Под лампою… О, как же смерть легка —
Земля и пепел, срез известняка —
И распознать в ней то, что жило, трудно.

Для этого мы, кажется, живем.
Потомок подчеркнет карандашом
И вспомнит между делом про меня,

Про облако, звезду и колосок.
Я — север, юг… Я — запад и восток…
И различат потом день ото дня.

ЯРОСЛАВОВ МОСТ

Когда быть трудником не в тягость,
А во спасение души…
В обитель Крыпецкую стлалась
Дорога-гать — одна, как жизнь.

То благодарность Ярослава:
Жена — здорова и жива.
Князь псковский думал ли о славе,
Бредущей по мосткам в века?

А до того тропинкой скользкой —
Дай Боже, чтоб не утонуть —
Не перечесть печалей сколько
Шло в монастырскую страну.

В краю том Крыпецком, болотном,
Вознесшись к небу из глубин,
Встал монастырь святым оплотом,
Свидетель Божьей к нам любви.

Иван Васильич Третий правил.
Шел век к стоянью на Угре,
Где долгожданно Русь воспряла
С орлом двуглавым на гербе.

Тверских и вятских, ярославских
Объединял московский мир.

За Русь молил святитель Савва:
«В братоубийстве не умри.
Не стань, страна, как дом скудельный.
Раздор, Господь, не попусти!»

Впредь и всегда князькам удельным
Есть Государь всея Руси.

По воле Божьей Русь терпела…
Еще покоя не видать —
Вновь с Запада, как из вертепа,
Поляки, шведы и литва.
Восток — прищур таит татарский —
В полон возьмет или сожжет.

…Русь на терпение горазда:
Смиренно ждет весны снежок.
Он по весне в разливе хлынет,
И не укрыться, не сдержать…

Молись почаще, мать, о сыне —
Ему стоять на рубежах:
Под Псковом, Нижним и Москвою,
За веру, Родину и жизнь…

Молись, причастница. С тобою
Острее меч и крепче щит.

…А Ярославов мост достроят.

Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Санкт-Петербурге в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г., № 1, 2, 3, 4 за 2011 г., № 1, 2, 3, 4 за 2012 г., № 1, 2, 3, 4 за 2013 г. и № 1 за 2014 г.

Прелесть

Произнесено
23 мая 1954 года

Откуда взялось такое слово — «прелесть»? Кто первый употребил его? И что же значит слово «прелесть»?

Оказывается, это слово записано в самых первых страницах Библии (Бытия 3, 13), и впервые сказала его ***наша прародительница Ева***. Вспомним это место из Библии (следует рассказ о грехопадении прародителей).

Змей прельстил меня, и я ела, — говорила Ева. В чем же это выразилось?

Змей обещал Адаму и Еве, что они станут, как боги, будут сами знать добро и зло.

Исполнилось это? Нет. Адам и Ева были выгнаны из Рая и никакими богами не стали.

Следовательно, змей, или, вернее, диавол, в змея вселившийся, бессовестно солгал, бесстыдно обманул Еву. А она поверила диаволу больше, чем Господу Богу, приняла эту ложь за настоящую истину, до того поверила, что даже нашла возможным нарушить заповедь Божию. И Адам и Ева на самом деле узнали, что такое добро и зло.

Добро — это во всем вверяться Господу и только в послушании Ему, в неуклонном исполнении заповедей Господа — видеть добро и счастье свое. Зло — не повиноваться Господу и всякую ложь, которую услышишь со стороны, принимать за истину и держаться ее.

Вот ответы на вопросы, поставленные мною ранее, а на вопрос: что такое прелесть? можно ответить так:

Прелесть — это когда человек принимает ложь за истину и руководится ею в жизни своей.

Отчего же это происходит?

Или сам человек не сумеет разобраться, где правда, где неправда, и хватается за первое, что приходит в голову. Или, как в разобранном случае, человек, сам того не понимая, подчиняется внушениям злого духа, который всегда готов опутать доверчивого человека.

В Евангелии Иоанна (8, 44) Господь Иисус Христос назвал Диавола: *ложь есть и отец лжи.*

В книгах святых подвижников прелесть определяется, как усвоение человеком лжи, принятой за истину. И выходит или обман, когда кто-то обманул человека, или — самообман, когда человек сам себя обманул.

И то, и другое так часто бывает, что приходится согласиться с учением Святых Отцов, что прелесть есть состояние всех людей без исключения. Мы все в прелести (так говорит преподобный Симеон Новый Богослов). Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении ***Истиною***. ***Истина*** *же есть Христос* (Ин. 8, 32). За примером недалеко ходить.

Поговорите с нынешним человеком о Господе Боге, о Царстве Небесном, о загробной участи — что он вам скажет? «Сказки!», а то и таким словечком пригладит, что сразу прочь убежите…

Скажите ему, что слова его неправда, что истинная правда — это Иисус Христос, Его учение, Его заповеди… Услышите такие речи… Ой-ой! И говорить об этом больно, и убеждать бесполезно…

Но как же молчать? Как же не говорить? Ведь это наши братья, наши дети… Ведь это наша плоть и кровь… Ведь нам жалко их, Господи! И как страшно подумать, что будет же время, когда у них глаза откроются и сами сознают ужас свой…

Да… и что делать? Как быть нам?

Нам можно только молиться за них, дорогих и милых, плакать пред Господом, да помилует их, обманутых врагом, и да спасет их, ими же весть судьбами… В прелести они, несчастные, и не понимают и не хотят понять этого.

А теперь на самих себя посмотрим…

Мы-то лучше ли их?..

«Все мы обмануты…», — говорит преподобный Симеон. Истина в жизни нашей — это полное доверие Господу Христу и строгое исполнение Его заповедей.

Мы постоянно в храме молимся: «сами себя, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим… Тебе, Господи!» А так ли это на самом деле?.. Вот как пишет один остроумный писатель, желая вразумить нас: «Я служу… Кому? Богу? Нет… не Ему, а только себе самому…»

И правильно: мы служим не Господу, а себе, только своим прихотям, желаниям, страстям своим… Служим греху… Служим врагу… И сами понимаем это… И нет покоя нам… Чувствуем какую-то неловкость, и хочется, и колется, и за свою участь страшновато — всячески изворачиваемся, стараемся придумать какие-нибудь отговорки, предлоги, чтобы можно было увильнуть от исполнения заповедей Христовых и себя хоть сколько-нибудь успокоить… И в такие минуты, подскажи нам сатана что-нибудь подходящее, — мы с удовольствием примем это, как самое верное, самое правильное слово…

Вот и прелесть, вот и самообман. Сатана живет много тысяч лет, он умнее и хитрее всех творений Божиих и всегда найдет, как помочь человеку обмануть себя, вывернуться из такого положения, а между тем (как говорит епископ Феофан), что ни скажет, все соврет.

А мы эту ложь примем за истину… Вот и прелесть…

И нет человека, который бы мог сказать, что с ним ничего подобного не бывало… Раз, два, три, четыре, пять.

Раз случится такая штука, человек и попривыкнет к греху, а дальше больше, уже спокойнее, хладнокровнее нарушает Божье Слово, нисколько не думая о Божьем Суде,— недаром говорится, что только первую песенку зардевшись поют… И сколько таких людей есть среди нас! Примеров тому сколько угодно…

I. Лет двадцать назад я шел по улице нашего города, из магазина выходит человек, еще не очень старый, несет бутылку водки в одной руке, а другой похлопывает по бутылке и восторженно кричит: «Для чего и живем!»

Тут уже явная прелесть!.. Мы живем, чтобы душу спасти, чтобы Господу угодить… А, конечно, не для водки… И этот несчастный убежден, что он говорит правду… Грустно, братья, видеть такого слугу сатаны!..

II. Иной свое счастье полагает во вкусной пище и тянется к ней всем существом своим. В этом его радость и счастье. Пойдите скажите ему, что он неправ… Он и слушать не станет…

III. Иные живут без венчания, без благословения Божия, и радостны, счастливы… А куда же седьмая Заповедь Десятисловия?.. Отменена, что ли?.. Несчастные! Что они скажут на Страшном Суде!..

IV. *Слово гнило да не исходит из уст ваших*,— говорит Апостол. А сколько страшных поганых слов изрыгает человек, и в пьяном, и в трезвом виде… И чем заковыристее, чем поганее его слово, тем больше удовольствие его слушателям… А сатана-то доволен!..

Эти примеры можно продолжать и продолжать без конца… И вы сами их достаточно знаете!..

«Я так хочу!» — разве мало мы слышим таких гордых и глупых слов!.. «Не живи, как хочется, а как Бог велит» — говорит народная мудрость. «Мало ли что говорится, а я так хочу!» — говорят ослепленные, обманутые врагом несчастные люди — и не желают знать ничего иного…

Вот и прелесть!.. Вот как говорят люди…

А теперь послушаем, что говорит наука христианская.

«Прелесть действует первоначально на образ мыслей: будучи принята и извратив образ мыслей, она немедленно сообщается сердцу, извращает сердечные ощущения; овладев сущностью человека, она разливается на всю деятельность его, отравляет самое тело, как неразрывно связанное Творцом с душою. Состояние прелести есть состояние погибели или вечной смерти»,— говорит епископ Игнатий (Брянчанинов).

Видите, как это серьезно и… страшно.

Весь человек — и ум, и сердце, и тело — все, испорченное прелестью, является действием, работой диавола. Жутко!..

Различают два вида прелести:

а) умовая — когда человек принимает ложные мысли и носится с ними, как с величайшей истиной;

б) сердечная — когда человек услаждается ложными переживаниями сердца, считая их правильными.

Как известно, особенно ненавистна врагу молитва, потому прелесть чаще всего проявляется в молитвенном подвиге, и нам это знать более всего необходимо, так как все наши беседы говорят о молитве, о молитвенном подвиге христианина. Потому я и говорить буду о прелести в молитвенном деле.

Все, что мы говорим по этому вопросу, взято из слов Святых Отцов и подвижников молитвы. Их речи собрал в своих книгах епископ Игнатий (Брянчанинов).

Так твердо и ясно говорят Божьи подвижники (т. I , стр. 24):

«Как неправильное действие умом вводит в самообольщение и прелесть, так точно вводит в них неправильное действие сердцем. Исполнены безрассудной гордости желание и стремление видеть духовные видения умом, не очищенным от страстей, не обновленным десницею Святого Духа; исполнены такой же гордости и безрассудства желание и стремление сердца насладиться ощущениями святыми, духовными, Божественными, когда оно еще вовсе неспособно для таких наслаждений.

Как ум нечистый, желая видеть Божественные видения и не имея возможности видеть их, сочиняет для себя видение или обманывает себя и обольщает; так и сердце, усиливаясь вкусить Божественную сладость и другие Божественные ощущения и не находя их в себе, сочиняет их из себя, или льстит себе, обольщает, обманывает себя, губит себя, входя в область лжи, в общение с бесами, подчиняясь их влиянию, порабощаясь их власти».

Епископ Игнатий рассказывает об одном католическом подвижнике, Игнатии Лойоле. Это основатель известного монашеского ордена иезуитов. Он сам говорил о себе, что ему стоило только захотеть и употребить некоторое напряжение, и перед его взорами, по его желанию, являлись или рай, или ад, и говорил он об этом, как о великой милости Божией.

Но известно из речей Божиих святых, что Божественные видения даются единственно по благословению Божию, а не по воле человека; даются неожиданно, весьма редко, а не как случилось…

Следовательно, видения Игнатия Лойолы не были истинными, и, следовательно, он горько был обманут врагом. А о видениях этих написаны целые книги, которые и сейчас читают католики с упоением.

Теперь о самих себе. Как узнать, не подкралась ли и ко мне прелесть сатанинская? А вот так говорят Божьи люди: «Зараженные прелестью мнения встречаются очень часто. Всякий, не имеющий сокрушенного духа, признающий за собою какие бы то ни было достоинства и заслуги, всякий, кто не держится неуклонно учения Православной Церкви, кто рассуждает об учении Церкви по своему усмотрению или по учению инославному, — находится в этой прелести. Чем упорнее и упрямее твердит он свои мысли, тем страшнее степень его прелести».

Думайте об этом, родные мои! А как уберечься от прелести?

Одно ощущение из всех ощущений в сердце может быть употреблено грешным человеком в молитве его: печаль о грехах, о греховности, о падении, о погибели своей — печаль, называемая плачем, покаянием, сокрушением духа.

Первая заповедь, данная Спасителем миру: *Покайтеся, приближися бо* ***Царствие Небесное***. Эта заповедь совмещает в себе все прочие за-

поведи… *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.* «А где же взять сокрушение сердечное, если его у меня нет?» — тоскует человек. Нет сокрушения сердечного потому, что человек не видит грехов своих и не сознает всего ужаса такого состояния.

А как увидеть грехи свои? Молитва внимательная — вот что откроет человеку грехи его.

Таким образом, мы вернулись к тому, что неизбежно повторяется во всех наших беседах: *к внимательной молитве!*

Видите, как важно учение Святых Отцов о внимании в молитве. И было бы для меня великим утешением, если бы все мы начали молиться со всяким вниманием и усердием. И вам, и мне это было бы очень хорошо и полезно.

В заключение сегодняшней беседы повторим то, что нам крайне нужно запомнить из нее.

Наше обычное состояние, состояние всего человечества, есть состояние падения, прелести, погибели. Сознавая это наше горестное положение, будем усиленно взывать в молитве ко Господу, будем молиться в сокрушении духа, с плачем горьким о грехах своих, будем молить Господа, да помилует нас грешных.

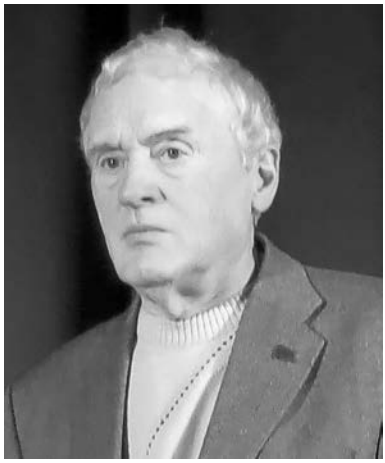
Не будем искать никаких видений, никаких наслаждений духовных — мы недостойны их, да и неспособны принять их. Молитва внимательная, молитва покаянная — вот наш удел. Молиться будем постоянно, неотступно: все, достигшие Царства Небесного, также молились, также каялись, также горько плакали и нам, грешникам, завещали это!

Плачьте, братья, в молитве вашей: иного пути нет!

Аминь.

ПРОЗА

Александр КОРОЛЬКОВ

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Рассказ

Александр Аркадьевич Корольков — родился в семье сельских учителей на Алтае, юность прошла в Новосибирске, творческие годы связаны с Ленинградским университетом (СПбГУ) и Российским государственным педагогическим университетом имени А. И. Герцена. Доктор философских наук, профессор. Лауреат премии Президента РФ за книгу «Русская духовная философия» (2002), лауреат литературной премии им. Александра Невского (2007). Автор «Романа небытия» о судьбе русских изгнанников в Праге, рассказов, паломнических очерков. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Валентин Яковлевич за свою жизнь повидал немало очередей и за хлебом, и за мясом, и за водкой, и за импортными куртками, но в такой очереди ему не доводилось стоять в те, советские времена.

Магазины можно обойти стороной, азарт обновок давно покинул Валентина Яковлевича: поношенные заграничные тряпки покупать брезговал, а на приличное пенсия не предназначена. Магазины можно обойти, но как прожить без нее, баньки, если со среды начинает зудиться тело, если и при мысли о ней прошибает пот, если отсчет недели ведешь не по понедельникам, а по четвергам?

При всем желании Валентину Яковлевичу не удавалось попасть к первому пару, от Авиагородка на тринадцатом автобусе путь не близкий. Приходилось пристраиваться в хвост очереди, изогнувшейся от второго этажа до входного вестибюля. Хвост замирал на два долгих часа, пока не начиналось шевеление от первых отпарившихся старичков, пенсионеры помоложе задерживались в парной и в разговорах подольше, приходилось подпирать крашеную масляной краской стену, преодолевая по ступеньке, редко сразу две-три; только добравшись до холла второго этажа, можно было вполне оценить обстановку, прикинуть подлинную полноту очереди, уже не вытянутой вдоль двух пролетов лестницы, а разбросанной по углам, по массивным деревянным диванам, сохранившимся от тех времен, когда их перетащили с какого-то вокзала, ибо на них навечно запечатлена ведомственная принадлежность вырезанными на спинке буквами МПС, то есть Министерство путей сообщения.

В издевку и напоминание об иных временах дверь в предбанник сохранила ручной работы медную табличку с выгравированным пред-

писанием: «Инвалиды и участники Великой Отечественной войны обслуживаются вне очереди». Их-то, инвалидов, ветеранов, нынче и выстроили. Прежде можно было помыться и попариться в любой день, предприимчивая современная голова придумала иное — устроить один льготный день, четверг, пусть ветераны почувствуют окопное братство.

Замусоленная занавеска, отделяющая очередь от предбанника, пропускала Валентина Яковлевича обычно к той поре, когда цементный пол и резиновые коврики предбанника уже хлюпали белесой влагой, в моечной с трудом отыскивался свободный тазик: первые парильщики захватывали по два таза, чтобы настоять веники, прикрыв для верности один тазик другим. Валентин Яковлевич в бане не раздражался, но не переставал удивляться дури многоопытных мужиков — на кой ляд держать в кипятке по полчаса веник, если отдаст он в воду весь березовый дух, а сам превратится в мокрую тряпку! С ума всяк сходит по-своему, в бане каждый мнит себя знатоком. Пробовал прежде спорить, что-то доказывать, обосновывать, но только себя издергаешь, а для того ли в баню приходишь? Пусть делают по-своему. Вздумали — мойте полок и всю парную, и стены облейте из шланга, хоть и обжигает потом влажный воздух тело, но лучше пересидеть десяток минут в предбаннике, чем нервировать себя.

По скользким ступеням, придерживаясь за перила, Валентин Яковлевич забирался на полок, старался встать в угол, отстраняясь от брызг с веника слишком ретивого парильщика. Коль оказывался свободным краешек лавки, Валентин Яковлевич подстилал кусок мешковины и усаживался, такая удача случалась не часто. «И это штурман авиации! — всматриваясь в себя со стороны, удивлялся Валентин Яковлевич. —Забился в уголок, чтоб никто не уволок. Так и наступает старость: сторонкой, сторонкой, бочком в уголок. В детстве в угол могли поставить за провинность, в старости сам норовишь его отыскать».

Старость повеяла на него в тот день, когда на посадке подломилось переднее шасси, самолет тогда удержали на полосе и скорость погасили, а все же кабина воткнулась в бетонку, екнуло сердчишко, — показалось, вот он, конец, потом выяснилось, что пострадал-то один Валентин Яковлевич, смех и грех — сломали в аварии шасси и левую ногу штурмана. Уж как долбали немцы на Волховском фронте, уж в какие гибельные переделки попадал Валентин Яковлевич на Синявинских болотах, когда с заглохшим двигателем посадил «уточку» на крохотную поляну, — и ничего, с какой-то веселостью встречал он опасные передряги, верил в нескончаемый запас жизни. У человека, размышлял он, как и у самолета, свой ресурс, самолет еще можно отправить на капитальный ремонт, а человека, коль выдохся, уже не подлатаешь.

Роскошествовать на пенсию не приходилось, Валентин Яковлевич присматривался к продавцам-коробейникам в электричках — не шагнуть ли на короткое время в их ряды, подсобрать заветную сумму для верхнего этажа бани, там не люкс, но и не толкотня для льготников. Ныне и молодые парни не брезгуют работой, которую в его молодые годы считали сугубо женской, никогда его двадцатилетний сверстник не стал бы размахивать мороженым или пирожками, да еще громко расхваливать свой товар. Ножовку, молоток, топор, рубанок Валентин Яковлевич не разучился держать, но против возраста не попрешь, неспешно, для удовольствия еще можно порубить,

построгать, но зарабатывать мужицким делом уже не получится, да и кому нужен такой работник, если и молодые мыкаются без дела?

Прессой торговали одни и те же, пассажирам они примелькались. Одутловатая, по-тифозному стриженая, с непропорционально большой головой молодая женщина заявляла о минимальной цене телевизионных программ на неделю. Ее помнил Валентин Яковлевич по той жизни электрички, которую сама женщина вряд ли хотела бы помнить. Тогда, в неразберихе конца 80-х годов, она собирала по вагонам пустые бутылки, лазила под скамейки, молча заглядывая под ноги пассажирам, вытягивала бутылку или банку из-под пива, две тряпичных огромных сумки ее постепенно разбухали, и, грохоча стеклом, она выкатывалась из поезда на платформу какой-нибудь станции. Валентин Яковлевич стыдился своей памятливости, всякий раз отводил взгляд от неуклюже громоздкой стриженой женщины, ему казалось, что ему довелось быть невольным свидетелем ее унижения, еще большего, чем собирание по помойкам: там хоть можно прятаться в потемках, а здесь у всех на виду, как вошь на гребешке.

Как-то к нему подсел в электричке длинноволосый парень, самый несуетливый и интеллигентный из всех зазывал-продавцов. Он не стремился выпалить в уменьшительно-завлекательной форме про свой товар, как это делали другие, скороговоркой выкрикивающие: «Носочки с мягкой резиночкой. Колготочки, блузочки…» Наблюдая за пожилой полной продавщицей, Валентину Яковлевичу хотелось ей подсказать: «Куда ты несешься метеором? Люди сообразить не успевают, что ты им предлагаешь». Она на ходу бормотала невнятно про лейкопластырь, пальчиковые батарейки, носовые платочки и быстро-быстро семенила к очередному тамбуру, словно имела лишь одну задачу — как можно скорее пробежать по всем вагонам.

Длинноволосый парень продавал газеты и журналы, войдя в вагон, не пытался докричаться до всех, показывал и негромко называл поочередно издания, а потом подсаживался к пассажирам первого купе и не жалел времени на беседу, давал полистать журналы, почти безошибочно угадывал круг интересов собеседника, вовлекал в разговор все купе. Покупали у него охотно, благодарили, радовались покупке, хотя до него те же газеты безуспешно предлагали другие коробейники. И так он двигался от купе к купе.

К Валентину Яковлевичу парень подсел не для продаж, он и тут сразу определил, что перед ним не покупатель, а собеседник; достал из сумки термос, налил в кружку кофе, и вблизи стало ясно, что не такой уж он и парень, вполне зрелый мужчина, виски с проседью, глаза вдумчивые, даже умудренные.

— Где до этого трудился?

— В «Прометее» — институте сварки, инженер. А кому нынче инженеры нужны? Стране-то нужны, но, похоже, и сама страна с молотка пошла.

— Это точно. Растащили не по винтику, по кирпичику, а по заводу. Кому-то не завод даже, а целая отрасль перепала. Простите, что отрываю от кофе.

— Беседа не помеха. Вы на пенсии?

— Свое отлетал. Только пенсия — сами знаете. Нынешние воротилы въехали во власть на том, что социализм — уравниловка, а без социализма похлеще уравняли — и летчик, и дворник — одна пенсия.

— Дача подкармливает?

— Без нее — хана! Если не секрет — на хлеб газетами зарабатываете?

— И на хлеб, и на масло. Конечно, за день находишься и натаскаешься с сумкой, но где бы я еще мог рассчитывать, что заработаю на переезд в деревню? Хочу купить на Псковщине, вблизи Пушкинских Гор пятистенок, к земле приучен — не пропаду… А вы не подрабатываете?

— Нет, не пробовал.

— Попробуйте. Хотите, идею подкину? Карты-километровки, они хорошо пойдут: и туристам, и грибникам, и охотникам дороги-тропы интересно посмотреть. Возьмите для начала на базе десяток, носить нетяжело, а навар от каждой будет процентов двадцать-тридцать. Только не жадничайте, не пытайтесь, как некоторые, задрать цену. Поверьте опыту — так будет надежнее. Адрес базы дать? А мне пора заканчивать кофе-брейк, то есть кофе-паузу, если по-русски.

Желание, которое прежде брезжило без всякой надежды на осуществление, вдруг начало обретать контуры яви, но фантазиям не удалось разрастись. В вагон пришла вездесущая тощая низкорослая женщина с лживо-вымученной улыбкой, которая выражалась растягиванием щек, глаза же оставались замороженными, выглядела она так, что не будь на ее груди сумки с карманами для газет-журналов и ладного рюкзачка за спиной, вполне можно было принять ее за побирушку и дать монету на пропитание. Энергичная эта женщина неопределенных лет, загорелая даже зимой, морщинистая, но спортивная, не пропускала ни одной электрички с раннего утра до позднего часа. Не на один домик в деревне, должно быть, насобирала, но одета в застиранные синие «треники», в кеды, которые носили в ее молодости, редкие волосы патлами выбиваются из-под берета, столь же нищенского, как кеды. Натужная улыбка не сползала с ее щек, когда она визгливо зазывала раскупать уникальные кроссворды, модные журналы, обещала скидку за какое-то количество приобретений.

Вот уж на кого не хотел бы походить Валентин Яковлевич, он внимательно присматривался к ее манерам, движениям, гримасам, чтобы избежать в задуманной роли всего, что отвратительным виделось ему в лицемерной старушке, по сотне раз с интонацией робота первого поколения повторяющей фразы, в которые тоже старалась включить ласково-уменьшительные — «газетка, журнальчик для красивых женщин, сканвордик».

На базе он купил сразу тридцать карт разных районов Карельского перешейка. Придумал короткое пояснение к своему товару: «Хочу предложить всем, кто любит побродить в лесу и не заблудиться, карты-километровки. На них обозначены самые крохотные озера, речки и даже ручьи. Ягодники, грибники, туристы, охотники — это для вас!»

Наяву не получилось повторять одно и то же. Хотя знал, никто не слышал, что он говорил в предыдущем вагоне, но самому было противно талдычить заученные слова. Посматривал — не встретится ли знакомое лицо, стыдно на старости лет увидеть насмешку, жалость или осуждение.

Покупали хорошо, в одном вагоне, можно сказать, расхватали — сразу семь карт. Успел пожалеть, что запас невелик.

Валентин Яковлевич пережидал, если в вагоне оказывался кто-то из продавцов, начинал говорить только тогда, когда оставался наедине с пассажирами. Уже переходя из пятого в шестой вагон, столкнулся с мужиком,

приземистым, плотным и с бесформенно расплывшимся лицом. Тот перегородил ему межвагонную металлическую дверь.

— Ты откуда, дед, нарисовался? — вопрос звучал вызывающе-нагло. Валентин Яковлевич за жизнь повидал немало блатных, уголовников, этот был другой, этот знал свое место и место всех, кто вторгался в его вотчину. Ответил Валентин Яковлевич, как ему показалось, спокойно, но голос предательски завибрировал, словно самолет при вхождении в турбулентные потоки.

— Я только продам несколько карт, на лекарство, — соврал он слишком очевидно, но хозяин не стал упорствовать.

— Доторгуй, но чтоб больше твоей физии не видел. Усек?

— Усек-усек.

В следующем вагоне Валентин Яковлевич сел на лавку и сразу обессилел. «В эту жизнь мне уже не встроиться, — подумал он. — “Богу — Богово, а Бокову — Боково”», — припомнилась невесть чья фраза.

В затурканной каждодневными мелочами, заботами душе Валентина Яковлевича все же вздрагивало желание прочувствовать в храме тайну евхаристии, но чтобы причаститься, нужно было исповедаться, встать в вереницу грешников он страшился: не отвергнет ли священник его неумелую попытку исповеди? А отвергнет — совсем стыдобушка. Мальчишкой приводила его бабушка к причастию, тайком приводила, но то было еще в дошкольные годы, а потом октябренком, пионером божественность неба срослась с героизмом пилотов. На войне видел, как командир эскадрильи перед вылетом размашисто осенял крестом свою боевую машину, невольно тоже повторял движение его руки. Из эскадрильи уцелели только они.

В этот предпасхальный апрельский четверг 1995 года особенно засвербила мысль о храме. Проснулся, едва забрезжило, всмотрелся в бумажную иконку, прицепленную булавкой к обоям, оглянулся на входную дверь, будто кто-то мог войти и увидеть, как бывший советский летчик перекрестится. «Да нет, пойду на Пасху: там все ясно — служба, Крестный ход вокруг церкви, радостное во весь голос единым выдохом ответное восклицание “Воистину Воскресе!”, а в четверг как себя вести, как душу очистить? Придется, как повелось в прошлые годы, очищать тело, тем более, наконец-то попарюсь на четвертом этаже».

Валентин Яковлевич слыл парильщиком-профессионалом. Веники он заготавливал сам, выкраивал, спустя пару недель после Троицы, денек и на уцелевшей «Победе» совершал самый главный летний вояж — за вениками. На его «Победу» оборачивались, некоторые водители, поравнявшись, возбужденно приветствовали, не столько его, Валентина, сколько заслуженную машину, некогда никого не удивлявшую, как и ее братец «Москвич». Притормаживал у Пулковских высот, набегали воспоминания о линии обороны, о Лешке, друге школьных лет, которого растерзала здесь авиабомба; вскоре поворот уводил от шоссе в сторону Красного Села, где был и еще один свороток на лесную дорогу, а там начинался заветный березняк, только там росли молодые веселки, оттого и названые так, что ветви их кистями свисали на высоте, доступной для прыжка. Валентин оберегал деревца, веток помногу не срезал, с болью смотрел на загубленную чьим-то безжалостным топором березу, из комля еще сочился сок, а листья уже пожухли, кто-то

воровато, наскоро обкромсал красавицу, еще немало получилось бы из нее веников, но Валентин не мог притронуться к погибающей.

Мимо банной очереди, в которой отстаивал каждый четверг, пробирался воровато, но все же его окликнул знакомый из Авиагородка:

— Ты куда лыжи навострил, Яковлич? Неужто разбогател? Или в женское отделение потянуло?

На третьем этаже мельком взглянул на старушек, разместившихся на «вокзальных» диванах, складных стульчиках. Разноцветные домашние халаты, пуховые и ситцевые платки, домашние тазики у самых чистоплотных — очередь небольшая.

Предбанник четвертого этажа почти пустовал, да в нем и не могло быть много людей: половину занимали спортивные приспособления — подобие турника, свисающие на канатах кольца, простенькие тренажеры, топчан для массажа, а у двери в моечную чернела главная достопримечательность — гиря с наполовину отпиленной ручкой; ее Валентин Яковлевич шутя поднимал десять раз в те времена, когда эта баня была доступна пилотам, гирю когда-то, должно быть, не допилил Шура Балаганов, по этому поводу всякий раз повторялось: «Пилите, Шура, пилите». Спортивные нагрузки для русской бани — не лишняя, а вовсе ненужная нагрузка. Понятно, когда в спортзалах после борьбы, беготни можно облегчить себя потом банным от пота тренировок. Но когда и где русский человек после парной бросался к плугу или литовке, чтобы попахать и покосить? Глупо. Посидеть, расслабиться, погутарить, попить кваску, чая, пива — это по-нашему, а хвататься в предбаннике за гирю, крутить тренажер — для придурков.

Свободных мест хватало. Валентин Яковлевич присмотрел шкафчик с нечетным номером — они всегда притягивали его больше, чем четные, возможно, с тех пор, как прочитал о пифагорейцах, те из четных чисел благоговели только перед декадой, то есть десяткой.

В предбаннике прохладно, но предчувствие парильни уже всколыхнуло тело, по спине побежала струйка, футболка увлажнилась.

И все же Валентин Яковлевич неторопливо разделся, присел на клеенчатую лавку, огороженную подлокотниками, прислонился спиной к металлическому шкафчику. Редкое для Питера солнце дотянулось до лица, хотя светило в окно откуда-то сбоку.

— Ух, какой у тебя знатный веник! — басовито прогудел огромный мужик. — Свободно? — он прицелился своим хилым веником в место напротив, отдышался, нелегко дались пролеты лестницы до четвертого этажа. Разговаривал мужик по-свойски, и это радовало Валентина Яковлевича.

— Где такой веник оторвал?

— Сам заготавливал, — с явной гордостью ответил Валентин Яковлевич.

— Оно и видно. Такой не купишь. Будто свеженький.

— В гараже храню.

Как умелый плотник не начинает рубить, строгать, не наточив, не подправив топор, рубанок, так и опытный парильщик тщательно готовится к встрече с парной.

Веник Валентин Яковлевич называл банным инструментом, а инструмент требует ухода и внимания. Тазик дважды промылил, оттер старой мочалкой черноту, въевшуюся в стенки, обдал кипятком, потом холодной водой и снова кипятком. Выверил ладошкой нужную температуру, попере-

менно направляя то горячую, то холодную струю, получилось чуть теплее парного молока, для замачивания в самый раз, пусть полежит. Первый заход не требует веника.

Парная встретила горячей волной, перехватило дыхание. Сразу оценил, что пока лучше посидеть на нижней ступеньке; устраиваться можно было где угодно, на полке грелись только двое, один уткнулся лицом в веник, вдыхал, постанывая. Второй не мог не привлечь внимания — он в обычных и красноватых наколках, символика которых не поддавалась пониманию даже тех, кто ведал смыслы армейских, флотских и арестантских татуировок; что означали зигзаги и орнаменты татуировок знали новые создатели и носители этих художеств на вечную память. Подобные граффити, слово такое Валентин Яковлевич где-то подслушал, мелькали на оголенных плечах, на копчиках девушек, а копчики открывались при всяком наклоне, восточная мода оголять животы и поясницы надолго захватила северные наши города. С возрастом все начинают если не гундеть о падении нравов, то, во всяком случае, поскрипывать; Валентин Яковлевич не утратил способность останавливать себя в осуждениях, скорее готов был оправдать всякие увлечения юных, но на татуировки и курево девочек смотрел с жалостью: «На кой ляд втягиваете в себя вместо воздуха дымную пакость?», что-то огрубляющее девичью нежность сквозило в повадках курящих; и еще невольно думал о детишках этих будущих мам — им тоже эти мамы передадут страсть к жадным затяжкам, к одурманиванию, к татуировкам? Парни в его юности забавлялись наколками, служившие во флоте — якорями на руке, и лишь отмотавшие немалый срок в лагере или тюрьме несли на себе пожизненно знаки своих зековских заслуг. Ворье, убийцы, мошенники — все, кого называли урками, разукрашивали себя надписями, портретами, картинками. И даже зеки, те, что посамостоятельнее, помудрее, обходились без наколок. Валентин Яковлевич относился к наколкам как к дикарству, или глупости юных лет, и невольно задумывался о нарастании дикарства.

Здесь, в парной, его взгляд лишь мельком отметил исколотого арабской вязью немолодого уже мужчину, явно молодящегося косичкой, свисающей к шее. Не до него было. Жар благодатно проникал в поры, кожа быстро увлажнилась, а вскоре на пол закапал пот, белесый, самый ядовитый. Глаза пощипывало, они сами собой закрылись, мление растеклось по всему телу.

Из полузабытья вырвал его басовитый голос:

— Натекло из тебя полведра. Не зря пришел — всю хворь и дрянь из себя вытрясешь.

И в самом деле, пот стекал с тела непрерывными струйками.

Человек-гора сразу забрался на самый верх полка и воззвал:

— Что-то и пару-то нет! Есть там кому подкинуть?

Обратился он не в пустоту, в парную как раз вошел мужичок и с охотой взялся за ковшик с длинной деревянной ручкой. Вытянул ковшиком наружу чугунные створки, удовлетворенно засвидетельствовал:

— Жару до вечера хватит. Огнем пылают камни.

— Не переборщи! Кидай по рюмочке.

— Не учи ученого, уж как-нибудь справлюсь.

Подбрасывал он умело, усиливая взмах в последний момент. Кипяток улетал в жерло и находил самое точное место на валунах, словно припеча-

тывался; в этой бане каменку наполняли валунами, после ночной топки их мощь не иссякала многие часы.

— Еще штучки три и хорош! — скомандовал человек-гора.

— Как скажете. Вам наверху виднее, — громкие пощечины трижды прозвучали в каменке. Пар подходил постепенно, не обжигал, принуждал скрючиться, пригнуть головы, прикрыться шапками, лыжными, или специальными банными, появившимися в изобилии, с бодрыми надписями: «Любитель бани», «Кто парится — тот не старится».

Валентин Яковлевич ощутил всплески сердца. «Забухало. Выработало ресурс или еще потарахтит?» — подумал он и выбрался в моечную. Присел на скользкую пластмассовую скамейку, поплескал холодной водой на голову и на грудь, в сторону сердца, отдышался, но все же решил отдохнуть в предбаннике. Некуда гнать лошадей.

Прохлада утихомирила прыжки сердца, а несколько глотков чая успокоили окончательно. Чай для бани получился отменный, над ним Валентин Яковлевич колдовал неторопливо, выверяя долю каждого компонента. Отдельно настоял в заварниках чай и настои трав. Распечатал жестяную баночку грузинского, еще из советских запасов — купил в тбилисском Доме чая. Хоть и поругивали грузинский чай, старались достать цейлонский или индийский со слонами на коробочке, но это справедливо было лишь в отношении ширпотребовского. Но в тбилисском Доме чая, дворце в центре грузинской столицы, подавали чайники, источающие ароматы, восхищающие самых придирчивых гурманов.

Травы Валентин Яковлевич заготавливал сам, знал сроки их сбора, подсушивал в чердачной тени недостроенной дачи зверобой, душицу, медуницу, стебли цветущей земляники, веточки черной смородины и малины. Подобно аптекарю классической школы, щепоткой отмерял, полагаясь на чутье, нужное количество каждой травы, засыпал в большой китайский фарфоровый чайник, добавлял туда плоды боярки и шиповника. Создавал такой настой, который не надо было разбавлять кипятком — и травяной и обычный чай он всегда готовил нужной густоты и терпкости.

Из металлической кружки термоса он сделал пару глотков, одобрительно крякнул: «Знатный чаек!»

— Не засиживайся. В парилке уборку сделали, мяты подкинули, — человек-гора сел рядом, его тело источало жар. Он вылил полбутылки пива в рот, оно ушло в горло без признаков проглатывания.

— Торопиться некуда. Успею.

Банщик стоит за своей стойкой на расстоянии негромкого голоса, спрашивает:

— Как, Виктор Федорович, натоплено?

— Плохо никогда не бывает, — отзывается человек-гора. Общительная его натура сразу притягивает к себе, его знают, и видно, что рады разговору с ним.

— Недавно в предбаннике, — повествует он, — компания расставила две бутылки водки, кое-какую закуску. Разлили на четверых, один отставил стопку в сторону: «Не пью». А колбасу жрет. Так и в третий, и в четвертый раз. Закуска кончается, а непьющий наворачивает после каждого тоста. Наконец, разливающий не выдержал: «Уж лучше бы ты пил, чем ел!»

Банщик хохочет беззвучно, в кулак, а свой рассказ начинает громко, чтобы не напрягали слух.

— На днях является такой же трезвенник, по-моему, он голландец, ходит по два-три раза в неделю, живет рядом в гостинице, не столько парится, сколько ловит кайф: нравится ему русская баня.

— Да я его знаю, должно быть, — подхватывает Виктор Федорович.

— Как поди не знать — долговязый, в круглых очках, не перепутать — иностранец.

— Слушай дальше. Приходит он как-то и — не ко мне, а заглядывает под скамейки. «Потерял что-то?» — спрашиваю. «Ботинки. Зеленые ботинки». Я бы заметил, если бы он босиком уходил. Да и не по погоде босиком ходить, хоть и бывают иностранцы с прибабахом. Еще и не обычные ботинки, а зеленые. Ты видел когда-нибудь зеленые ботинки?

— Я всякие видел, — говорит зычно Виктор Федорович.

— Вы, артисты, в театре в разные одежды наряжаетесь, вас не удивить зелеными ботинками.

— А может он шлепанцы искал? Слов-то у него в запасе не шибко много.

— Слушай, как это я не допер сразу? Скорее всего, так и есть: шлепанцы нынче разноцветные. Но зеленых уборщики не передавали, они нам отдают мыльницы, мочалки — их я сразу выкидываю. Только крестики нательные храню — целая связка на гвоздике висит — он подтвердил жестом слова.

Человек-гора подхватывает тему, обращаясь уже к Валентину Яковлевичу:

— Крестики нас оберегают. У меня оловянный, а у тебя, я гляжу, деревянный?

— Это из Иерусалима привезли, — просветлел радостью Валентин Яковлевич.

— Ишь ты! Прям из Святой Земли… Пора и погреться. Не для того пришли, чтоб балаболить. Как тебя кличут?

— Валентин.

— А я Виктор. Не обижаешься, что на «ты»?

— Как же еще в бане-то?

— Ну, все же ты постарше…

Проветренная, подметенная парная встретила настоем мяты, дышалось легко. Валентин Яковлевич на сей раз без задержки забрался вслед за Виктором на полок, подстелил тряпицу, сразу сел, чтобы не обжигало. Виктор остался стоять у ограждения полка и стал нещадно хлестать двумя вениками живот, огромный, но мускулистый, как бывает у штангистов и борцов.

Тощий мужичок, похожий рядом с Виктором на подростка, заметил:

— Паришься хорошо, а не худеешь.

— Все там будем — и худые, и толстые, — прорычал Виктор.

— Ты о людях подумай, — назидательно наставлял мужичок. — Каково им будет гроб с такой тушей тащить!

Виктору бы обидеться, но он заливисто, по-детски захохотал, куда-то исчезли басовитые ноты, он даже срывался на писк.

— Вот это я в театре расскажу! Почище любого анекдота! — С удвоенной энергией он стал охаживать себя по бокам, по ляжкам.

— Спину постегать? — предложил Валентин Яковлевич.

— Себя парь. Справлюсь.

Валентин Яковлевич раскручивал воздух веником и прижимал пар к телу, словно делал примочки. В прежние времена он парил виртуозно, иног-

да обрабатывал двух-трех приятелей и начинал с воздушных примочек, два веника вращались в его руках веером, едва касаясь тела, заманивая каждую клетку раскрыться навстречу целительному березовому натиску. Теперь он лишь обозначил действо и сразу начал ударять по кистям рук, а потом по стопам ног, продвигаясь все ближе к пояснице, к груди. Особо пропарил плечи, они частенько побаливали, иной раз с трудом поднимал руки, надевая рубаху. Рядом похрюкивал от услады Виктор, вторил ему вздохами и Валентин Яковлевич.

Сердце на сей раз не напоминало о себе, оно нашло свой ритм, созвучный космосу парной, вложенному в естество русского человека. Хотелось париться до изнеможения, и только бодрствующий здравый смысл подтолкнул спуститься с полка, встать в моечной под прохладный душ, а потом расслабленно откинуться спиной к шкафчику в раздевалке. Подрагивающими руками открутил крышку термоса, почти залпом выпил чай, это уже не был крутой кипяток, и ароматы трав стали острее, выделился вкус сока калины — его в последний момент долил в термос Валентин Яковлевич. Сок он хранил в холодильнике, добавлял в чай за завтраком, убедив себя, что тем самым снижает давление, в бане вяжущая горчинка возвращала ощущение слиянности с родной природой, какое случалось в молодости у костра под бесконечностью созвездий.

— По лампадочке примем? — к нему обратился тощий мужик.

— Не обижайся, свою цистерну я за жизнь выпил, чайком могу поддержать.

Мужик выпил, заел куском ветчины и сразу обнажил биографию:

— Шесть раз женился. Вывел закономерность — каждая следующая жена хуже предыдущей.

— И какая же тогда шестая-то?

— Такая и была. Отбила охотку жениться. Теперь холостяк.

Огнедышащее тело Виктора Федоровича обдало Валентина Яковлевича теплым облаком и заняло свое место напротив. И опять Виктор Федорович гасил внутренний жар потоком пива.

— Ох, хорошо! — выдохнул он.

— В бане только и хорошо, — ощерился тощий мужик. Во рту его торчало немного зубов.

— А ты не бери тяжелого в руку и в голову — всегда будет хорошо, — афоризм этот Виктор явно не сейчас выдумал.

— Виктор Федорыч, — вступил в разговор банщик. — Вот ты — артист. Давно хочу спросить — ты в театр ходишь смотреть, а не играть? Как зритель ходишь?

— Евгений, ты сам подумай, пойдет ли металлург в свой выходной к доменной печи посмотреть, как другие литейщики работают? — Он сделал паузу, оценив убедительность довода, посерьезнел и добавил: — Конечно, смотрю спектакли, когда возможность есть.

— Люди нынче ходят в театр? — выспрашивает банщик.

— Не то слово. Валом валят. Представь, приехали первый раз в Питер, идут по Невскому, а тут из глубины сквера — явно Большой театр: колонны, кони наверху. Как не пойти в такой театр? — и тут же перешел на театральную шутку. — В кои веки выбрались питерские муж с женой в Александринку. Посмотрели, вышли потрясенные. Идут из театра молча,

до площади Дворцовой молчат. Наконец, на мосту муж поворачивается к жене и с упреком: «А все ты — пойдем в театр! пойдем в театр!»

И тут Валентин Яковлевич вспомнил, что в боковом кармане сумки припас пихтовое масло, присланное с Алтая фронтовым товарищем. Маленькую бандероль тот подарил ко Дню Победы. «Надо подкинуть на стены, подышу ароматами, и можно закруглятся». С этими мыслями пересек Валентин Яковлевич моечную, вошел в парную, там грелся спортивный мужик с косичкой. «А, может, он не выпендривается, а веру чужую себе примеряет? Какой-нибудь буддизм или еще что-то восточное?»

Валентин Яковлевич взял за длинный черенок небольшой ковшик, зачерпнул из тазика кипяток и стал осторожно добавлять из флакончика настойку.

— Ты чего там нацелился подкидывать? — требовательно спросил субъект с косичкой.

— Пихтовое масло.

— Охренел что ли? Оно же гореть будет на камнях!

— Я на стенку кину.

— Не нужна твоя вонь!

Валентин Яковлевич растерянно стоял с наполненным ковшиком.

— На стенку пихты плесну? — вопрос он обратил к вошедшему в парную Виктору.

— Чего спрашиваешь?! Подышим тайгой, это на пользу.

Можно было бы, вроде, и успокоиться, но сердце уже не слушалось голоса разума, затарахтело прерывисто, и Валентин Яковлевич не остался больше в парной, постоял под прохладными струями душа и засобирался уходить.

В аэропортовском автобусе-экспрессе гонял на разные лады одну и ту же мысль. «Так за жизнь и не научился не обращать внимания на базарные выпады. Ну что мне этот, с косичкой? Отойти бы в сторонку — и весь разговор. «Не бери тяжелого в голову», — так что ли высказался этот артист в бане? Сказать легко, а ты попробуй натуру переделать!»

Для успокоения и для завершения банного ритуала дома выпил рюмочку настойки собственного приготовления — с корешком калгана. Стрелки настенных часов двигались к трем. «Еще полдня впереди, быстро я с баней отстрелялся». Время обеденное, но желания что-то съесть не возникало. Пришло совсем другое стремление.

С самого пробуждения в этот четверг Валентин Яковлевич ощутил душевное беспокойство, тревогу даже. Баня не уняла притаившееся чувство. Он открыл перекидной календарь, прочитал, как давнее припоминание, толкование причастия, начавшегося с того четверга, когда на Тайной вечере слушали Спасителя его ученики.

Как не выскабливали из русской души Православную веру, не учли, что душа бездонна и в потаенной ее глубине родники веры неумолчно журчат, они никогда не заиливаются.

«Не может не быть службы в храме в такой день?» — подумал Валентин Яковлевич. И уже не он решал, как и куда двигаться дальше. В аэропортовском экспрессе водитель сговорчиво тормознул возле монастыря, огороженного строительным забором. Женщины, шагнув в ворота, кланялись, крестились, их движения повторил Валентин Яковлевич. Он помнил вытянутое

белое тело монастыря, в войну приходил сюда к знакомым в коммунальную комнату, неестественно просторную для жилья, разгороженную ширмой и какими-то цветными занавесками. Неподалеку выковыривали они расплавленные пожаром слитки сахара на Бадаевских складах, поначалу пытались очищать липкие комья от грязи перочинными ножиками, но скоро стали обходиться без этого, чернота при разбалтывании оседала на дно, крупные соринки всплывали, их выкидывали ложкой, слаще водички не припомнить.

Храм Казанской иконы Божией Матери спрятан строениями, смотрящими на проспект, оттого, должно быть, он и уцелел, что не виден был из начальственных машин, безбожники, если и могли обнаружить храм, то в какой-нибудь юбилей поэта Некрасова, похороненного за изгородью монастырского кладбища. Говаривали старушки, что могучий храм, похожий на Константинопольскую Софию, не растерял величия и красоты, хотя терзали его нещадно, даже грохотали в нем до недавней поры станки механического цеха.

Безлюдие двора храма настораживало, показалось, что служба не происходит. И все же Валентин Яковлевич обошел сооружение от алтарного выступа к ступеням центрального входа, массивная дверь поддалась. Прихожане стояли с зажженными свечами, Валентин Яковлевич свернул вправо к свечной лавке. Пожилая монахиня подсказала ему, что во время чтения Евангелия нельзя отвлекаться, он постоял в притворе, голос священника умолк, последовало пение хора, Валентин Яковлевич купил большую свечу и пристроился к молящимся.

Свечи то гасили, то возжигали, ритм моления в полумраке огромного храма незаметно захватил все существо Валентина Яковлевича, будто очищенное баней тело помогало проникновению в его душу духовных слов. И не тревожила поясница в поклонах, и легко было вместе со всеми рухнуть на колени и ощутить лбом прохладу пола.

Женщина в темном платочке и темном же платье тушила колпачком догорающие свечи, огарки прихватывала щипцами и складывала в медный поддон. Ей решился шепнуть Валентин Яковлевич: «Где можно на исповедь?»

— Поздно вы спохватились: утром надо было приходить, или вчера в шестнадцать на общую исповедь.

— Как же теперь? — растерянно спросил Валентин Яковлевич.

Женщина словно сжалилась над ним:

— Попробуйте подойти к батюшке после службы, они, конечно, усталые, но попробуйте. По милости Божией, может, и исповедуетесь.

«А ведь к исповеди полагается готовиться, — подумал Валентин Яковлевич, — что отвечу, если батюшка спросит?.. Не виноват я, если не приучен. От сердца расскажу, простит, поди, старика. Господь-то знает, что от чистого сердца».

Пока продолжалась служба, перебрал в голове все, что мог бы сказать о прегрешениях, вспоминал давнее, все, в чем не повинился вовремя.

Строгий моложавый священник с полуслова воспринял просьбу, жестом позвал его, и сразу забылись заготовленные фразы о грехах, начал совсем о другом:

— Поздно я пришел в храм…

— В храм никогда не поздно, ведь пришел.

— Не научили меня исповеди. Не знаю, с чего начать.

— Начните с того, в чем чувствуете вину перед близкими…

Долгий апрельский день еще цеплялся остаточным свечением уходящего солнца за купола храма. Валентин Яковлевич пересек монастырский двор, но покидать этот оазис тишины не хотел и, увидев распахнутые ворота кладбища, вошел в пространство соприкосновения с тишиной вечности.

Прежде он иногда показывал знакомым, особенно приезжим, могилу Некрасова, все по школе помнили его стихи, но редкие ленинградцы знали о месте его упокоения. На сей раз Валентин Яковлевич не подошел к знакомой могиле, а свернул направо по следующей дорожке. На него смотрели разоренные склепы, покосившиеся надгробия, осевшие холмики. Остановился у трех беломраморных крестов, огражденных невысокой чугунной решеткой. Прочитал — Федор Иванович Тютчев. И у Тютчева, и у его жены эпитафии из Евангелия от Матфея. После церковной службы, на которой услышал много евангельских текстов, вчитался с особым вниманием и, шагая дальше сквозь могильные ряды, повторял, может быть, и не дословно, но не теряя смысл изречений — блаженны милостивые, ибо они помилованы будут; блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Отчего милостивость выпала стать нетленной строкой для Федора Ивановича, а чистота сердца — для его жены? Божественные слова таят непостижимую глубину, вся великая поэзия питалась священными текстами, Тютчев — не исключение. Этими текстами и нам бы напитываться, а мы за жизнь столько проглотили газетной, книжной чепухи, а теперь еще и компьютерная добавилась! По строке хотя бы каждый вечер прочитывать, продумывать вечные слова, обращенные к вечности, совсем иной стала бы жизнь. Утратили мы чувство греха, чувство продумывания своих поступков. Верно сказал на исповеди батюшка: грех — это не только блуд. Вот стою у могилы Боткина — ведь грех, что не приходил к нему поклониться, поблагодарить за исцеление в больнице его имени. И сколько таких грехов?! А кто-то все же приходил недавно, положил букет на ступени, поднимающие благодарного человека к захоронению, к черного камня бюсту. И родню почаще бы навещать на Красненьком кладбище! Не такой уж дальний путь до Автово. И к однополчанам… Круговерть и на пенсии не кончается, здесь только, у могил и притормозить, опомниться, расставить по местам главное и мелочное… Оживает монастырь, значит, будут рядышком молиться о погребенных. Хорошо упокоиться там, где молятся. А в монастыре молитва особая.

В пятницу Валентин Яковлевич отлеживался: в груди застряла тянущая боль. «Не мешало бы сделать кардиограмму», — решил он и договорился по телефону, что ему оставят номерок в поликлинике на субботу.

Шиковать не любил, но тут решил, что без такси не обойтись. На кушетку забрался сам, хотя плечо левой руки ломило, словно натруженное неимоверной нагрузкой. Врач, молодая черноволосая женщина, привычными движениями прицепила датчики, отошла к столу, а вернувшись, обомлела.

Она набрала дрожащим пальцем номер телефона:

— Вадим Сергеич, скорее помогите! Кажется, пациент умер.

Главврач пришел не один, со свитой докторов, медсестер.

Им сразу все стало ясно. Женщины запричитали. Главврач остановил их твердым спокойным голосом:

— Чего раскудахтались? Милость Божия — умереть на Пасху. Ворота в рай — настежь.

Возможно, Валентин Яковлевич услышал слова врача. Это нам неведомо.

ПОЭЗИЯ

Татьяна МАРУГОВА

«МЫ ЖИЗНЬЮ ИЗМЕРЯЕМ ВРЕМЯ…»

Татьяна Владимировна Маругова — родилась в городе Подольске Московской области, окончила Академию народного хозяйства им. Плеханова, автор двух поэтических сборников «Вслед земли» (2011) и «Песнь венчальная» (2012), в настоящее время учится в Московском литературном институте им. М. Горького. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

ЦАРЮ НИКОЛАЮ

Нет такой жертвы, которую я бы не принес, чтобы спасти Россию.
Николай II

Нет! Я не верю, Царь Святой,
Что Ты отрекся от престола,
Своей десницей золотой
Поставил отреченья слово.

Не верю! И в моей душе
Негодованье гневно веет…
В вагоне пыльном — «шалаше»
Да разве русский Царь посмеет

Каким-то там карандашом
Творить судьбу Святой России?
Конечно, был обманут он,
Подвергнут гнусному насилью.

Тогда, когда царила ложь,
И велиар творил законы,
И веры, правды не найдешь,
И лишь предатели у трона,

Наживку кинули враги:
«Ваш Царь так, дескать, отказался…»
Заставить видно не смогли,
Чтобы прилюдно он поклялся.

Обманута страна, народ,
И одурачена история,
Но свет она еще прольет
Пролитой русской царской кровью.

Нет! Я не верю, Царь Святой,
Что ты отрекся от престола.
Ты на Голгофу всей семьей
Взошел как жертва произвола.

Взошел как агнец… и ты знал,
Что в жертве — возрожденья сила,
И жизнь свою за нас отдал,
За то, чтобы жила Россия!

НЕРОЖДЕННЫХ ГОЛОСА

Ох, как тяжко, слышу стоны
Неродившихся детей,
Убиенных и лишенных
Жизни матерью своей.

Стон истошный, вопиющий,
Хор молящих голосов
И о помощи зовущих
Неисполненных отцов.

Льются реки крови деток,
Разрезаются сердца,
Над больничною кушеткой
Клятвой данной… подлеца.

Кровь, и страх, и лязг тележек,
В преисподней крепче дым,
А их мамы в неге нежной
Спят забвением слепым…

Нет… Не верю… Очень сложно
Это все в себя вместить,
Как же это все возможно —
Матери дитя губить?

Раскромсать на сто кусочков,
Да еще глумливость дам:
«Кто там, мальчик или дочка?
Интересно просто нам…»

В древности варили свечи
Из убитых малышей
Для того, чтоб незамечен,
Вор свечой светил своей…

Столько малышей увечны
И заколоты легко,
Видно, мамы варят свечи
Из младенца своего…

Эти свечи в преисподню
Освещают темный путь,
С ними вход туда свободный,
И не сбиться, не свернуть.

Там увидят мамы: дети
В серых платьицах сидят,
Все исколото их тельце,
Кровью ранки их струят.

«Здравствуй, мама дорогая,
Я так долго ждал тебя,
Может, здесь ты приласкаешь,
Пожалеешь ты меня?

Все мои иссохли губки,
Ранки некому омыть
И от тьмы бесовской жуткой
Обогреть и защитить…»

Только мамы не сумеют
Защитить свое дитя
И невольно столбенеют,
В отупении глядя…

Поздно! Поздно! Оправданья
Изымать из тайн души…
Не нужны уже лобзанья,
Ведь погибли малыши.

Захлебнулись своей кровью,
Испустив безмолвный крик,
Дети, данные любовью
И убитые за миг…

Тяжко! Тяжко! Слышать стоны,
Нерожденных голоса…
Вопиет их сонм огромный
И взывает к небесам!..

БЛАГОВЕСТЫ НАД МОСКВОЮ

Благовесты над Москвою,
Благовесты — как покров,
Были — щит над головою,
От беды и от врагов.

А сегодня средь дубравы
Из бетона и стекла
Опустили церквы главы,
Не в чести колокола.

И, свои надвинув брови,
Небоскребы, как скала,
Своей каменной любовью
Обнимают купола.

Утонули колокольни
В дебрях каменных Москвы…
Так же, вольно иль не вольно,
В этих дебрях тонем мы…

ЗАВТРА — ТРОИЦА

Чистый ветер — обрывок северного лета.
Воздух свеж, и голуби сидят на ветках.
Там и здесь — туристы и зеваки…
Тишина… Безмолвствуют монахи…
Я брожу по Лавре в упоенье,
Завтра — Троица… И завтра — воскресенье…

СВОЕ МГНОВЕНЬЕ

Всему, всему — свое мгновенье,
Свой смысл, свой голос, свой черед.
Мы жизнью измеряем время,
Оно лишь продолжает ход.

И никогда не опоздает,
И никогда не поспешит.
Оно всегда все точно знает
И все однажды предрешит…

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Что стучишь, мой друг, по крыше,
Черепицею шурша?
Долгожданный шорох слышу,
И волнуется душа…

Это теплым нежным ливнем
Плач пролили небеса —
Где дорогу лунным бивнем
Пробивает к нам весна…

ГОРОД, МОЙ ГОРОД…

Город, мой город… Москва золотая,
Ласковый шорох веток трамвая,
Солнечный лучик в старинном окне,
Зарево утра в зеркальной стене…

Образ, твой образ… Могуч, необъятен,
Нет в твоем образе тени и пятен,
Кутаешь мысли в прозрачную шаль.
Город, мне так старину твою жаль…

Голос твой… Голос… Как ласковый ветер
Утренних полос на свежей газете —
Новости… Люди… Рассказы… Стихи…
Жизнь начинается с красной строки…

Город мой… Город… Москва золотая,
Ты мне дороже алмазного рая —
Ты мне подруга и ты моя мать…
Дочерью можешь меня называть…

РОССИИ

Я дышу тобой, Россия,
Я живу тобой одной,
Ты — мой воздух, моя сила,
Мой таинственный покой.

Я тобой питаю корни,
Наполняя силой кровь,
Ты судьба моя — бесспорно —
Моя вечная любовь!

ПОЭЗИЯ

Константин ВОРОНОВ

«У НАС В ПРИАМУРЬЕ В ГОДУ ЦЕЛЫХ ДВА ЛИСТОПАДА…»

Константин Федорович Воронов (Константин Корсак) — родился в 1961 г. в селе Красный Яр Амурской области, в семье первопоселенцев Приамурья. С 1984 г. после окончания военно-учебного заведения проходил службу в воздушно-десантных войсках в Литве, Афганистане, Белоруссии. В 1992 г. вернулся в Благовещенск, где начал заниматься бизнесом. Автор четырех поэтических сборников и одного сборника рассказов. Член Союза писателей России. С 2013 г. — председатель правления АООПО Союза писателей России. **Живет в городе Благовещенске.**

* * *

Уже июнь, «коту под хвост» все лето:
Не сеяна пшеница и ячмень.
Давно уже мне б нужно сделать это,
Но нет семян, солярки, просто лень.

И зарастает мой гектар бурьяном,
Бурьян растет, как цены на бензин.
В столице, как всегда, все сыто-пьяно,
А тут… как говорят, «обидно, Зин».

Знать, времена сегодня непростые,
И хоть сказать я точно не берусь,
Но думаю, в нашествие Батыя
Деревней нашей выглядела Русь.

Орда сосала соки из землицы,
На золото Орде они пошли.
Теперь златые купола в столице,
Да там же в банках золота кули.

С востока мчат вагонов вереницы,
Чиновники, барыги, голытьба
В них едут в направлении столицы
На сытные ясачные хлеба.

Пустеет Приамурье год за годом,
Уж зверь бредет к лачугам из лесков,
И скоро здесь количество народа
Сравняется с количеством волков.

* * *

Их считают все реже и реже:
И бессмысленно, и неохота.
Скоро снова копейки отрежут,
Будто рубль подкастрирует кто-то.

На потеху окрестному миру
Проглотить что угодно мы рады,
Рот раскрыв и внимая кумирам
От политики и от эстрады.

И толпа от экстаза готова
Без портков в одночасье на небо
Под фанфары вселенского шоу
Да раздачи бесплатного хлеба.

В экономике где-то промашки,
Но полны и трибуны, и сцены…
Мнет в кармане старушка бумажки
И безмолвно сканирует цены.

* * *

Всех красоты влекут — стать вершин да хрусталь водопадов,
И ручьи, где вода холодна до сведенья зубов.
А у нас из природы чудес — целых два листопада:
Здесь весной осыпается золото листьев с дубов.

Несомненно, весна, тем, кто выжил зимою, отрада
Все зверюшки ей рады, и птицы, и рыбы, и мы.
Но у нас в Приамурье в году целых два листопада,
Для того, полагаю, чтоб помнили холод зимы.

Может быть, потому мы живем с целым миром не в ногу:
То на шаг отстаем, то на сто, то сучим невпопад.
Целых два листопада в году — это, видимо, много —
Лишний повод для грусти на фоне весны листопад.

ВЕРА

Поутру как-то я, выходя,
Крикнул вдруг: радуйтесь люди —
Нынче в прогнозе сказали: дождя
Месяц, пожалуй, не будет.

Пусть еще сер да уныл горизонт,
Выглянет скоро светило.
Верю всему, не беру с собой зонт;
Знаю науки я силу.

Скажет ученый: вот, все хорошо —
Безоговорочно верю:
Сверху сказали, что кризис прошел,
Я и забыл про потери.

Верую, верую я, ну и что ж,
Мозг скептицизмом не сушит…
Меня водопадом полощет дождь,
Сомнением капая в душу.

* * *

Бывают сбои в парашютном спорте —
Кричал безостановочно мужик,
Казалось, был немало удивлен тем:
Почти земля, а он еще все жив.

Кабы еще на стадии отрыва
От аппарата, воздуха сильней,
Задумался: раз так земля красива,
Опасна, может статься, встреча с ней.

Лишь вот теперь, у краешка могилы
Прозрел он и об этом нам кричал:
Ребята! Красота большая сила!
А сила и размажет сгоряча.

* * *

Трещали, землю терзая, морозы,
Деревья зябли в летаргическом сне,
И, вдруг, в горшке полыхнувшая роза
Кровавой каплей отразилась в окне.

В час неурочный сполохом лета,
Через стекло от стужи зимы,
Но это с той стороны, а с этой —
Тепло, уютно, роза и мы.

ДИАЛОГ, ПОДСЛУШАННЫЙ В ПИВНОЙ

— А чему тебя за год успели в армии обучить?
— Да полгода танк ремонтировал, а еще полгода к параду готовился.
— А танком молодой механик остался доволен?
— Да нет, пока я на дембель штаны гладил, его на запчасти растащили.

Армия дышит на ладан
В рамках военных реформ.
Радуют только парады
Пестрым обилием форм.
С тульей высокой фуражки
В духе «Латинос» кураж —
Сшил панталоны Юдашкин,
Зверев подвел макияж.
Топает юфтью пехота
В ритме гвардейских атак,
Сзади с большой неохотой
Старенький тащится танк.
Долго его оттирали,
Чахлый чинили мотор.
Полк на запчасти порвали,
Вот он и жив до сих пор.
И, несмотря на погоду —
Дождь и шальные ветра,
Тренировался полгода,
Даже попал на парад.
И оправдал дело нянек —
Небо коптил хорошо…
Год отслуживший механик
Сразу ж на дембель ушел.
Армия дышит на ладан:
В руки не взяв автомат,
Год на потребу параду
Оттарабанил солдат.

* * *

Кристальна неба чистота,
Снег невозможно бел.
Осталась дома суета,
Завалы срочных дел.
На снега девственность маня
Из сутолоки дней,
Уходит робкая лыжня
В безбрежность, я за ней.

ПРОЗА

Дмитрий РОГОЗИН

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ*

Дмитрий Олегович Рогозин — родился в 1963 г. в Москве. В 1986 году окончил международное отделение факультета журналистики МГУ В 1993 г. создал и возглавил движение «Конгресс русских общин». В последующие годы активно занимался защитой прав соотечественников в Прибалтике, Югославии, странах СНГ. Неоднократно избирался депутатом, был заместителем председателя Госдумы, руководителем фракции и партии «Родина». Добился беспрецедентных уступок со стороны ЕС. В 2008 году Указом Президента был назначен на пост постоянного представителя России в НАТО. Заместитель председателя Правительства России. Доктор философских наук. **Живет в Москве.**

В эту зиму в Москве выпало снега так много, что его огромные и сверкающие на солнце сугробы громоздились в Сокольническом парке на каждом углу. Эти белоснежные цитадели были столь велики, что полностью закрывали водителям боковой обзор. На каждом повороте приходилось не только притормаживать, но и полностью останавливать тяжелую машину. Надо сказать, что делала она это неохотно, ворча своей АВБкой всякий раз, как только я покушался на ее степенное, ровное и полное уважением к себе движение. Так, короткими переездами-перебежками мы, наконец, добрались до ворот госпиталя и остановились напротив его проходной.

— Не надо пропуска! Проходите так. Мы вас знаем, — дюжий охранник, показавшийся в коридоре проходной, нажал на какую-то кнопку, и крутящаяся калитка поддалась моему давлению и со скрипом провернулась.

— А вы к кому? Вам пропуск нужен, — послышалось за моей спиной. Калитка вздрогнула и застыла, удерживаемая невидимым механизмом. Охранник вновь высунулся из своей коморки, откуда доносились звук телевизора и пряный запах колбасы.

— Это мой сын. Он со мной, — я показал Алексею, чтобы он не задерживался и следовал за мной. Охранник мигнул обоими глазами в знак согласия, калитка заскрипела, пропуская Алексея к внутренней двери проходной. Потеряв к нам интерес, голова охранника привычно крутанулась на 180 градусов в сторону очередного посетителя и занялась его расспросом.

---

* Некоторые главы из повести публиковались по разрешению автора в нашем журналах в № 1 за 2011 г., в № 2 за 2012 г., в № 3 за 2013 год.

По скрипучему снегу, опасаясь затаившегося под ним льда, мы короткими шажками проскользили по внутреннему двору и в компании клубов ледяного воздуха вошли в просторный мраморный вестибюль госпиталя. В полупустой гардеробной о чем-то ворковали две пожилые женщины, где-то под боком у них играла музыка из старого советского ретранслятора. Мимо со швабрами и ведрами с водой прошли два тощих солдата-санитара. Они не без интереса взглянули на наши продуктовые пакеты с рекламой известной торговой марки. «В 18 лет всем парням все время есть хочется», — подумал я и вспомнил, как мы на военных сборах под матрацами сушили хлеб и потом после отбоя всей палаткой хрустели безвкусными сухарями, мечтая о доме, мамке и кастрюле с борщом.

Миновав три ступеньки, мы вошли в лифтовой холл и вызвали одну из кабинок.

— Ты внизу никогда не раздеваешься? — сын стянул с себя куртку и стал разматывать шарф.

— А зачем, когда можно все в палате на окне оставить? Слушай, мы сейчас с дедом поздороваемся, и ты с ним останься, пока я схожу к врачам на консилиум. Главврач меня к 11-ти ждет.

— Хорошо, пока почаевничаю с ним.

Я осторожно открыл дверь в палату и громко спросил:

— Можно?

— А! Тома, сынуля приехал! Да не один, а с Лешенькой! — отец, став совсем больным, перешел в общении с родными на уменьшительно-ласкательные суффиксы.

— Проходите, что там застыли?

— А мама где?

— В столовой. За хлебом пошла. А обеды нам Танечка, сестра твоя, привозит. Так что мы в ажуре!

— Так если мать в столовой, что ты ее кличешь?

— Не говори! Точно! Старый стал, больной…

Я наклонился к отцу и поцеловал его. Подумал: «Худющий. Совсем высох. И выглядит намного хуже прошлого раза».

— Ну как ты себя чувствуешь, пап?

— Да неважно. Нога болит. Есть не могу, организм еду не принимает. Домой хочу. Вот думаю, сделают мне операцию — домой поеду. Здесь мне все надоело, а дома стены лечат.

— Пап, ты пока с Лехой поговори, а я в госпитальную аптеку схожу, мне там кое-что надо. Скоро вернусь, — я встал, уступая сыну место у кровати, и вышел в коридор. Там меня уже ждал незнакомый доктор. По больничным коридорам он провел меня в ординаторскую. Там начальник клиники собрал на консилиум всех специалистов, имевших отношение к лечению отца.

— Ну, мы здесь пока вас ждали, уже обменялись мнениями. Вы — сын Олега Константиновича и должны знать всю правду. Операция ему уже не поможет. Он неоперабелен. Метастазы поразили всю брюшную область и лимфоузлы. Лечение предлагается медикаментозное, консервативное. Да и лечением-то это не назовешь. В общем, будем пытаться, что есть в наших силах, облегчить его страдания. Переходим на самый сильный препарат.

— Сколько ему осталось?

— Это очень индивидуально! — в разговор включился бритый наголо военный врач, похожий на облученного физика-ядерщика, — может быть, месяц, а могут быть и дни. Все зависит от силы сердца. Оно у Олега Константиновича мощное, совсем еще молодое, но две химиотерапии ослабили его значительно. Понимаете, химия — это зараза, которая и опухоль убивает, и сердце. Помочь она может, но только в среднем возрасте. У пожилых людей нет такого жизненного ресурса, чтоб выкарабкаться после яда.

— Зачем же тогда его вводите?

— Пробуем все, чтобы остановить болезнь!

— Что вы советуете нам, родным? Как мне лучше мать настроить, семью? Что вы обычно рекомендуете в таких случаях?

Начальник госпиталя, видимо, сочтя, что ответ на данный вопрос имеет отношение к его исключительной компетенции, замер в кресле, затем подался телом вперед, встал и вплотную подошел ко мне. Протерев очки и выиграв таким образом пару секунд для формулирования ответа, он, наконец, тихо произнес:

— Я бы порекомендовал вам обзвонить тех, кто хотел бы еще увидеть Олега Константиновича живым. Пока он в сознании, он будет рад видеть тех, с кем имел дело, дружил, поддерживал приятельские отношения. Скажите этим людям, что он хотел бы их увидеть, а его предупреждайте непосредственно перед их посещением, чтобы он не стал возражать, мол, зачем людей беспокоить. Поверьте, я нахожусь под сильнейшим впечатлением от общения с вашим отцом. Даже если он вам говорит о каких-то своих планах, он на самом деле вас хочет приободрить. Сам-то он свое состояние прекрасно понимает и готовится к концу. Но не стонет, а вас жалеет. Понимаете, в чем дело? Хороший, красивый у вас отец. Нам всем жаль, что он уходит.

— Спасибо за добрые слова!

Мы попрощались. Врач с вечно грустными глазами довел меня до дверей отцовской палаты. Батя дремал. Мама разговаривала с Алексеем, кружась с какими-то чашками в руках в узком пенале гостевого холльчика. Я поцеловал мать и своими словами, не травмируя ее душу, пересказал ей слова докторов. Спросил, где их квартирная телефонная книжка, где записаны телефоны друзей и сослуживцев отца.

— Мам, ты с мобильного вызванивай тех, кого считаешь нужным позвать сюда. Ему худо, видишь, совсем слабый. Только звони из коридора, чтобы папа не слышал.

— Ох, сыночка, дорогой ты мой, сил моих нет видеть, как ему все хуже и хуже. Уж лучше б я за него болела! Только бы не видеть его страданий…

— Нет, мам, так нельзя говорить. Господь каждому посылает испытания по силам его! Отец сильный, мужественный, ты же знаешь, а ты — слабая женщина. Ты б такого не выдержала, поэтому и не говори так. Ты нам нужна, береги себя! — я обнял маму, но она вскинула на меня свои мокрые карие глаза, обхватила мое лицо руками, прижалась и горько-горько заплакала. Тогда и я понял, что приближается время, когда душа будет сжиматься, и слезы стоять наготове, и сказал себе тотчас, что хоронить моего генерала я буду с сухими глазами. Отец никогда своих слез не показывал, и от меня их не дождутся. И всё тут!

Отец зашевелил рукой и приоткрыл глаза. Я сначала подумал, что он так спит. Нет, точно не спит!

— Пап, ты как? Проснулся?

— Я сейчас удивительный сон видел. Очень хороший. Будто бы мы все собрались, вся семья. И внуки, и правнуки, и дети со своими супругами, и Томочка, и Танины родители, все-все. И сидим мы в лесу за столом. Птицы поют как по заказу. Небо чистое — ни облачка! Солнышко не жаркое, а теплое, легкий ветерок с прохладой. Сидим за столом, а стол весь блюдами покрыт, да со всякой всячиной и вкуснятиной. Икра черная и красная, молочные поросята с оливками вместо глаз, соленья, разносолы разные, наливка в кувшинах, кваса и пива по жбану, хлеб горячий, как помнится, на Алтае в эвакуации нас булочник баловал таким хлебом, а мы ему за это воды носили. Вот такой сон прекрасный, даже просыпаться не хотел.

— А меня во сне видел? — мама присела на край кровати и влажной салфеткой стала вытирать отцу лоб и волосы.

— Я же говорю, и ты там была. Вся наша семья.

— Алик, вот ты поправишься, и мы поедем на дачу, там в лесочке так и усядемся.

— Да нет, это не на даче было. Место какое-то неузнаваемое.

Мать многозначно посмотрела мне в глаза, но я не понял, что означал для нее и отца этот его сон. Сон как сон. Я часто сны вижу, цветные и увлекательные, но только на третий-четвертый день отпуска.

Мама взяла телефон и с Алексеем вышла в коридор. Наверное, звонить пошла по списку друзей.

— Пап, ты не устал? Разговор про нашего полицеймейстера продолжим? Есть что тебе рассказать.

— Да-да. Давай. С удовольствием. На чем мы с тобой остановились? …Банка с недоноском. Слушай, а ведь это целая метафора, образ! Образ русской революции. Недоношенной в 1915-м, но к 1917-му году вполне созревшей и вылезшей из этой банки. Страшный образ. Скажи, а что было потом с Николаем Антоновичем? Он ведь на фронт ушел после разговора с Царем, так?

— Да. В сентябре он уже прибыл на Западный фронт.

— Дед Борис мне рассказывал, что в конце 1915 года они встретились — отец-генерал и сын-подпоручик.

— Судя по «Краткой записке о службе», которую я получил из Военно-исторического архива, твой дед в октябре 1915-го был отозван с Северо-Западного фронта и командирован в «Офицерскую школу авиации для обучения полетам». Видимо, там и состоялась их первая за время войны и последняя в жизни встреча. Там же, в Военно-историческом архиве я раздобыл аттестацию военного летчика, подпоручика Бориса Миткевича-Жолтка. Вот она. Смотри. Так… Графа «Должность и с какого времени» — здесь сказано: «Начальник 3-й сборочной авиационной базы — съ 29 апрѣля 1917 года». То есть они оба продолжали служить на разных фронтах: Николай Антонович — на Западном, а Борис Николаевич — на Северо-Западном. Кроме того, дед Борис в 1916-м был ранен и находился на излечении.

— А вот сейчас прошу внимания! У тебя, отец, будет прилив гордости! Зачитываю характеристику на Бориса Николаевича. Она приложена к его аттестации. Итак: «Военный летчик подпоручик Борис Николаевич Миткевич-Жолток прекрасно поставил дело сборки и ремонта самолетов. Обла-

дает прекрасными организаторскими и административными способностями. Сумел сплотить весь состав своей базы для продуктивной и интенсивной работы. Пользуется любовью товарищей и подчиненных. К подчиненным ровен, требователен. Прекрасный техник. В смысле исполнения служебных обязанностей является примером для всей базы» Подпись неразборчива. Видно только, что подписал штабс-капитан, командующий 1-м авиационным парком Действующей армии.

— А я все думал, в кого ты у меня такой умный? Оказывается в прадеда Бориса! — отец хоть и подшучивал надо мной, но по всему был явно, доволен характеристикой, данной его предку. — Вот, видишь, он не только военным летчиком стал, причем одним из первых в России, но и был основателем военно-воздушной инженерной традиции! Дед твой, мой отец Константин Павлович — тоже ведь авиационный инженер. Только вот ты у нас диссидент — в дипломаты пробился!

— Пап, как дипломат я часто летаю, значит, тоже могу считаться почетным летчиком бизнес-класса.

— Летчиком-налетчиком, — отец уперся затылком в подушку, поморщился и уставился в потолок. Глаза его слезились. Генерал устал от разговора и эмоций, которые выкачивали силы. — Дай-ка мне воды, летчик-налетчик!

Я поднес к его губам стакан воды. Несколько капель попали мимо цели и скатились по впалым щекам на подушку.

По-моему, отец не заметил мою неловкость.

— «Сплотил весь состав своей базы для продуктивной и интенсивной работы»… Послушай, Дим, как хорошо, четко сказано. Писано-то почти сто лет назад, но стиль современный, деловой. «Продуктивная и интенсивная работа!» — это прям как цитата из «Программы вооружений». Помнишь в фильме «Чапаев», когда эта молодая дрянь Анка-пулеметчица косила огнем офицерские ряды капелевцев, кто-то из красных командиров сказал: «Красиво идут! Интеллигенция!» Вот эта вся интеллигенция, цвет русского офицерства, там на поле и осталась. И штабс-капитан этот там же лежит. Страшная вещь, сын, гражданская война! Потом, в Великую Отечественную перебили поколение молодых советских парней, тех, кто из окопа первым лез на врага. Остались те, кто чудом выжил или кто пошел воевать позже, когда мы бить немцев уже научились, плюс остались окопные и штабные крысы. Вот и идет вырождение нации. Нам выпал страшный век. Тебе и твоим товарищам тяжело будет, но шанс установить длительный мир для России у вас есть. Сумейте им воспользоваться! Сумеешь?

— Сумеем, сумеем. Пап, может, тебе отдохнуть надо?

— Нет, не уходи. Когда с тобой разговариваю, боль подвигается. Знаешь, мне сейчас мощное обезболивающее колют. Иногда все плывет перед глазами. Видения какие-то, не пойму, что правда, а что сон. Вот сейчас вижу, что ты в палате — это правда. Давай еще поговорим, если ты никуда не торопишься.

— Да нет, конечно, с удовольствием. Я ж к тебе специально прилетел, да и на службе знают, что я в отпуске в связи с твоей болезнью. Да даже если бы и не в отпуске… Давай я тебе еще кое-что расскажу любопытное про отца Николая и сына Бориса, но сначала кое-что у тебя выведаю.

— Да. Что?

— Вот ты мне рассказывал, что твой дед Борис, когда немцы разбомбили ваш дом на Смоленке, приехал к вам на дачу, где вы жили, и помог вам эвакуироваться на Алтай.

— Да. Так оно и было. Это осенью 41-го…

— Ты говорил, что после демобилизации из РККА он устроился работать в Новочеркасский мелиоративный институт.

— Да. Этот институт был отправлен в эвакуацию, и нас дед посадил с ними в эшелон, и там, на Алтае, мы были вплоть до конца 42-го года.

— Но дело в том, что дед никогда не работал в Новочеркасске!

— Да нет. Ты сам что-то путаешь.

— Не путаю. Вот ответ на мой запрос председателя комитета по управлению архивным делом Администрации Ростовской области: «В процессе поиска в Государственном архиве Ростовской области (далее ГАРО), в Новочеркасском филиале ГАРО, Центре документации новейшей истории Ростовской области, а также в архивах и музеях высших учебных заведений Новочеркасска архивных документов, содержащих информацию о Борисе Николаевиче Миткевиче-Жолтке, не обнаружено». Точка.

— Ерунда какая-то.

— А хочешь, дам тебе вариант ответа?

— Нет, погоди, дед Борис точно работал в Новочеркасске. Скорее всего, там и похоронен.

— Так вот. Моя версия следующая. Копаясь в Интернете в поисках хоть какой-то дополнительной информации о людях, носивших эту польскую фамилию, я наткнулся на протоколы допроса некоего Бобрищева-Пушкина. Этот странный человек удостоился внимания и отдельного исследования историка Анатолия Разумова. В 2007 году он опубликовал его в журнале «Звезда». Короче, потомственный дворянин Александр Владимирович Бобрищев-Пушкин был адвокатом и защищал всех — без разбора их партийно-политической принадлежности. Этот Бобрищев-Пушкин участвовал в процессе Бейлиса, после октябрьского переворота защищал Пуришкевича. Так увлекался собственным творчеством, что публиковал свои судебные речи, не говоря уж о драматических произведениях. Был явно не в себе. Но я не об этом. С 1918 года он на юге России, видимо, прибился как-то к Деникину или Врангелю писарем в штаб. Затем вместе со всеми эмигрировал в Сербию, затем в Германию. Участвовал в движении «Смена вех». Потом вдруг решил вернуться в Советскую Россию, тут его большевики и сцапали. Судя по его болтовне на судебном процессе, он хорошо знал и отца-генерала, и сына-летчика Миткевичей. Причем с удовольствием закладывает обоих. Вот смотри, какая прелесть:

«Подсудимый БОБРИЩЕВ-ПУШКИН на вопросы суда:

Враждебные отношения к мероприятиям Советской власти у меня возникли с 1928 года, т. е. с момента раскулачивания в деревне, когда решения XIV партконференции Сталин приказал положить под сукно. Это было первое отступление от Ленинской политики.

Закон от 7/VIII-32 года я считаю вторым отступлением. Я сразу же написал в Коллегию защитников, что этому закону я не сочувствую и прошу

меня на такие дела защитником не назначать. Политика ликвидации кулачества расходится с политикой Ленина.

Да, я нахожусь в оппозиции к сталинскому правительству, но не к Советской власти и считаю, что лучше было бы, если власть перешла бы от Сталина в другие руки, а со Сталиным поступили так, как с Троцким, Зиновьевым и Каменевым.

Ленина я считал моим политическим противником, но умным и гениальным руководителем России. С 1928 года его дело губится.

Миткевича я никогда не видал. Моя жена в 1930 году с ним уезжала в Москву, откуда вернулась нарядная. Я у нее спросил — почему, она сказала, что Миткевич получил аванс за шпионскую связь. Вот все, что я знаю о Миткевиче. Донести на него я не мог, так как жена сказала бы, что я мщу ей и ему за "рога".

Некто Флегентов действительно приходил ко мне узнать адрес Миткевича с тем, чтобы передать ему посмертное завещание и ценности его отца генерала Миткевича. Я поехал к сестре Миткевича О. А. Миткевич узнать его адрес. Оказалось, что О. А. Миткевич ему не была сестрой, а только дальней родственницей, и адреса Миткевича она не знала, и я так и не узнал этого адреса».

— Ну и что из этого следует? Причем здесь Новочеркасск?

— Притом что, во-первых, ОГПУ-НКВД интересовалось генералом Миткевичем, и со слов Бобрищева-Пушкина следует, что умер Николай Антонович где-то в эмиграции в конце 1920-х годов или же в 1930 году. Во-вторых, следователь по делу Бобрищева-Пушкина задавал подсудимому вопрос о «шпионской деятельности» Бориса Николаевича Миткевича-Жолтка, и этот болтун Бобрищев-Пушкин практически дает против него показания. В-третьих, и это и есть мой тебе ответ насчет Новочеркасска: не было никакого Новочеркасска и никакого Мелиоративного института, точнее, институт, конечно, был, но твой дед там никогда не работал, о чем и ответ из Ростова свидетельствует. Судя по всему, Борис Николаевич знал, что все его заслуги перед русской авиацией — ничто в глазах сталинских «троек», и в «расход» его как потомка аристократического рода и царского офицера пустят, даже не икнув. Вот почему он, видимо, заблаговременно демобилизовавшись из РККА, запустил через друзей и родных версию о своем «самозаточении» в Новочеркасске, а сам скрывался в другом месте. Появился он в Москве лишь осенью 1941-го, рискуя, и только для того, чтобы спасти свою дочь и ее детей, в том числе и тебя. Что думаешь? Да, пока ты думаешь, я не исключаю и такой версии, как то, что он действительно был связан с русской белой эмиграцией. Но эта версия экзотическая.

— Гм. Что я тебе скажу… Все может быть. Неожиданный оборот принимает это дело. А с Николаем Антоновичем как этот Бобрищев-Пушкин связан был?

— Никак. Но вчитайся в слова подсудимого. Он говорил об «отце-генерале» как о человеке, имя которого явно уже произносилось в зале суда либо он знал его настолько хорошо, что даже не считал необходимым пояснять, о ком конкретно идет речь. А дело вот в чем. В той самой бумаге, которую я тебе только что зачитывал — ну вот эта, ростовская, из архива, в ней говорится далее: «В ходе поиска в ГАРО выявлена копия приказа главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России генерал-лей-

тенанта А. И. Деникина от 22 января 1919 года № 141, в приложении к которому указывается фамилия генерал-майора Миткевича-Жолтка без указания инициалов». Вот оно — это приложение. Смотри, в списке генералов резерва чинов при штабе Деникина под номером три числится наш с тобой «Миткевичъ-Жолтокъ» Сразу звоню историку Белого движения Сергею Владимировичу Волкову, и он подтверждает, что твой прадед действительно играл довольно-таки важную роль как в штабе Деникина, так и после смены его Врангелем на посту главнокомандующего. Более того, Волков уточнил, что работал Николай Антонович «по профилю», в частности он был заместителем начальника штаба Государственной стражи России. Это что-то типа МВД плюс ФСБ, ФСО — все в одном флаконе. В 1920-м генерал Миткевич-Жолток вместе со всеми уходит из Севастополя — то ли в Югославию, то ли в Турцию. Далее его следы теряются. Я недавно был в Белграде. Посольские свозили меня на так называемое Новое кладбище, где захоронен цвет Русской армии в изгнании. Нашего прадеда там нет, хотя и перелопатил все архивы и напряг городские власти Белграда. Нет никаких упоминаний. Возможно, в Югославии он не задержался, уехал в Европу, Германию например. Или действительно попал он в Турцию, а уж потом — в Европу. Сложно сказать, буду искать.

— Молодец, сын. Я знаю, ты их найдешь. Из-под земли найдешь.

— Ну а где мне их еще искать?

— И я там скоро буду. В земле. Ты где меня похоронишь? Сделай так, чтоб без соплей. По-офицерски. По-русски.

— Я все для тебя сделаю.

Отец меня уже не слышал. Он лежал с полуоткрытыми глазами, отключившись от меня и моих историй. Он сам готовился стать историей. Историей верности своей стране и профессиональному долгу.

Уходил не только мой отец. Уходил мой друг и единомышленник, и я все более ощущал надвигавшуюся на меня тоску.

Батя, не умирай! Ну чем помочь тебе? Почему ты должен так страдать, так мучиться и изводиться от неусыпной, неутомимой и все возрастающей боли? Помогаю ли я тебе своими рассказами об истории нашего офицерского рода или утомляю тебя в тот момент, когда надо собраться с мыслями и собственными воспоминаниями? Ну, скажи! Я все пойму и поступлю так, как ты скажешь. Только не умирай!

Никита ШЕВЦОВ

ЗАГАДКА ПИСЕМ АННЫ ВЫРУБОВОЙ

Елена НАУМОВА

Пожалуй, ни о ком из окружения семьи Николая Второго не велось столько споров, не рождалось самых чудовищных вымыслов, сколько о фрейлине российского Императорского двора Анне Александровне Вырубовой. В советское время на протяжении многих десятилетий ее обвиняли чуть ли не во всех смертных грехах. Вырубову называли любовницей Распутина, упрекали в том, что в годы Первой мировой войны она занималась шпионажем в пользу Германии. Вспоминаем, как в шестидесятые годы прошлого столетия на сцене театра имени Гоголя был поставлен спектакль «Заговор императрицы». Распутина играл замечательный актер Б. Чирков. Естественно, что среди отрицательных персонажей помимо самого старца фигурировала А. Вырубова. Именно она первой появлялась на сцене.

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 году в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 году в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Вырубова Анна Александровна (урожденная Танеева), (1884–1964), фрейлина и подруга Императрицы Александры Федоровны

Многие годы Вырубову представляли циничной, жестокой женщиной, смысл жизни которой сводился лишь к плетению интриг и клевете на окружавших ее людей. И уж конечно, мало кто из критиков решался на то, чтобы упомянуть ее девичью фамилию — Танеева. Ведь тогда пришлось бы сказать, что она приходилась племянницей знаменитому русскому композитору Сергею Танееву.

Отношение к Вырубовой в нашей стране стало меняться лишь в последние десятилетия. О ней наконец-то стали писать правду. Выяснилось, что главная «вина» фрейлины заключалась лишь в том, что она была ближайшей подругой Императрицы Александры Федоровны. И в страшные месяцы после свержения монархии, и в тяжелые годы жизни в эмиграции она сохраняла верность своей Государыне. Узнали люди и о том, что жизнь «блестящей интриганки» с 1915 года сопровождалась невероятными физическими мучениями после того, как она попала в страшную железнодорожную катастрофу. В последующие годы костыли стали неотъемлемым атрибутом ее «аристократического» туалета. После февраля 1917 года к физическим страданиям добавились тяжелейшие нравственные переживания.

21 марта 1917 года Анна Вырубова навсегда рассталась с Императрицей. В тот день бывшую фрейлину арестовали в Царском Селе. Александра Федоровна вместе с дочерью Татьяной провожала любимую подругу: «Одно длинное объятие, — писала в своих воспоминаниях «Страницы моей жизни» А. Вырубова, — мы успели поменяться кольцами». Интересный факт, что в своих воспоминаниях, несмотря на трагические переживания, фрейлина даже не упомянула о гибели Царской Семьи. Может быть, она не хотела верить в смерть столь близких ей людей.

Ее первый арест последовал в период пребывания у власти Временного правительства. С марта по июнь 1917 года Вырубова находилась в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Новые аресты последовали уже при большевиках. Лишь в декабре 1920-го года Вырубовой чудом удалось убежать из России, вместе с матерью перейти через границу по льду Финского залива.

С тех пор начинается ее жизнь в изгнании. Сначала она поселилась в Выборге, в ту пору входившем в состав Финляндии. С соотечественниками общалась редко, ее сторонились. Многим фрейлина Вырубова напоминала

о прежней монархической России, о Распутине, к которому многие оказавшиеся в Финляндии эмигранты испытывали неприязнь. Впрочем, и сама Анна Александровна не очень-то стремилась общаться с людьми, не понимавшими ее, не знавшими ее прошлой жизни при Царском дворе.

В 1923 году, вскоре после побега из России, А. Вырубова приступает к работе над книгой воспоминаний. Она вышла в том же году в Финляндии и называлась «Воспоминания о русском Дворе и революции». Мемуары Вырубовой появились и в России, но под другим заглавием: «Страницы моей жизни». Доходы от продажи книги позволили бывшей фрейлине вести более-менее безбедное существование. Кроме того, королева Швеции Луиза, приходившаяся родственницей Императрице Александре Федоровне, назначила семье Вырубовой скромную пенсию.

К написанию воспоминаний Вырубова обращалась и в последующие годы. Кроме того, в 1937 году она заключила с одним из финских издательств договор на публикацию хранившихся у нее фотографий. Снимала же Вырубова превосходно, можно сказать, профессионально.

Подлинные мемуары А. Вырубовой не имели ничего общего с вышедшей в 1928 году в рижском издательстве «Ориент» фальшивкой. Так называемый «Дневник Анны Вырубовой» на самом деле являлся литературной мистификацией. Существует предположение, что авторами подделки были писатели Алексей Николаевич Толстой, занимавшийся подготовкой текста, и историк П. Щеголев, взявший на себя поиск материалов. В пользу этой версии может свидетельствовать тот факт, что А. Н. Толстой интересовался тематикой, имевшей отношение к Распутину. И именно он был автором упоминавшейся ранее драмы «Заговор императрицы». Что же касается Щеголева, то он известен как автор многих исследований, в том числе посвященных А. С. Пушкину. Его перу принадлежит знаменитая работа «Дуэль и смерть Пушкина».

В годы эмиграции серьезной моральной поддержкой для Вырубовой стало письмо, своего рода «охранная грамота», от маршала Маннергейма, некогда флигель-адъютанта Российского Императорского двора. Они хорошо знали друг друга, поэтому нет ничего удивительного, что он написал письмо следующего содержания: «Свыше тридцати лет я знаком с Госпожой Анной Танеевой, с ее уважаемыми родителями и со многими членами рода. Прошу этим письмом всех тех, кто окажется в общении с Госпожой Танеевой — много страдавшей, кроме того, ставшей инвалидом после железнодорожной катастрофы, относиться к ней сочувственно и с пониманием. Хельсинки. 11 июня 1940 года. Военный маршал Г. Маннергейм». Кстати, отец Вырубовой, А. С Танеев, действительно занимал высокую должность статс-секретаря, обер-гофмейстера Императорского двора.

У нас в стране о жизни Вырубовой в Финляндии многие годы мало что было известно. Даже о смерти ее никто не мог сказать ничего конкретного. Так, еще в 1926 году советский журнал «Прожектор» писал о кончине «личного друга Александры Федоровны». В Советском энциклопедическом словаре, вышедшем в 1980 году, сообщалось, что она умерла после 1929 года. И лишь в 1990 году издательство «Советский писатель» выпустило репринт книги «Фрейлина Ее Величества» с подзаголовком: «“Дневник” и воспоминания Анны Вырубовой». В современном предисловии к изданию сообщалось, что А. Вырубова скончалась в Хельсинки 20 июля 1964 года.

Церковь Св. Николая в Куопио

В Финляндии Вырубова целиком посвятила себя матери, сестре и Богу. В 1923 году она тайно приняла монашеский постриг в Смоленском скиту Валаамского монастыря. Но желанное монастырское уединение было для нее недоступным: тяжелый недуг не позволял ей жить по уставу обители. В те годы в эмигрантской среде была широко распространена практика тайного монашества. Она жила в миру, выполняя определенные монастырские предписания. Двери ее квартиры в Хельсинки, где она поселилась в 1938 году после смерти матери, никогда не закрывались. Комнаты никогда не освещались. Ее окружал полумрак. После пережитых арестов она всегда ждала, что за ней снова придут. Грабителей не боялась, потому что никаких ценностей не имела. Главными своими сокровищами считала хранившиеся у нее письма Императрицы, в том числе отправленные из Тобольска. Их А. Вырубова завещала своей служанке, Вере Запеваловой, а та перед смертью передала их отцу Арсению, настоятелю расположенного в Финляндии Нововалаамского монастыря. Вместе с письмами к священнослужителю попали акварели Вырубовой, рисунки и автографы Императрицы и ее детей. Ныне эти реликвии хранятся в Православном музее города Куопио. Там же, как нам стало известно, находится и кольцо, которое Александра Федоровна подарила своей фрейлине при расставании.

Об их существовании мы узнали из подготовленной еще в 1990 году информации корреспондентов ТАСС. Оказавшись спустя годы в Финляндии, мы решили отправиться в Куопио в надежде увидеть эти письма, а если повезет, то и прочитать.

Из Хельсинки до Куопио поезд идет примерно пять часов. Приехали к вечеру 6 января, когда у нас в России наступает Рождественский Сочельник. Разместившись в расположенной неподалеку от вокзала гостинице, поинтересовались у портье, где находится Православный музей. «Должна вас огорчить, — было сказано нам. — Музей вот уже полгода на реконструкции. Поэтому советую посетить православную церковь в Куопио. До нее совсем недалеко». Действительно, дорога к храму была недолгой. Но и эта короткая прогулка позволила познакомиться с городом, увидеть его утопающие в снегу преимущественно двухэтажные домики. Среди них по понятным причинам наше особое внимание привлек особняк, где разместилась редакция местной газеты. Возле входа нас приветливо встречала скульптура веселого мальчишки, предлагавшего всем прохожим свежий номер газеты.

Пройдя несколько кварталов, мы встретили людей, говоривших по-русски. Удивляться не приходилось, ведь Куопио считается крупным туристическим центром, известным своим аквапарком и прекрасными лыжными трассами. Вот и приезжают наши соотечественники, преимущественно из Санкт-Петербурга, провести первые дни наступившего года в этом уютном финском городке.

Вскоре мы увидели церковь Святого Николая, построенную в 1902-м году. Куопио расположен на востоке Финляндии, где проживает немало православных. Поэтому вполне объяснимо, что именно здесь находится резиденция предстоятеля Финской Православной Церкви. Здесь же создан Православный церковный музей, кстати, крупнейший в Европе.

В храме шла служба. Но прихожане готовились встретить не Рождество, а Крещение. Финская церковь, как и большинство зарубежных православных церквей, живет по григорианскому календарю. Он опережает принятый в нашей церкви юлианский на 13 дней. Вот и получается, что когда у нас — Рождественский Сочельник, в Финляндии уже отмечают Крещенский.

После окончания службы нам удалось поговорить со священником, который посоветовал прийти на следующее утро, предположив, что на литургии будет присутствовать директор музея. Но увы, мы так его и не встретили. Зато познакомились с прихожанкой Зинаидой, работавшей у архиепископа. Кстати, узнав о нашем приезде, Владыка пригласил нас на прием по случаю праздника. Но как ни хотелось побывать на торжественной крещенской трапезе, пришлось ответить отказом. Все объяснялось очень прозаично: нам удалось взять два последних билета на поезд до Москвы, причем в разных вагонах. Если бы их сдали, рисковали надолго застрять в Куопио, ведь после Рождества начался массовый отъезд россиян из Финляндии. Так что никуда мы не попали — ни на прием, ни в музей. Ограничились лишь тем, что сфотографировали современное здание архиепископской резиденции.

И все же наши поиски писем Анны Вырубовой оказались не напрасными. Уже в Москве по электронной почте мы получили сообщение от Зинаиды. Она писала, что письма Анны Вырубовой действительно хранятся в Куопио, но работники музея из-за плохого знания русского языка пока не смогли познакомиться с их содержанием. Писем много, и они ждут своего исследователя.

Ждет открытия и музей Анны Вырубовой. Его планируют разместить в хельсинкской квартире фрейлины, где она прожила в полном одиночестве четверть века, уйдя из жизни в возрасте восьмидесяти лет. Ее похоронили на православном кладбище в Хельсинки. В один из приездов в столицу Финляндии мы попытались найти ее могилу. Но несколько часов поисков среди многочисленных надгробий не привели к результату. Отчаявшись, мы уже хотели отправиться восвояси, но на наше счастье встретили говоривших по-русски людей, направлявшихся, как оказалось, к могиле фрейлины. Нас подвели к надгробию с обозначенными датами рождения и смерти, но только не Вырубовой, а Танеевой. И вот что удивительно: могила Вырубовой-Танеевой ныне превратилась в место массового поклонения. Возле нее служат молебны, известны случаи исцелений у надгробного камня, так что подруга Императрицы фрейлина Анна Вырубова и после своей смерти продолжает привлекать внимание многих людей.

Православный музей в Куопио

Пути познания

Григорий КАЛЮЖНЫЙ

ЗАВЕЩАНИЕ ЛОМОНОСОВА

Григорий Петрович Калюжный — родился в 1947 году в г. Макеевка Донецкой области. В прошлом штурман гражданской авиации. Член СП России с 1985 года, автор шести поэтических сборников и книги прозы «Жизнь Георгия Федоровича Морозова». Лауреат нескольких литературных премий. Основал «Энциклопедию сёл и деревень», является директором одноименного издательства. Секретарь СП России. **Живет в Москве.**

Незнание — это небытие.
Платон

Изучение личности и деятельности М. В. Ломоносова (19.11.1711–04.04.1765) как явления отечественного и мирового масштаба ввиду своей неисчерпаемости никогда не завершится. И тем не менее весьма скромные успехи ломоносоведения можно назвать удивительными — в том смысле, что состоялись они прежде всего благодаря филологически образованным исследователям, хотя деятельность Ломоносова в немалой степени была связана с естествознанием. И среди таких исследователей особое, если не сказать первостепенное, место принадлежит выдающемуся историку, философу и писателю Константину Сергеевичу Аксакову (1817–1860), автору глубокого фундаментального исследования «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846). В нем, по сути, впервые были сформулированы и обоснованы едва ли не все духовно значимые темы ломоносоведения, которые впоследствии так или иначе развивались его последователями. В этом труде Ломоносов весьма объемно представлен как мыслитель и поэт «пробуждения в языке национального общего». Кроме того, он раскрывается в нем как созидательный реформатор русской словесности, а также сравнивается с фигурой Петра Великого (1672–1725).

Как и следовало ожидать, особенно в XIX в. о Ломоносове вышло огромное количество публикаций, за которыми, однако же, как сообщает в предисловии к сборнику «Михаил Васильевич Ломоносов» (М., 2004), изданному в серии «Русский мир в лицах», Е. В. Баранникова, трудно разглядеть его подлинное лицо. Чем же вызвано столь неутешительное положение? В своем очерке, написанном для «Русского биографиче-

ского словаря» (СПб., 1914), историк химии Борис Николаевич Меншуткин (1874–1938) писал: «В настоящее время многое, казавшееся ранее неясным в жизни Ломоносова, получает новое освещение благодаря документам, опубликованным в связи с празднованием двухсотлетия со дня его рождения; вместе с извлеченным из архива Академии наук материалом теперь является возможность дать более полный и, главное, более точный биографический очерк Ломоносова, основанный на документальных данных, а не на анекдотах современников, точно так же ныне, — когда разысканы и разобраны научные рукописи Ломоносова, сохранившиеся в архивах Академии, и напечатаны в выходящем академическом издании сочинений Ломоносова (представляющем первое действительно полное собрание всего написанного им)».

Из приведенной цитаты следует, что российская научная и литературная общественность, по сути дела, вплоть до 1911 г. не располагала достаточными сведениями о жизни и деятельности Ломоносова. Возможно, этим и объясняются великие затруднения в выявлении его подлинного лица потомками, включая и А. С. Пушкина, высказывания которого о нем как о поэте, особенно первоначальные, не отличаются основательностью. Так, в письме Петру Андреевичу Вяземскому (1792–1878) 7 июня 1824 г., отвергая всякую возможность покровительства со стороны генерал-губернатора Новороссии Михаила Семеновича Воронцова (1782–1856), поэт писал: «Никто из нас не захочет *великодушного покровительства просвещенного вельможи*, это обветшало вместе с Ломоносовым. Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независимой. Мы одни должны взяться за дело и соединиться». Владевшая Пушкиным едва ли не всю его жизнь потребность независимости каким-то образом сочеталась в нем с неиссякаемым стремлением к созвучному ему содружеству, которое само по себе является олицетворением вездесущего закона взаимозависимости. Даже в конце жизни, как бы находясь в тисках вековечной усталости, он писал:

Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи…

(Из Пиндемонти, 1836)

Но Ломоносов как раз никогда не поступался перед власть имущими ни совестью, ни тем более своими помыслами. Если он и пользовался покровительством ставшего в 18 лет президентом Академии наук графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1728–1803), а также фаворита Императрицы Елизаветы Петровны (1709–1761/1762) графа Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797), то, как показало время, с величайшей пользой для своего Отечества. К слову, эти два покровителя, по сути, были его учениками. Так, последний обучался у Ломоносова стихосложению и риторике. Может быть, именно в этот период, говоря словами поэта Константина Николаевича Батюшкова (1787–1855), «вельможа и поэт угадали друг друга». Во всяком случае, их отношения порою были неоднозначными и, тем не менее,

настолько дружественными, что они обменивались своими планами, причем Шувалов часто требовал от Ломоносова мнений и советов по важным государственным вопросам. В результате родилась идея создания Московского университета, практическое осуществление которой целиком легло на плечи И. И. Шувалова, ставшего куратором университета после его открытия в январе 1755 г. Им же в 1758 г. была открыта и Академия художеств. Вот и получается, что блистательный царедворец был не столько покровителем Ломоносова, сколько его соратником и, можно даже сказать, последователем на педагогическом поприще. Так, он воспитывал на образцах ломоносовской поэзии своего двоюродного племянника, графа Андрея Петровича Шувалова (1744–1789), впоследствии сочинившего на французском языке «Послание к Нинон» («Épître à Ninon l'Enclos»), в котором воспевалась знаменитая французская куртизанка и писательница Нинон Ланкло (1616–1706) и «наследник» ее вольнолюбия Вольтер (1694–1778). Это «Послание…» вызвало такой восторг во Франции, что его сочинение, несмотря на публикацию с фамилией истинного автора, тут же было приписано Вольтеру, и тому пришлось неоднократно это отрицать. В очередном разъяснении он писал: «Я восхищаюсь этим "Посланием"; я вновь возражаю тем, кто осмелится утверждать, будто я имею к нему хоть какое-то отношение. Эта неслыханная честь, какую русские оказывают нашему языку, должна убедить нас в том, с какой силой они пишут на своем, и заставить нас краснеть за наши бесцветные писания, мерзостями и вздором коих мы наводнили этот век…» Впервые это разъяснение, включая и полный текст «Послания», было опубликовано в русском переводе совсем недавно[1]. Вольтер полагал, что «Послание» А. П. Шувалова «навсегда останется одним из драгоценнейших памятников французской литературы». Как видим, благотворное влияние Ломоносова на своих соотечественников выражалось и в таком совершенно неожиданном виде. К сожалению, эта тема, по крайней мере, на общедоступном уровне освещена недостаточно. А влияние это было огромным и, как в случае с Пушкиным, далеко не простым. Уже через год скептическое отношение поэта к Ломоносову претерпело качественное изменение. В его письме (май-июнь 1825 г.) к Александру Александровичу Бестужеву (1797–1837) читаем: «Уважаю в нем (в Ломоносове. — *Г. К.*) великого человека, но, конечно, не великого поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты оного: вот его главная услуга». В августе того же 1825 г. в статье «О предисловии г-на Лемонте…» Пушкин, закрепив за Ломоносовым статус стихотворца, назвал его первым нашим лириком «пламенных порывов чувства и воображения», у которого слог «ровный, цветущий и живописный», поскольку «заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным». С этого времени отношение Пушкина к Ломоносову принято считать установившимся. Однако в его статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1835) читаем буквально следующее: «В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его… утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредным и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым».

[1] См.: Россия и Запад. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 580–585. Перевод с фр. Л. В. Гладковой.

Самое удивительное то, что едва ли не все пункты этого высказывания с легкостью опровергаются. Чтобы убедиться в этом, приведем лишь одну строфу из оды «Вечернее размышление о Божием величестве…» Ломоносова:

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

(1743)

Как видим, ломоносовское воображение, соединенное с благоговейным впечатлением от созерцания открывшейся взору Вселенной, нисколько не уступает силе и живости воображения Пушкина и даже в чем-то его превосходит. И это не исключение. Вот еще пример из другой ломоносовской оды:

О Боже, что есть человек?
Что Ты ему Себя являешь,
И так его Ты почитаешь,
Которого столь краток век.

Он утро, вечер, ночь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень.

(1743)

Здесь опять та же живая ломоносовская выразительность неизменно торжествует. Единственное, в чем Пушкин мог бы по-настоящему упрекнуть Ломоносова, так это в полной его неспособности к поэтическому вымыслу, над которым можно было бы облиться слезами. И правда, с детства включенный в суровую действительность, Ломоносов не тяготел к вымыслу и, кажется, был ему совершенно чужд, да и поводов для слез и без него всегда хватало. В той же оде читаем:

Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой,
Ты с тверди длань простри высокой,
Спаси меня от многих вод.

Казалось бы, после столь нелицеприятного мнения, высказанного в «Путешествии…», у Пушкина ничего общего с Ломоносовым быть не могло. Но парадокс как раз и заключается в том, что не существовало на земле поэта, с которым творчество Пушкина было бы более плодотворно связано, нежели с ним.

Еще К. С. Аксаков в своем исследовании неоднократно указывал на то, что у Пушкина мы видим стих Ломоносова. Эту же тему, уже более основательно, затронул литературовед Григорий Александрович Гуковский

(1902–1950) в своем труде «Пушкин и проблемы реалистического стиля». В нем он привел мнение поэта и писателя Николая Александровича Энгельгардта (1867–1942), который, имея в виду прежде всего «Полтаву», сблизил ее «самый строй стихов, лад, дух и гармонию» с поэтической манерой ломоносовской лиры. Гуковский уже прямо поставил вопрос о наличии ломоносовской традиции в творчестве Пушкина. К сожалению, едва ли не все последующие биографы Ломоносова отнеслись к его доводам без должного внимания. И среди них литературовед, фольклорист и переводчик Александр Антонович Морозов (1906–1992), заслуженно получивший за свою первую в истории литературы самую полную биографию «Михаил Васильевич Ломоносов» (ЖЗЛ, 1950) Сталинскую премию. В 1955 г. книга вышла в той же серии повторным изданием с фантастическим для нашего времени 90-тысячным тиражом. В этой книге Ломоносов обрисован с документальной точностью, согласно иерархии его заслуг. В их числе — создание одической поэзии, не имеющей «подобий на Западе». Поскольку Пушкин называл оды Ломоносова «должностными», весьма предусмотрительный Морозов сначала указал на их поучительный смысл, а затем уже, будто бы возражая не столько Пушкину, сколько самому себе, резюмировал, что «нельзя рассматривать оды Ломоносова как своеобразные поучения царям», ибо «Ломоносов, по самому глубокому смыслу своих од, славит в них вовсе не царей, а Российскую державу, свою прекрасную Родину». За бледными фигурами «безликих» самодержцев встает единственная Героиня одической поэзии Ломоносова, великая и необъятная, «небу равная Россия». На этом замечательном месте авторская полемика с Пушкиным обрывается. Правда, далее Морозов, может быть, как раз в ее продолжение ссылается на критика Виссариона Григорьевича Белинского (1811–1848), назвавшего Ломоносова «Петром Великим русской литературы» (1846), а также приводит выражение историка и политического деятеля Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918) о космическом дыхании поэзии Ломоносова.

В 1990 г. в серии «ЖЗЛ» увидела свет книга «Ломоносов», написанная известным литературоведом Евгением Николаевичем Лебедевым (1941–1997). В ней, хотя и лаконично, зато панорамно, обозначена тема глубокого влияния ломоносовской традиции не только на Пушкина, но едва ли не на всю русскую литературу XIX в., включая Е. А. Баратынского, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. Несколько лет назад эта книга в окончательном варианте была переиздана как «лучшая на сегодняшний день биография М. В. Ломоносова» (М.: ОГИ, 2008). Скорее всего, она еще долго будет оставаться таковой, поскольку ее автор сумел передать в ней сам дух Ломоносова. Во всяком случае, до него это никому не удавалось. Да и после пока не удается.

Великому русскому драматургу Александру Николаевичу Островскому (1823–1886) принадлежит мысль о том, что через Пушкина умнеет все, что может поумнеть. Но в данном случае мы имеем довольно веские доказательства того, что сам Пушкин как бы окончательно прозрел и возвысился до статуса государственного мужа, подхватив и продолжив в своем творчестве ломоносовскую тему Петра Великого, о чем красноречиво свидетельствуют его «Стансы» («В надежде славы и добра…»), «Полтава», «Медный всадник» и др.). Он даже намеревался написать историю Петра и в своем знаменитом письме Петру Яковлевичу Чаадаеву от 19 октября 1836 г. име-

новал его «целой всемирной историей». Эта оценка российского венценосца является развитием мысли Ломоносова о всемирном явлении своего кумира, высказанной им еще в «Похвальной надписи к статуе Петра» (1746–1747). Приведем ее здесь, поскольку в ней содержится, по сути, все, что было сказано впоследствии о Петре Великом в русской литературе.

Се образ изваян премудрого Героя,
Что, ради подданных лишив себя покоя,
Последний принял чин и царствуя служил,
Свои законы сам примером утвердил,
Рожденны к скипетру, простер в работу руки,
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки.
Когда он строил град, сносил труды в войнах,
В землях далеких был и странствовал в морях,
Художников сбирал и обучал солдатов,
Домашних побеждал и внешних сопостатов;
И, словом, се есть Петр, отечества отец;
Земное божество Россия почитает,
И столько олтарей пред зраком сим пылает,
Коль много есть ему обязанных сердец.

В героической поэме «Петр Великий» есть такие строки: «Да на Его пример и на дела велики / Смотря весь смертных род, смотря земны Владыки / Познают, что Монарх и что отец прямой, / Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой».

В пушкинских «Стансах» (1826) читаем: «То академик, то герой, / То мореплаватель, то плотник, / Он всеобъемлющей душой / На троне вечный был работник». Первородная связь этих строк с ломоносовскими очевидна. Поэма «Петр Великий», судя по всему, привлекала Пушкина своею мощью чуть ли не библейского откровения всю жизнь. Одновременно с этим он относился к ней неизменно критически. Благодаря этому мы можем поэтапно отследить хронологическую степень ее влияния на пушкинское творчество. К примеру, у Ломоносова: «Достигло дневное до полночи светило; / Но в глубине лица горящего не скрыло». Пушкин в 1820 году (!) пишет: «Погасло дневное светило; / На море синее вечерний пал туман». То же самое можно сказать и о многих других произведениях Пушкина: многократное эхо ломоносовских глаголов и образов в пушкинской поэзии отнюдь не редкость.

Писатель Рудольф Константинович Баландин в своей книге «Ломоносов» (М.: Вече, 2011) приводит строки из 5-й главы «Евгения Онегина»: «Но вот багряною рукою / Заря от утренних долин / Выводит с солнцем за собою / Веселый праздник именин», которые почти дословно совпадают со строками поэтического обращения Ломоносова к императрице Елизавете Петровне: «Заря багряною рукою / От утренних спокойных вод / Выводит с солнцем за собою / Твоей державы новый год».

Конечно, в разные времена гениальные поэты, в том числе и Ломоносов, в той или иной мере обладали способностью брать из чужих творений свое, не нанося этим творениям и их авторам, по сути, никакого ущерба. Но у Пушкина эта способность, как правило, носила фатальный характер для его

творческих кредиторов, ибо, беря у них строки или даже строфы, он как бы превращал их в своих эпигонов. Так, выражение «гений чистой красоты» Пушкин позаимствовал из стихотворения Василия Андреевича Жуковского (1783–1852) «Лалла рук» (1821) для своего послания «К А. П. Керн» (1825), и с тех пор оно прочно закрепилось в народе как пушкинское. Между тем и весьма сведущие в поэтическом творчестве современники Жуковского давали его стихотворению высочайшие оценки. Значительный поэт, незаурядный мыслитель и критик Петр Андреевич Вяземский, в частности, писал о нем: «Это не живопись и не поэзия, а что-то выше самой поэзии… это не картина, а видение…»

После этого неудивительно, что вольная или невольная тяга Пушкина к заимствованиям приводила его пиитическое окружение в священный трепет, а порою и в отчаяние. Поэт Павел Александрович Катенин (1792–1853) не без горькой иронии предлагал как можно скорее упрятать Пушкина в «желтый дом», иначе он пустит своих собратьев по миру. Это была, конечно же, шутка, однако небеспочвенная.

Так вот, Пушкину не удалось пересилить или хотя бы нейтрализовать ломоносовскую традицию в своих творениях, несмотря на их несомненное гармоническое совершенство. К примеру, в «Медном всаднике» он неизменно шел в ее русле, хотя бы и в описаниях природных и небесных явлений, кстати, отличающихся у Ломоносова не только образной, но и научной точностью. Словом, все говорит о том, что Пушкин знал о поэтическом значении Ломоносова, что он занимал его необычайно — ничуть не меньше, чем Петр Великий, образ которого так до конца и не дался Александру Сергеевичу во всем его объеме, о чем он сетовал: «Он слишком огромен для нас, близоруких — надо отодвинуться на два века». Но ведь и Ломоносов, без которого петровская Россия могла бы во многом не состояться, оказался для него непосильным. Это видно из его высказывания, давно уже ставшего хрестоматийным: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силой понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец — он все испытал и все проник».

Как видим, Пушкин, в конечном счете, отказал Ломоносову только в одном, заявляя, что он не поэт, а всего лишь стихотворец. Скорее всего, причиной такой, несомненно несправедливой, постановки вопроса было пушкинское убеждение, согласно которому «поэзия бывает исключительною страстию немногих, родившихся поэтами». То есть только тех, кто появился на свет в одной-единственной ипостаси священной жертвы Аполлона. А Ломоносов выступал во множестве разнородных ипостасей, и потому он не поэт, а только стихотворец. Однако обратимся к общеизвестному со школьной скамьи стихотворению Ломоносова, по сути являющемуся его наставлением-завещанием потомкам:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха

И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и на едине,
В покое сладки и в труде.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободрены,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Стоит лишь спокойно вникнуть в незамысловатые строки этого стихотворения, вычлененного из посвященной Императрице Елизавете Петровне оды, и на тебя пахнет не вымыслом, над которым хочется облиться слезами, а духом общечеловеческого долга перед Богом и Отечеством, перед прошедшими и будущими поколениями. Если вдуматься в прочитанное и сопоставить его с высочайшими образцами отечественной и мировой поэзии, то невольно приходишь к осознанию того, что равного этому стихотворению в ней ничего нет. Почему нет? Да потому, что из него вышел пушкинский лицей, все наши гимназии, университеты, самообразование и, наконец, сам Гоголь вместе с его «Шинелью» вышел. Более того, из этого стихотворения вышла вся Россия, преодолевшая революционную смуту, победившая фашизм и ставшая первой в мире космической Державой!

Казалось бы, год 300-летия со дня рождения Ломоносова, как минимум, должен быть ознаменован его именем, однако ничего подобного и в помине нет. Зато нам регулярно показывают по телевидению в программе «Академия» портрет Эйнштейна, а в промежутках крупным планом подают самоупоенную физиономию Баскова, словно не сегодня-завтра нам предстоит выбирать его в президенты. Помнится, 22 сентября 2006 г. в то время действительный Президент РФ Владимир Владимирович Путин подписал Указ № 1022 «О праздновании 300-летия со дня рождения М. В. Ломоносова в 2011 году». Тогда же в СМИ промелькнула информация о том, что на выполнение этого указа только Архангельской области будет выделено 8 миллиардов рублей. Конечно, пребывать в эйфории по этому поводу могли только весьма и весьма наивные люди. И все-таки хотелось верить, что к означенному трижды круглому юбилею переиздано хотя бы 11-томное Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова, начатое еще при Сталине в 1950 г. и ставшее вскорости после его издания библиографической редкостью. Правда, московский Институт русской цивилизации все же успел издать избранные труды Ломоносова под общим названием «О сохранении русского народа». Будем утешаться также замечательным предисловием к ним безымянного автора. Порадовало нас и московское издательство «Голос-Пресс», выпустившее буквально накануне юбилея довольно основатель-

ную книгу «Михаил Ломоносов», содержащую серьезные работы о юбиляре. И среди них хотелось бы особенно выделить обширную статью выдающегося ученого и публициста, академика РАЕН Михаила Яковлевича Лемешева «Гений русского духа навсегда». В ней дан глубокий анализ деятельности Ломоносова, бывшего основоположником системного подхода в исследовании природы и общества, варварски прерванного псевдореформаторами в наше время. В ней также показано, что оные являются прямыми врагами замыслам Ломоносова и Петра Великого, сделавших науку и другие отрасли российского хозяйства государственным делом. К этому нужно прибавить, что эти псевдореформаторы являются также противниками и величайших умов античности — таких как Платон и Аристотель, считавших сильное, стабильное государство важнейшим и ничем не заменимым условием созидательного развития любого народа. Аристотель в своем труде «Политика» писал следующее: «Поскольку всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага, то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других, и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим». Согласно Платону в условиях демократии государство всегда призрачно, ибо при ней не хватает управления, а общечеловеческие ценности и правосудие главным образом имитируются, поэтому преступники разного рода ведут себя при ней как полубоги, и т. д. (см.: «Государство»).

Наши же, якобы демократические, реформы вот уже более 20 лет направлены на максимальное сокращение роли государства даже в сфере экономики. Само же государство замещается интересами бизнеса, который якобы сам все и отрегулирует. Петр I, по словам Александра Ивановича Герцена (1812–1870), бросил вызов России, и она через 100 лет ответила ему Пушкиным. Уточним, она еще прежде ответила ему Ломоносовым, оказавшим глубочайшее влияние буквально на все сферы деятельности Российской Державы. Нынешние псевдореформаторы тоже бросили ей вызов, и она незамедлительно ответила им бандитами, мародерами, проститутками, беспризорниками, безработицей, развалом экономики, науки, образования и т. д.

Так что же каждому из нас теперь делать? Говоря словами Александра Васильевича Суворова (1729–1800): «Выбери себе героя (желательно Ломоносова. — *Г. К.*), подражай ему, следуй за ним, обгони его. Слава тебе!»

Алексей КОНДРАТЕНКО

ПАВЕЛ РОССИЕВ — ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

Алексей Иванович Кондратенко — родился в 1964 г. в Воронеже, окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета, работал в средствах массовой информации Орловской области. Кандидат политических наук, член Союза писателей России с 1999 г. Автор нескольких книг исторической прозы, главный редактор альманаха «Орел литературный». Лауреат премии журнала «Наш современник». **Живет в Орле.**

«Очарованный странник» — знакомое всем название книги Николая Лескова. И герой ее Иван Северьянович Флягин известен многим. Но таковы уж сила и дух художественного произведения, что в судьбе придуманного персонажа автор сумел раскрыть присущий нашему народу тип реального человека — странника, искателя, зоркого мудреца. Очарованным странником я называю и младшего земляка Лескова, незаслуженно забытого русского литератора Павла Россиева. Были в его жизни и странствия, и огромный кропотливый труд летописца своей и уже ушедших эпох. Он жил на переломе эпох, когда всепоглощающей модой стали нигилизм, отрицание, ожесточенная критика всего и вся (вспомнить только незабвенную прозу Салтыкова-Щедрина!). Но и в этой надрывной атмосфере Павел Россиев не утратил очарования окружающим миром: в его книгах не встретишь враждебных интонаций, уничижительного сарказма и ярости. Он писал о людях, о родине и ее природе с такой любовью, с таким смиренным уважением к человеку, как будто навсегда прощался с ними и напоследок делился этим сокровенным чувством с читателями… Да, это было несовременно, это обрекало его очерки и книги на скорое забвение, но так уж видит мир искренний писатель, таким он рос и был воспитан на орловских «мелких водах»…

Мы не знаем точную дату рождения будущего мастера русского слова. По всей вероятности, это был 1873 год. Зато точно известно, что родился Павел Амплиевич Россиев в Орле, в довольно обеспеченной семье — его родителям принадлежала одна из городских гостиниц. Учился Павел Россиев в 1-й Орловской губернской мужской гимназии вместе с Леонидом Андреевым, с Се-

меном Зимницким — в будущем известным врачом, профессором Казанского университета.

Воспоминания Россиева о тех гимназических годах стали частью мемуарного сочинения «Силуэты», опубликованного в журнале «Исторический вестник» (1909). Свою гимназию он называл «великолепным типом школы». Большое влияние на ученика оказал Иван Михайлович Белоруссов, который работал директором и преподавателем гимназии. Белоруссов был не только хорошим педагогом, но и признанным ученым-филологом, автором книг, сделавшим его имя известным всей просвещенной России. Бывший школяр два десятка лет спустя называл его тонким филологом, великолепно знавшим все изгибы латинского и греческого языков, оживлявшим их на уроках. В то же время Белоруссов был истинным поборником чистоты русского языка. Вместе с учениками он молился перед началом занятий, пел в церковном хоре, был по-суворовски прост и сердечен.

Добрые слова нашлись у Россиева и для того, чтобы рассказать о великолепном знатоке географии и истории Николае Ивановиче Горшечникове, о словеснике-добряке Николае Андреевиче Вербицком, других учителя Орловской гимназии. Но кумиром его, конечно же, навсегда остался Белоруссов. Павел Россиев писал: «Помнятся живые, осмысленные уроки, на которых улавливались, с помощью Ивана Михайловича, все изгибы и извивы “божественной эллинской речи”, ее полнозвучность и полновесность, и когда мы чувствовали в гомеровских рапсодиях музыкальную характерность языка наших былин; мы углублялись в тонкость Ксенофонтова “Анабазиса”и над какой-то частицей, недостойной ударения, а только придыхания, останавливались с той серьезностью, с какой ботаник останавливается над клеткой или живой протоплазмой. Искусный преподаватель по-своему, кратко и удобопонятно предлагал синтаксические и грамматические мудрости… Основой воспитательной и педагогической мысли Белоруссова было беспрестанное возбуждение, укрепление и усиление сознательной и свободной деятельности учащихся, можно сказать, — самообразование, построенное на твердой воле и сознательном труде, как святом долге каждого человека… Для Белоруссова русский язык стал солнцем, которое не только согревало его душу, но и являлось источником литературно-педагогической энергии, а эта, в свою очередь, была источником его интеллектуальной жизни»[1].

Не лишенный литературных способностей, Павел Россиев с юных лет публиковал очерки в газете «Орловский вестник»: «Старуха (из уличных силуэтов)» (1893), «Жестокое слово» (1895), «Белые ночи» (1896) и т. д. Здесь же печаталась с продолжением небольшая пьеса «Карась: Сцены из дачной жизни в 3-х действиях», которая вышла отдельным изданием в 1895 году. О «достоинствах» этого драматического опуса можно было судить уже по перечню действующих лиц: Сморчков, его жена и дочь, Пульхерия Алексеевна Запеканкина, а также Антон Петрович Македонский, Перепетуя Егоровна Разносилова. Названия действий: «Бури и мели», «Шторм», «У пристани»…

Россиев был корреспондентом «Орловского вестника» на крупных российских выставках, в частности летом 1896 года провел в Нижнем Новго-

[1] Подробнее см.: *Россиев П.* Иван Михайлович Белоруссов (По поводу 40-летия его педагогической деятельности) // Исторический вестник. 1915. № 6. С. 934–942.

роде почти месяц и опубликовал в газете серию статей о знаменитой XVI Всероссийской выставке и ярмарке. В конце столетия переехал в Петербург, а затем в Москву. Один за другим выходят сборники его рассказов, тексты пьес. Увы, эти блеклые по содержанию издания вряд ли стоили того труда, который тратил на них автор. Апатия, безверие, усталость — унылое настроение русского общества конца XIX — начала XX века до сих пор поуездному глухо дремлет в строках давно пожелтевших страниц. Вот сборник рассказов и очерков «Общие знакомые» (М., 1901): «Блажь», «Заморыши», «Барин», «Фрося», «Перекати-поле» и т. д. — больше десятка незамысловатых мещанских историй. Продолжение темы — в сборнике «Без героев» (М., 1903). «Конец Лукича» — предыстория смерти бывшего крепостного Касьяна Лукича Хренова, доживавшего свой век в барском флигеле. Столь же печальны «Гаврюшка оглашенный», «Хозяин» — былички в стиле первых очерков юного Ивана Бунина в «Орловском вестнике». «Поздняя любовь» — о безрадостной жизни мещан, «В обители» — монастырские зарисовки. А еще «В деревне», «На Черном море», «Уголок Парижа» (из брюссельских воспоминаний), маленькая повесть «Около любви» — о смерти актрисы Валентины Багрянцевой, болевшей чахоткой и отравившейся мышьяком из-за несчастной любви.

При всем интонационном единстве не похож на общий строй рассказ «Христос Воскресе» — о поездке 40-летнего Елисея Петровича Гусятникова в Иерусалим, ко гробу Господню. Описание, по всей видимости, с натуры Святого огня, встреч с монахами, описание живое, профессионально-литературное и содержательное — свидетельство того, что будущая работа в этом жанре станет истинным призванием Россиева…

Главный герой, приехавший к Святым местам, прозревает: «Когда даже у себя самого нет веры, когда не знаешь и не умеешь ни к чему приложить своих сил, — к чему проповеди? На камне не родится хлеба […] И снова ему стало тяжко, скучно, одиноко среди ликующей толпы»[1]. Автор с грустью замечает, что Светлой Пасхальной ночью может наступить серенький день. Эта история, по сути, кульминация сборника, в целом ничем не выдающегося на фоне столь же безликих творений массы русских беллетристов.

Представим: начало XX века, живет 30-летний литератор Павел Россиев в первопрестольном граде, в доме по Доброслободскому переулку у Земляного вала, есть у него собственный кабинет, даже небольшой склад для книжной продукции есть. Ведет переписку с такими видными деятелями русской культуры, как Петр Бартенев, Евтихий Карпов, Алексей Суворин и Аполлон Коринфский… Пишет тексты день за днем, а то и по ночам, выходят одна за другой книги, печатаются рассказы, а славы, да что там славы, даже более-менее прочного признания со стороны читающей публики нет как нет. Что делать? Благо, кто-то из сведущих друзей посоветовал покончить с унылой беллетристикой и драматургией, а взор обратить на историческую литературу, на подробное описание собственных путешествий по достопамятным местам. В итоге с годами сложились не только серии добротных очерков в периодике, но и целая библиотечка написанных Россиевым книг: церковно-историческая повесть о событиях времен Ивана Грозного «На севере диком» (1904), церковно-историческая

[1] *Россиев П. А.* Без героев. М., 1903. С. 108, 110.

хроника «Палладий Роговский» (1906). Особо стоит сказать об исторической повести для детей-подростков «Святитель Алексий» (1901, 1902) — масштабном полотне, где были живо и достоверно показаны реалии московской жизни XIV века, сложные взаимоотношения Руси и Орды: «1304 год… Нашествие татар, словно буря, всколыхнуло гладь русской жизни, произвело великие невзгоды… Уходила Русь древняя, нарождалась новая Русь. Москва манила к себе князей и бояр, особенно после того, как перенесли в нее из Владимира первосвятительский престол. В тот год и родился у знатного боярина Феодора Бяконта сын Елевферий…» Главным героем повести стал митрополит московский Алексий, сыгравший определяющую роль в развитии русской государственности. Как подчеркивал автор, именно Православная вера давала митрополиту силы и мудрость для принятия судьбоносных решений[1].

По примеру плеяды замечательных русских писателей-очеркистов Россиев отправляется в долгие поездки, чтобы рассказать читателям о дальних краях и странах. Одна из первых книг этого рода — «Северная Русь: Очерки и картинки» (М., 1903). Ее главы: «На Печоре», «Архангельск», «Поездка в Холмогоры»… Автор охотно делится с читателем увиденным: «Грязь на пароходе татарская… Уж только чтобы не видеть ее, станешь любоваться Северной Двиной и расстилающимся за нею простором… Красавица-река. Бежит в зеленых берегах, минуя леса, деревни, села. Вечер. Солнце заходит. Золотом да янтарем залит горизонт, алыми мазками кто-то тронул контуры белых облачков, раскидавшихся в сонном воздухе»[2]. И далее снова, как пристани по течению реки, главы: «Пароход “Ломоносов”», «Полярный день», «Александровск». Александровск?! Что-то знакомое слышится современному читателю в этом названии. Но о каком же городе здесь идет речь?

Известно, что в начале 1890-х годов правительством России рассматривался вопрос о строительстве в Екатерининской гавани Кольского залива военного порта. Инициатором проекта был министр финансов С. Ю. Витте, совершивший поездку на Мурман (в своих мемуарах он писал: «Такой грандиозной гавани я никогда в жизни не видел»). Однако из-за смерти Александра III реализовать идею тогда не удалось. Коммерческий порт Александровск (название — в честь Императора) на берегу Екатерининской гавани был заложен летом 1896 года, а уже через три года, 24 июня 1899 года, поселение по Указу Николая II получило статус города и стало центром Александровского (ранее Кольского) уезда. Город насчитывал 500 жителей, к началу XX века были построены православная церковь и школа, налажено освещение электричеством. Дальнейшее развитие, увы, было затруднено отсутствием регулярного сообщения с внутренними районами России. В те годы Николай II высказал пожелание о проведении на Мурман железной дороги — для завершения «великого пути России от океана к океану — от Владивостока и Порт-Артура до Архангельска и Мурманска»,

---

[1] Подробный разбор повести см.: *Антонова М. В.* «Исполните не словом только, но делом» (О повести для юношества П. А. Россиева «Святитель Алексий») // Всероссийская научно-практ. конференция «Вклад земляков-орловцев в развитие и становление российской национальной культуры и образования». Материалы пленарного заседания. Орел, 2003. С. 47–54.

[2] *Россиев П. А.* Северная Русь: Очерки и картинки. М., 1903. С. 17.

однако нехватка средств не позволила осуществить этот проект вплоть до Первой мировой войны.

И вот читаем описание изначального Александровска у Россиева: «Набережная змеится от “горы Энгельгардта”, по ней прошли шоссейная и железная дороги системы Дековиля (переносная цельнометаллическая узкоколейка. — *А. К.*). Площадь вокруг собора, в котором есть работы Васнецова и Коровина. Сгруппировались обычные городские учреждения, училище, казначейство, сберегательная касса, больница, полицейское управление и почтово-телеграфная контора. […] Я поворачиваю направо. Стоит ряд домов с камерой мирового судьи в центре. Дома одноэтажные, деревянные, разных цветов. Говорят, раньше все дома были серы, и поэтому александровцы путали их и частенько попадали в чужой вместо своего. Мудреного мало, так как в городе всего 32 дома, а фонарей всего три-четыре и светят они тускло»[1]. Заметим, что описанный Россиевым Александровск ныне носит название Полярный — теперь это база Северного флота, город воинской славы России.

Другие главы «Северной Руси»: «До Колы», «Лопари», «Ночевка в становище», «Печенегский монастырь» (весьма подробное описание, помещено несколько фотоиллюстраций), «Северные пастухи», «У карелов».

Поездка Россиева в Крым послужила основой для повести «Под небом Ялты» (1903). С юга очеркист направляется на иной край земли, итогом его путешествия стала книга очерков «На Дальнем Востоке» (М., 1905). Автор знакомил читателей с жизнью простых китайцев, причем красной нитью проходила мысль о том, что у русских много общего с китайцами — мы «обречены» на долгую дружбу. В тот же год из печати выходит еще одна книга Павла Россиева — «Гнездо орлов: Путевые впечатления в Черногории» (М., 1905). Повседневная жизнь южных славян показана с симпатией и братским теплом. Читатель знакомится с песнями, легендами и преданиями. Православных церквей мало, а те, что есть, тесны, священники бедны. Не упустил Россиев и то, что повсеместно в Черногории развита народная медицина. Автор подмечает: «Черногорское спокойствие, достоинство, которые никогда не покидают ни взрослых, ни детей, право, поразительны»[2], «Сознание своего “я” развито донельзя. Если прежние черногорцы были только горды и чувствительны к оскорблению их чести, то современные, кроме того, еще честолюбивы и тщеславны»[3].

В книге — подробный рассказ о детях черногорского князя Николая, причем отмечается, что престолонаследник Даниил — крестник российского Императора Александра II. Рассказывает Россиев и о своем визите к русскому этнографу и публицисту Павлу Ровинскому с самыми лестными словами о его замечательном труде «Черногория в ее прошлом и настоящем». Всюду в очерках подчеркивается славянское братство: местные жители искренне приветствуют русских. Примечательно, что это повествование стало широко известно не только в России, но и стало популярным у черногорских читателей.

---

[1] *Россиев П. А.* Северная Русь: Очерки и картинки. М., 1903. С. 59.

[2] *Россиев П.* Гнездо орлов: Путевые впечатления в Черногории. М., 1905. С. 42.

[3] Там же. С. 44.

Россиев в те годы активно публиковался в периодике: в «Историческом вестнике», «Русском архиве», «Русском паломнике» (ряд его книг вышел в качестве приложений), «Биржевых ведомостях», в журналах «Вестник литературы», «Природа и люди», а также в знаменитом словаре Брокгауза и Ефрона. В журнале «Живописная Россия» (1903) был напечатан очерк Россиева о Кашинских минеральных источниках в Тверской губернии, не уступавших по целебной силе кавказскому Железноводску. Причем это была не реклама, а серьезная постановка проблемы: почему курорт не обустраивается, почему о нем мало кто знает в России? «Кто тут виноват: беззаботность ли наша насчет всего отечественного, излишняя ли скромность администрации минеральных вод, или неповоротливость русского предпринимателя?» — спрашивал автор, прекрасно понимая, что вопрос этот вряд ли выйдет за рамки риторического.

Путешествуя по Сибири, Россиев не мог не побывать в знаменитом имении Таракановка купца Юдина под Красноярском — там его ждали несметные книжные сокровища. Довольно богатый предприниматель Геннадий Васильевич Юдин в поездках по России и за границей разыскивал и приобретал ценные и редкие издания, рукописи. Юдин понимал значение раритетов и не жалел на них денег. В его собрании были рукописи Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, Г. Р. Державина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова. Особенно обширен был раздел, посвященный истории, народностям, населяющим Сибирь, ее природным богатствам. Здесь же были дневники старинных путешествий, доклады первопроходцев, комплекты всех местных газет. Юдинская библиотека стала гордостью Восточной Сибири, знатоки считали ее второй после собрания Томского университета. Однако, старея и слабея, Юдин все больше тревожился о своем детище. Опасался пожаров, того, что после смерти его книги разойдутся по рукам. Он хотел продать библиотеку научному учреждению, давал объявления в газеты. В это драматичное время и посетил Павел Россиев сибиряка Юдина, последовавшая публикация с рассказом об уникальном книжном собрании[1] была призвана пробудить интерес общества, подтолкнуть его к решению непростого вопроса. Однако доброхотов так и не нашлось: юдинскую коллекцию в 1907 году купили американцы для библиотеки Конгресса США всего за 40 тысяч долларов, хотя ее ценность неизмеримо выше — взять только богатейшую информацию о месторождениях Сибири!

Для бытописателя Россиева не прошли даром уроки его учителя литературоведа Ивана Белоруссова. Перу орловского уроженца принадлежат не утратившие своего значения и по сей день статьи «Учитель Пушкина» («Вестник литературы», 1905), «Несколько строк в биографию А. П. Чехова» («Исторический вестник», 1907), «У И. С. Тургенева» (запись рассказа неизвестного о посещении им Тургенева перед смертью в Буживале, «Русский архив», 1908), «Памяти В. Л. Кигна (В. Дедлова)» («Русский архив», 1908), «Памяти Добротворского» («Исторический вестник», 1908), «А. С. Пушкин — актер-любитель» («Биржевые ведомости», 1911) «Артистический кружок в Москве» («Исторический вестник», 1912) и другие

[1] *Россиев П. А.* Книгохранилище Г. В. Юдина // Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1904. № 11–12. С. 110–113.

статьи, посвященные, в частности, драматургу Сухово-Кобылину (1910). А еще были краеведческие публикации «Из воспоминаний о Сарове» («Русский паломник», 1903), «Забытые могилы московских кладбищ» («Исторический вестник», 1906), «Около театра (Листки из записной книжки)», «Из записок театрала 40–60-х годов» («Ежегодник Императорских театров», 1910, вып. IV, VII). В рукописном виде до наших дней дошли записки Россиева «Октябрь 1905 года в Москве» (ныне хранятся в Российском госархиве литературы и искусства), «Объяснение восьми слов, слышанных в разных губерниях (1913)» (Словарная картотека Института русского языка РАН (СПб)).

Сразу после смерти Ф. Н. Плевако была напечатана биографическая статья Россиева о знаменитом юристе[1]. Она куда более полно, чем все вышедшие в те годы публикации, освещала мировоззрение и основные события жизни этого незаурядного человека. Россиев отмечал, что в личности Плевако сочетались разночинский нигилизм и религиозность, житейская простота и разгульное барство. Плевако устраивал гомерические пиры на зафрахтованных им пароходах от Нижнего Новгорода до Астрахани и в то же время имел уникальную библиотеку, был автором сатирических произведений в прозе и стихах и в сорокалетнем возрасте предпринял в Москве издание собственной газеты «Жизнь». Опровергая свидетельства современников о пренебрежительном отношении Льва Толстого к Плевако, Россиев подчеркивал, что Толстой направлял ходоков именно к Плевако со словами: «Федор Никифорович, обелите несчастных!».

С 1909 года Россиев жил в приморском Сочи, возглавлял здесь Тюремный комитет. Современному читателю вряд ли понятно, чем занималось это заведение. Заверим, что писатель не был начальником надзирателей. Тюремные комитеты тех времен вели исключительно благотворительно-филантропическую деятельность, направленную на «попечение об освобожденных из тюрем, облегчение участи семей заключенных и преимущественно их детей, трудоустройство освободившихся». Известен был Россиев и как председатель совета Свято-Николаевского братства, активнейший руководитель комитета по постройке одноименного храма и совместной с Министерством народного просвещения общеобразовательной школы. Сестра Россиева Александра Амплиевна учительствовала в гимназии, под ее попечительством обучались также девочки, начинавшие свое образование в церковно-приходских школах города.

Свято-Никольский храм был устроен на месте бывшей Хлудовской винодельни, в подземелье — Россиев даже сравнивал его с катакомбными церквями первых христиан. А еще Россиеву принадлежала инициатива возведения часовни прихода Святого Николая на старосочинском базаре, улучшения торговли книгами для народа и другой литературой.

В Сочи он задумал серию книг «для простого народа», приуроченную к столетию Отечественной войны 1812 года. В канун юбилея в знаменитой типографии товарищества И. Д. Сытина в Москве были изданы три брошюры Россиева. Примечательно, что все три книги малого формата были оформлены в едином стиле и открывались портретом Императора Александ-

[1] *Россиев П. А.* Памяти Ф. Н. Плевако // Исторический вестник. 1909. № 2. С. 682.

ра I на коне. Первая — «Сожженная Москва: Рассказ о людях и делах 1812 г.» (М., 1912). В ней главы: «Сердце России», «Москва обречена», «Французы в Белокаменной», «Москва в огне», «Осквернённые святыни», «Возмездие». Стиль повествования абсолютно совпадает с тем, что назывался когда-то «народное чтение»: просто, но достаточно официозно. С сердечным чувством пишет автор о первопрестольной: «Москва — наша божница, святыня русского народа. Была Русь в Новгороде, была она в Киеве, но возросла и возмужала в Москве… Москва стала сердцем России, заветным городом»[1]. Знатокам истории небезынтересно встретить в брошюре вполне позитивный портрет военного губернатора Москвы, орловского уроженца Ф. В. Ростопчина.

Вторая книжечка — «Изгнание двадесяти язык». Ее главы: «Первая победа», «Наполеон покидает Москву», «Малоярославец и Вязьма», «Бедствия “великой” армии», «Слава русскому солдату», «Бегство Наполеона». Третья — «Русские освобождают Европу». Главы: «Русские вступают в Западную Европу», «Начало войны 13-го года», «Александр I поднял всю Европу против Наполеона», «Великая лейпцигская битва», «Вечная память героям». Россиев в последних строках подводит итог войны: «В этот год и праздник Христова Воскресенья совпал с освобождением целой Европы. Кто же ее спас, кто дал ей свободу и мир? Русский Царь и непобедимое русское воинство! Слава и вечная память им во веки веков!»[2].

26 марта 1913 года сорокалетний П. А. Россиев обратился к городскому старосте с инициативой отметить 75-летие Сочи в памятный день закладки здесь форта Александрия. В дни празднования в газете «Сочинский листок» появились статьи Россиева об истории Сочи, возможно, это были едва ли не первые опубликованные заметки о будущем всемирно известном курорте. Россиев писал: «Французский ученый Е. А. Мартель назвал Сочи Канном. Слышите? У нас — свой Канн, где равномерный и мягкий климат обусловлен защитою гор с одной стороны и близостью моря с другой. И что за красивые эти горы под покровом лазоревых небес! Они блестят вершинными снегами, с белизною которых спорят пышные цветы высоких магнолий. Магнолии, олеандры, пальмы, кактусы — все под открытым небом; розами затканы садовые ограды, кипарисовые аллеи… Зима теплее петербургского лета. В январе зацветают фиалки […] В 9 верстах от Сочи — Мацеста с ее целебным источником. Прогулка на Мацесту по шоссе доставляет истинное наслаждение. Шоссе изгибается над морем и ползет мимо красивых дач. В яркий полдень жара вас не томит: веет береговой ветерок. Не желаете идти — садитесь в линейку — и почтовые лошади довезут вас до источника […]

Кто приехал в Адлер, тот непременно побывает на Красной Поляне.

Красная… почему красная? Это в смысле: красивая, прекрасная поляна.

Действительно, на всей Русской Ривьере вряд ли найти другое, столь же полное красоты и живописности место. Прославленные виды Швейцарии бледнеют пред краснополянскими ландшафтами.

Здесь соединились и суровые величественные картины альпийской природы, и живописные, блещущие солнцем и яркими красками виды благодат-

---

[1] *Россиев П. А.* Сожженная Москва: Рассказ о людях и делах 1812 г. М., 1912. С. 17–18.

[2] *Россиев П. А.* Изгнание двадесяти язык. М., 1912. С. 38.

ного юга. Высоко кругом, куда ни кинешь взгляд, высятся горные исполины, одетые по склонам яркою зеленью лесов, а вверху покрытые снеговыми шапками; внизу же — цветут благоухающие сады»[1].

В канун мировой войны Россиев побывал в южной Италии. Случайность или зловещее предзнаменование, но в его путевых заметках встречаем рассказ о так называемом «царстве мертвых» — храме в сицилийском городе Палермо, чьи галереи на протяжении трех веков служили кладбищем для прихожан, причем трупы зачастую хоронили без гробов. Посетитель видел здесь бесчисленные мумии в разнообразных одеяниях, пугающие гримасами иссушенных лиц. «Издевательство Смерти над властью, пышными санами, красотой, молодостью»[2], — сказал об увиденном Россиев.

Начавшуюся войну он считал призванной дать подлинную свободу западным и южным славянам. В периодике появляются его «Очерки Боснии и Герцеговины. Заметки русского путешественника». Автор показывал, как пришедшие на смену туркам австрийцы превратили этот благословенный край в зону отдыха для богачей и развлечений: «Те, кто доселе были притесняемы турецким чиновничеством и были бичуемы Кораном, нетерпимым к христианству, узаконяющим рабство, унижающим женщину, стали не менее прежнего переносить от гражданских австро-венгерских властей и воинствующей римско-католической церкви [...] Проходят десятилетия за десятилетиями, а в судьбе “рабыни Боснии” никакой перемены, если не считать того, что турецкое ярмо заменено австро-венгерским.

Исстрадавшаяся райя (земледельцы-христиане), не порвавшая с верою своих дедов, и отчаивается, и верит. Как в семидесятых годах прошлого столетия православные босняки и герцеговинцы, не видя просвета, “умоляли” христианскую Европу забросить их в леса и вообще в даль Америки, так и теперь, до войны, тридцать пять лет спустя, они готовы были затеряться там, ибо шваб похуже турчина. С другой стороны, теперь, как и тогда, теплится в их сердцах надежда на Россию. “Должна же она, великая majka (мать), освободить своих детей из тягостной неволи! Кто же, если не она?!” Преемственно, от старых священников к молодым передается эта надежда, и служители алтаря сами живут этой надеждой и поддерживают ее в народе. Понятно, поэтому, что духовные отцы находятся в подозрении у Вены и Будапешта. С точки зрения правительства, попы — опаснейшие агитаторы и демагоги. Отчасти это справедливо, если иметь в виду близость славянского духовенства к народу и то, что поп становился, в минуту надобности, также и военным вождем: сам он бросался с оружием на врага и увлекал за собою в битву vojnik'ов (т. е. воинов). Он воспевал победы и умел, служа Царю Царей, рыдать под игом неволи и гнета, да так, что кто слышал его богослужение, призадумывался и, как говорится, мотал себе на ус». Завершая повествование, Россиев обещал читателю: «По окончании войны будет начало иным очеркам об иных уже Боснии и Герцеговине. Не рабынях!»[3]

В 1914–1916 годах Россиев издавал «Известия Сочинского Свято-Николаевского братства». Редакция обратилась с просьбой к священнослужителям, сельским учителям и всем, кто интересовался народной жизнью,

---

[1] *Россиев П. А.* Наш лазурный край // Природа и люди. 1910. № 52.

[2] *Россиев П. А.* Золотая раковина // Природа и люди. 1914. № 27 (8 мая).

[3] *Россиев П.* Очерки Боснии и Герцеговины // Исторический вестник. 1915. № 9.

рассказывать о народных обычаях, обрядах, верованиях края, записывать даже песни и игры. На страницах журнала появляется информация о проекте Россиева — с помощью дарителей из среды православного братства и всех сочувствующих собрать материалы по истории города и открыть в Сочи краеведческий музей. С шестого номера «Известий…» публиковались имена дарителей музею и перечни даров. Сам Россиев подарил портреты адмиралов Корнилова и Нахимова, генерала Г. С. Розена, пионеров освоения черноморского побережья А. В. Верещагина, Н. Н. Мамонтова и других деятелей. Иные дарители жертвовали будущему музею книги, иконы, старинное оружие, фотографические коллекции, наборы открыток.

В 1917–1918 годах Павел Россиев был участником Собора Православной Российской Церкви от мирян Сухумской епархии. В последний раз его имя встретилось в списке делегатов Юго-Восточного Русского Церковного Собора, проходившего в мае 1919 года в Ставрополе.

Россиев исчез, пропал без вести на юге России — время было военное, смутное. Окажись он в эмиграции, наверное, появились бы новые очерки и книги, но с тех пор эта фамилия уже не встречалась на свежих обложках. И только в 1990-е годы соотечественники вспомнили о забытом писателе. В составе сборника к 850-летию города «Святые покровители града Москвы» (М., 1996) была переиздана повесть «Великий печальник за родину Патриарх Гермоген» (М., 1912), затем вышла историческая повесть для юношества «Святитель Алексий» (СПб., 1999). А когда в сентябре 2011 года Крестный ход прошел по пути народного ополчения Минина и Пожарского из Нижнего Новгорода в Москву, на Красную площадь, его участники раздали более десяти тысяч иконок святителя и три тысячи брошюр Павла Россиева «Великий печальник за родину Патриарх Гермоген» (репринтное издание). Заново напечатанные книги Россиева постепенно занимают достойное место в библиотеках, их можно найти в Интернете, очерки с интересом изучают и цитируют историки, краеведы, географы. И это, по-моему, лишь начало. Внимание современного общества к наследию замечательного литератора, орловского уроженца Павла Россиева будет только расти — ведь он писал не на потребу публике, его большой труд даже век спустя оказался незаменим, на удивление прочен и полезен.

Валентина
ЕФИМОВСКАЯ

ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ ЛЮБВИ*

К 25-летию вывода советских войск из Афганистана

Валентина Валентиновна Ефимовская — потомственный житель Санкт-Петербурга, родилась в Ленинграде. Имеет два высших образования. Поэт, критик, редактор, автор четырех поэтических сборников, многих литературно-критических, публицистических, искусствоведческих статей. Руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности. Лауреат литературных премий, награждена многими медалями. Заместитель главного редактора журнала «Родная Ладога». Член Союза писателей России с 1999 года. Секретарь Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Много по городам и весям России поставлено памятников советским солдатам, героям и участникам Афганской войны. Эти памятники по своей минорной тональности, по негромкой символике заметно отличаются от победных монументов, посвященных героям Великой Отечественной. Не потому, что на Афганской войне было меньше мужества и подвижничества, но потому, что ее принято считать кампанией низшего порядка, так как она велась не на территории Отечества. Долгие годы политической критике подвергалась история этой «ненужной» войны, умалялись ее значение и героика. Действительно, по классификации известного дореволюционного военного историка Антона Керсновского Афганская война 70–80-х гг. XX века не подходит под критерий войны «высшего порядка», и ее жертвы кажутся неоправданными. Но только с расстояния прошедшего времени мы можем объективно судить о мере «ненужности» этой войны. Ведь и сам Антон Керсновский в силу своих идеализированных представлений считал «ненужными» ряд военных конфликтов, имеющих в конечном результате важное стратегическое значение для России. О такой «ненужной» войне, ведущейся вдали от границ собственного государства, но необходимой для того, чтобы оно не вело потом кровопролитную «нужную» войну в собственных пределах, рассказывает новый военно-исторический роман известных петербургских писателей Андрея Баконина (Константинова) и Бориса Подопригоры «Если кто меня слышит. Легенда крепости Бадабер».

* О романе А. Баконина (Константинова) и Б. Подопригоры «Если кто меня слышит. Легенда крепости Бадабер». Астрель-СПб. 2013.

Это роман не только о войне и военных действиях. В многовековой традиции русской военной прозы задача и смысл произведения всегда были гораздо шире и многообразнее, чем только описание собственно военного события. Русскому писателю всегда были интересны историко-политические предпосылки конфликта, психология и духовная сила его участников, личность простого солдата с его «окопным» видением *мира* и *міра*. Даже в произведениях, где не скрывалась отвратительная «физиология» войны, автор оставался верен поиску причин и осознанию ее смыслов, главный из которых можно назвать — *святой любовью*. Это совокупное духовно-нравственное понятие, имеющее глубокие исторические корни, произрастает из заповеди Христовой «…да лю́бите друг друга; как Я возлюбил вас» (Ин. 15; 13). Такой любовью русские воины воодушевлялись на бессмертные подвиги во имя защиты Отечества, шли умирать «за други своя». Такой любовью пронизан новый военно-исторический роман «Если кто меня слышит», посвященный малоизвестным событиям Афганской войны.

Не претендуя на стратегический анализ событий, авторы рассказывают об Афганской войне от первого лица: ведь именно военному переводчику Борису Подопригоре принадлежит фраза, не только на военно-полевом уровне подытожившая афганскую эпопею: «За нами советских войск не осталось». «За нами», значит, за военными наблюдателями ООН, которых тогда майор Подопригора эвакуировал из Афганистана после выхода последней советской колонны. Да и Андрей Константинов, в прошлом тоже военный переводчик, участвовал в драматических событиях на арабском Востоке. Не навязывая своего мнения, писатели вводят читателя в глубинный мир своего, не отпускающего до последней буквы, романа, убеждая достоверностью собственных переживаний, допущений, сомнений.

Создание такого многопланового, органичного полотна, как роман «Если кто меня слышит», требует от авторов не критичного подхода к воспроизводимым событиям, но осознанной и созидательной любви. Только тогда художественная работа может стать близкой и интересной читателю. Только тогда основу анализа масштабного произведения могут составить размышления об ипостасях «святой любви». Этими же условиями достигается уровень истинности повествования. Во все времена степень достоверности художественного произведения вызывала особый интерес, так как традиционно была связана с нравственными критериями, с сущностными понятиями жизни. Свидетельство об истории, об истине произошедшего события определяется во многом мировоззренческой позицией самого художника, степенью познания им смысла жизни, отношением к смерти. В идеале это познание должно выходить на метафизический уровень. Иначе документальность вместо свидетельства об истине может приобрести физиологически отталкивающий, разрушительный характер. Несмотря на то, что в романе «Если кто меня слышит» много драматических сцен, трагических смертей, картин нечеловеческого унижения личности, произведение не оставляет ощущения безысходности. Наоборот, пронизывая роман, звучит в нем и развивается, как в пятичастной симфонии, тема одоления смерти, переходящая в жизнеутверждающий апофеоз победоносного Подвига-Примера, который должен оставить «*надежду на то, что ему последуют. А еще — Легенду, способную на поколения вперед конденсировать память и электризовать совесть*»… Эти слова, завершающие роман, звучат

вдохновенно. Но для того, чтобы Легенда стала действенной, жизненной, читателю нужно пройти вместе с ее героями путь до конца, наполнив его переживанием собственного сердца.

Каждая глава романа, композиционно выверенного, с оправданно смещенной в последнюю часть произведения кульминацией, обладает художественной целостностью и самостоятельностью. Так, в первом разделе, названном «ВИИЯ», рассказывается об истории и курсантских буднях уникального советского Военного института иностранных языков, где готовили высококвалифицированных специалистов для работы в различных государствах мира. Слушатели и выпускники института принимали участие во многих конфликтах, объявленных и необъявленных войнах, защищали интересы страны на невидимом фронте. Главный герой, военный интеллигент Борис Глинский, с которым мы знакомимся во времена его детства, не собирался быть военным, но «в строй» его поставило время. Не только династическое понимание, что есть «алтарь Отечества», но и профессиональная подготовка, способствовали формированию мировоззрения мужественного, умного офицера. Уже в первой главе авторы книги наделяют главного героя необходимыми для разведчика качествами характера: душевной отзывчивостью, смелостью, романтическим отношением к жизни, смекалкой, творческой страстностью.

В главе «Разведка» эти существующие прежде как будто по отдельности и проявляющиеся только по необходимости качества, под действием некоей центростремительной силы, а именно с приобретением профессионального опыта в структурах ГРУ, складываются в твердый, решительный и благородный мужской характер. Глава «Разведка» интересна не только с психологической точки зрения, но и познавательно. Впервые авторы показывают изнутри жизнь одного из аналитических подразделений ГРУ, жизнь совсем не романтическую, как она представляется людям, далеким от этих структур, но наполненную кропотливым самосовершенствованием-самовоспитанием. В этой главе авторы создают правдивый образ начальника главного героя, вызывающего глубокое уважение, — Петра Беренды, отказавшегося от своей благополучной карьеры из-за «*почти белогвардейского представления о чести*». Напоминающий героев русской классической литературы — благородный, сдержанный в проявлениях чувств, живущий по законам любви и милосердия, он, как лермонтовский Максим Максимыч, незаметно, но настойчиво опекает молодого офицера Глинского. Не потому что у Бориса родственные связи в генералитете, а потому что хочет передать ему свое видение, прежде всего, Праведности, и только потом, — скажем, знания о военно-промышленном комплексе вероятного противника. Авторами созданы достоверные образы русских офицеров, таких, о которых ты как будто не прочел в романе, но услышал от человека, которому доверяешь. Отсюда еще одно впечатление: роман состоит из череды не пафосных, скорее, будничных эпизодов, оправдывающих высокий «штиль» эпилога: «*Русским военным разведчикам, не вернувшимся с боевых заданий, памятника нет…*»

Тема судьбы советского офицера представляется одной из главных и детально раскрытых на страницах романа. Его авторы — подполковник и полковник запаса, наделяют своих героев пониманием, что служение, связанное с избранничеством, сродни вере. Как показано в романе, офицером

нельзя стать без Присяги, то есть без обета, без верности данному слову. А верность слову — примета мученичества и… аристократизма. Истинные аристократы духа — святые и праведники, шли на смерть за свое слово, за свою веру, предпочитая и крестное распятие, и усекновение главы, и костер, и виселицу. Они оставили свой Пример, на котором долгие века воспитывалась аристократия живой действительности. Понимая, что вера любого человека в то, что есть живые, лучшие люди, поднимает дух, дает надежду, авторы романа применительно к своему герою воскресили этот Пример. Да, народу нужна живая, истинная аристократия, которая в советские времена формировалась в офицерской среде, потому что именно в ней, в жертвенном огне войн, закалилось понятие Идеала. Вот как о необходимости этого вечного явления говорил накануне богоборческих времен в России начала прошлого века философ Михаил Меньшиков: «*Ни тело наше, ни дух не есть нечто окончательное. Наше истинное "я" лежит не в действительности, а в идеале. Жизнь есть бессознательный процесс приближения к этому идеалу, причем творящее начало нуждается в модели, как художник в натуре. Если есть перед глазами существо нам сродное и высшее, — наше собственное преображение идет быстрее*»[1]. Весь роман — история такого преображения главного героя и приближения его к Идеалу, причем преображения не умопостигаемого, но происходящего по какому-то невидимому и неумолимому закону бытия, ведущего Бориса Глинского к Подвигу, ради которого, вероятно, он и родился на этот свет и прожил свою короткую, но не исчезнувшую в веках жизнь.

Откуда в душе молодого офицера зажегся и разгорелся скрытый пламень подвижничества? Авторы романа подробно знакомят нас со многими эпизодами его жизни. Примером для молодого человека всегда был отец, участник Великой Отечественной войны, не спрятавший своего единственного сына от войны уже его поколения. Ему повезло с командирами, с товарищами, опыт общения с ними герой тоже использовал в своей «науке Любить». Вне «черно-белых» крайностей *хорошее* и *дурное* каждая душа видит по-своему. В сущности, мир, окружавший с детства Бориса Глинского, был прекрасен, наполнен музыкой любви, в том числе и к женщинам. Хотя трудно поверить, что какая-либо из трех его возлюбленных могла стать действительно родным для него человеком.

Тема любви — опорная тема романа. Зримый ее пласт — это истории отношений Бориса Глинского со своими близкими женщинами, отношений не банальных, но трудных, потому что не осененных истинной любовью. Несмотря на то, что каждая избранница Бориса обладает женской привлекательностью, по-своему любит Глинского, он находит в них, вероятно, в силу своей молодости и неопытности лишь временное чувство привязанности. Скромная Ольга — стала его первой женщиной, трудолюбивая, неяркая Людмила — подарила ему дочь, артистичная Виола увлекла страстными чувствами. Именно с ней Борис был, наверное, счастлив более всего, несмотря на то, что «любовь-страсть» Виолы оказалась любовью мучительной в силу своей безблагодатности. С образом прекрасной сексуальной танцовщицы-цыганки связаны эротические сцены в романе, которые хоть и оправданы логикой событий и литературной модой, кажутся все-таки искусствен-

[1] *Меньшиков М. О.* Вечное воскресение. Русский вестник. Москва. 2003. С. 57.

ными вкраплениями. Потому что не отражают отношений настоящей любви, любви животворящей и врачующей, любви верной и облагораживающей, в развитии которой жена становится «любимым творением». Жаль, что в таком большом, таком подробном произведении нет благодатного женского образа, посредством которого в большей степени можно было бы усилить и выразить природные свойства характера главного героя, приведшие его к свершению Подвига.

Герой романа — Борис Глинский — это новый, вернее, хорошо забытый «старый», герой современной литературы. Молодого офицера, с его природным, социальным, конкретно-историческим и духовным содержанием личности, можно рассматривать в системе «типологических свойств» и реалистической, и романтической концепции человека, имеющей богатые традиции в русской классической литературе. Притом что авторы романа изображают главного героя подчиненным детерминирующим внешним силам, его воля, разум оказываются не вполне от них зависимыми. Несмотря на то, что в романе мы не находим ни самоанализа, ни оценки главным героем собственных поступков, очевиден процесс преодоления им своего «физического характера» — бушующих страстей, понимания узости служебной функции и т. п., наблюдается отраженный со сдержанной художественной выразительностью процесс совершенствования и развития личности. Герой все более и более проникается необходимостью ответственности и за свои поступки, и за судьбы мира. В связи с этим вызывает интерес художественный метод, который используют авторы романа для реализации поставленной задачи.

Сложное взаимоотношение реализма и романтизма в поле русской классической литературы исследуется давно, со времен ее «золотого века». В романе «Если кто меня слышит», расположенном в художественных координатах этих направлений, формально наблюдается социально-психологическая мотивация поступков героев, реалистические с элементами документальности обстоятельства действий. Но кровотоком, скрытым пульсом этих действий все же можно назвать романтическое видение действительности, проникнутой идеалом любви. Несмотря на то, что синтез этих двух разнородных мироощущений в романе происходит все-таки на реалистической основе, романтизм выражается в соблюдении фундаментального для человеческой природы закона сохранения любви. По аналогии с законом сохранения энергии для изолированной системы, в которой энергия может переходить из одной формы в другую, но ее количество остается постоянным, сохраняется, перераспределяясь, и количество любви в системе времени и места действия романа. Находкой авторов можно считать художественный прием сужения этого места действия, а именно, жизненного пространства главного героя. От размеров всей России — через афганскую заставу — оно постепенно сужается до камеры в крепости, что приводит к особой концентрации действия, его повышенной напряженности и драматичности, так же как и к концентрации любви, находящей свое разрешение в Подвиге. В связи с этим кажется промыслительным, что Глинскому ни в одной из женщин не удалось найти свою единственную, родную. Она бы привязала его к земле, а он остался верен единственной возлюбленной — Родине, обладающей небесной ипостасью. О проявлениях этой настоящей «святой любви» к единственной возлюбленной главного героя — к его России рассказывается в афганских главах романа: «Война», «Крепость», «Бой».

Это главы, тяжелые по эмоциональному воздействию, напряженно ведут к трагической развязке. Служба Бориса в Афганистане начинается как будто благополучно, кажется, ему сопутствует удача или помогают ангелы, и он выходит живым из многих боевых операций. И в мире, где, как говорят мудрые люди, без Промысла Божиего не упадет и волосок с человеческой головы, для чего-то Борис остается в целости-сохранности. Для чего не раз судьба миловала Глинского? Только в конце романа становится ясно — ему уготована погибель не в стычке с бандитами, но славная смерть в сражении с силами зла.

На долю главного героя романа выпало сражение физическое, идеологическое, духовное. По скудным сведениям, в крепости Бадабер, расположенной в Пакистане вблизи афганской границы, томились десятки пленных советских и афганских солдат. Там же располагались лагерь подготовки отрядов моджахедов и склады с оружием, которое предназначались против «шурави». «Узнать. Помешать. Освободить…». Такой, на первый взгляд фантасмагорический приказ получил Борис Глинский, владевший местными языками и обладавший необходимыми навыками и офицерской амбицией. План, казалось, был разработан скрупулезно — «*профессионалами и патриотами*». И ум, воспитанный на здоровом скепсисе, и бессмертная душа, не убоявшаяся страданий, предопределили неминуемое… Под видом плененного моджахедами «шофера-геолога Николая» его забрасывают в крепость, где он получает имя Абдулрахман.

Авторы нашли тонкий философский ход: «игрой» имен — Борис-Николай-Абдулрахман («Раб Милосердного») — обратили внимание на сущностные различия мировых религий — христианства и ислама. Мировоззренческое различие между ними определяется главенствующими воспитательными устоями. Если в христианстве свидетельством Истины служит Слово Божие, то в исламе — в том числе, экспансия поведенческих норм. Сегодня, когда радикализм угрожает России, эта тема вызывает «прикладной» интерес. Афганские реалии в этом смысле могут быть, по меньшей мере, информативны, подтверждаемые востоковедческими дипломами авторов.

Дикость и ненависть, царящие в крепости, не поддаются осмыслению. Авторы романа неоднократно приводят их ужасающие подробности для того, чтобы создать картину разгула разрушительных сил, парализующих Божественные энергии Любви. Это ощущение усиливает и обилие здесь ненормативной лексики. Она вызывает категорическое неприятие, конечно, не только на уровне литературного произведения, но заставляет задуматься о самой тенденции. Невозможно отмахнуться от этой данности, от этой современной особенности, когда не только в солдатской среде, но каждодневно на улицах и вблизи учебных заведений слышится мат из уст молодых людей и даже миловидных девушек. Здесь речь надо вести не об уровне культуры, а о степени духовной деградации.

В оправдание авторов, однако, следует сказать, что использование ненормативной лексики в художественном произведении — не их открытие. Вспомним, что это примета революционных перемен, либерализации нравов. Взять хотя бы пример творчества «врага парнасских уз» Ивана Баркова, поставившего своей целью пародировать, осмеивать, обзывать все, что имело приметы классицизма. Во-первых, это был один из приемов борьбы с отживающим художественным методом, во-вторых, стремление обратить

внимание на оборотную сторону жизни, ввести в поэзию прозу низов, что способствовало, как казалось авторам, демократизации литературы. Крепкое русское словечко использовалось для унижения аристократического искусства, его героики. В романе «Если кто меня слышит» ненормативная лексика является тоже приметой либерализации общества, но кроме того используется еще в одной проекции: для усугубления отрицательной характеристики персонажа. Так, обращает на себя внимание особая насыщенность такой лексикой эпизода, где рассказывается о посещении крепости американкой русского происхождения, госпожой Бэрн, в действительности — эмигранткой Людмилой Земелис-Торн, в задачу которой входило склонение всех пленных к отказу от Родины — к самому противному для человеческого существа предательству. Вот где солдаты дали себе словесную волю, так что образ этой симпатичной на вид блондинки оправданно становится одним самых омерзительных в романе.

Конечно же, такие лексические вольности — свидетельство катастрофического нарушения человеческой природы, связанного с духовной деградацией, как следствием потери человеком своего исконного образа. О том, каким этот образ был у каждого пленника, авторы романа со щемящими подробностями рассказывают в мини-новеллах, вкрапленных в повествование. И эти маленькие истории из довоенной жизни, художественно емкие, иногда лиричные — лучшие свидетельства благодатной человеческой природы. Восстановить ее в первозданной чистоте возможно лишь исцелением души, освобождением энергии Любви, стремлением к тому совершенству, которого достиг через свой подвиг герой романа, не выбиравший слов лишь тогда, когда без *именно этих* было не обойтись.

Несмотря на то, что авторы романа в соответствии с очевидными культурологическими тенденциями наших дней рассказывают о Подвиге, не называя реальными именами духовно-идеологические его корни, произведение обладает воспитательным значением и имеет идею, которая раскрывается и композиционными, и стилистическими средствами. Роман сложный, напряженный, динамичный, хотя иногда встречаются тормозящие, слишком подробные описания действий. Слово в произведении используется в объективно-изобразительном качестве: то оно, по терминологии Михаила Бахтина, выступает как двухголосное, а то и многоголосное, сочетаются разнородные языковые элементы, произведение не грешит патетикой, но насыщено деталями, которые авторы оправданно используют и для характеристики персонажей, и для большей выразительности события. Так, например, отмеченные факты, что на Востоке казнь без пролития крови считается позорной, или что у «духов» принято надевать обувь побежденного врага, добавляют драматизма и эмоционального переживания за узников крепости. Да и само слово «крепость», являющееся названием главы, символично в своей семантике. Это может быть не только место действия, но и крепость характера ради выживания, и крепость (пусть — крепкость) уз с пленными, которые с большим трудом и риском удалось установить Борису. Но это, прежде всего, крепость «святой любви». Без нее невозможно было создать не физически, но духовно превосходящий недруга бастион сопротивления.

Здесь, в крепости, пленники ощутили забытое в нашем обществе Чувство Ближнего. Измученные унижениями, голодом и наркотиками, еле живые солдаты, и русские, и мусульмане-афганцы, оказались друг другу

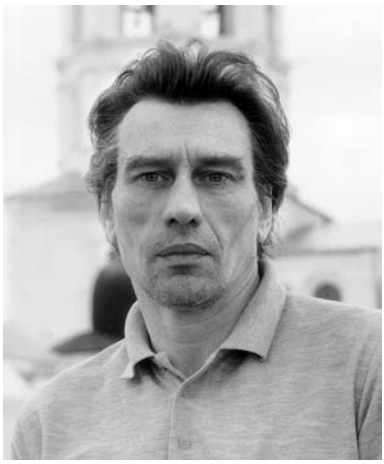
настолько близкими, насколько они никогда бы не смогли стать в мирной жизни, подверженной культу эгоизма. И Борису Глинскому они стали роднее всех его бывших некогда любимых женщин: именно к этим горемыкам испытал он чувство сострадания, сделавшее и его, и его подопечных выше и сильнее. Эта сила открыто заявила о себе в «матче смерти», когда пленники сразились с их охранниками. Связанный с матчем эпизод можно назвать кульминацией романа. Вошли в игру сломленные пытками и голодом пленники, а вышел, как в русской сказке, сплоченный отряд, победивший с «нефутбольным» счетом 7 : 2. «*Шуравi обнялись и встали в круг, соединив головы. И в этом кругу они все ощущали что-то очень важное. Какое-то единение, духовное родство. Они снова осознали себя бойцами — причем бойцами, способными побеждать…*»

И они победили, *смертью смерть поправ*. Восставшие солдаты вызвали на крепость, а значит и на себя огонь пакистанских войск, которым были уничтожены и они сами, и арсенал, и гарнизон крепости, и находившиеся там моджахеды. Сколько жизней русских солдат, против которых предназначалось это оружие, было тем самым спасено?! Мы не знаем настоящих имен героев, но список русских фамилий, приведенный авторами романа в конце книги, кажется, не вызывает сомнения, так же как и существование капитана ГРУ Бориса Глинского. Очень хочется, чтобы они были настоящими. Ведь и крепость была, и футбольный матч был, и восстание было. И смерть была настоящей. Настоящими были и мудрые, но не всегда удачливые (такова правда жизни!) начальники Глинского, у большинства из которых имеются реальные прототипы. Да, все они в романе были настоящими, хотя бы потому, что только настоящие души источают спасительную любовь, которая не сгорает в пламени взорванной крепости, но по своему непреложному закону сохранения любви остается в данности под названием Родина, за которую приняли смерть герои.

И неважно, что в те, уже отошедшие от нас времена, она не откликнулась на звучащий рефреном вопрос Глинского «Ну, где же ты, Родина?..», «Ну, где же ты, Родина?..» Да и что можно было ждать в ответ, если ему была предопределена смерть во имя жизни. Родина промолчала, и это, может быть, благо. Потому что, как говорил Федор Тютчев, «мысль изреченная есть ложь». Мысль не сказанная хранит некую божественную тайну, которую теперь каждый из нас должен раскрыть, исходя из собственного опыта «святой любви», подсказывающей, что это к нам сегодняшним обращается капитан Глинский с призывом «Если кто меня слышит…» Это мы должны услышать его свидетельство о живой действительности Подвига, который, свершившись в ограниченном пространстве, не имеет границ в Вечности…

ПРОЗА

Сергей КУНЯЕВ

«ТЫ РАССЕЯ, РАССЕЯ-ТЕЩА…»*

Глава из новой книги

Сергей Станиславович Куняев — родился в Москве в 1957 г. Окончил филологический факультет МГУ (1980). Работал в издательстве «Современник», в журнале «Москва», зав. отделом критики журнала «Наш современник» с 1992 года. Выпустил книги: «Огнепалый стих»; «Растерзанные тени», «Сергей Есенин», «Жизнь Есенина. Снова выплыли годы из мрака…», в соавторстве со Станиславом Куняевым; документальная повесть о Павле Васильеве «Русский беркут». Член СП России. Член правления СП России (с 1999). Лауреат премий «Зодчий» им. Д. Кедрина (1995), им. С. Есенина (1996). **Живет в Москве**.

*Продолжение. Начало в № 3 и № 4 2013 года. Печатается с небольшими сокращениями.

В первых числах ноября Есенин появился в Ленинграде — второпях, как будто на что-то надеялся, как будто чего-то ждал от этой поездки… У него в голове был заново переписанный, но еще не отделанный до конца «Черный человек», которого он читал на встречах с Георгием Устиновым, Ильей Садофьевым, Николаем Никитиным… Навестил и Клюева, прочел поэму и ему.

«Одна шкура от человека осталась», — так потом вспомнил Клюев эту встречу.

Снова Есенин не нашел понимания у старшего собрата. А уже в Москве, после больницы, где скрывался от милиции, от грядущего суда по делу об оскорблении дипломатического курьера НКИД — во время последнего посещения Госиздата говорил, что уезжает в Ленинград насовсем, просил выслать туда корректуры грядущего собрания сочинений, сообщал о новых начатых, еще недописанных произведениях, которые он собирается завершить там, на новом месте жительства… Где это «новое место»? Да у старых друзей. У Валериана Правдухина, у Лидии Сейфуллиной… У Клюева, в конце концов. «Люблю Клюева», — запомнил есенинские слова Иван Евдокимов.

Приехал, перед этим попросив телеграммой Вольфа Эрлиха найти ему «две или три комнаты». Тот даже не пошевелился. И по всему выходит, что в «Англетер» Есенин попал благодаря Георгию Устинову, который в эти же дни прикатил в Ленинград и устроил поэта рядом с собой (о номере позаботился заранее).

Ленинград в эти дни трясло, как в лихорадке. «Зиновьевский бастион» бросал открытый вызов Сталину и его команде. Делегации из Москвы с XIV партийного съезда, на котором разгоралась решающая схватка,

сновали туда-сюда — приезжали и возвращались на очередное заседание… Партийная и комсомольская оппозиция города вместе с редакторами газет и журналов, а также и гепеушниками, вставала на дыбы.

Вот в эти роковые дни и появился в Северной Пальмире Есенин, жаждавший спокойной жизни и плодотворной работы, мечтавший об издании своего журнала, лелеющий в мечтах грядущее собрание сочинений…

Елизавета Устинова потом вспоминала, как на второй день пребывания в «Англетере» Есенин заявился к ним в номер ни свет ни заря — и тут же начал рассказывать о своих первых литературных шагах в Петрограде, с любовью вспоминал Клюева и намеревался немедленно ехать к нему — с трудом уговорили подождать до рассвета… Эрлих, со своей стороны, утверждал, что переночевал у Есенина в номере, а утром услышал от него: «Поедем к Клюеву!.. Ссоримся мы с Клюевым кажинный раз. Люди разные. А не видеть его не могу. Как был он моим учителем, так и останется. Понимаешь — люблю я его!» И еще вспоминал, как в один из прошлых приездов Есенин похвалялся перстнем времен Царя Алексея Михайловича, который подарил ему Клюев.

Выходит, что утро 25 декабря Есенин провел то ли в номере у Устиновых, то ли в своем — с Эрлихом. И это далеко не единственное противоречие в «показаниях» свидетелей его последних четырех дней в Ленинграде.

Ладно. Остановимся на том, что Есенин буквально рвался к Клюеву. О чем-то жаждал с ним поговорить, что-то обсудить, что-то рассказать. Может, и рассказал бы — останься он с Клюевым наедине, как, оставшись наедине с Ивановым-Разумником летом 1924-го в Царском Селе, откровенно выговорился и по поводу власти, и по поводу своей литературной судьбы… Декабрь 1925 года — время куда более критическое в его жизни. И что-то буквально толкало его к старому другу.

Но факт остается фактом. К Клюеву отправился вместе с Эрлихом. Последний живописал, как Есенин долго не мог найти адрес, как долго стучал в чужие двери… Потом эти лихорадочные поиски иные интерпретаторы объясняли есенинским «болезненным состоянием», «расстройством психики», дескать, недавно был у него, а тут — все из памяти вышибло… А это никакая не «болезнь», а переключение сознания: он думал, как он увидит Николая и о чем будет с ним говорить, а адрес — дело десятое! Стукнулся в близстоящую дверь… Нет? Пошли дальше! Картина хорошо знакомая, не подпадающая ни под какую «патологию». А если еще учесть утрирование происходящего в описании Эрлиха и проставленные им акценты…

Пришли. Подняли Клюева с постели. И тут, пожалуй, самое время обратиться к воспоминаниям другого свидетеля, старого знакомого Клюева — художника Павла Мансурова, жившего по соседству, в той же квартире…

«Явился к нам с вокзала, в 6 часов утра перед Рождеством, Есенин с огромным красным петухом, а Эрлих нес тоже громадный хлеб — круглый, деревенский…

Все это население было разбужено так рано. Но у нас не было тогда ни рано, ни поздно. Мне даже помнится, что мы, то есть я и он, Клюев, с вечера и целую ночь так и сидели, было так много о чем говорить. И чай продолжался уже с новыми гостями. Петуха мать моя куда-то посадила в корзину. То было у нас на Морской, 45, часов до 11-ти утра, а потом вышли, помню, втроем, так как Эрлих уже раньше ушел, а у Есенина было

свидание. Он с Устиновым приехал, якобы, для издания какого-то журнала, в Ленинграде поспокойнее, а то в Москве совсем невозможно работать…»

Итак, по Мансурову — 6 утра. По Эрлиху — после 9-ти. Эрлих не вспоминает ни о петухе, ни о каравае, ни о самом Мансурове в комнате Клюева… И вот здесь проще всего было бы сказать: Эрлих пишет чуть ли не по горячим следам, а Мансуров вспомнил все происшедшее аж в 1972 году! Что-то с памятью его стало? И непонятно, что ли — кому верить?

Однако не будем спешить. Не так все просто.

Эрлих достаточно «натемнил» в своих воспоминаниях, на что уже неоднократно обращалось внимание пристальными исследователями. А что касается Мансурова… Он также далеко не во всем правдив — и в этом мы еще удостоверимся… Но петух и каравай — это чисто по-есенински, особенно если учесть, что подарки предназначались Клюеву. Разговор о журнале и о том, что в Москве невозможно работать — также не противоречат другим есенинским разговорам.

Эрлиха Сергей мог тут же спровадить «за спичками», даром, что спички в доме были. Но Есенин, по Вольфу, пожелал прикурить от лампадки. Клюев возмутился и протянул спички, а Есенин, ничтоже сумняшеся, закурил. А когда Клюев вышел — потушил лампадку у икон. И Николай этого якобы не заметил. И соблазнительно связать эту сцену с позднейшими словами Клюева: «А Сереженька ко мне уж очень дурно относился, незаслуженно дурно — пакостил мне, где только мог…» Ни о чем подобном не вспомнил Мансуров, настаивающий на своем присутствии при этой сцене. Более того, по Эрлиху, они все вместе прямо с Морской пошли к Есенину в «Англетер». Мансуров же пишет, что «мы расстались, условившись завтра в 5 часов быть у Есенина. Так и было», то есть Клюев пришел в «Англетер» 26-го числа. Да и сам Николай потом вспоминал, что виделся с Есениным «в последний вечер перед смертью» — именно 26-го — когда Есенин, прочтя «Черного человека», сказал: «Ведь все твои стихи знаю наизусть, вот даже в последнем моем стихотворении есть твое: “Деревья съехались, как всадники”…»

«Была мокрая погода. Снег падал большими хлопьями, — вспоминал Мансуров. — Жена Устинова не оставалась долго. Ушла к себе этажом выше. Половой ничего, кроме сороковки водки, из-за праздника, достать не смог. И вот мы шестеро выпили по маленькой рюмочке… Тихо и в разговорах мы опять сидели за неизменным нашим пустым чаем». «Шестеро», насколько можно судить, сопоставляя одни описания вечера с другими — это Есенин, Клюев, Устинов, Эрлих, Мансуров и то ли Иван Приблудный, то ли Игорь Марков — также настаивающий в мемуарах на своем присутствии.

«Есенин рассказывал, что он за полное собрание сочинений получил 20 000 рублей, Маяковский — 25, Горький — один миллион, “а вот эта сволочь (он не назвал имени, но то был Демьян Бедный-Придворов) получил столько, что нельзя и выговорить”. Так он и не выговорил. И еще в придачу ему, т. е. Дем(ьяну) Бедн(ому), прицепной вагон, чтоб он мог ехать в роскоши, когда и куда он хочет… Потом Есенин читал свои стихи, незабываемые короткие станы, немного под цыганские романсы…»

По Эрлиху, перед тем как читать, Есенин обратился к Клюеву:

— Ты, Николай, мой учитель. Слушай.

Что читал Есенин? Очевидно, кроме «Черного человека», свои последние стихи. Те, что должны были войти в цикл «Стихи о которой» и занять свое место в первом томе собрания.

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый…», «Какая ночь! Я не могу…», «Не гляди не меня с упреком…», «Ты меня не любишь, не жалеешь…», «Может, поздно, может, слишком рано…»

Может быть, читал и более ранние, «осенние», исполненные приятием всего сущего и в жизни, и за ее чертой и проникнутые предчувствием близкого конца.

О, мое счастье и все удачи!
Счастье людское землей любимо.
Тот, кто хоть раз на земле заплачет, —
Значит, удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.
……

Цветы мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну что ж! Ну что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо, —
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо…

Клюев слушал внимательно. И чем дальше слушал, тем больше убеждался: для него все это — «пунш, чиновничья гитара, под луной уездная тоска…»

— Хорошо, Сереженька, очень хорошо… Собрать в одну книжечку — так книжечка настольной станет для всех нежных девушек в России.

Он не язвил. Он предвидел. Предвидел, как переписанная от руки есенинская лирика будет расходиться в никогда не подсчитанном количестве экземпляров по рукам по всей России, нужная, как хлеб и вода, нежным девушкам и юношам…

Через много лет великий Георгий Свиридов напишет в одной из своих записных книжек: «У Есенина после “Пугачева” национальная трагическая тема сменилась темой личной, трагедией личной судьбы: “Москва кабацкая”, “Исповедь хулигана” (написанная *до* «Пугачева». — *С. К.*),

“Любовная лирика” и т. д. Клюев же, не имевший личного (мирского), — оно было порочным, запретным, не подверженным огласке, — весь ушел в апокалиптическую тематику и в этом достиг своей высоты! *Поэтов такого масштаба теперь — вообще — нет!*»

Не все здесь точно и в отношении Клюева, и в отношении Есенина. Но не оставляет впечатление: свиридовская мысль через шесть без малого десятилетий вторила клюевской мысли, когда Николай выносил на люди свое суждение о последних есенинских стихах.

А Есенин вскипел. Он уже читал кое-какие стихи Клюева, напечатанные в «Красной газете». Читал и кричал — «Плохо!» И все равно пришел к старшему собрату со словами: «Ты, Николай, мой учитель. Слушай!»

И тот послушал…

Эрлих потом написал, что «Есенин помрачнел». Сам Есенин, если верить Елизавете Устиновой, говорил ей, что «он Клюева выгнал». Картина, которую почти через полвека нарисовал в своем письме Павел Мансуров, по первому впечатлению отдает чистой фантасмагорией. Вчитавшись, начинаешь понимать, что перед нами достаточно расчетливо сплетенный узел из вспомненных реалий и нарочито наложенных фантастических напластований.

«Есенин рассвирепел и полез в драку, и мне пришлось их разнимать…» «Но это, — говорит, — все ерунда, а вот не ерунда эта история с Ганиным (и он мне, может, в десятый раз в жизни рассказал), ты знаешь, меня вызвали в ЧК, я пришел, и меня спрашивают: вот один молодой человек, попавшийся в “заговоре”, и они все мальчишки, образовали правительство, и он, его фамилия Ганин, говорит, что он поэт и Ваш товарищ, что Вы на это скажете? Да, я его знаю. Он поэт. А следователь спрашивает, — хороший ли он поэт. И я, говорит Есенин, ответил, не подумав, “товарищ ничего, но поэт говенный”. Ганина расстреляли. Этого Есенин не забыл до последней минуты своей жизни. Потом опять все как-то собрались около диванчика, на котором лежал Есенин, и он каждому из нас прочитал по стихотворению на память. Мне он выбрал “Цветы головки наклонили…” …А Эрлиху он дал уже раньше написанное на клочке бумаги и говорит: “ты сегодня этого не читай, прочти завтра”. И сунул ему в карманчик пиджака для платочка.

Все разошлись. Мы остались втроем: Есенин, Клюев и я. В окне, напротив, Исаакиевский собор. Мокрые хлопья снега попадали на окно и плыли вниз. Это была страшная петербургская ночь. Все было им решено. Еще когда мы за день перед этой ночью выходили после утра (с петухом и хлебом) на Морскую и шли посередине улицы, то торцовая мостовая была покрыта мокрым снегом и лужами. Навстречу нам также по мостовой шла женщина с маленьким мальчиком, и когда они поравнялись с нами, то мальчик, в страхе смотря на Есенина, начал кричать, а женщина ему говорит — миленький, что с тобой, и они прошли мимо, а Есенин, в своих лаковых башмаках, шел безразлично по лужам.

После всяких воспоминаний и разговоров мы с Клюевым ушли около пяти часов утра. Жили мы в пяти минутах ходьбы».

И далее идет рассказ о том, как в это же утро Мансуров узнал о смерти Есенина.

По свидетельствам Вольфа Эрлиха, Георгия и Елизаветы Устиновых, Клюев был в «Англетере» за день до всех событий, описанных Мансуровым. Ни о каком «лежании на диване» и чтении стихов «каждому на па-

мять» никто больше не вспоминал. Ни Эрлих, ни Устинова не писали о присутствии Мансурова, Клюева или еще кого-либо при пресловутой «передаче стихотворения». Сцена с «употреблением» живописцем попросту выдумана — дико себе представить, что «употребленный» не заметил этого самого «употребления»... Другое дело — разговор о Ганине, Мансуров не случайно подчеркнул, что слышит это от Есенина далеко не в первый раз, и вполне можно предположить, что он мог слышать сию историю в пересказе Клюева, с которым делился Есенин.

Впрочем, сам Мансуров, эмигрировавший в 1928 году, уехал явно не без ведома и не без тесных связей с органами внутренних дел России, завязавшихся у него, очевидно, еще с 1918-го, когда он был арестован ЧК и через короткое время вышел на свободу. Письмо к Ольге Ресневич-Синьорелли, в котором описана вся вышеприведенная сцена, начинается чрезвычайно красноречивым абзацем, из которого следует, что надсмотр за собой он ощущал на протяжении всех этих десятков лет.

«Все идеальные замыслы искажены ворами различных категорий. Они взяли в свои руки все. Они управляют Миром. Уйти от этого нельзя. Везде одно и то же. Здесь убивают и грабят людей, а в глубине девственной Природы без нужды убивают драгоценные остатки зверей и механической пилой начисто истребляют леса. Это практикуется и началось у нас в России. Даже самого кормильца-мужика истребили. Я получаю много писем. Видимо, в цензуре там сидят люди, на себе испытывающие результаты такого хозяйства, а потому пиши что хочешь. Я сужу так по письмам, которые я получаю. И по “Литера[турной] Газете”...»

И сразу, без перехода — повествование о Есенине и Клюеве.

Чрезвычайно занятное признание человека, пишущего, что получает из Советского Союза письма любого содержания, при этом — просмотренные цензурой, но до него самого доносящие «всё»... Что за позыв — в этом контексте — спровоцированный, нет ли — поделиться воспоминаниями об «Англетере» именно в этом варианте? Почему именно в 1972 году? Вопросы, пока остающиеся без ответа.

Клюев, если верить дневнику Роберта Куллэ, литературного критика, специалиста по русской и западной литературе, часто печатавшегося в «Красной газете», рассказывал о последней встрече с Есениным в совершенно жутких тонах, относя ее также к последнему дню (точнее, к последней ночи). Перед этим Клюев вспоминал о Москве, где якобы «его, Клюева, норовили извести, убрать под каким угодно предлогом, чтобы избавиться от конкурирующего крупного таланта» (объяснение более чем странное, но жизни Клюева, действительно, могла угрожать опасность — достаточно вспомнить угрозу Покровского «сломать Клюеву шею» в письме к Бениславской). В «Англетере» же атмосфера еще более сгустилась: «Прогнав всех от себя, Есенин уговаривал Клюева остаться у него на ночь. Клюев понял, что Есенин что-то замышляет, и сказал ему: —Делай, что задумал, но скорее”. Сам же ушел, так как он знал, что с Есениным кончено, но перед самоубийством Есенин попытается осуществить давнее свое намерение — убить и Клюева. Около 2 ч[асов] ночи Клюев подходил под окна гостиницы и видел свет люстры в номере. Он полагал, что там вновь началась оргия, и ушел. Утром узнал о самоубийстве, совсем не неожиданном для него...»

Запись этой совершенно фантасмагорической сцены относится к 15 марта 1927 года. Волей-неволей возникает вопрос: что же случилось с Клюевым, что он мог в этом заподозрить Есенина, и в точности ли передал клюевский рассказ Куллэ? Тем более что дальше в дневнике следует красноречивая запись: «Клюев далеко не так прост, каким он хочет казаться. У него большие провалы». Провалы — где? В памяти? В сюжетной нити этого жуткого рассказа?

Клюев передавал собеседнику свое впечатление от той жути, которая охватила его, когда Есенин стал уговаривать товарища остаться. Один он быть в номере не желал: чувствовал смертельную опасность. Ее же почувствовал и Клюев — опасность, грозящую и Есенину, и ему самому. Потом уже, со многими паузами и недоговоренностями, воспринимающимися как «провалы», он мог говорить о своей последней встрече, упирая на свою невозможность остаться… Дескать, не человек уже был перед ним, а змеиная шкура извивалась… Не остался, но пошел домой и всю ночь молился за Сереженьку… Более ни о чем подобном, похожем на некую опасность, исходившую для него от Сергея, он нигде и никому не упоминал — ни при Павле Медведеве, ни при Игоре Маркове, ни при том же, насколько можно судить, Мансурове — более близкими ему людьми, чем Куллэ… Впрочем, о своей попытке вернуться в «Англетер» вечером 27-го числа, на следующий (следующий ли?) день после расставания, он рассказал художнику Николаю Минху:

«…Накануне его смерти меня точно кто толкнул к нему. Пошел я к нему в гостиницу. В “Англетер” этот. Гляжу, в номере дружки его сидят. На столе коньяки, закуски. На полу хлеб, салфетки валяются. Кого-то, видать, мутило. В свином хлеву чище! Ох, думаю, зря пришел! Дружки его увидали меня и, как жеребцы, заржали: “Кутя пришел! Кутя!” Я их спрашиваю: «Сереженька-то где?” А они толкать меня в дверь зачали. “Иди, — говорят, — старик! Иди! Он ушел и придет не скоро. Баба его увела”.

А на кровати, смотрю, вроде человек лежит. Одеялом с головой укрыт. Храпит вроде. Я хотел было глянуть, кто это, да они меня не допустили. Взашей выгнали… А наутро слышу: Сереженька повесился!..»

Это все происходило уже после ухода из есенинского номера и Устинова, и Эрлиха — оба вспоминали, что Есенин в эти последние часы был абсолютно трезв и спокоен… После 8-ми вечера в номер нагрянула некая компания (из кого она состояла — неизвестно по сей день) с алкоголем и — явно для приватного разговора… О чем он мог быть? И откуда могли явиться эти люди? Тут впору вспомнить, что, как писала в своих воспоминаниях Елизавета Устинова (воспоминаниях, очевидно, просмотренных и отредактированных ее мужем Георгием), Есенин «запретил портье пускать кого бы то ни было к нему, а нам объяснил, что так ему надо для того, чтобы из Москвы не могли за им следить». «Из Москвы» — намек мог быть только на людей, непосредственно принимавших участие в партийной схватке на XIV съезде, соответственно, на ближайшее окружение партийных вождей… Кстати сказать, потом этот «портье» растворился в небытии, он больше не фигурирует ни в одном документе, а в показаниях коменданта гостиницы Назарова — бывшего чекиста (насколько они могут быть «бывшими») — не упоминается ни о чем подобном.

О некоей компании, пировавшей тогда в номере Есенина, вспоминал и Лазарь Берман, бывший секретарь журнала «Голос жизни», а в 1925-м —

сотрудник издательства «Прибой» и — по совместительству — сотрудник ГПУ, который также видел «длинный стол, в беспорядке уставленный разными закусками, графинчиками и бутылками… множество народа… совершенно чуждого» и якобы спящего Есенина «на тахте»… Пришел он в номер (незваный и непрошенный, но почему-то жаждущий увидеться с Есениным) до Клюева или после него — неясно.

Так или иначе — Клюева выпроводили вон, не дав ему поднять одеяло с головы лежащего Есенина (был ли он еще жив в эти минуты? И слышал Клюев «храп» или предсмертный хрип?). Не трудно предположить, что могло бы произойти с самим Клюевым — попытайся он открыть лицо своего друга (и ведь чувствовал, чувствовал он смертельную опасность, разлитую в воздухе, еще когда прощался с Сергеем!) Что же это были за персонажи сей кровавой истории? Кого же из них так «мутило», у кого не выдержали нервы?

Николай Минх был не единственный, кому Клюев рассказывал о своей несостоявшейся встрече с Есениным. То же самое он рассказал и художнику Василию Сварогу, который опубликовал в «Красной газете» свой рисунок Есенина, вынутого из петли, лежащего на полу… Не один читатель мог прийти в ужас от самого вида мертвого тела буквально растерзанного поэта. Ставшие гораздо позже известными фотографии, сделанные Моисеем Наппельбаумом, ничего общего не имеют с этим рисунком с натуры поэта, лежащего на полу… Наппельбаум снимал тело, уже приведенное в относительный порядок.

Кстати, о петле. И Елизавета Устинова, и Вольф Эрлих единогласно утверждали, что утром 28-го числа увидели тело Есенина в петле на трубе парового отопления справа от окна, тогда как на самом деле трубы располагались слева. Но куда важнее другое. Милиционер Георгий Петрович Евсеев через много лет вспоминал, что на выезде в «Англетер» в составе милицейской бригады он видел мертвого Есенина, привязанного за шею не к трубе, а к батарее. Проще всего было бы отмести это свидетельство, объяснив его потерей памяти после стольких лет, если бы не странное подтверждение этого факта в воспоминаниях Ивана Михайловича Гронского (с ним Клюеву еще предстоит встретиться), который в своем выступлении в Центральном государственном архиве литературы и искусства 30 сентября 1959 года утверждал, что Есенин «ведь не вешался на крюке или еще на чем-нибудь, он привязал веревку к батарее»… Подобную информацию он мог получить только от людей из органов внутренних дел, знающих подлинную картину происшедшего. Вот и получается, что разные служащие видели разное: Г. Евсеев — тело, привязанное за шею к батарее, а участковым надзирателем 2-го отделения Ленинградской гормилиции Н. Горбовым «был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина в следующем виде, шея была затянута не мертвой петлей, а только одной правой стороной шеи, лицо было обращено к трубе, и кистью правой руки захватился за трубу, труп висел под самым потолком и ноги от пола были около 1 1/2 метров…»

Слух о происшедшем мгновенно разлетелся по Ленинграду. В «Англетере» появились Борис Лавренев, Михаил Фроман, Николай Браун, Николай Никитин, Павел Медведев, Всеволод Рождественский, Михаил Слонимский, Иннокентий Оксенов… Вольф Эрлих сидел посреди номера с

хозяйским видом… Вид же лежащего на кушетке Есенина был страшен. Жуткий багровый шрам на переносице сам по себе вызывал вопросы, но все они были тут же отметены одним объяснением: прижался, дескать, лицом к горячей трубе… На дворе — метель, а трубы холодные, и составитель протокола кутался в шинель… Если кто потом и обратил внимание на это противоречие, то мог задать леденящий душу вопрос лишь самому себе.

Браун и Лавренев, переглянувшись, отказались подписывать протокол. Его подписали Медведев, Эрлих, Фроман и Рождественский. Когда Николай Браун потом спросил Рождественского: «Сева, как ты мог?.. Ты же не видел, как Есенин петлю на себя надевал», — тот, ничтоже сумняшеся, ответил: «Ну, а как?!. Мне сказали, нужна еще одна подпись! Я и подписал!»

Ни к Медведеву, ни к Эрлиху, ни к Фроману подобных вопросов ни у Брауна, ни у Лавренева не было. В ленинградских литературных кругах, очевидно, было хорошо известно сотрудничество названных литераторов с ГПУ — и ничего лишнего у них никто не спрашивал.

Медведев, первым из писателей вызванный Эрлихом в «Англетер», и обзванивал потом своих коллег с извещением о «самоубийстве Есенина» — задолго до прекращения всякого дознания, до медицинской экспертизы, до составления всех протоколов. И так все ясно! Чего темнить?

Он же с этой новостью заявился к Клюеву, когда тело Есенина уже было отправлено в мертвецкую Обуховской больницы.

Николай слушал спокойно. Держал себя в руках. Только произнес: «Этого и нужно было ждать».

Вынул из комода свечу, зажег ее у божницы, перекрестился широко и стал читать молитву за упокой души раба Божьего Сергия.

Помолился — и слезы градом хлынули из его глаз.

— Я говорил Сереженьке и писал к нему: брось эту жизнь. Собакой у порога твоего лягу. Ветру не дам на тебя дохнуть. Рабом твоим буду. Не поверил — зависть, мол, к литературной славе. Я обещал ему 10 лет не брать пера в руки. Не поверил — обманываю. А слава вот к чему приводит…

В его глазах Есенин давно покончил с собой. Когда изменил себе, связался с «Москвой кабацкой», со славой бумажной, с известностью у всякого люда без разбора… И «Англетер» — лишь естественное завершение этой безбожной жизни…

Думал так, убеждал сам себя — а перед глазами стояли ухмыляющиеся хари в есенинском номере… «Кутя пришел! Кутя!.. Баба его увела…» Словно черное воронье, налетевшее на кровавую жатву. Как там у Пушкина? «Не стая воронов слеталась…»

* * *

В 6 часов вечера 29 декабря гроб с телом Есенина был выставлен в Союзе писателей на катафалке.

«В течение часа, приблизительно, гроб стоял так, и вокруг него толпились люди, — записал в дневнике Павел Лукницкий. — Было тихо. Но все же многие разговаривали между собой и говорили — о своих делах (! — *С. К.*)… Ощущалась какая-то неловкость — люди не знали, что им нужно делать, и бестолково переминались с ноги на ногу… Есенин был мало похож на себя. Лицо его при вскрытии исправили, как могли, но все же на

лбу было большое красное пятно, в верхнем углу правого глаза — желвак, на переносице — ссадина, и левый глаз — плоский: он вытек. Волосы были гладко зачесаны назад, что еще больше делало его непохожим на себя. Синевы в лице не было: оно было бледно, и выделялись только красные пятна и потемневшие ссадины…» Иннокентий Оксенов записал свое: «В гробу он был уже не так страшен. Ожог замазали, подвели брови и губы. Когда после снятия маски смывали с лица гипс, волосы взмокли, и, хотя их вытерли полотенцем, они легли, как после бани, пришлось расчесывать. Ионов не отходил от гроба…»

Клюев стоял с краю ото всех. Не отводя глаз, смотрел в лицо погибшего. Ни с кем не заговаривал, ни на кого больше не глядел. Плакал — и вглядывался, вглядывался, вглядывался… Не слышал никаких жужжащих вокруг разговоров о «своем», не замечал ничьего дурного нетерпения, праздного любопытства. Единственно на что среагировал — когда установил свою аппаратуру фотограф Булла, к гробу стали протискиваться те, кто посчитал необходимым запечатлеть свое присутствие, и раздались крики из публики: «Клюева! Клюева!» Тогда медленно прошел и встал с краю рядом и Ионовым, по-прежнему ни на кого не глядя, не видя, как с другой стороны от Ионова встали Василий Наседкин и Софья Толстая.

Перед тем как закрыть гроб, подходили прощаться. Николай, наклонившись, целовал Есенина и шептал что-то, словно договаривал недоговоренное тогда… Перекрестил покойного и положил ему на грудь образок… На истерический вопль какой-то актрисули: «Довольно этой клюевской комедии!.. Раньше надо было делать это!» — даже головы не повернул. Словно не слышал ни бабьего визга, ни последующего шиканья.

Простился. Закрытый гроб в сопровождении оркестра отправился на Московский вокзал…

А в газетах уже творилось нечто невообразимое.

«Красная газета» печатает «предсмертное» стихотворение Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья…» (когда и где оно на самом деле написано — так и не ясно по сей день). В том же вечернем выпуске: «В гостинице “Англетер” покончил самоубийством приехавший из Москвы поэт Сергей Есенин… Когда Устинов и жена его ушли, Есенин попросил (кого??? — *С. К.*), чтобы никого к нему в номер не пускали, так как он устал и хочет отдохнуть». В «Гудке» от того же числа: «Долгое время он не выходил из номера; поэтому администрация гостиницы, заподозрив неладное, вскрыла дверь номера и нашла Есенина повесившимся с перерезанными венами на руках (?! — *С. К.*). На столе найдена неоконченная записка, написанная кровью (!! — *С. К.*)». В «Рабочей Москве» в тот же день: «Рядом с трупом обнаружен небольшой кусок белой бумаги, на котором кровью написано несколько строк стихов, тут же валялся разорванный портрет сына поэта»… И так по многим газетам страны в том же духе… А самое живописное описание «самоказни» принадлежит, конечно, Георгию Устинову:

«Есенин умер по-рязански, тем желтоволосым юношей, которого я знал. Этот юноша не делал петли из шарфа, он обертывал этот шарф два раза вокруг своей шеи, два раза веревку от чемодана, вывезенного из Европы, выбил из-под ног тумбочку и повис лицом к синей ночи, смотря на Исаакиевскую площадь…»

Все это читал Клюев, не зная, конечно, что приехавший в Москву Василий Наседкин, видевший мертвого поэта, сказал прямым текстом своей жене — сестре Есенина Екатерине: «Сергея убили». Не знал, но не мог не остановиться на новой публикации в той же «Красной», уже выходившей под редакцией Петра Ивановича Чагина, — некрологе Бориса Лавренева: «Казненный дегенератами»:

«Есенин был захвачен в прочную мертвую петлю. Никогда не бывший имажинистом, чуждый дегенеративным извертам, он был объявлен вождем школы, родившейся на пороге лупанария и кабака, и на его славе, как на спасительном плоту, выплыли литературные шантажисты, которые не брезгали ничем и которые подуськивали наивного рязанца на самые экстравагантные скандалы, благодаря которым в связи с именем Есенина упоминались и их ничтожные имена… С их легкой руки за ними потянулись десятки мелких хищников, и трудно даже установить, какое количество литературных сутенеров жило и пьянствовало за счет имени и кармана Есенина, таская несчастного, обезволенного поэта по всем кабакам, волоча в грязи его имя и казня его самыми гнусными моральными пытками. Никакая борьба с этими гиенами не могла привести к благотворным результатам. Усилия врачей и немногих искренне любивших поэта людей разбивались о сплоченность организованной сволочи, дегенератского сброда, продолжавшего многолетнюю казнь поэта… И мой нравственный долг предписывает мне сказать раз в жизни правду, и назвать палачей и убийц — палачами и убийцами, черная кровь которых не смоет кровяного пятна на рубашке замученного поэта».

В сборник «Памяти Есенина», издаваемый Всероссийским Союзом поэтов, Николай дал старое стихотворение «В степи чумацкая зола…» как напоминание о былом пророчестве — злом: «От оклеветанных голгоф тропа к иудиным осинам…» И — добром, перекликнувшемся с Пушкиным: «И вспомнит нас младое племя на песнотворческих пирах…» И в этом же сборнике — раскрыл страницу на воспоминаниях Николая Тихонова, этого советского барина от поэзии, глядя на которого, иронически обмолвился: «Вот так поэты революции!» Этот «барин» был едва ли не безутешнее его самого на церемонии прощания. А здесь — в сборнике — вспоминал о встрече с Есениным в Тифлисе. И о есенинских словах в эту встречу за столом духана:

«— Ты не знаешь, я не могу спать по ночам… Раскроешь окно на ночь — влетают какие-то птицы. Я сначала испугался. Просыпаюсь — сидит на спинке кровати и качается. Большая, серая. Я ударил рукой, закричал. Взлетела и села на шкап. Зажег свет — нетопырь. Взял палку — выгнал одного, другой висит у окна. Спать не дают. Черт знает — окон раскрыть нельзя. Противно — серые они какие-то…»

Что-то бродило внутри у Тихонова, какие-то тяжелые мысли роились в голове, когда он писал эти воспоминания.

«Бедный странник знал не только скитанья и песни, серые птицы не давали ему спать, и не только спать, они волочили свои крылья по его стихам, путали его мысли и мешали жить. Когда-нибудь мы узнаем их имена.

Но никто никогда не узнает, какой страшный нетопырь, залетев в его комнату в северную длинную зимнюю ночь, смел начисто и молодой смех,

и ясные глаза, и льняные кудри, и песни, из которых не нужно брать примеров для учебника».

А к тому времени, когда вышел сборник, уже было напечатано и перепечатано письмо Троцкого «Памяти Есенина», где из-под выспренно-красивого плетения словес проступали железные шипы.

«Он ушел тихо, без крикливой обиды, без позы протеста, — не хлопнув дверью, а тихо призакрыв ее рукою, из которой сочилась кровь… Он нередко кичился дерзким жестом, грубым словом. Но под всем этим трепетала совсем особая нежность неогражденной, незащищенной души… Больше не могу, — сказал 27 декабря (а все газеты со ссылкой на неизвестного «врача» писали, что 28-го! — *С. К.*) побежденный жизнью поэт — сказал без вызова и упрека… Есенин не был революционером. Автор "Пугачева" и "Баллады о двадцати шести" был интимнейшим лириком. Эпоха же наша — не лирическая. В этом главная причина того, почему самовольно и так рано ушел от нас и от своей эпохи Сергей Есенин… Нет, поэт не был чужд революции — он был несроден ей… Есенин интимен, нежен, лиричен, — революция публична, — эпична, — катастрофична. Оттого-то короткая жизнь поэта оборвалась катастрофой… Спираль истории развернется до конца. Не противиться ей должно, а помогать сознательными усилиями мысли и воли. Будем готовить будущее. Будем завоевывать для каждого и каждой право на хлеб и право на песню. Умер поэт. Да здравствует поэзия!..»

Каждому умному должно быть понятно: спираль истории развернется до конца, а «несродные» с этой «спиралью»… Дальше объяснять не надо. И волей-неволей всплывает в памяти «серый нетопырь», что «смел начисто и молодой смех, и ясные глаза, и льняные кудри»…

…Давным-давно стала одной из любимейших книг Клюева «керженская» эпопея Мельникова-Печерского «В лесах». Еще до революции вселился в его строки мир гармонии истинного православия на пороге разорения и погорельщины.

По керженской игуменье Манефе,
По рассказам Мельникова-Печерского
Всплакнулось душеньке, как дрохве
В зоологическом, близ моржа пустозерского.

Потянуло в мир лестовок, часословов заплаканных,
В град из титл, где врата киноварные…
Много дум, недомолвок каляканных
Знают звезды и травы цитварные.

Керженская игуменья, настоятельница Комаровского скита Матрена Филипповна, принявшая имя прежней настоятельницы Манефы, — одна из любимейших клюевских героинь… И сейчас, после гибели своего собрата, Николай снова обратился к мельниковскому миру Заволжья… Зорение церквей, гибель Есенина, старые разгромленные и пожженные скиты — все соединяется им воедино.

«— Скитская беда не людская, сударыня… И без вины виноваты останемся, — сказала Манефа. — Давно на нас пасмурным оком глядят, давно обители наши вконец порешить задумали… Худой славы про скиты много

напущено… В какой-нибудь захудалой обители человек без виду попадется — все про скиты закричат, что беглыми полнехоньки… Согрешит негде девица, и выйдет дело наружу, ровно в набат про все скиты забьют: «Распутство там, разврат непотребный!.. «…всех погубят, все скиты, все обители!.. Слабы ноне люди пошли, нет поборников, нет подвижников!.. Забыв Бога, златому тельцу поклоняются… Горькие времена, сударыня, горькие!..»

А как предвестие горьких времен — смерть согрешившей Настеньки, дочери тысячника Потапа Максимыча — ей и девятнадцати не было. Убила кручина по Алексею, соблазнившему ее и почувствовавшему, «что согнул дерево не по себе… Темным мороком пала ему на ум Настя… Вспомнилось, как вдвоем в подклете сиживали, тайные любовные речи говаривали; вспомнилось, как гордая красавица не снесла пыла страсти — отдалась желанному душой и телом… «Что ж?.. Не мы первые, не мы и последние… Кручился-мучился, доспел и бросил…»

Хороша была Настенька у купца Чапурина,
За ресницей рыбица глотала глубь глубокую.
Аль опоена, аль окурена,
Только сгибла краса волоокая.

Налетела на хоромы приукрашены
Птица мерзкая — поганый вран,
Оттого от Пинеги до Кашина
Вьюгой разоткался Настин сарафан.

У матерой матери Мемелфы Тимофеевны
Сказка-печень вспорота и сосцы откушены,
Люди обезлюдены, звери обеззверены…

Это стихотворение, начинающееся строкой «Наша собачка у ворот отлаяла…», отсылающее к есенинской собачонке, что встречала поэта «лаем у ворот», к его же покинутому псу, воющему «о погибшей невесте», было напечатано тогда же — в 1926 году в коллективном сборнике «Собрание стихотворений». И летом того же года Клюев пишет «Плач о Сергее Есенине», где снова появляется погибшая Настенька.

С тобой бы лечь во честной гроб,
Во желты пески, да не с веревкой на шее!..
Быль иль небыль то, что у русских троп
Вырастают цветы твоих глаз синее?

Только мне, горюну, — горынь-трава…
Овдовел я без тебя, как печь без помяльца,
Как без Настеньки горенка, где шелки да канва
Караулят пустые, нешитые пяльца!

Помнил Николай плачи своей матери, помнил плачи олонецких старух — и те, старые плачи, что Мельников записал для своего повествования.

«Нигде так не сберегли сь эти отголоски старины, как в лесах Заволжья и вообще на Севере, — писал он, предваряя обряд оплакивания Настеньки, — где по недостатку церквей народ меньше, чем в других местностях, подвергся влиянию духовенства. Плачеи и вопленицы — эти истолкователь-ницы чужой печали — прямые преемницы тех вещих жен, что «великими плачами» справляли тризны над нашими предками. Погребальные обряды совершаются ими чинно и стройно, по уставу, изустно передаваемому из рода в род… Одни плачи поются от лица мужа или жены, другие от лица матери или отца, брата или сестры, и обращаются то к покойнику, то к родным его, то к знакомым и соседям… И все на свой порядок, все на свой устав… Таким образом, одновременно справляется двое похорон: одни церковные, другие древние старорусские, веющие той стариной, когда предки наши еще поклонялись Облаку ходячему, потом Солнцу высокому, потом Грому Гремучему и Матери Сырой Земле…»

Клюев, видя, как провожают Есенина, не мог не вспомнить нелюбимого им, но здесь как нельзя кстати пришедшегося Некрасова: «Без церковного пенья, без ладана, без всего, чем могила крепка…» Он мог и не знать, что мать Сергея, Татьяна Федоровна, отпела его заочно после того, как ее буквально отговорили приводить священника в Московский Дом печати. Мать, в «Письме» к которой Есенин писал: «И молиться не учи меня, не надо. К старому возврата больше нет…» Эти стихи знала вся страна, а то, что осталось в черновиках — появилось в печати гораздо позже и осталось практически неизвестным: «Ты прости, что я в Бога не верую, я молюсь ему по ночам…» Николай совершил над ним свой плач — и начал его со строк: «Помяни, чертушко, Есенина кутьей из углей да омылков банных…» Банные омылки на Вытегорщине невеста, не оборачиваясь, бросала в дружек в бане перед свадьбой — на кого попадет, та и следующая. Так и чертушко обручил Есенина со Смертью… Он и поминает погибшего, по мысли Клюева, от своей собственной руки собрата, что перед этим ушел от старшего «разбойными тропинками», «оступел… веселой скукой в кабацком буруне топить свои лодки», «обронил… хазарскую гривну — побратимово слово, целовать лишь солнце, ковригу, да цвет голубый…» Все упреки высказаны — и вступает основной мотив плача — сродни причитаньям вопленицы над безвременно ушедшей Настенькой Чапуриной:

Не утай, скажи, касатка моя, ластушка.
Ты чего, моя касатушка, спужалася?
Отчего ты в могилушку сряжалася?
Знать, того ты спужалась, моя ластушка,
Что ноне годочки пошли все слезовые,
Молодые людушки пошли все обманные,
Холосты ребята пошли нонь бессовестные…

И Клюев словно бы вышивает свою мелодию по канве старого причитания:

Ты скажи, мое дитятко удатное,
Кого ты сполохался-спужался,
Что во темную могилушку собрался?

Старичища ли с бородою
Аль гуменной бабы с метлою,
Старухи ли разварухи,
Суковатой ли во играх рюхи?
Знать, того ты сробел до смерти,
Что ноне годочки пошли слезовы,
Красны девушки пошли обманны!
Холосты ребята все бесстыжи!

Он потом перекинет «мостик» от причитания к «годочкам слезовым», что выпали и ему, и Сергею… Но сначала, отплакавшись по-старинному, он вспомнит есенинское «Этой грусти теперь не рассыпать звонким смехом далеких лет. Отцвела моя белая липа, отзвенел соловьиный рассвет…» — и это отцветание перенесет на себя. Сам он отцвел с потерей друга, и еще страшнее потери — сознание того, как потерял.

Отцвела моя белая липа в саду,
Отзвенел соловьиный рассвет над речкой.
Вольготней бы на поклоне в Золотую Орду
Изведать ятагана с ханской насечкой!

Умереть бы тебе, как Михайле Тверскому,
Опочить по-мужицки — до рук борода!

Михаил Тверской, князь-мученик, был убит в Золотой Орде после долгого и кровопролитного соперничества с московским князем Юрием Даниловичем, но пал он от рук ордынцев и принял смерть мужественно и твердо… Клюев вроде бы жалеет, что его собрат не принял смерть подобно Михаилу от рук современных ордынцев, но именно эта часть поэмы завершается загадочным вопросом: «О жертве вечерней иль новом Иуде шумит молочай у дорожных канав?» А «жертва вечерняя» отсылает к эпиграфу «Плача» — цитате из четвертой новгородской летописи: *—Младая память моя железом погибает, и тонкое тело мое увядает…» Плач Василька, князя Ростовского.* Клюев не мог не предполагать, что кто-нибудь из читающих его поэму обратится к Лаврентьевской летописи и прочтет о судьбе ростовского князя Василько Константиновича, ставшего первым русским новомучеником за веру.

«А Василька Константиновича вели с постоянным понуждением до Шерньского леса, и когда стали станом, принуждали его многие безбожные татары принять обычаи татарские, быть в их неволи и воевать за них. Он же никак не покорялся их беззаконию, и много укорял их, говоря: “О глухое царство осквернённое! Ничем не заставите вы меня отречься от христианской веры, хотя и нахожусь я в великой беде; как дадите ответ Богу, многие души погубив без правды? За их муки будет мучить вас Бог, и спасет души тех, кого погубили”. Они же скрежетали на него зубами, желая насытиться его крови. Блаженный же князь Василько помолился… И в последний раз помолился: “Господи Исусе Христе Вседержитель! Прими дух мой, да и я почию в славе Твоей”. И сказал это и тотчас без милости был убит… И когда понесли его в город, множество народа вышло навстречу ему, печальные

слезы проливая, лишившись такого утешения. И множество народа православного рыдали, видя, что отходит отец сиротам и кормилец…»

Так как же все-таки, если следить за мыслью Клюева в «Плаче», принял смерть Есенин? Как Михайло Тверской? Как Василько Ростовский? Или «молодой детинушка себя сразил», отравившись миазмами города, куда «к собрату березка пришла», почитая город собратом, а в ответ:

На гостью ученый набрел,
Дивился на шитый подол,
Поведал, что пухом Христос
В кунсткамерной банке оброс.

Из всех подворотен шел гам:
«Иди, песноликая, к нам!»
А стая поджарых газет
Скулила: «Кулацкий поэт!»

Куда ни стучался пастух —
Повсюду урчание брюх,
Всех яростней в огненный мрак
Раскрыл свои двери кабак.

Клюев зашифровал свою догадку так, что лишь не скоро и лишь знающему можно на нее набрести… И сам оставил для себя вопрос, на который у него не было ответа.

Отойдя от счета с постылой современностью, сжирающей самого Клюева и сжившей с белого света его собрата, — он снова возвращается к причитанию по образцу того, что выводила Устинья в мельниковском романе над покойной Настасьюшкой от лица матери:

На полете летит белая лебедушка,
На быстром несется касатка-ластушка.
Ты куда, куда летишь, лебедь белая,
Ты куда несешься, моя касатушка?..
Не утай, скажи, дитя мое родное…
Ты в какой же путь снарядилася,
Во которую путь-дороженьку,
В каки гости незнакомые,
Незнакомые, нежеланные?

Но лебедь белая у Клюева становится свидетельницей и участницей поразительного действа:

На полете летит лебедь белая,
Под крылом несет хризопрас-камень.
Ты скажи, лебедь пречистая, —
На пролетах-переметах недосягнутых,
А на тихих всплавах по озерышкам
Ты поглядкой-выглядом не выглядела ль,

Ясным смотром-взором не высмотрела ль…
Не шел ли бережком добрый молодец,
Он не жал ли к сердцу певуна-травы,
Не давался ли на родимую сторонушку?

И отвечает лебедь, как в том же граде, «железом крытом», в который пришел некогда березкой «белый свет-Сережа», он же «молодой детинушка» — «кидал себе кровь поджильную, проливал ее на дубовый пол»… В старое причитание вторгается кровавое «сегодня» — кровь на полу — из статей лихих газетчиков, жаждущих «покраше» расписать происшедшее… Но далее:

Как на это ли жито багровое
Налетали птицы нечистые —
Чирея, Грызея, Подкожница,
Напоследки же птица-Удавница.
Возлетала Удавна на матицу,
Распрядала крыло пеньковое,
Опускала перище до земли.
Обернулось перо удавной петлей…

Если вспомнить «серых нетопырей», что «мешали спать и жить» поэту из некролога Николая Тихонова, то, выходит, что «детинушка себя сразил», да не сам себе петлю на шею накинул… «Птицы нечистые» ассоциативно отсылают и к Тихонову, и к Лавреневу, но сами они — не из старых ли языческих верований, а Клюев их хорошо знал… Мифологические существа, исполненные зла, пирующие на чужой крови — не те ли, кого встретил Клюев в «Англетере» и кто уже начал пробавляться в печати мерзким словечком «есенинщина» — прямым производным от князевской «клюевщины»? Древние мифы и живая, кровавая современность сливаются воедино.

А лебедь белая — символ неба, верховного божества, передатчик человеческой души из мира живых в мир мертвых — несет «душу убойную» в хризопрасе-камне не в царство смерти, где, мнится Клюеву, уготованы ей вечные муки, а «под окошечко материнское». Его, клюевская лебедь, спасает душу неприкаянную Сереженьки после его гибели! «Прорастет хризопрас березынькой, кучерявой росной, как Сергеюшко»… Как березкой чистой, белой пришел в город, так и после кончины березкой расти будет…

Заклинает Клюев земные и небесные силы, заклинает божества и чертей в аду — дабы не отдавали собрата на мучения посмертные после всего перенесенного в жизни… Матушка его поет ему, обращенному в березыньку, колыбельную, а сам Клюев завершает свой «Плач» неторопливой лирической песней, где слышен голос спасенного «Сергеюшки», где отзываются его зимние мелодии последних стихов — «снежная замять дробится и колется» — и любимый кот выглядывает с лежанки, и дед из старого стихотворения улыбается в бороду… И слышится хрипловатое, немного срывающееся, есенинское: «Приемлю все, как есть, все принимаю. Готов идти по выбитым следам…» Все принимает и его живой еще старший собрат, сумевший, мнится, совершить невозможное…

Падает снег на дорогу —
Белый ромашковый цвет.
Может, дойду понемногу
К окнам, где ласковый свет?
Топчут усталые ноги
Белый ромашковый цвет.
.....

Жизнь — океан многозвонный —
Путнику плещет вослед.
Волгу ли, берег ли Роны —
Все принимает поэт...
Тихо ложится на склоны
Белый ромашковый цвет.

Два небольших отрывка из «Плача о Сергее Есенине» были напечатаны в «Красной газете», а в следующем 1927 году поэма вышла отдельным изданием с предваряющей ее большой статьей Павла Медведева «Пути и перепутья Сергея Есенина», который писал, в частности: «Это — именно плач, подобный плачам Иеремии, Даниила Заточника, Ярославны, князя Василька. В нем личное переплетается с общественным, глубоко интимное с общеисторическим, скорбь с размышлением, нежная любовь к Есенину со спокойной оценкой его жизненного дела, одним словом — лирика с эпосом, создавая сложную симфонию образов, эмоций и ритмов... На "Плаче" лежит печать огромного своеобразия и глубокой самобытности...»

Надо сказать, что в данном случае статья Медведева служила неким «конвоиром» клюевской поэмы. Полной ее публикации, конечно, способствовала общественная репутация автора предисловия — комсомольского комиссара 3-го Ленинградского полка войск ГПУ и по совместительству сверхштатного научного сотрудника Пушкинского Дома. Пройдет еще год — и Медведев уже своим именем «прикроет» книгу, написанную Михаилом Бахтиным — «Формальный метод в литературоведении». Она выйдет под фамилией Медведева, хотя достаточное количество людей, причастных к литературной науке, будут точно знать — кто подлинный автор.

Но спасти от цензурного вмешательства поэму не удалось. Из текста были исключены три строфы, из которых лишь последнюю удалось дать в виде второго эпиграфа.

Для того ли, золотой мой братец,
Мы забыли старые поверья, —
Что в плену у жаб и каракатиц
Сердце-лебедь растеряет перья,

Что тебе из черной конопели
Ночь безглазая совьет веревку,
Мне же беломорские метели
Выткут саван — горькую обновку.

Мы свое отбаяли до срока,
Журавли, застигнутые вьюгой,

Нам в отлет на родине далекой
Снежный бор звенит своей кольчугой.

А незадолго до издания поэмы Клюев, выступавший практически на всех вечерах, посвященных памяти Есенина в Ленинграде (он ничего не рассказывал, только читал стихи — и уходил), прочел ее вместе с другими стихотворениями 10 января 1927 года на вечере в Ленинградском Большом драматическом театре.

Замечательное по-своему воспоминание об этом выступлении оставила Ольга Форш, назвав чтение Клюева «неслыханными поминками… по ушедшему самовольно другу».

«На поминальном вечере зал был полон и взволнован отвратительно. На зрителях — нездоровый налет садизма. Пришли не ради поэзии, а чтобы на даровщинку удобно, но в меру остро поволноваться, замирая от стихов, за которые не они заплатили жизнью.

Выступали певцы и декламаторы, уже обычно и развязно стригли с "Письма матери" купоны, зарождали лютый гнев Маяковского.

Настал черед и Микулы. Он вышел с правом, властно, как поцелуйный брат, пестун и учитель. Поклонился публике земно — так дьяк в опере кланяется Годунову. Выпрямился и слегка вперед выдвинул лицо с защуренными на миг глазами. Лицо уже было овеяно песенной силой. Вдруг Микула распахнул веки и без ошибки, как разящую стрелу, пустил голос.

Он разделил помин души на две части. В первой его встреча юноши-поэта, во второй — измена этого юноши пестуну, старшему брату и себе самому.

Голосом, уветливым до сладости, матерью, вышедшей за околицу встретить долгожданного сына, сказал он свое известное слово о том, как:

С Рязанских полей коловратовых
Вдруг забрезжил конопляный свет.
Ждали хама, глупца непотребного,
В спинжаке, с кулаками в арбуз,
Даль повыслала отрока вербного,
С голоском слаще девичьих бус.

Еще под обаянием этой песенной нежности были люди, как вдруг он шагнул ближе к рампе, подобрался, как тигр для прыжка, и зашипел язвительно, с таким древним, накопленным ядом, что сделалось жутко.

Уже не было любящей, покрывающей слабости матери, отец-колдун пытал жестоко, как тот, в "Страшной мести", Катеринину душу за то, что не послушала его слов. Не послушала, и вот —

…На том ли дворе, на большом рундуке,
Под заклятою черной матицей,
Молодой детинушка себя сразил…

Никто не уловил перехода, когда он, сделав еще один мелкий шажок вперед, стал говорить уже не свои, а стихи *того* поэта, ушедшего.

Чтобы воочию представить уже подстерегавшую друга гибель, Микула говорил голосом надсадным, хриплым от хмеля.

И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое…

Было до тонкой верности похоже на голос того, когда с глухим отчаянием, ухарством, с пьяной икотой он закончил:

Ты Рассея моя… Рас… сея…
Азиатская сторона.

С умеренным вожделением у публики было покончено. Люди притихли, побледнев от настоящего испуга. Чудовищно было для чувств обывателя это нарушение уважения к смерти, к всеобщим эстетическим и этическим вкусам.

Микула опять ударил земно поклон, рукой тронув паркет эстрады, и вышел торжественно в лекторскую. Его спросили:

— Как могли вы…

И вдруг по глазам, поголубевшим, как у врубелевского Пана, увиделось, что он человеческого языка и чувств не знает вовсе и не поймет произведенного впечатления. Он действовал в каком-то одному ему внятном, собственном праве.

— По-мя-нуть захотелось, — сказал он по-бабьи, с растяжкой. — Я ведь плачу о нем. Почто не слушал меня? Жил бы! И ведь знал я, что так-то он кончит. В последний раз виделись, знал — это прощальный час. Смотрю, чернота уж всего облепила…

— Зачем же вы оставили его одного? Тут-то вам и не отходить.

— Много раньше увещал, — неохотно пояснил он. — Да разве он слушался? Ругался. А уж если весь черный, так мудрому отойти. Не то на меня самого чернота его перекинуться может! Когда суд над человеком свершается, в него мешаться нельзя. Я домой пошел. Не спал ведь — плакал».

Многие свидетели этой сцены совершенно не поняли того, что происходило на их глазах. Не поняла, естественно, и Ольга Форш.

Клюев при всей собравшейся «отвратительно взволнованной» публике вел свой диалог с Есениным. Соединив в единое целое в определенной последовательности стихотворение «Оттого в глазах моих просинь…» и «Плач», — он дал ответ Есенина голосом Есенина. Сергей, словно вернувшийся с того света, отвечал Клюеву изнутри самого Клюева — стихами, тогда еще, три года назад пронзившими Николая, когда они оба выступали в Москве… Если бы зал понял, что происходит на самом деле — можно не сомневаться: в помещении театра тут же не осталось бы ни одного человека. Но никто ничего не понял — и в то же время все почувствовали: происходит что-то не то. Клюев явно внушал страх — и проще всего было обвинить его в «нарушении уважения к смерти», в том, что он «не понимает человеческого языка»… Форш почуяла, что Клюев действует «в одному ему внятном собственном праве», но суть этого «права» осталась для нее за семью печатями…

Через много лет она хотела переиздать свой «Сумасшедший корабль» в 8-томном собрании сочинений. На этот замысел наложил свое вето Николай Тихонов — солидный советский сановник и депутат Верховного Совета СССР, обладающий и немалым авторитетом, и немалой властью. В письме к Форш от января 1961 года он популярно объяснил, почему выступил про-

тив переиздания этой вещи, указав на целый ряд «неудобств». И главным «неудобством» послужил здесь именно Клюев, памятное выступление которого Тихонов также лицезрел в Большом драматическом театре и, видимо, долго не мог от него отойти. «Я читал, например, про Клюева, — писал Тихонов. — Ваши страницы эти не поддаются действию времени. Они точны самой строгой точностью — художественного припечатывания действительно бывшего… Но сегодня столько подымется на тень Клюева вопросов, что уж лучше пусть она себе покоится, где нашла приют». Тихонов прекрасно знал, где именно душа Клюева нашла себе «приют». И рука его не дрогнула, когда он выводил эти строки.

…Уже в 1988 году при переиздании «Сумасшедшего корабля» к нему было предпослано предисловие, автор которого — ученая дама, разделяя взгляд Ольги Форш на современных ей писателей — героев книги, охарактеризовала Клюева в полном соответствии со взглядом напуганных его современников и опасливых — наших, предпочитавших увидеть в нем что-нибудь по возможности удобное и не мешающее жить: «В духовную исступленность Микулы, в его могучую корневую систему О. Форш вкладывает стихийную мощь мужицкого уклада, с которой рядом нет места цивилизации. В своей тысячелетней неподвижности она не хочет уступать места не только революционному настоящему, но, как показывает жизнь, не увядает и в будущем. В поисках духовного наставничества Клюева запутались многие умы молодой русской интеллигенции»… Тень Клюева встала во весь рост и, поистине, вместе с ней встала масса вопросов, на которые — хочешь не хочешь — надо было отвечать. Но сплошь и рядом многие пытались не отвечать, а отходить в сторону, процеживая отдельные характеристики с использованием фразеологии Троцкого и Князева вместе взятых.

* * *

Одновременно с «Плачем о Сергее Есенине» в июле 1926 года Клюев пишет поэмы «Заозерье» и «Деревня». По существу все эти вещи составляют единый триптих. Языческо-христианская славянская идиллия — в «Заозерье», где одухотворено каждое природное движение, и в то же время вся картина выписана словно тонкой кистью строгановского иконописца — со свойственной мастерам старой школы прозрачностью света и легкостью мазка. Люди и святые живут в едином мире, в полной гармонии и ладу — и в ладу с ними все явления природы и быта — и одно неотделимо от другого. Крестьянская ойкумена, та, что чаялась издавна в народных преданиях, та, за которой уходили в таинственное Беловодье русские мужики.

На речке в венце сусальном
Купальница Аграфена,
В лесах зарит огнепально
Дождевого Ильи икона.

Федосья-колосовица
С Медостом — богом овечьим —
Велят двуперстьем креститься
Детенышам человечьим.

Флору да Лавру работа —
Пасти табун во лесях,
Оттого мужичьи ворота
В смоляных рогатых крестах.

Все неторопливое действие поэмы — точнее, не действие, а саму жизнь в поэме сопровождает литургия, что служит отец Алексей: «бородка — прожелть тетерья, волосы — житный сноп». За литургией незаметно сменяются времена года, и как кульминация — наступает Пасха. Воскресение Христово.

Великие дни в деревне —
Журавиный плакучий звон,
По мертвой снежной царевне
Церквушка правит канон.
.....

Христос воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ,
И у елей в лапах простертых
Венки из белых купав.

В зеленчатом сарафане
Слушает звон сосна.
Скоро в лужицу на поляне
Обмакнет лапоток весна.

Запоют бубенцы по взгорью,
И, как прежде в тысячах дней,
Молебном в души Егорью
Задудит отец Алексей.

Идиллия разрушается с гибелью поэта Руси — Сергея Есенина. Да, не на ту дорогу свернувшего, получившего свое «за грехи, за измену зыбке, запечным богам Медосту и Власу», но великого поэта… И само обрушение русской жизни предстает воочию в поэме «Деревня». Как смерть Настеньки — предвестие гибели керженских скитов, так смерть русского поэта — предвестие конца прежней жизни. Насколько идилличен тон в «Заозерье» — настолько он напряжен, рыкающ до срыва — в «Деревне». Кажется, что весь деревенский люд от парней (схожих то с Буслаевым Васькой, то с Евпатием Коловратом) и девок (каждая, что Ефросинья Полоцкая, Ярославна или Евдокия, Дмитрия Донского суженая) до матерей — «трудниц наших», до Бога, писанного «зографом Климом» — весь поднялся на защиту своего бытия от страшной современности, от полного ее разброда и нестроения внутреннего. И рефрен воистину угрожающий:

Будет, будет русское дело —
Объявится Иван Третий
Попрать татарские плети,

Ясак с ордынской басмою
Сметет мужик бородою!

Это, мнится, не слишком далеко ушло от пушкинского: «Добро, строитель чудотворный! Ужо тебе!..» Это «ужо тебе!» — сплошь и рядом от бессилия, от невозможности сопротивляться нашествию чумной новизны. Новая эпоха железа наступает — и скрыться от нее некуда.

Ты, Рассея, Рассея-матка,
Чаровая заклятая кадка!
Что там, кровь или жемчуга,
Иль лысого черта рога?
Рогатиной иль каноном
Открыть наговорный чан?..
Мы расстались с саровским звоном —
Утолением плача и ран.
Мы новгородскому Никите
Оголили трухлявый срам, —
Отчего же на белой раките
Не поют щеглы по утрам?

Кажется, принесены все жертвы, какие только можно было принести, а облегчения не наступает. Меняется весь мир вокруг, замолкают птицы, деревья бегут со своих мест, «разодрав ноженьки в кровь», при виде трактора, выехавшего на ниву, железного коня, с которым «от ковриг надломятся полки…» Да не хлебом ведь единым… Жизнь старая гибнет.

И не зря в «Деревне» трактор под стать паровозу из есенинского «Сорокоуста»… И не зря рефрен «Деревни» — «Ты Рассея, Рассея-теща, насолила ты лихо во щи» — тут же перекликается с «Рас..сеей» Есенина из «Москвы кабацкой»… Ведь вся Русь в богохулье ударилась, и сам Клюев в стороне не стоял — и никакие мотивы не послужат оправданием. Вот и ему, как и младшему собрату, «за грехи, за измену зыбке» — доводится увидеть крушение прежнего мира, где «от полавочных изголовий неслышно сказка ушла»… Одна надежда — вернется, когда чаша Божьего гнева переполнится.

Только будут, будут стократы
На Дону вишневые хаты,
По Сибири лодки из кедра,
Олончане песнями щедры,
Только б месяц, рядяся в дымы,
На реке бродил по налимы,
Да черемухи в белой шали
Вечера, как девку, ласкали!

* * *

Не единожды потом задавались читатели и исследователи вопросом: каким чудом «Заозерье» и «Деревня», которую вполне можно было проин-

терпретировать как политическую прокламацию, в тех условиях — вообще попали в печать, когда «Заозерье» было опубликовано в сборнике «Костер», а «Деревня» — в журнале «Звезда»?

Объяснение этому есть. И оно может показаться достаточно неожиданным.

Еще при Зиновьеве, с помощью Ионова, Клюев начал печататься с осени 1925 года в «Красной газете». Ионов буквально «выжимал» из него «новые песни» — «волчий брех и вороний грай», как написал Николай. Он взялся-таки за «советскую тематику», но не брехал и не граял. Он нашел единственный и самый точный ход — «новые песни» пелись от имени нового поколения, той молодежи, что вошла в жизнь с Октябрем — и иной жизни себе не представляла.

В результате его стихи, насыщенные реалиями новой жизни, обретали куда более полную интонационную завершенность и смысловую убедительность, чем километры виршей на ту же тему множества пролетарских и комсомольских поэтов. Даром поэтического перевоплощения Клюев владел, как мало кто.

Моя родная богатырка —
Сестра в досуге и в борьбе,
Недаром огненная стирка
Прошла булатом по тебе!

Стирал тебя Колчак в Сибири
Братоубийственным штыком,
И голод на поволжской шири
Костлявым гладил утюгом.
.....

Ты мой чумазый осьмилеток,
Пропахший потом боевым.
Тебе венок из лучших веток
Плетут Вайгач и теплый Крым.

Мне двадцать пять, крут подбородок
И бровь моздокских ямщиков,
Гнездится красный зимородок
Под карим бархатом усов.

Эти стихи еще вязались интонационно и тематически с его прежними выступлениями с прославлением «красных орлов». Но Клюев шел еще дальше. Он пел от имени пролетария — классическим пушкинским ямбом и пушкинскими же словами.

Друзья, прибой гудит в бокалах
За трудовые хлеб и соль,
Пускай уйдет старуха-боль
В своих дырявых покрывалах...
Друзья, прибой гудит в бокалах!

Наш труд — широкоплечий брат
Украсил пир простой гвоздикой,
Чтоб в нашей радости великой,
Как знамя, рдел октябрьский сад...
Наш труд — широкоплечий брат!

И все это Клюев печатал в «Красной газете» — вместе с «Железом», перепечатанным из «Львиного хлеба». Кажется, ни у одного поэта того времени нет столь взаимоисключающих друг друга публикаций на страницах одной и той же газеты.

После свержения Зиновьева и воцарения в Ленинграде Кирова главным редактором «Красной газеты» и ближайшим соратником нового секретаря стал Петр Иванович Чагин (с Кировым они были в одной «связке» еще в Баку). Чагин рассчитывал стать надежной опорой собиравшегося переехать в Северную Пальмиру на постоянное место жительства Сергея Есенина. И Киров, по его воспоминаниям, собирался взять над Сергеем «шефство», точнее, продолжить его, начавшееся все в том же Баку... Свершившаяся трагедия была для них настоящим ударом. Не успели...

Чагин знал о Клюеве, как о друге и учителе Есенина. Нет ни малейших оснований говорить, что он, убежденный коммунист, хоть в малейшей степени разделял идеи Клюева. Но судьба распорядилась так, что ближайший есенинский друг, тем паче пишущий и печатающий «новые песни», оказался под его покровительством. И Чагин дал Клюеву своеобразный «карт-бланш» — ленинградские газеты, журналы, сборники в эти два года принимали практически все, что выходило из-под клюевского пера. Приобрел такую известность, как полноправный советский поэт, что напечатался даже у Воронского в «Прожекторе». Памятуя о его словах, что ему, редактору, нужны «рыжие», которые ломались бы в его цирке бесплатно, Николай поднес горькую пилюлю, которую Воронский, ничтоже сумняшеся, проглотил. В цикле «Новые песни» вторым шло стихотворение, написанное от имени «кузнеца Вавилы» (одно из любимых клюевских мужских имен). Запев — лучше некуда, все «комсомольцы» и «пролетарии» обзавидуются.

По мозольной блузе
Всяк дознать охоч:
Сын-красавец в вузе,
В комсомоле дочь.

Младший пионером —
Красногубый мак...
Дедам-староверам
Лапти да армяк.

Ленинцам негожи
Посох и брада,
Выбродили дрожжи
Вольного труда.

«В художнике, как в лицемере, таятся тысячи личин…» — напишет он позже. Здесь он поворачивался к своим «работодателям» одной из личин, «закладывая» в текст смысловую и звуковую ассоциацию с рефреном из «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, что отчетливо придавало стихотворению пародийный привкус. Но подлинный смысл приоткрывался в финальной строфе:

И над всем, что мило
Ярому вождю,
Я — кузнец Вавила —
С молотом стою.

…В 1977 году это стихотворение вошло в том стихотворений и поэм Клюева, изданный в Малой серии Библиотеки поэта. То была первая его книга, вышедшая в свет в СССР почти за полвека. Но уже на следующий год, когда готовилось переиздание в издательстве «Советская Россия», редакторы безоговорочно и с каким-то суеверным страхом вышвырнули эту «новую песнь» из сборника. Досмотрелись…

Этой счастливой в творческом отношении жизни Клюеву хватило ненадолго. Ровно до публикации поэмы «Деревня» в журнале «Звезда» и выхода отдельным изданием в «Прибое» «Плача о Сергее Есенине».

Вышла книга

Легостаев В. В., Метальникова Е. В., Салахова Н. В., Фридгельм В. Н.

Чудотворная Калужская. Сост. В. Н. Фридгельм. — Калуга. Изд-во «Фридгельм», — 3-е изд., 2013. — 112 с.: илл.

В сборник научных работ калужских исследователей В. Легостаева, Е. Метальниковой, Н. Салаховой, В. Фридгельм вошли материалы о чудотворной Калужской иконе Божьей Матери, церкви Рождества Пресвятой Богородицы на реке Калужке, церковно-приходской школе в д. Турынина Слобода и др. Материалы исследователей дополнены публикациями из «Калужских епархиальных ведомостей» и «Калужского церковного вестника». Читатель узнает о трагической истории храма, где находилась чудотворная Калужская икона Божьей Матери, и о его возрождении.

ПРОЗА

Иван ЧУРКИН

ВОЙНА

Рассказы

Иван Николаевич Чуркин — родился в 1951 году в старинном дивеевском селе Кременки Горьковской обл. После окончания педагогического института несколько лет работал в районной газете, а затем в школе. СП России присуждает ему звание лауреата премии «Имперская культура», а Государственная Дума РФ, Министерство культуры РФ награждают его почетными грамотами. Член СП России, член Всемирного русского народного собора. Автор многих книг прозы. В 2011 году московская студия звукозаписи выпустила для детей диск с рассказами И. Н. Чуркина «Разговоры у печки». **Живет в Сарове Нижегородской обл.**

ЖАВОРОНКИ

«Только бы не проспать, только бы не проспать», — приказывал я себе и уговаривал себя накануне, а утром расклеивал ресницы только тогда, когда нос щекотал вкусный запах.

— А что, бабунь, уже все готово?

— Дрыхни больше. Чай, не маленький лежебокой жить. Ты что вчера шептал, а что вышло?

— И жаворонки уже испеклись? И крестики готовы?

— Если тебя дожидаться, ни один праздник не настанет. Давай поднимайся, только тебя и ждем.

Верка с полотенцем пристает:

— Если по тебе равняться, весны нам точно не видать.

Она сбрасывает с меня одеяло, и я мчусь к рукомойнику. Бабушка в холодную воду подлила кипяченой, и вот уже руки мои готовы к празднику.

— Ну, начинай.

Жаворонки, жавороночки!
Прилетите к нам,
Принесите нам лето теплое!
Нам зима надоела,
Весь хлеб у нас поела.

Каждый раз перед жаворонками мы учим с бабушкой эту закличку, а за лето-зиму слова забываются. Да не столько забываются, сколько мне лишний разочек хочется услышать бабушкину веснянку. Она редко поет, а мне хочется, чтобы часто. Она поет только по настроению, по особому настроению, вот перед жаворонками всегда.

— Ты чего же так редко поешь? — пристаю я к ней.

— Господь голосом обидел, а перед таким праздником не захочется, да заголосится.

А праздник-то и взаправду нарядный — первый весенний. За окошком еще снега немерено, а все равно он уже не зимний — по краям сугроба, что на солнечной послеобеденной стороне, развешены грибатки. Похожие Верка вяжет крючком из ниток разноцветных и пришивает их к домотканым полотенцам. Загляденье получается.

Вроде бы и нет в них ничего особенного, а все равно от сугробов весной веет. Редкие такие, сосулистые получаются кружева. В руки возьмешь — колючие, холоднющие, но радостные, улыбчивые.

Таким полотенцем на столе поднос прикрыт, а под ним жмутся друг к другу, лезут в горку жаворонки и крестики. Их бабушка стряпает из обыденного теста.

— Это как же из обыденного?

— А обыденкой замешивается, — сеет через сито пшеничную муку бабушка. — Без дрожжей, без молока, на воде. В воду муки добавлю, соли туда, сахара побольше, замесим вот сейчас, и будут у нас жаворонки.

Только один раз я подглядел, как бабушка из пресного теста сначала веревки плетет, а потом каждую веревочку накручивает на большой и указательный пальцы и конец сдобной веревочки пропускает через образовавшееся колечко. Нажмет на бока — крылья получаются. А хвостик из теста вдруг под бабушкиными руками в уютную птичью головку превращается, а еще с клювом, с глазками. Ну, точно жаворонок, хотя вблизи я ни разу не видел этой птички-невелички. Вот как она поет, знаю. Заливисто, без перерыва, откуда-то с небес льется на землю звонкая, радостная песенка, а запрокинешь голову, нашаришь глазами чуть заметную точечку и догадываешься: это и есть жаворонок.

Бабушка мне много раз говорила, что в этот праздник сорок птичек домой с теплых краев возвращаются. Целых сорок, и ни одной не видно, ни одной не слышно, кроме этого звонкого махонького комочка.

— Я сегодня первым не буду брать крестик, вы меня всегда обманываете, и мне всегда попадается крестик с денежкой, — запротивился я в это утро впервые. — Ты вот иди, бабуня.

Вместе с жаворонками бабушка печет еще и крестики, обязательно с секретом — то копеечку вовнутрь спрячет, то нитку, то ржаное зернышко. И уж как все боялись, если вдруг кому попадется крестик с щепочкой. Копеечка — к богатству. Колечко — к замужеству. Нитка — к неурожайному году, а ржаное зернышко — к полному амбару муки. А вот щепочка к смерти.

Каждый раз, как только к столу подходила бабушка, я закрывал глаза и просил: «Господи, только не щепочка. Господи, помоги».

В этот раз я так и стоял с закрытыми глазами, пока не раздался дружный хохот.

— Ну, Верка, опередила я тебя, — смеялась бабушка и доставала из крестика кольцо. — Вот на старостях замуж соберусь, у Поленьки что ли Тараса отбить — не иначе, другой-то ровни мне нет.

А Верке зернышко досталось.

— Не печалься, с хлебом будем, только вот работы побольше, а так ничего.

На подносе все еще грудились жаворонки и крестики, и был среди них самый румяный.

— Эх, вы, а все про меня — разиня, а как же вы этот не заметили, — выбирал я самый крайний и поджаристый крестик. Он аж светился в лучах солнца, что заглядывало в боковое окошко. — Ты гляди-ка, с денежкой.

Копеечку зажал в ладошку и потянулся за жаворонком.

— Нет, ты уж скажи, как у Капровых будешь весну славить.

Я высоко над головой поднял жаворонка и звонко запел:

Мороз, Красный нос,
Вот тебе хлеб и овес,
А теперь убирайся подобру-поздорову.

— Что ни говорите, а как хорошо, что зима проходит. Сегодня даже день с ночью в догонялки играет.

— Кто победит, бабунь?

— Аль не знаешь — конечно же, день. Вон как солнышко сегодня светит, по-мартовскому, аж глаза слепятся.

Я достаю заранее приготовленную палку с острым наконечником, приделываю на него жаворонка, и нога уже за дверью.

— К Капровым?

— К Катеньке! — кубырем с крыльца, и прямо в весну, в солнце.

Жаворонки, прилетите!
Студену зиму прогоните!
Теплу весну принесите!
Зима нам надоела,
Весь хлеб у нас поела!

— несутся ребячьи голоса со всех улиц.

Радостно сегодня, только все равно не так, как на Масленицу. В какой еще другой взрослые с детьми выходили вместе на утоптанную в снегу площадку и играли в лапту? Только на Масленицу.

Столько песен, плясок в другие праздники не бывало, а вот на Масленицу были. Одной моркови из погребов вытаскивалось бессчетное количество ведер — снеговикам на носы: около каждого дома по снежной бабе.

А уж про блины и говорить не стоит.

У нас под крутым косогором стояли крытые соломой конные дворы. Если быть точным — два: в одном находились рабочие лошади, в другом молодняк и матки, готовые вот-вот разродиться.

Среди вторых были три лошади, которых конюх дед Андрей особенно берег и холил, как только мог. Ухаживать за ними бегали ежедневно все деревенские ребятишки: кто стойла чистил, кто сена задавал, кто репы из дома приносил, только обязательно пареной. Почему именно такой, теперь уже и не припомнить.

Каждый из ребят не единожды побывал на конюшенном дворе. Попробуй отлынь, придет время — никто тебя к лошадям не подпустит. А время это было особенное, масленичное.

Дед Андрей в последний день Масленицы не торопился выйти из дома. Пацанье с утра весь косогор облепило, а его все нет и нет.

— Заболел, поди, — пробегал шепот.

— Да, чай, блинов еще не наелся, он на еду алчный, — выкрикивал кто-то и тут же умолкал: а вдруг кто выдаст?

— Да он каждый раз так: вы приходите пораньше, смотрите, не проспите, а сам и не торопится, — итожили другие, и разговоры умолкали.

Все глядели в сторону крайнего дома, откуда из-под старого тополя должна вынырнуть коренастая фигура.

Наконец-то показывался дед Андрей, и гурьба с косогора скатывалась к конюшне. Здесь старик неторопливо разматывал закрученные проволокой двери конного двора, долго сметал с валенок снег — его на них вовсе и не было, выбирал троих самых сильных ребят и пропадал в конюшне.

Зато через полчаса, когда лошади запряжены в расписанные санико-зырки, не соблюдая очередности, визжа и давясь, ребята занимали в них места, дед Андрей уже не делал никаких замечаний. Он просто привязывал вожжи к забору и подставлял самодельную табуретку к одной из лошадей.

Доставал из-за пазухи порванные во многих местах ленты — красные, темно-синие, желтые — и навязывал их на дугу. Потом из карманов широченных штанов вынимал колокольчики, крепил их на дугу и непременно привязывал «глухари». Это тоже колокольчики, только закрытые, больше похожие на новогодние шары.

«Глухари» не пели звонким голосом, они в веселую сумятицу колокольчиков вносили какую-то неприметную грусть, и оттого были любимы как взрослыми, так и детьми.

Поезд готов, пассажиры извертелись, ожидая команды.

Наступает момент, колхозный конюх дед Андрей крестит каждую группу и произносит долгожданную фразу:

— С Богом.

И мы мчались то по одной улице, то по другой. Из каждого двора выбегали люди, что-то кричали нам в след, а мы не слышали. С одной на другую улицу перекликивались гармони.

Кому несказанно везло на Масленицу, так это Рыжиковым. Тетя Тая родила одиннадцать девок — вся деревня над ней потешалась. А как только девки выросли и заколосились, деревня от зависти лопнула: почти каждый год в семье появлялся новый зять. Всего их одиннадцать получилось.

Траву косить в сенокос — без проблем. Дрова в лесу заготавливать — одним мигом. Все на картофельном участке спину гнут, а у Рыжиковых и об эту пору гармонь играет.

Больше всего соседи завидовали масленичным дням у Рыжиковых — каждый день тещины блины получались.

Правду молвить, тетя Тая замешивала тесто в трех ведрах и пекла их до полудня. Зато подавала на стол всегда с топленым маслом и с поклоном: «Кушайте, зятюшки!»

Зятюшки пили брагу, заедали ее блинами, а потом встречали на крылечке по очереди своих кровных родителей. Всего-то ничего получалось: сорок четыре человека. Тут тебе и праздник, и свадьба одновременно.

Наевшись блинов, выходили зятья на улицу — себя порадовать да народ позабавить. А на забаву они были горазды. Иван мог без перерыва целый день играть на гармошке, да так, что и не захочешь, а запляшешь. Антон брал в руки пустое ведро, примащивал его к ноге, в правой руке

оказывался нож, и получалась ударная установка. Юра снимал с сеновала косу, и она звучала неистово звонко в лад гармошке.

Никто в селе не мог играть на пиле, а вот рыжиковский зять Степан мог. Целый оркестр получался, да такой звонкий, веселый, что заводил не только самих Рыжиковых, но и соседей — полдеревни плясало.

Это не значит, что другие зятья были не пригодны для гуляния. Вася, самый младший, ни на каких инструментах не играл, но выходил плясать русского, и все только и наблюдали за его ногами: казалось, что они не достают до земли, а выделывают коленца в воздухе. Игорек был слишком неповоротливый — вот в лесу справиться с медведем мог, и был такой случай. Но он уж всем зрителям угодит: откуда только наберет, но для народа лавок натаскает — сидите удобно!

Так вот после блинного застолья выходили зятья на зимнюю масленичную улицу, а соседи, да не только они, уже готовы к веселью.

Заигрывала гармонь, и лились, нанизываясь рябиновой ягодкой, одна песня за другой, частушка следовала за частушкой, а танец догонял другой танец.

Кто тут под окнами у Рыжиковых главный — не разобрать.

А вот баба Шура на нашей улице, аккурат напротив нашего дома, жила одиноко, а на людей богато. Дети повырастали и разбежались по разным краям. В ее маленький домик набивались по вечерам соседки.

В праздники в Шурином домике было особенно многолюдно. Соседки, почти все преклонного возраста, приносили угощение и садились за стол — не с молодежью же в лапту играть.

Из рук в руки переходила хмельная рюмка, раздавались песни, звучал смех. Возраст возрастом, а праздник праздником — живые люди.

Масленица шла особняком — на селе знали, что последнюю точку в нем поставит именно баба Шура.

Интересную жизнь прожила эта маленькая хрупкая старушка. Хорошего вовсе не видела, но сумела песней, поговоркой, прибауткой скрасить самые горькие страницы своей жизни, да не только своей — всех, кому было плохо и кто приходил на огонек в ее домик.

Вырастала в безденежье, попробовала сталинских застенков, и что удивительно — за песни отсидела несколько месяцев в остроге. Кормилась песней — ходила по деревням и пела, как могла, кусок зарабатывала.

А потом вышла замуж за непутевого мужика, нарожала детей и вырастила их песней. Все дети картинками получились — что внешностью, что характером.

Так вот именно баба Шура, по кем заведенному правилу не знаю, ставила в празднике последнюю точку. Молодые, старые, дети тоже — куда без них — собирались под окнами маленького дома, где веселье закончилось и соседки покинули стол, и вызывали:

— Баб Шур, ну ты чего?

Баба Шура, с утра разнаряженная в веселую одежду, а теперь переодетая в старенькую мелексиновую юбку и такую же фуфайку, выходила из дома, становилась в круг и заводила традиционную:

Сидит кошка на окошке,
Вышивает себе хвост.

Прошла маслена неделя,
Подошел Великий пост.

И по кругу, с поцелуями и поклонами, передавалась одна и та же фраза:

— Прости меня, Христа ради…

А не за горами уж и Пасха.

В пасхальное утро бабушка подводила меня к окошку и произносила:

— Посмотри, как солнышко играет.

Я изо всех сил старался вглядеться в восходящее солнце, но так ни разу и не углядел, как оно играет. Просто было ярко, по-весеннему весело, в доме пахло свежеиспеченным хлебом и пирогами, а под окнами уже толпились товарищи и манили рукой: пора по яйца!

В субботу перед Пасхой дел всем хватало — взрослые возились по дому, наводили порядок, топили баню, пахтали масло, затевали тесто, а нам, малышне, давали поручение: побегать по улицам и подсмотреть, кто за зиму срубы рубил.

Мы выкатывались гурьбой и неслись по всем улицам. Вначале просто договаривались пройтись и посмотреть, где лежат оструганные бревна или где они уже сложены в срубы. Потом решали: как только найдем срубы, повернем домой и расскажем о находке родителям.

Одну улицу проходим — ничего никто не строил. Другую улицу, и тут свежих бревен нет. И только на околице, где плотник строгал на заказ, обнаруживаем огромную, еще никем не тронутую груду сосновых щепок.

Именно с этого момента договор теряет свою значимость, и каждый норовит тихонечко драпануть домой, чтобы первым рассказать о находке и первым с одним из взрослых прийти к дому плотника и выбрать самые большие сосновые щепки.

Первого хитрого толпа сшибала с ног, чтобы неповадно было нарушать договор. Из кучи-малы вырывался другой и несся домой. Его тоже настигали, только доставалось ему крепче, с подзатыльниками. Пока разбирались со вторым, надо было догонять третьего и ему навешивать тумаков. Только доставалось третьему уже больнее. Четвертый рукавом вытирал кровь, а пятый хватался за живот и кричал от боли.

Домой мы приходили неузнаваемыми: с расквашенными носами, иногда с выбитым зубом, но счастливые — нашли же мы сосновые щепки.

Родители ругались, приговаривая, что великий грех накануне Пасхи драться. Но переодевали нас, умывали, прикладывали к синякам и шишкам вынутые из погребов кусочки льда и брали с собой — показывать, где щепки лежат.

Все сходились опять около кучи щепок, откуда зачиналась драка. Выбирали самые крупные обрубки от бревен. К ним прилипали пальцы, смолу пытались оттереть, и стоял такой чудный лесной запах, будто новогоднюю елку наряжали.

А потом приносили щепки домой, и как только накрахмаленные занавески завершали круг уборки в доме, разжигались печки. По дому разливалась душистая сосна, и бабушка начинала готовиться к самому важному предпасхальному действу.

Бабушка доставала кошелку с луком, ставила ее на табурет.

Мы вдвоем перебирали терпкие луковицы, бережно складывая в широкую кастрюлю самые коричневые и самые красные перья.

— Сейчас отберем перышки, промоем их и будем яйца красить.

— А зачем же их красить? — каждый раз переспрашивал старушку, заранее зная, что та ждет от меня именно этого вопроса.

Как только стал себя помнить, бабушка каждую страстную субботу рассказывала мне одну и ту же историю. В ней мне многое было неясно, да, насколько теперь понимаю, и сама она многого не знала и не понимала, но рассказывала с упоением.

Бабушка пододвигала табуретку к кошелке, садилась и, покручивая в руках луковицу, начинала говорить занимательную легенду о красном яичке.

— До того, как Христос вознесся на небо, он велел своим ученикам идти по всему миру и проповедовать людям то, чему он их учил. На горе Елеонской Христос собрал своих учеников и жен-мироносиц и повелел им проповедовать Евангелие.

Пошла проповедовать и Мария Магдалина. Она первая узнала, что Иисус Христос воскрес, когда рано-рано по утру пришла ко гробу Господнему, чтобы омыть душистым маслом его израненное тело. Она нашла камень отваленным, и ангел сказал ей, что Христос воскрес.

Мария Магдалина, как и другие ученики, ходила из страны в страну и всюду рассказывала про Иисуса, про то, как он воскрес из мертвых, и про то, чему он учил людей.

Однажды пришла она в город Рим и там вошла во дворец. Когда-то давно Мария была знатной и богатой, ее во дворце знали и пропустили к императору.

В те времена, приходя к императору, люди всегда приносили ему какой-нибудь подарок. Богатые приносили драгоценности, а бедные приносили, что могли, — хотя бы только одно яичко.

И вот Мария, бывшая когда-то богатой и знатной, пришла теперь, когда у нее ничего не было, кроме веры в Иисуса Христа. Она остановилась перед императором, протянула ему простое яичко и громко сказала:

— Христос воскрес!

Удивился император и сказал:

— Как может кто-нибудь воскреснуть из мертвых! Трудно в это поверить. Так же трудно, как поверить, что вот это белое яичко может стать красным.

И пока он еще говорил, яичко стало меняться цветом: порозовело, потемнело и, наконец, стало ярко-красным.

Мне еще моя бабушка рассказывала, как было подарено первое на земле пасхальное яичко. Меня не будет, ты своим детям об этом расскажи, — подытоживала бабушка, бережно укладывая в широкую кастрюлю яйца и заливая их водой. — А теперь смотри.

Закипает вода, и яйца в ней сначала розовеют, потом темнеют и, наконец, приобретают ярко-красный цвет.

Все точь-в-точь, как только что рассказывала бабушка.

К встрече праздника все готово. Соблазнительный стол накрыт, но садиться за него запрещено всем, мне тем более.

Света в доме нет, только перед иконой теплится лампада.

В весенний вечер открыто окошко, и комната наполняется запахом оттаявшей земли и только что лопнувших смородиновых почек.

Тихо тикают ходики, а время все равно идет медленно.

Взрослые приготовили нарядную одежду и будут долго сидеть в темноте, дожидаясь колокольного звона. Только у нас еще не закрыли церковь, и потому из соседних деревень идут люди на праздничную службу.

Бабушка слишком стара, чтобы пойти в церковь и встретить там праздник. Мы с ней будем дома, она станет молиться, а я под тихий спокойный голос дремать, чтобы незаметно заснуть, а утром, как и год назад, смотреть из окна, как играет солнце.

Но вот удар церковного колокола, все одеваются и отправляются в весеннюю предпасхальную ночь. Уже перед выходом старшая сестра Верка оборачивается и внимательно смотрит на бабушку. Та не произносит ни слова, но я-то знаю, что Верка на службу в церковь опоздает, ее сейчас задержит бабушка. Так оно и есть.

— Ты б не торопилась очень, — строго то ли просит, то ли приказывает бабушка. И сестра остается.

Бабушка выносит кастрюлю, в которой только что красились яйца, берет большую кружку и черпает густо-красную воду.

— Может, не надо? — тянет девка.

— Надо, надо, голубушка, — бабушка непреклонна.

— Надо мной и так все подружки смеются, — начинает канючить взрослая Верка, ей уже восемнадцать.

— От зависти это, — ставит точку в разговоре бабушка и готовит кружку с луковой водой.

Я знаю, что сейчас Верка снимет с головы платок, встанет перед образами на колени, помолится и будет умываться.

Бабушка льет в девичьи ладошки воду и приговаривает: «Катись, катись, водица, с лица, с лица девицы. Вода пасхальная, не наговоренная, Господом данная».

Смешно смотреть, как Веркино лицо становится необычно красным. Ну, клоун настоящий! Да только глаз натыкается на серьезный взгляд бабушки, и рот сам собой закрывается.

Потом бабушка берет в руки банку с родниковой рождественской водой и сама умывает Верку. Краска сходит, и на меня смотрит самая красивая девушка на свете. Ресницы подлинели, на щеках горит румянец, заалели губы, и я тут же представляю, как завтра Верка будет с подругами заходить в избы и петь:

Ты, хозяйнушка,
Ты наш батюшка,
Не вели томить,
Прикажи дарить!
Возьми сито,
Выноси жито,
Да каждому певцу —
По красному яйцу.
А не хочешь дарить,
Ийди с нами ходить —
Грязи месить,
Людей смешить.
Мы тебя славим,
С праздником поздравляем!

Голос у Верки яркий, сочный. Глаза карие, большие, из-под ресниц так и сияют. Сочные губы выдают белизну ровных зубов, а еще больше играют на солнце румянцы. Все не просто смотрят на нее — любуются.

А там Троица, развеселая, суматошная, нарядная. Не успеешь обернуться, как и до августа не далеко. А в августе друг за другом спешат Спасы. Им радовались не столько дети, сколько взрослые.

Начиная с ранней весны, без разгибу трудились люди на колхозных, своих делянках, забывая о выходных, перекладывая внутренние домашние дела на вечернее время. Спать некогда — сев, огороды, сенокосы, жнитво, а тут отдых, с основной работой как бы и справились.

Август дарит один праздник за другим. То медовый Спас у ворот, и в каждом доме, независимо от того, есть свои ульи, нет их, поддевается из чашки теплой пышкой густая, необыкновенно сладкая, с остатками воска медовая вязь; то яблочный, и в каждом доме воздух наполняется ароматным запахом сада.

Праздники, отдых.

— Видишь, пожнички пошли, — говорила мне бабушка и показывала на густые рваные облака, каких летом не увидишь. — Осень рядом.

— Да где же она, осень-то? — таращил я глаза.

— Неужели не видишь? — лукавила старушка. — Смотри, весь народ на завалинках. Такое бывает лишь два раза в году: ранней весной и в Спасы. Спас пришел — осень привел. Не сегодня-завтра заморосит, засеет. С нынешнего дня лето красное быстрее прежнего за бугор катится. Да ты гляди, гляди.

Я глядел и ничего не видел. Лето как лето. Попрохладнее обычного, но тепло. Чего выдумывает?

— Какой ты непонятливый, — махала на меня рукой бабка и из-под полы фартука доставала большое румяное яблоко. — Ешь, мал еще. Подрастешь, все сам увидишь.

— Ешь, ешь, это панковские яблоки, они ужас какие сладкие.

У Шуры Панковой был самый большой дом на деревне. Высокий, обитый ровными досками, выкрашенный в зеленый цвет, он не стоял, а красовался на центральной улице, совсем рядышком с церковью.

Улица эта называлась Поповой. На ней селились все местные священники, от этого и звалась она так. Слева от Шуры стоял приземистый пятистенок Василия Ильинского — маленького росточка попа, к которому все, от мала до велика, относились уважительно. Перед его домом коротенький палисадник, заросший сиренью. А с правой стороны от Шуриных хором дом дьякона: мимо пройдешь, не заметишь, такой он был маленький и серый от времени, что окошки буквально сидели на земле. Панковский дом на фоне этих двух да еще десятка других, таких же неказистых, красовался теремом.

Говорили, что Шуре можно жить — у ней в генералах сын в Москве ходит. Богатая, с деньгами. Хотя одеждой не отличалась от своих сельских соседок: юбка, как правило, черная кофта, сшитая деревенской портнихой, белый платок на голове.

И все равно Шура Панкова отличалась от местных. Она не сидела по вечерам с соседками. Она мало выходила на колхозные работы. Если где и появлялась, то не роняла лишних слов, все больше помалкивала, на вопросы не отвечала.

— Странная эта Панкова — миссис Шура, — услышал я однажды о ней от проезжего. Сколько ни приставал потом к своим, никто мне так и не ответил, что же это такое — миссис. Но при встречах стал осторожно здороваться с Шурой. Ее все так звали, невзирая на возраст, хотя Шуре было в ту пору лет так пятьдесят-шестьдесят, а все Шура да Шура.

И вот однажды она остановила меня и пригласила к себе. Ребята затаили дыхание — чего это тетка со мной затеяла? Стали строить предположения всякие, нагоняя страха, а я не побоялся и утром следующего дня отправился в красивый Шурин дом.

Глухой забор, макушки яблонь, унизанные крупными плодами, рвущий душу собачий лай. Все-таки постучал в калитку, и она широко отворилась.

Шура только и сказала, пропуская меня вперед:

— Хорошо, что пришел, — и повела к самой большой яблоне в саду.

Вот уж яблок так яблок. Ветви на земле под тяжестью, а на макушке листьев не видно. И так на другом, третьем, пятом дереве.

— Помоги мне это добро собрать, одной, ей бог, тяжело, а ты, я смотрю, паренек честный, хулиганов не приведешь за собой, — и составила в ряд ведер штук десять.

Никогда в жизни яблок не собирал. Сорвал одно, второе и бросил в ведро.

— Картошку что ль кидаешь? — строго так вскричала Шура и показала, как надо яблоко сорвать и положить. Одобрительно закивала, когда я повторил ее движения.

— Не сомневалась, что ты сообразительный и аккуратный, только с земли я и сама яблоки достану, а ты становись на лестницу и рви с макушки.

Ноги дрожали — высоты всегда боюсь, но яблоки были сорваны с одного дерева, другого, пятого, и мы не присели, не остановились, только пили холодную колодезную воду.

А когда верхушки деревьев зазеленели листвой, положила Шура в два больших ведра самых крупных и самых сладких, как мне казалось, яблок и спросила:

— Донесешь?

Донесу ли я яблоки? Сказала!

— Это тебе за работу. Завтра яблочный день — вот мать за тебя порадуется.

Я шел по улице героем — яблоки же в руках, да еще целых два ведра. У кого такое богатство? Взрослые радовались: ишь как Шурка за работу расщедрилась, в жизни такого не было.

А утром, девятнадцатого, на крылечке дома мать обнаружила еще два ведра с яблоками — красными и сладкими, как мед. Точно помню — таких я в Шурином саду не собирал.

Как-то так получилось, но в нашем селе не принято было растить сады. Редко в каком огороде стояли яблони, а если они были, то больше дикуши. Шел мужик из леса, увидал чудное дерево, выкопал и приткнул где-нибудь в уголочке на своем огороде. Сколько не жди, кроме кислятины, ничего не дождешься.

По огородам все больше огурцов, капусты, свеклы, моркови да лука. То, что в семье пригодится зимой, а уж о баловстве речи не велось. Яблоню сажать — только землю занимать.

Но праздник, да еще что ни на есть яблочный, встречать нужно. Не просто встречать, а как подобает: с пирогами, с печеными яблоками и свежими, чтобы на всех хватило на целый день.

И они были — пироги, печеные яблоки, свежие тоже. На последние деньги, но покупались. В самой бедной избе в день яблочного Спаса стоял духмяный садовый запах. С ним столько было приключений!

Накануне праздника взрослые, проводив стадо, ни свет ни заря поджидали дурновских девок. Красавицы были, особенно старшая — широкие глаза, румянец во все лицо, тяжелая русая коса.

Они появлялись все равно неожиданно. Неторопливо шли по улице, несли тяжелые кошелки, а в них — большие яблоки, необычно желтого цвета, про вкус и говорить нечего. Ешь — забываешь все на свете. Таких теперь нет, таких теперь уже не попробуешь.

Какого сорта, никто не знал, да и сами девчата вряд ли могли сказать. Их так все и звали у нас — дурновские.

Пока ребятишки по домам спали, родители, накупив дурновских яблок, прятали их по разным углам, чтобы мы, проснувшись, не съели раньше времени. Только завтра, только в яблочный Спас, только непременно чтобы за общим семейным столом шло разговение. До этого все можно есть — огурцы, малину, лук, смородину, но яблоки — ни-ни. Грех.

Взрослые, попрятав яблоки в валенки, в сено, распихивали их по чуланам, заворачивали в разное тряпье и уходили спокойно на работу.

Вот тут-то и начиналась потеха. Со всех домов на улицу выбегали ребятишки с яблоками в руках и, не боясь греха, ели их, показывали другим, хвалились, чьи слаще, а, наевшись, кидались ими друг в друга, будто и не яблоки это вовсе, и не купленные они совсем, а вот только что сорванные в своем саду. И их еще видимо-невидимо.

Нет, покидались на завтра яблоками тоже, да только родители, вернувшись с работ, не могли догадаться, каким образом дети о яблоках узнали. А запах-то, запах! Он на след наведет, а навел — держись запас.

Хитрили, скорее всего, но не бранились родители, не драли за чубы. Что ж, съели, так съели — завтра праздника не будет.

А праздник наступал, и уже не взрослые, а мы собираясь стайками, уходили к Кишкиной, маленькой продолговатой березовой рощице, и поджидали, когда же на Елизарьевской дороге появятся два интересных путника.

Интересны они были тем, что представляли собой необычную картину — бородатый дед и его дочь, уродливая, горбатенькая, несли, когда в мешках, когда в лукошках, яблоки, к нам, на продажу. Дед потом вместе с дочерью напивались, и наши местные бабы подбирали рассыпанные ими же деньги, вырученные от продажи, и засовывали им в карманы.

Теперь каждому из нас предстояло подвести к своим домам елизарьевских садоводов. Они не сопротивлялись, подолгу простаивали под окнами и, скорее по счету, чем по весу, отсыпали яблоки в подставленные фартуки, кепки, сита. А мы только приглядывались и спорили потом, кому яблоки достались лучше — не червивые, красные, крупные, сладкие.

И опять дома наполнялись садовым запахом, шумом, веселым говором, а после службы в церкви то тут, то там разлетались по селу песни. Звучали гармошки, и далеко за полночь спешили одна за другой девичьи частушки то в дивеевскую, то в балыковскую стороны, да и в дурновскую тоже.

Пели люди, и никому не хотелось верить, что назавтра каждого ждет тяжелая работа. Не летняя уже — осенняя. С редкими праздниками, вплоть до Рождества.

А под Рождество рано утром бабушка Маша поднимала меня с постели и отправляла к колодцу за водой.

— Принеси-ка, — говорила она, натягивая на меня рукавички, — хрустальной водицы, нынче день-то какой, особенный, и водицы ты должен принести особой, хрустальной.

Колодец находился в двадцати шагах от дома, а путь получался долгим: за ночь зима столько снега навалит, что протоптанную за сутки тропинку занесет — не найти. Вот он, колодец, а дойти до него трудно, да еще ведра — ни за что не проберешься, если на помощь не придет бабушка Анюта.

Жила Анюта одна. Она раньше всех вставала утром и позднее соседей ложилась спать. Печная труба ее дома постоянно дымила березовым запахом.

Изба бабушки Анюты стояла крайней на улице, и часто загулявшие путники стучались в постоянно светящееся окошко. Знали, что в дом редко кого пустят, но по привычке рука протягивалась к раме и раздавался стук. На него не следовало ответа, и путник, постояв в раздумье, шел дальше.

К ней редко заходили соседи, зато сама Анюта подолгу пропадала то в одном, то в другом доме. От одиночества, скорее всего.

Анюту многие не любили. Не любили, что редко кого хвалила, что редко кому говорила неправду, все больше наоборот. Скажет, как отрежет. На правду обижались, да только Анюте это было ни по чем.

Малышня просто побаивалась ее. А мне она нравилась: красивая какая-то была.

— Горюшко ты мое, — услышал я голос бабушки Анюты, — что же это они тебя за водой в такую рань подняли?

Подхватила мои ведра, подцепила за ворот одежонки и поставила на ноги.

— Все по-сказочному хотят, чтоб водичка рождественская в доме руками ребенка принесена была.

— А давай я сначала тебе водицы принесу, к празднику это ужас как хорошо.

— Ну, пошли.

Колодезный барабан раскрутился, и ведро гулко ударилось о водное зеркало. В четыре руки мы поднимаем его наверх и сливаем воду. Она пенится, парится на морозе и блестит, будто на самом деле хрустальная.

Несем воду в дом к бабушке Анюте: она два ведра и я два ведра. Она идет прямо, ведра покачиваются на коромысле, и ни одна капелька не плещется на снег. А мои ведра ходят ходуном, вода норовит проникнуть в валенки, и от нее они покрываются льдинками. Но я тороплюсь, стараюсь не мешать Анюте — она идет позади и подбадривает:

— Ловчее, что ты как древняя старуха под ведрами качаешься.

Остаюсь на крылечке — Анюта входит в дом. Возвращается с большим ковшом и черпает воду из моего ведра.

— Вечером в церковь отнесу, — говорит она сама с собой, не обращая на меня никакого внимания, — а приду домой, побрызгаю святой водой фотографии ребятишек. Может, жить лучше будут.

Как ни в чем не бывало, снова уходит в дом, а, спохватившись, уже из-за двери говорит мне:

— Чего стоишь, иди, тебя, поди, заждались. Не боись, я тебе дорожку протоптала.

И правда: к дому пролегла дорожка — ровная, прямая, ни ухабинки тебе, не поворота. И вода из ведер не плещется.

Дверь в сени открыта: или меня ждут, или кто-то уже есть в доме из соседей. Бабушка Маша, заслышав мои шаги, открывает дверь и принимает через высокий порог ведра.

— Только за смертью посылать, — стягивает с меня рукавицы и дует на руки. — У тебя, Шура, наверное, все на ногах.

— Нет, спят еще, — произносит баба Шура и протягивает литровую банку. — Налейте-ка и мне. Да не ты, пусть ребенок и нальет.

— Все ты с приметами живешь, — беззлобно смеется моя бабушка.

Не с приметами жила баба Шура — приметливо. Столько песен, поговорок, прибауток, всяких небылиц знала, только диву все давались. Хлеб не могла испечь, а песню сыграть могла как никто.

Не было на нашей улице ни одного ребенка, кто бы ни приходил в дом к бабе Шуре и ни просил рассказать сказку. На ее сказках многие выросли.

— Баб Шур, — прошу я, нагревшись возле печки, — а как раньше встречали Рождество? Ну, ты же знаешь.

— Как сейчас, так и раньше. Разница лишь в том, что сейчас электричество в домах с утра включают, а раньше только свечка перед образами горела. В доме пирогами пахло, да только до них никто не дотрагивался — все говели до звезды.

— До какой звезды?

— До первой вечерней. Все говорили: «Где первая звездочка загорится, там и Вифлеем, там родился Иисус». Ты последи сегодня, как увидишь звездочку, беги ко мне сказывать. Вместе полюбуемся, я тебе и расскажу, как все было.

Знаю я, что она будет рассказывать, да и не за этим зовет меня, а просто сунет незаметно в карман горсть карамелек и будет утверждать потом, что меня ими сам Господь угостил.

— Иди, погуляй, — отправляет меня из дома бабушка Маша, — чего как старик сидишь. Ишь, пригрелся!

В больших старых валенках вылетаю на улицу и задыхаюсь — по всей улице дурманный запах пирогов. Опять бабушка Сима самая первая пироги состряпала.

Пойти к ней, думаю я, и одновременно понимаю, что вряд ли стоит это делать: до вечера же надо говеть, хотя внучка бабушки Симы, старшеклассница, бегает учиться в районный центр, говорила, что все эти бабушкины рассказы — предсутки, нет, не так, пред-рас-судки.

Если предрассудки — значит неправда. Значит, можно сходить раньше времени на пироги.

На крылечке лежит веник. Только у бабушки Симы такой порядок: взошел на крыльцо — обмети валенки. Не тороплюсь, тщательно очищаю сапоги от снега и берусь за дверную ручку.

— Эх, кто ко мне пришел, — поворачивается в мою сторону бабушка Сима и протягивает руки, — ангел первым и прилетел.

Она снимает с меня шапку, ведет к столу и усаживает на табуретку.

— Грех на душу, но на-ко попробуй моего пирожка. — И кладет передо мной пирог. Румяный, с пылу с жару, с хрустящей корочкой.

— Ешь, ешь, только никому не сказывай, что я тебя до праздника попотчевала. Соседки скажут — совсем чумная Сима стала.

Я ем пирог — таких теперь не пекут, а если и стряпают, то они все равно детством не пахнут.

Я ем пирог, а бабушка внимательно смотрит на меня и покачивает головой:

— Нет, не вырастешь ты нормальным, так рахманненьким и будешь.

— Почему это? — спрашиваю я ее, пугаясь каждый раз этого не совсем понятного слова. Нет, смысл его понимаю, это что-то между хилым и слабым.

— Ну как же, не можешь четыре дырочки осилить! — сердится баба Сима.

Четыре дырочки. Баба Сима печет такие пироги, что два раза протыкает верх пирога большим пальцем и мизинцем, естественно оттопырив их. Я же еле-еле осиливал пирог до второй дырочки, и мне всегда казалось, что больше никогда уже есть не захочу.

— Ты как в церковь с бабушкой соберешься, забеги за мной — не ровен час, просплю.

Не проспит баба Сима, никто так истово в Бога не верил, как эта красивая, умная старушка. Если вдруг так случалось, что засыпал я, а родная бабушка не хотела будить, Сима непременно толкнет в бок и произнесет:

— Ильинский уже давно прошел.

Перед полночью разнесется радостный звон церковного колокола. С одного конца, с другого тянутся люди к церкви со всего села. На нашей же улице бабушки собирались вместе, стояли, переговаривались, поджидали, пока все не соберутся.

На небе звезды, и поди угадай, какая из них вифлеемская.

— Все ищешь? — шепчет баба Шура. — Не ищи, они все Боговы. Где они, там и Он. Значит, здесь, рядом.

Мы идем в церковь. Скрипят валенки на снегу, синеют и блестят снежинки, тихо и одновременно громко разносятся голоса моих бабушек. Идем на праздник, идем на рождение Христа.

На паперти стоит наш Василий Ильинский. Маленький, сухонький, весь необыкновенно уютный, как праздник. Всем улыбается и желает счастья.

Входят люди в храм и радуются: празднику, детям, соседкам, старикам и молодым мужикам…

Это все так и будет. Я точно знаю, что будет, а пока — жаворонки.

Катенька Капрова уже стоит на крыльце и кричит:

— Тебе с чем крестик попался?

— С денежкой!

— И мне тоже. Вот же богатеями станем!

Так хотелось в этот светлый и вкусный праздник, когда день перебарывает ночь, а весна побеждает лютую зиму, верить в правдивость Катенькиных слов.

Не случилось: богатства не нажили, а вот дружбу сохранили, чему несказанно рады.

ВОЙНА

За нашими коноплянниками — глубокий овраг с покатыми склонами. Наверное, здесь рос бы березняк, но мужики приохотились в этих травяных ложбинах сенокосничать. Не валки сваливать, не копны ставить, а так, по мелочи, для телят стригли литовками разнотравье. Если осень и сорила березовыми семенами, и они прорастали жиденькими побегами, все равно жильцами не становились — попадали вместе с травой под косы и съедались домашним молодняком.

Зато с весны до осени здесь настоящая скатерть-самобранка. Не успеет еще талая вода навеселиться, как по склону виднеются наши головы. Ребятишки рвут первоцвет и наедаются всласть молочной зелени. Потом вместе с гусиными лапками, худенькими желтоватыми цветочками, лезет щавель, тут уж нам и вовсе раздолье — родители посылают принести нежную зеленоватую кислятину для завтрашних пирогов. А пока рвешь, сколько щавеля этого, молодого, сочного, наешься.

Как только клубника отцветет, мы не раз на бугор сбегаем: каждый для себя местечко примечает, где клубники больше всего цвело, и по всему склону несется:

— Чур, мое! Чур, мое!

Это мы так свое место огораживаем. А как только ягоды клубники с одного бока закраснеются, никого нигде искать не нужно — с утра до вечера мы ползаем по склонам, рвем ягоду и бросаем ее и в рот, и в банки. Только едим больше, чем для дома собираем, ягода сладкая, не горчит, как земляника, и много ее никогда не бывает.

А дальше начинаются маленькие неказистые рощицы. Кишкина и взаправду на кишку смахивает. Тонкая, извилистая, как будто на змейку-медянку похожа, но сноровистая. Мелкие елки по низу разбежались, к небу совершенно не поднимаются, а ширятся, толстеют и тропинку загораживают. Здесь всегда сыро, даже трава, как на лысой голове волосы, редкая. На бугры березки карабкаются, все спины себе поизломают, потому ни одной ровной, все горбатые.

Мы не любили Кишкину, как не любили и Коровью вершину. Деревенским пастухам она нравилась. Посредине этой рощицы был широкий луг, а вход и выход один. Луговина со всех сторон окружена прямыми склонами, туда и загоняли на водопой стадо пастухи. Загонят коров, сами разместятся у прогона, выход и закрыт. Не только поесть можно, но и вздремнуть. Коровы потопчутся-потопчутся, поревут, пожалуются, да и улягутся.

Где уж нам было по сердцу, так это в Камне. Уютная рощица, просторная, куда ни глянь, везде солнышко, хотя ели густые, березняк плотный. Около тропинки, бегущей наверх, большой камень, поросший мхом. Как бывало приятно в жаркий полдень посидеть на нем, влажном и прохладном. А чуть поднимешься по тропе и попадаешь в царство света, радости. Если где и водилось бессчетное множество шмелей, то только тут. Если где и рос дикий лук, так только в Камне. Отсюда, утопая по уши в пушистом снегу, мы накануне Рождества обязательно приносили елку домой. Нам казалось, что от нее шел не только еловый запах, но и еще запах лета — увядшей куриной слепотой, выгоревшей кашицей и перезрелой земляникой.

С рождественской елкой вообще чудеса творились. Крохотные, мы в Камне выбирали самую высоченную елку. Нет бы срубить маленькую, аккуратную, чтобы по силам до деревни донести, так нет, нам нужна была самая густая и высокая. С утра ее подрубали под корень, а приволакивали домой уже по темну.

Взрослые ругали нас весело, выносили пилу и отпиливали макушку. А хоть и маковка, а получалась елка во всю комнату — широкая, нарядная, с шишками.

О том, что с утра во рту маковой росинки не было, никто не вспоминал, все усаживались за бумагу, краску, клей и начиналось чудо. Кто зверушек рисовал, кто их вырезал, кто раскрашивал, и уже поздно-поздно вечером елка становилась нарядной, разноцветной, и начинались хороводы.

Жила в нашей деревне в ту пору бабушка-одиночка. Совсем одна, ни родственников у нее, ни подруг. Как она в нашей деревне появилась и откуда, тоже никто не знал. Откупила крошечный домик под церковной горой, в нем и жила. Мирно жила, тихо и скромно. Много по нашим рощам ходила, грибов приносила видимо-невидимо, и все знали, что душистее соленых валуев, чем у бабки этой, в деревне не было.

Малюсенькая росточком, но веселая. Водилось за ней одно чудачество — она курила. Никто у нас отродясь не видывал, чтобы тетка, да еще и бабушка, курила. Звали ее Пашей, а в деревне все называли Пашей-курилкой. Так вот, каждый раз, как только елка была наряжена, раздавался стук в окно, и все, не сговариваясь, в один голос кричали радостно:

— Паша идет!

И вправду — она. Раскутывала себя от многочисленных платков, сбрасывала с плеч худенькую, протертую до дыр шубейку и раскидывала крестом руки:

— Ну-ка, становись.

И мы становились в хоровод, и начинались песни и пляски: впереди Паша, а мы возле нее. До сих пор помню старую песню, с которой начинался наш детский рождественский вечер:

Как за нашим за двором
Росла трава шелкова,
Зеленая мурава.

Мы в хороводе, друг за другом изображаем, кто дом, кто луг перед домом, кто траву-муравy, а песня продолжалась:

По той траве панья шла;
За паньею пан идет,
Кричит: панья ты моя!
— А я, сударь, не твоя, —
Родимаго батюшки,
Сударыни матушки.

Постарше ребята начинают кавалера изображать, важничать, нижнюю губу до носа дотягивают. Одна рука за спиной, другая за отворот рубахи

засунута, а Паша как раз панью изображает. Кокетничает, руками от женихов отмахивается и звонко, совсем по-девичьи, смеется и поет.

А после каждой песни лезла в карман фартука и доставала оттуда карамельки — нарядные, крепкие, сладкие-пресладкие.

Паша не делала перерыва после хоровода, а останавливалась, поправляла платочек на голове, подходила к божничке и тихо-тихо начинала:

Рождество Твое, Христе Боже наш,
озарило мир светом знания,
ибо чрез него звездам служащие
звездою были научаемы
Тебе поклоняться, Солнцу правды,
и знать Тебя, с высоты Восходящее Светило.
Господи, слава Тебе!

Взрослые подпевали, а мы стояли, завороженные.

Каково было весело в Камне по осени. Все поляны покрывались золотинками, а под ними, чаще всего березовыми листьями, стайками росли, прижимаясь плотно друг к другу, черные грузди. Большие, с шапку вымахают, а к ним такая малышня прижмется, что больше помнешь, чем в лукошко положишь. Зато никогда с пустыми руками домой не придешь. С геройского плеча лукошко в сенях поставишь, рядом сядешь и дожидаешься, пока кто-нибудь из взрослых из комнаты выйдет.

— Батюшки мои, как же ты столько донес, — возрадуется голосок бабушки, — вот уж молодец так молодец! Ну, нечего нам печалиться, всю зиму с грибами будем.

И начнется суматоха. Сначала грибы в большое корыто положат, водой колодезной зальют. Потом промоют и еще раз водой накроют, а потом отправятся в огород за смородиновыми и вишневыми листьями. Как только в кадке черные грузди на место лягут, такой запах по всему дому разольется, что кажется — в окно снова весна постучалась.

Была у нас в Камне и своя тайна. У подножия одного из склонов прижилась лисица. Жила себе тихо, никому не мешала, и ведь что удивительно — на нас никакого внимания не обращала, совсем не боялась. Мы-то ее побаивались, и хотя Сашок Калмыков всегда говорил: «Подумаешь, лиса, глупое создание», но зверь — он хоть и малюсенький, все равно зверь. Поди разгадай, что у него на уме. Да нас не столько лиса занимала, сколько ее детеныш.

Каждую осень у лисицы был только один детеныш, и такой забавный и доверчивый, что на наши голоса выходил из норы, усаживался, как собака, на задние лапы и крутил головой во все стороны. Куда мы пошли, и его взгляд за нами. Куда мы побежали, и он свой сопливый носик в нашу сторону направляет. До тех пор сидит, пока мама-лисица с охоты не вернется. Ткнет детеныша в бок и в нору, и тот за ней.

А еще посредине рощицы высился бугорок с острым верхом. Летом на нем было уютно лежать на солнышке, а зимой не так страшно съезжать на лыжах. Словом, любили мы все, без исключения, эту веселую рощицу.

Только однажды нас напугал Камень. Только-только пристроились на макушке высокого бугорка позагорать, поскидали штаны и рубахи и улеглись уютно на прохладную травку. Только-только начинался наш несклад-

ный разговор вперемешку со смехом и подколками. Только-только Шурган Войнов принес нам березовые ветки, чтобы отгонять комаров, как небо сначала ухнуло гулко, а потом раздался удар такой силы, будто несколько громов сошлись воедино.

Мы прижались к земле, впились в нее, закрыли руками головы.

— Это что такое? — не помню теперь, кто произнес слова.

— Бомбят, — высказал кто-то предположение.

— Война, наверное, опять фашисты, — это уже Сашок Калмыков. — Я только вчера кино в клубе смотрел. Про войну. Там все так начиналось.

— Перебьют нас, а как же дома?

— Дома тоже не лучше. — И в эту минуту над нашими головами пролетел кукурузник.

— Кукурузники на войне не воевали, — прошептал я скорее для себя, но услышали все.

— Много ты знаешь, еще как воевали. Тебе же говорят русским языком: только вчера в клубе видел.

— Прям так и разглядел кукурузника.

— Вот и разглядел, ты что — не веришь? — сжал кулаки Сашок.

Но тут с другой стороны, от леса, послышался снова гул самолета, и еще один кукурузник пролетел над нами, да так низко, что цифры и буквы на боках самолета стали ясно различимы.

— Наши, не фашисты, значит, не война.

— Что же это так бабахнуло? Конечно, война.

— Но самолет-то наш!

— А ты первый видел, он что — наш?

— Тот далеко был и высоко. Неужели по нашей деревне врезали?

Самолеты еще покружили в небе и улетели в сторону леса.

Как же страшно и боязно было подниматься и идти в сторону деревни. А вдруг сейчас придем, а там наших домов нету? А как же родители? Что же стало с бабушкой?

И так мне стало жалко бабуню, что я первым не выдержал и дал реву.

— Чего ты сопли-то развесил? — вскрикнул на меня Сашок Калмыков и завыл, одновременно натягивая на себя штаны и рубаху. — Одевайтесь, домой пошли.

И мы пошли. Сначала медленно, как бы нехотя, а потом припустились со всех ног. Три километра до деревни промчались стрелами и остановились вкопанными.

Бабушка спокойно кормила кур, подсыпая им зерно прямо на лужайку.

— Бабунь, война же!

— Ты посмотри, солнышко-то сегодня какое: не палит, а будто гладит. Все тихо, иди-ка кваску мне принеси.

— Так стреляли же!

— Никто не стрелял, а взрыв какой-то был. Может, гром так ударил.

— Ты что, какой гром, на улице даже махонькой тучки нет.

— Может, где далеко. У нас не видно, а слышно было. Не только ты один, и я перепугалась. Иди, иди, принеси квасу, да сам испей, холодный он, а уж вкуснющий.

Бабку окружили соседки, и все вели разговор о взрыве, а я не успевал бегать к кадке и черпать большим ковшом квас.

Вечером к нам на огонек заглянула Паша-курилка. Оторвала уголок газеты, скрутила козью ножку, достала кисет и насыпала в крученую бумажку табака. Закурила.

— Сегодня в Сарове последний храм взорвали. Вот ведь что делается.

— Господи Боже мой, прости нам прогрешения наши вольные, — перекрестилась бабушка и заплакала.

А Саров от нас в пяти верстах…

НА САТИСЕ-РЕЧКЕ

Кудрявое нынче выдалось утро. Солнышко, выглянув из-за горизонта, присмотрелось к реденькому туману по-над рекой и будто опять в постель собралось, да одумалось.

Леса глухи.

Осока у берегов задремала.

Не слышно пастушьего рожка из-за пригорка.

Колодезный барабан и тот не шелохнется.

Спит деревня, нежится.

Оттолкнулось солнышко от земли и ударило ослепительными лучами по мокрой от росы траве. Встрепенулись птахи, стряхнули росную водицу с крыльев и заголосили. Малиновки первыми, за ними перепелки затревожились: «Проспали, ой, проспали». Издалека долетел першистый голос петуха — видимо, с крайней улицы, с околицы.

— Смотри-ка, как на зорьке клюнуло, дюже хороша нынче рыба будет, — шепчутся в ивняковой заросли ребячьи голоса. И вправду, тихая речка вздрогнула — туман разогнала, засеребрилась боками вылетающей из воды плотвы.

А разливанное море света уже подобралось к деревне.

Захлопали ворота и калитки.

Залепетали ставни.

Зафыркали ленивые спозаранку лошади, а домовитые хозяева уже выезжали на телегах из ворот и, попридержав лошадей, молились на купола церкви. Она стояла на пригорке и будто плыла по небу, сопровождаемая сонмом ярких лучей разогревшегося утреннего солнца.

Счастливы люди, кто живет рядом с храмом. В яркое ранее утро их будят церковные зайчики — с куполов на землю прыгают сотни лучиков и хороводятся у окон, стучатся в стекла и разбегаются по избе. Норовят в самые потаенные места заглянуть и обязательно задержаться, похулиганить на лице спящего. Пора, мол, за дело, хватит нежиться.

Дело сегодня и взаправду общее, народное. С вечера по всей деревне неслись голоса молотков — мужики ладили косы, а ребятня им помогала. К завалинке выкатывался круглый березовый комель, в него загонялся отбойник, хозяин дома укладывал на отбойник лезвие косы, а мальчишки придерживали окосье.

Молотки сначала глухо бежали по лезвию, и чем тоньше оно становилось, тем веселее играли удары. Звонче.

Женщины же с утра выносили на солнышко четвертные стеклянные бутыли и оставляли на целый день их жариться. А как по-другому? На целый день уезжали всей семьей в пойменные луга за десять верст на сенокос.

Кошели с едой и четверти с молоком припрятывали около проточной воды, прикрывали мокрой и прохладной травой съестные припасы, и молоко, как и яйца, огурцы, не прокисали.

Молодые бабенки с девками шарили по бабушкиным сундукам и доставали оттуда старинные приданные. Сарафаны, глинистые разноцветные платки, веселые, расшитые бисером кофты. Старушки глядели на эти сборы и не попрекали своих дочерей и невесток: сенокос в деревне всегда был праздник. И в их юность таким же был, как не порадоваться возвращению молодости. Хоть на один-единственный денечек бабушки становились юными и задорными.

— Вы поосторожнее там. Сарафаны-то нарядны, но в воде они быстро намокнут. Знаете, как на дно тянут, — говорили бабушки, а их никто не слушал. Каждый год так.

В первый же обеденный перерыв побросают мужики и парни косы да прямо в одежде и бросятся в обжигающую холодом воду. Девки рабочие юбки поскидают, бабушкины наряды на себя напялят, подчифурятся и словно цветы расцветут. А тут подоспеет Коля-морячок с гармошкой, и огласится речка Сатис с широкими травяными полянами частушками.

Коля и вправду играл на загляденье. Деревенский, ему бы в городе жить да на сценах выступать. Когда служил на флоте, ему командиры так и говорили, а вот не послушал, вернулся после службы в деревню и получил прозвище — морячок, только взяли люди и добавили в слово не к месту мягкий знак, и получился морьячок.

Взаправду, от этого слова не морем пахло, его у нас в деревне никто никогда не видел, а каким-то душистым сосновым мхом, да еще дробями, что выбивали девки каблуками на Цигорином мосту под гармошку — «чок-чок-чок».

Все дожидались, как в круг выйдет Валька Звонарева да поведет смоляной бровью, да руку в бок, да подбородок приподнимет, да паневу бабушкину распахнет, да и зазвенит колокольцем:

Я на Колину гармошку
Три ромашки положу,
О любви своей горячей
Даже маме не скажу.

По кругу павой пройдет, каждого карим взглядом одарит, плечом гордым поведет, а вокруг нее уже другие девки. Все нарядные, все красивые, все голосистые — одна другой краше.

От песен девичьих даже мужики из воды выходили. Усаживались на берегу и глаз от молодости не отрывали. А парни… Так те только и ловили момент, как песня завершится. Хватали девок в охапку и тащили к реке. Те визжали, отбивались, а сами нет-нет, да и обхватят парней за шею.

Целый год Сатис-речка дожидается сенокосной поры. Ленивая, она все больше раков да щурят кормит-отмывает. Поросла черемухой и черной смородиной, кое-где малинник по самую макушку в воду забрел, а тут крику, песен, гаму. Остановится на минуту, затихнет, а потом закружит омутом, за сарафаны ухватится и ну красоту на дно тащить. Да разве парни позволят с красотой расстаться.

И в этом году Сатис-речка к празднику приготовилась. Не прокосят мужики травы, такие они высокие поднялись. На припеках уже черная смородина поспевать стала, рано, но зато какой вкусный чай у косцов в обед получится. В сырых ложбинках спелая земляника на землю тяжелые головы уложила, вот будет радости матерям: сколько они домой ее ребятишкам принесут. Стаю диких уток с весны приручила, не захотели они от тихой речки улетать.

Только не дождется в этот раз Сатис-речка праздника. Приедут косцы, и девки с парнями тоже, а вот песен не услышит.

Готовились-готовились девки к веселью, никто им слова поперек не сказал, а как только утро в двери постучалось, повскакали, в кошели еду-воду аккуратненько положили и уж было взялись наряды в узлы вязать, здесь мужики и старухи воспротивились.

— Эт с какой же радости тебя так распирает? В обычный день не добудишься, а здесь всю ночь проворочалась, глаз, поди, не сомкнула, — выговаривала бабушка Верке, младшей своей дочери, моей молодой и красивой тетке.

— Так на сенокос же едем, как всегда и собираюсь, — отвечала та в изумлении, складывая старинный сарафан.

Какая же бы Верка была красивая в нем. По подолу трубы узкие — складки мелкие-мелкие, как меха на морьячковой гармошке. А еще лента золоченая, блестит-переливается. Вот бы все рты поразевали, когда бы в таком наряде вышла она в круг.

— Нынче не получится, как всегда, — бабушка уже руки протянула, чтобы сарафан отобрать.

Верка его к груди прижала:

— Мамань, тебя что — муха укусила?

— Мала еще перечить. Сказала: не будет нынче веселья, не два раза мне повторять. Вон посмотри в окошко, и подружка твоя без наряда идет.

Глянь-ка, Валька Звонарева тоже только с граблями да кошелем в нашу сторону направляется.

— Ты иль не помнишь, что третьего дня было. Не до праздников. Бога побойся, детище мое родное, — отвернулась от Верки бабушка и пошла в чулан наряд свой праздничный в сундук прятать.

Так вот о чем бабуня-то…

Три дня назад приехала в деревню казенная машина, не наша, не колхозная. Не останавливаясь, направилась прямо к церкви. У ограды остановилась, и из машины вышли красивые люди — в городских костюмах мужики и ярких платьях женщины. С папками, портфелями, в очках.

— Это ваш церковный совет? — обратилась одна из дамочек к нашим деревенским. Те закивали.

— Ну, что ж, пойдемте в церковь.

— Как же мы без батюшки, подождать бы его надобно, негоже так.

— Гоже-негоже, — усмехнулась нарядная дамочка, — староста здесь, а попа нам и не надо, без него управимся, — и направились все к высоким ступенькам.

Широкая каменная лестница, ведущая в храм, всегда была выкрашена в белый цвет. Дождь ли, снег ли, а ступеньки всегда чистые, будто по ним никто сроду и не хаживал, хотя в нашу деревенскую церковь шел народ со

всех сторон. Только у нас церковь оставалась действующей, а по округе все храмы разбиты, изуродованы.

Открыли двери и шагнули через порог.

— С чего же начнем? — сказал в очках главный из приезжих.

— Я как музейная работница, — проговорила строгая дама, — предложила бы начать с описи икон. Вон хотя бы с той.

Она как-то нервно указала на икону Серафима Саровского.

— А детей надо отсюда убрать, — и ткнула меня своим длинным пальцем.

— Ну, ну, не хозяйничай, — вскрикнула бабушка. — Наши деды на свои гроши церковь ставили. Золотаря из Владимира приглашали, видишь, как он наш храм изукрасил. Дети наши тут повырастали, а она тыкать взялась. Приехали поганить, так поганьте, последнее у человека отобрать хотите.

— Ты, старуха, тут не шуми, — это тот, что в очках. — И так вы со своим пристанищем задержались. Ни в одной, самой большой деревне, ничего не осталось, а у вас все попы служат.

— Служат в конторах, а тут молитву вершат, и за вас тоже, — подал голос староста.

— Шуметь нечего, — это уже та, что пальцем мне в бок ткнула. — Опись произведем, все ценное погрузим и в область отправим. Остальное сжечь придется.

Мы с бабушкой вышли из храма. Первый раз в жизни увидел я на ее лице злую морщинку. Складка залегла на переносице и целый день потом там так и держалась.

Я выглянул в окошко. С Выползовой улицы и с Ефремова конца подъезжали на нашу улицу подводы. В телегах лежали косы, грабли, кошели да сумки с едой. Мужики и бабы, девки и парни в обычной одежде подтягивались к телегам. Даже Коля-морьячок был сегодня без гармошки. Обычно она непременно висела у него через плечо.

А как только собрались все вместе, направились вниз с Андреевой горы, потом по Цигорину мосту и напрямую по полевой дороге в Раменье, а там часа через два как раз и будут в сатисских лугах.

— Ты чего же опять проспал, — зашушукал на меня Сашок Калмыков. — Вчера же договаривались до зорьки на рыбалку.

— Да бабуня у нас ругалась, у Верки наряды из рук вырвала.

— У нас еще с вечера все сарафаны обратно в сундук запрятали. Ты смотри, сколько я пескарей поймал. Вечером отец с Мишутой приедут с сенокоса, а у нас уха. А ты все спишь.

— Да говорю же тебе, не спал я.

Пока разматывал леску на ивовом пруте, Сашок еще рыбешку выхватил.

— Счас и я поймаю, — забросил я крючок в воду. — Сашок, ты смотри-ка, это что там плывет?

В метрах двадцати от нас по воде плыло пятно. Блестящее на солнце, оно то пузырилось, то в середине уходило под воду, а потом снова надувалось.

— Так это же риза из церкви.

И пока мы подцепляли ризу священника удилищами, совсем у берега из воды высунулась большая книга. Мокрая, коричневая, раскрытая.

Сашок доставал ризу, а я зацепился за книгу. Тяжелая, большая, но на берег я ее вытащил.

— Смотри-ка, это же в ней наш батюшка Пасху служил. Я видел, да еще сколько раз, — держал в руках Сашок церковное одеяние. — А ты там чего нашел?

— Книгу, да какую большую.

Мы развернули намокшую книгу. Чернильные буковки в ней расплакались и расползались кляксами.

— Не печатная, от руки написана. Только я чего-то не разберу, все больше тут твердых знаков, — водил Сашок пальцем по плаксивым буквам. — Ну-ка ты смотри.

— Ты смотри, ты меня на год старше, а прочитать ничего не можешь.

— Я вот тебе сейчас как врежу по старшинству… Тут фамилии какие-то. Мо-ро-зов, Мо-ро-зо-ва, — по слогам стал читать Сашок. — Глупость какая-то. А с ризой мы что делать будем? Церковь закрыли, не домой же понесем.

Мы еще долго стояли и думали, что же нам делать с находками, и ничего не придумали, как снова все отдать реке. Так и сделали. Риза отплыла и стала снова надувать серединку, а книга никак не хотела отплывать от берега. Вода ее несколько раз прибивала к ивняку, а мы удилищами старались ее оттолкнуть подальше от берега. Оттолкнули, поплыла, то скрываясь под воду, то выныривая на поверхность.

К обеду и я принес домой рыбешки.

— Вот уж молодец так молодец, — хвалила меня бабушка и ставила на стол яишню, а к ней в придачу большой пирог с луком. — Садись, заботушка.

— Ты знаешь, бабунь, мы сегодня с Сашком на речке чудеса видели.

— Да что ты говоришь? — подсела ко мне бабушка.

— Вот ты всегда мне не веришь, а я всегда тебе правду говорю.

— Откуда ты взял, что я тебе не верю. Всегда верила. Только мне интересно, какие же это вы чудеса со своим Сашком видели.

— Мы с ним только удочки закинули, а по речке риза церковная плывет. Мы ее достали, подержали, подержали и опять в воду бросили. А я потом из воды книгу большущую достал. Во-о-от такую, — развел я руки в стороны.

— Так книжка эта где?

— Там какие-то имена были. Все чернила в разные стороны расползлись, намокла она больно. Мы ее тоже в воду бросили.

— Зачем же вы так? Это же тоже церковная. В ней знаешь про скольких людей прописано, и про нас тоже.

— И про нас? И что — и про меня?

— И про тебя. В каком году мы тебя крестили, в каком месяце, в какое число, — бабушка встала с табуретки и обняла меня, прижалась своей теплой и ласковой щекой к моей щеке. — Это, сынок, жизнь нашу лихие люди в реке утопили.

КРЕСТИК

Мне сызмальства по душе запах полыни.

Идешь по лугу, обязательно нагнешься и сорвешь на ходу макушку бледно-серебристой травы. Разотрешь ее в ладони и не надышишься этим необыкновенным запахом.

В ней смешались запахи всех трав, ее окружавших. И что удивительно: она для роста выбирает не буйство красок, не себе ровню по высоте, а обязательно красуется там, где трава поменьше и солнца побольше. Чаще всего у тропинок — пусть человек видит, проходя мимо, что на земле не только счастливые колокольчики и ромашки, а есть и еще обиженный цветок.

Не знаю, как другим, а мне всегда видится, что полынь пахнет слезами. Отчаянностью. Потерей. А еще стойкостью, силой, выносливостью. Крепкая трава, по-другому не скажешь.

У нас за деревней росло полыни видимо-невидимо. Пустынное место на подходе к родниковой речке сплошь было изрезано мелкими тропинками. Бабы несли на коромыслах белье полоскать. Мужики лыко мочили, а потом здесь же, среди песен ключей, плели лапти, кошели. Лапти к зиме, а кошели к сенокосной, да и к другой крестьянской работе — в них удобно еду носить.

В полдень к звонкой речушке дед Иван по прозвищу Бусек подгонял стадо, и коровы сначала пили холоднющую воду, а потом укладывали сытые бока на лугу и дремали.

К этому времени поспевали и мы — босоногие, крикливые. Скатимся с пологих оврагов со всех деревенских улиц и без промедления, голышом в воду. Через несколько минут выскакиваем на берег и, не разжимая губ, начинаем друг другу показывать, как замерзли в воде.

— Застынете, — кричали нам тетки.

— Ноги сведет, потопнете, — шумели мужики.

И только дед Иван Бусек улыбался:

— Шалите, ничего с вами не станется.

Не шалил в это лето только я один. Прибегал вместе со всеми к речке, на ходу стаскивал с себя штаны, бросал их на бегу на землю, а рубашку снять стеснялся. Под рубашкой на груди у меня, у одного-единственного, был крестик.

До этого лета крестики были у каждого, а как в школу пошли, как Анна Яковлевна строго-настрого приказала «Бога нет», так все крестики и поснимали. Я не снял.

Мне было жалко расставаться с ним. То ли попривык. То ли хотелось испытать справедливость бабушкиных слов: «С крестом ты всегда человеком будешь».

Мне хотелось быть человеком. И я прятал крестик, как мог. На все пуговки застегивал рубашку, под самое горлышко. Хотя воротник сдавливал шею — терпел.

Так вот устроена деревенская жизнь — каждый в ней житель, как на ладони. Не был исключением и я. Откуда просочилась моя тайна, никто никогда не узнает, только все мои друзья не столько поддразнивали меня, сколько пугали.

— Слушай, — шепотом на ухо предупреждал меня Сашок Калмыков, — если крестика не снимешь, тебя ведь из школы выгонят.

— Это за что же? — переспрашивал я его.

— Как за что? За крестик! Тебе же сказали, что Бога нет, а ты не веришь.

— Не верю. Почему же все в церковь ходят, и их за это никто не наказывает.

— Какой ты глупый. Они же большие.

— А маленьких, значит, можно?

— Да еще как! Нам вот книжку читали, там девочку распяли, она верующая была. А ты умоленный что ли такой, что со своим крестиком расстаться не можешь. Помяни мое слово, тебе еще за это ой как здорово попадет.

Другие же ребята, побойчее, просто кричали мне:

— Смотрите, у нас поп растет! Поп — толоконный лоб! Все в школе про тебя расскажем.

Был ли я верующим, в то время я этого не знал, скорее всего, не понимал, что это такое — быть верующим. Но мне всегда нравилось приходить в церковь и слушать, как звучит голос священника. Спокойно звучит, успокаивающе. А еще больше любил слушать хор. Он состоял из сельских певуний, а мужские голоса в него привносили старики — люди из степенных семей и уважаемые на деревне.

Больше всего мне нравилось поправлять свечи на каноне, у распятия. Там всегда было трогательно и серьезно. С низкими поклонами подходили к этому жертвенному месту люди. Скорбно ставили свечи, и они сначала весело потрескивали, отражаясь в приглушенном блеске икон, а потом наклонялись и слезливо плавились, наполняя чашечки подсвечников воском.

Скорее всего, милый сельский священник Василий Ильинский и заприметил меня именно там, а еще и потому, что каждую праздничную службу я подходил к нему причащаться. Он только ласково улыбался и кротко, тихо произносил: «С Богом, на пользу тебе, сынок». А однажды взял, да и определил мне место в храме — именно у канона:

— Уж больно ты душевно свечи поправляешь. Стой здесь, помогай вот бабе Поле, а после службы мы здесь с тобой помолимся.

И мы молились. Батюшка читал имена в поминаньицах. Женщины раздавали после службы кутью, и я был рад услужить священнику. А вот верующий я или не верующий, не знал этого.

А река-то зовет. Шумом. Плеском. Прохладой.

А раздеться-то не могу.

Тут еще Сашок кричит:

— Чего стоишь, давай прям в рубашке!

И уж решился совсем: в рубашке так в рубашке.

— А ты крестик-то сними да вот здесь на кустик полыни и повесь. Я посторожу, — обернулся ко мне пастух.

— Можно?

— Чего же нельзя. Мне все равно за коровами смотреть и за твоей одежонкой пригляну.

Я расстегнул ворот рубашки и через голову снял ее. Свернул аккуратно, нашел высокий куст полыни и положил рубашку около.

Снял крестик и долго искал местечко, куда бы его в полыни запрятать. Нашел. Спрятал.

— Ты уж, дедушка, не обмани.

— Да ты что, глупенький. Соколом присмотрю.

Ноги сами понесли к воде — сами и остановились. Я вернулся к кустику полыни, еще раз поправил спрятанный крестик.

Сколько помнил себя, столько он со мной и был. Распятие с одной стороны, слова с другой потускнели, поистерлись. Сколько раз менялась

суровая нитка! А все равно шел от крестика домашний теплый свет. И когда он на шее, всегда казалось, будто мама тебя обнимает.

— Дедушка, ты уж…

— Гляди на него. Вот Фома-то…

— Чего же я раньше до этого не додумал, — шептали мои уста, а ноги неслись к реке. Один кувырок, второй и прямо на руках влетел в воду. Она, настоящая, ледяная, обвила все тело, исколола холодной сосулькой лицо и обняла, просторно, широко и приветливо.

Пошли нырки, за ними догонялки.

Выскочишь на берег, скукожишься от солнца и понимаешь: в воде теплее. И снова в речку!

Не заметили, как бабы белье унесли, мужики лыко пособирали. Не видно стада… Стада не видно! А как же дед Бусек? Он же обещал покараулить.

Одежонка как лежала, так и лежит возле полыни. Штаны. Рубашка. Ага, вот сюда я крестик повесил. Только чуть-чуть согреюсь и возьму. Нет его!

Так я же его перепрятал. Вот сюда, вот здесь. Да где же он?

Может, кто ногой задел, и он упал в другое место. В траве нет. Нет его и возле другого полынного куста, и у третьего нет, и у четвертого.

Сколько кустов полыни я обшарил, сказать трудно, но крестика так и не нашел.

Горьким и заплаканным воротился домой. Как мог, так и рассказал о случившемся.

Всю ночь мне снились приятели. Кто поддразнивал: «Разиня, эт же надо — крест потерял». Кто смеялся: «Так тебе и надо, поп — толоконный лоб». Кто совсем грозился: «Все в школе расскажем. Вот уж попадет тебе».

А утром, только-только открыл глаза, я увидел напротив на столе свой потерянный крестик. Он висел на корявой веточке полыни, а сама веточка стояла в стакане с водой.

— Бабунь, это откуда же мой крестик?

— Да Ваня Бусек сегодня ранехонько заходил. Вчера, говорит, устал, не дошел до нашего дома. Вот крестик твой принес. Ты, говорит, уж не больно ругай своего-то… Принес. Он, наш Ваня, с детства был обязательным. Приподними-ка голову, я тебе крестик на шею одену.

Ладошка сама собой прикрыла на груди крестик, и я крепко заснул. Снилась мне залитая солнцем лесная поляна, вся изукрашенная цветами.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Почтовый адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, дом 13.
Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 246 58 44 rodnaya.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49-36459-62344 +49-151-40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская)*

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
http://rodnayaladoga.ru
http://роднаяладога.рф

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяны Макаровой*

Подписано в печать 28.03.2014 г. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1403142.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.